

**Г.П.Колупаев, В.М.Клюжев,
Н.Д.Лакосина, Г.П.Журавлев**

ЭКСПЕДИЦИЯ В ГЕНИАЛЬНОСТЬ

**Москва
"Цифровичок"
2013**

**Г.П.Колупаев, В.М.Клюжев,
Н.Д.Лакосина, Г.П.Журавлев**

**Экспедиция
В
ГЕНИАЛЬНОСТЬ**

**Москва
“Цифровичок”
2013**

УДК 008
ББК 88.45
Л 19

Рецензенты

Доцент А.А.Шмилович

Доцент А.В.Павличенко

Г.П.Колупаев, В.М.Клюжев, Н.Д.Лакосина, Г.П.Журавлев «Экспедиция в гениальность». – М.: Изд-во Цифровичок, 2013. – 396 с.

ISBN 978-5-91587-074-0

Авторы анализируют психобиологическую природу гениальной и одаренной личности, знакомят читателя с уникальными патографическими описаниями жизни и творчества великих людей, выявляют зависимость формирования гениальности от различных психопатологических состояний, а также влияние этих состояний на динамику гениальности и одаренности. Несомненный интерес представляет изучение наследственности гениальных личностей.

УДК 008
ББК 88.45
Л 19

ISBN 978-5-91587-074-0

© Н.Д.Лакосина, 2013

СОЛНЦЕ РАЗУМА

Гений — Солнце Разума. Лучи творческого озарения воспламеняют воображение, наполняют энергией мысль и действие, преодолевают торможение и застой.

Дело гения оживляет пространство и время, преобразует и совершенствует бытие. И чудесное становится одухотворенной реальностью: вспыхивает переливами радуги бесцветный кристалл, прекрасная мелодия чарует душу, заветное слово проникает в самое сердце.

Сила гения изгоняет мрак, дарит миру добро и свет, изумляет нас.

Равномерность и прямолинейность, замкнутая циркуляция, неуправляемая хаотичность, сферический полог, энтропическая безнадежность, лабиринты и тупики так и не стали ловушками для гения.

Воля гения раздвигает горизонты, заставляет стыдиться за инертность мышления, его вязкость, бессилие и просто лень в паутине обыденности.

Живое творчество гения не связывают никакие обстоятельства и условия, оно, как полноводная река, питает смыслом грандиозную работу созидания в природе.

Деяния гения невольно повергают многих в сомнения о самом источнике гениальности — человеке, ибо зачастую невозможно сопоставить грандиозный результат и личность творца. Поэтому в рассуждениях о гениальных людях никогда не рассматриваются всерьез их физические или физиологические характеристики и параметры, например, такие, как рост, масса тела, артериальное давление и т.д. В памяти со временем остаются только фантастические титаны, символы наилучших добродетелей. Можно наверняка сказать, что никогда не опровергалась идея о полезности гениальной личности в любой технологии совершенствования человеческой разумности. Даже несмотря на то, что каждый индивидуум считает себя неповторимым, все сходятся во мнении об общепризнанности особой ценности гения.

Можно вспомнить, к примеру, известное изречение Леонардо да Винчи в его работе «Об истинной и ложной науке»: «Истинные науки — те, которые опыт заставил пройти сквозь ощущения и наложил молчание на языки спорящих». По аналогии следует, что о величии истинных гениев также не спорят.

И это действительно так. Гениями восхищаются, их своеобразие принимают к сведению, им подражают, а более мудрые руководствуются постулатами их мировоззрения. Авторитет гения, в конце концов, не отвергают, зная, что иначе попадешь впросак.

Явление гения признают не просто отдельные лица, его воспринимают целые классы, общества, народы как достояние национального, континентального или мирового значения. Причем приобщаются к откровениям гения с одинаковым упоительным восторгом женщины и мужчины, юные и пожилые, холерики и флегматики, верующие и атеисты, люди самых разных национальностей, социальных групп и слоев общества.

Известно, что гениальность не ограничена каким-то формальным цензом (возрастным, образовательным, социальным). Сколько великих людей не достигли патриаршего возраста, не получили высшего образования, не смогли преодолеть черты бедности.

В расцвете сил ушли из жизни Пушкин, Лермонтов, Есенин, Маяковский, Моцарт. Но творческая зрелость их произведений так впечатляет, что поневоле кажется, будто каждый из них прожил не одну жизнь.

Перед нами предстают коллекции характеров, жизненные коллизии, анализ ситуаций, системный обзор и оценка событий, оригинальные суждения и размышления героев в неповторимой авторской интерпретации — все то, что навсегда оставляет в образных и абстрактных воплощениях своеобразный эпохальный стиль.

Проникаясь гениальной идеей, мы переживаем момент истины — удивительное мгновение единения пространства и времени, позволяющее ощутить сокровенную суть явления.

Сергей Есенин, размышляя о русской культуре, пришел к глубокому убеждению, что жемчужины народного творчества: мудрые сказки, эпические былины, раздольные песни, крылатые слова — не плоды коллективных усилий, а произведения, созданные конкретными талантливыми людьми, которые всегда были, есть и будут в нашем Отечестве.

Энергичная деятельность гениальных и одаренных личностей целесообразно трансформируется в такие приоритетные достояния нации, как народная мудрость, пассионарность (пламенность), жизнестойкость, способность к генерации и воплощению передовых идеологий.

Творческие заряды гениев активизируют целенаправленность не только отдельных лиц, но целых социальных групп и слоев общества.

Подвижничество в деле реализации гениальных истин всегда имело широкий диапазон. Энтузиасты, восторженные поклонники, фанатики с невиданным упорством несли великие идеи в жизнь, убеждали, утверждали, насаждали их силой или сами непомерно страдали за них. Бесконечные мученики всходили на костры и озаренные гудящим пламенем изрекали с последним вздохом яркое слово. И оно не пропадало в темной, объятай ужасом толпе, а прорастало новым чувством в трепетном сердце, западало в глубину души избранных, становилось со временем умной и передовой мыслью, переплавлялось в прогрессивное действие.

История хранит имена многих подвижников. На самом деле им нет числа. Но среди тех, кто ныне известны, мы видим людей простого происхождения и знатных, очень умных и с болезненной психикой (например, блаженные юродивые на Руси).

С негибимым упорством, беспредельным терпением, величайшим напряжением осуществлялись их содружественные усилия и взаимопомощь, которые, к счастью, в основном приводили к успеху, несмотря на все превратности судьбы. Новое могло некоторое время сдерживаться, но движение вперед продолжалось всегда.

Сегодня в роли проводника гениальных идей выступает интеллигенция. Она возбуждает общественное сознание, профессионально оценивает качество творчества, ищет новые подходы и методы решения актуальных проблем, дает аналитические прогнозы.

Представители творческой, научной, технической интеллигенции формируют и обеспечивают плотность информационных потоков, организуют резервирование и накопление данных в бесчисленных банках памяти, декларируют сенсационные выводы.

Новая мысль утверждается в ученых умах после неизбежных этапов просвещенных сомнений и критики. Все чаще гениальные идеи пробивают себе дорогу на стыках традиционных знаний, обретая шлейф новых научных дисциплин. Содержащиеся в них поразительные открытия, которые зачастую коренным образом меняют традиционные представления о фундаментальных процессах материальных и духовных явлений, пробуждают сегодня все больший интерес к самой гениальной личности.

Таким образом, интеллигенция, развивая на качественно новом уровне современное подвижничество, все чаще берет на себя инициативу исследования феномена гениальности.

Если проанализировать сложившуюся ситуацию в деле решения проблемы, то можно констатировать проявление некоторых своеобразных тенденций. Во-первых, отчетливо продолжается нарастание объема различного рода справочных и биографических сведений.

Традиции в области составления жизнеописаний великих людей, идущие от Плутарха, поддерживают и развивают многочисленные его последователи. Собрано огромное количество материалов мемуарного, беллетристического, документального жанра. Поэтому мы зачастую больше знаем о распорядке дня, привычках, словесных упражнениях, бытовых подробностях, касающихся гениальных личностей, чем о своих ближайших родственниках.

Во-вторых, особенно в последнее время, наблюдается всплеск так называемой «обратной волны» такого же рода литературы. Это — труды, авторы которых пересматривают с противоположной точки зрения устоявшиеся представления о деятельности гениев. Сама по себе переоценка ценностей вполне допустима и естественна. Каждое поколение создает свои стандарты, невозможно навсегда установить одну меру. Однако в подобном деле не следует забывать о деликатности. В противном случае при излишней прыти и рвении мы зачастую видим, как хорошее поначалу мероприятие приобретает характер такого деяния, которое в старину называлось «гробокопательством». Даже церковь не признавала добродетелью умысел и творение, нарушающие преемственность. К сожалению, сегодня интеллигентный авторитет, отмеченный всеми доступными степенями современного образования и проклинаящий прошлое, настоящее или будущее, — не такая уж редкость.

В-третьих, приобретает устойчивость тенденция вносить в характер исследований научную объективность. Хотя такой подход нельзя назвать новым, но отдельные робкие попытки авторов прошлого так и не сложились в связную систему. Примером тому являются неоконченные споры о методах френологии или классификациях Чезаре Ломброзо (итальянский психиатр, родоначальник антропологического направления в криминологии).

К настоящему времени мы располагаем материалами по физиогномике личности, в которых так или иначе представлены характеристики гениальных и одаренных людей. Так, в интересной работе знаменитого отечественного психиатра И.А.Сикорского (глава «Физиогномика» в его труде «Всеобщая психология», вышедшем несколькими изданиями в конце прошлого и начале нашего века) использовано оригинальное сравнение клинических наблюдений характерологических проявлений с отображением таковых в творчестве

известных художников. Размышления автора наглядно иллюстрируются замечательными произведениями мастеров кисти.

Довольно значимую ценность имеет своеобразная коллекция характеров, представленная в книге академика Г.П.Колупаева и Г.П.Журавлева «Физиогномика. Любопытные истины».

Авторы проанализировали богатый опыт, накопленный почти всеми существовавшими физиогномическими школами, даже нетрадиционными, показали устойчивые типы личности, сформировавшиеся в условиях естественного влияния земных и космических факторов.

Кроме того, впечатляют собственные наблюдения авторов, посвящающие нас в механизм «конструирования» ценности отдельной личности, ее индивидуального или коллективного признания на основе учета физических, психологических, эмотивных признаков.

Важным в сегодняшних представлениях о перспективах динамики гениальности следует считать вывод авторов о направленности эмоционального фактора. Причем акцентируется внимание на роли не только нормальных, но и патологических эмоций.

Таким образом, становится очевидным, что объективный метод, даже если он изначально носит характер описания (например, архаические материалы по физиогномике), в арсенале опытного исследователя всегда может найти полезное применение на пути к установлению научной истины.

Вот почему авторы данной книги, приглашая читателя к совместным размышлениям о гениальности и одаренности, приводят в качестве аргументов результаты объективных исследований, которыми располагает медицина.

Есть много точных медицинских показателей для правильной оценки жизнедеятельности человеческого организма. Но так как предметом внимания в данном случае является мышление, то нам кажется более уместным воспользоваться материалами наблюдений из области психиатрии.

Авторы предлагают принять во внимание, что качество мышления гениальной и одаренной личности по вполне понятным причинам в специальной оценке не нуждается. Высокий уровень мыслительных процессов у великих людей никаких сомнений не вызывает. Интерес представляют условия, дающие возможность проявиться гениальности и одаренности, — генетическая основа, поддержание баланса физиологического и психического равновесия, влияние патологических факторов, инерционные, продуктивные и деструктивные моменты в поле сознания и эмоциональной сфере, социальные условия.

В свое время был предложен термин «эвропатология» («эвро-» от греч. «Эврика!» — «Я нашел!») — т.е. творческий процесс; «патология» — болезненное расстройство) гениальной и одаренной личности, так как творческая продуктивность гения не укладывалась в рамки представлений о нормальной психической деятельности.

Нам кажется, что такой подход был не совсем верным.

Сегодня никто не возьмется всерьез утверждать, что гениальность — это разновидность болезни. Наоборот, все большее понимание получают мнения о качественно иной природе «нормы» гения, «нормы», которую толерантно дополняют элементы патологии. И выраженность в характере гениальной личности генетических, физиологических, психологических аномалий в самых причудливых комбинациях уже признается своего рода обязательным условием, без которого поток сознания не может преодолеть барьер обыденности.

Эффект гения во многом еще остается загадкой природы, которая в отличие от алхимиков все же одаряет нас настоящими драгоценностями, рожденными буквально из саж. Поэтому авторы, естественно, не могут представить в книге исчерпывающих сведений по данной проблеме. Но все-таки уже накоплен некоторый опыт исследования генетических линий, есть интересные патографические описания, сравнительные характеристики гениальных и одаренных личностей, сделаны предварительные выводы, ведутся опытные разработки на современном научном уровне.

Об этом и узнает читатель.

Гениальная личность — источник и пример творческого энтузиазма.

И эта энергия жизни всегда будет вдохновлять, и помогать пытливым исследователям в поиске истин, раскрывающих феномен самого гения.

О ПРИРОДЕ ГЕНИАЛЬНОЙ И ОДАРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

В природе нет ничего случайного. Эта известная истина становится даже научным правилом для любого исследователя, когда ему посчастливится собрать объемный материал для размышлений и выводов. И хотя характер наблюдений может быть самым различным, вплоть до изучения биогенеза гениальности, исключений из правила не будет.

О том, что великие и замечательные люди имеют в своей генеалогии аномалии, связанные с патологией психики у матери, отца или других близких родственников, было замечено давно. Не только психиатрам данное обстоятельство всегда резко бросалось в глаза. Однако очень часто этому явлению не придавалось должного значения, и такие факты оценивались как случайные. А в конце прошлого века генеалогические перипетии гениев некоторые авторы вообще отнесли к процессу вырождения.

Со временем выработались новые подходы к оценке полноценности случаев нормы и патологии применительно к жизнедеятельности гениальной и одаренной личности. Сегодня психомеханизм феноменального и высокопродуктивного творчества рассматривается как интегральное событие, необходимо включающее такие элементы активации, которые характеризуются симптомами психической аномальности в какой угодно форме.

В настоящей главе такие аномальности мы представляем на уровне генетических линий. Далее их проявление будет прослеживаться в характерологических и поведенческих особенностях самого субъекта.

Итак, современная наука располагает обширными сведениями, позволяющими сделать вывод, что психопатологическая отягченность ближайших предков и родственников гениев — явление почти сплошное, и здесь не может быть и речи о случайности. Наоборот, проявление гениальности — результат обязательного скрещивания таких биологических родовых линий, из которых одна линия предков (например, отцовская) является носителем потенциальной одаренности, другая же линия (допустим, материнская) включает элементы психической аномальности.

Поясним суть сказанного на примерах из генеалогии великих людей.

Для удобства изложения попытаемся упростить и схематизировать материал, поскольку общепринятая терминология еще не разработана, а отдельные методические подходы даются как авторское допущение.

Так, акцентируя внимание на генетической линии, обеспечивающей одаренность, назовем ее условно *кумулятивной* линией (кумулятивный компонент). Вторую линию, с психоаномалиями, обозначим как линию *диссоциативную*.

О том, какую роль может играть в структуре биогенеза великих людей каждый из этих компонентов, и в особенности компонент психопатический, а также взаимоотношение этих компонентов, будет речь впереди.

Пока же повторно отметим (ввиду особой важности вывода), что биогенетическая необходимость присутствия этих двух компонентов для выявления гениальной одаренности является настолько значимым условием, что приобретает характер биогенетического закона. Вне рамок этого закона не может быть выявлен гений, талант или великий человек вообще.

Переходя к изложению фактических данных, поясним также, что они касаются в основном жизни и патографии великих и замечательных людей, чья деятельность относится к области литературно-художественного и научного творчества. Это обусловлено тем обстоятельством, что критерием гениальности для нас остается творческая положительная продуктивность, обогащающая человечество ценностями высокоморального порядка. Крупные же личности в области политики и социальных экспериментов представлены в книге выборочно, ибо их становление зачастую зависит от особенностей состояния общества, характера происходящих в нем событий, а вектор полезности таких деятелей не всегда определяется однозначно.

Итак, приглашаем читателя к размышлениям над вариантами взаимодействия генетических линий гения.

Вариант первый: взаимодействие кумулятивной генетической линии со стороны отца с материнской диссоциативной генетической линией.

Н.В.Гоголь

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — Василий Афанасьевич Гоголь, был, по словам А.С.Данилевского, человеком в высшей степени интересным, бесподобным рассказчиком и обладал несомненным эстетическим чутьем и литературным талантом.

Он писал стихи, ему принадлежит авторство двух комедий, которые высоко ценил его гениальный сын и о которых тепло отзывались современники, подчеркивая детали колоритного бытоописания. Таким образом, генетическая линия отца Н.В.Гоголя — выразителя жизнерадостного и оптимистичного литературного дилетантизма, является линией потенциальной талантливости.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — Мария Ивановна Гоголь, по всем данным была душевнобольной.

Об этом остались воспоминания А.С.Данилевского (приятеля Гоголя), а также Н.А.Трохимовского, близко знавшего семью великого писателя.

Последний оставил даже письменное свидетельство («Русская старина», июль 1888 г.): «Мария Ивановна Гоголь была крайне впечатлительна и подозрительна. Бывали дни, недели, целые месяцы, когда впечатлительность М.И.Гоголь доходила до крайних пределов, достигала почти болезненного состояния».

Вполне вероятно, что ее подозрительность принимала подчас характер бредовых идей. Затем мы можем констатировать явно болезненные и легкомысленные поступки в практических делах. Так, ее дочери указывали, что она покупала совершенно ненужные вещи (даже в кредит), которые потом приходилось отдавать обратно. В.И.Шенрок, биограф Н.В.Гоголя, говорил о ее «болезненной мечтательности и о странной задумчивости», продолжавшейся часами, причем выражение ее лица резко изменялось.

Известно также, что мать Н.В.Гоголя приписывала сыну весь технический прогресс, изобретение телеграфа, железных дорог и т.д., и не было никакой возможности разубедить ее в этом. Наконец, сам Н.В.Гоголь также считал ее душевнобольной.

Он пишет сестре своей Анне Васильевне (12 апреля 1839 г. из Рима): «Слава Богу, наша маменька физически здорова, я разумел душевную, умственную болезнь, о ней была речь». Известный отечественный психиатр профессор В.Ф.Чиж в своей капитальной монографии о болезни Н.В.Гоголя считает М.И.Гоголь также ненормальной. Кроме матери, определенно выраженным психозом страдал и племянник Н.В.Гоголя Трушковский.

Таким образом, по материнской линии мы видим психопатический компонент. От скрещивания этой диссоциативной линии с отцовской возможны психические нарушения, которыми, как известно, страдал и сам великий писатель, и его родственники (племянник).

* * *

И.С.Тургенев

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Род Тургеневых — старинная дворянская фамилия. Представители этой фамилии дали истории ряд замечательных людей. Из них наиболее известны:

Петр Тургенев — смело обличавший Лжедмитрия, за что и был казнен на Лобном месте в Москве;

Яков Тургенев — сподвижник реформ Петра Великого, не щадивший ни боярских бород, ни иных проявлений непокорности переменам;

Иван Петрович Тургенев — литературный деятель, состоявший в Дружеском обществе известного издателя Н.И.Новикова.

Его дети: Александр Иванович Тургенев — член содружества выдающихся писателей начала XIX века «Арзамас», друг Карамзина, Жуковского, Пушкина, и Николай Иванович Тургенев — автор злободневной брошюры «О налогах», направленной против крепостничества, — оставили о себе добрую память в истории русской литературы.

Это все родственники по линии отца И.С.Тургенева, хотя уже у деда и отца писателя непосредственного проявления талантности или хотя бы литературного дилетантизма не замечалось. Однако характерологические заметки современников позволяют судить о них, как о людях высокой культуры, имевших задатки творческой неординарности.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

О материнской линии И.С.Тургенева можно судить непосредственно по личности его матери — Варвары Петровны. Сам он характеризует ее как взбалмошную, дикую, бессердечную и жестокую женщину, которую никогда не любил, и которая его тоже презирала. Она часто секла ребенка и настолько жестоко обращалась с ним, что тот неоднократно пробовал бежать из дома.

Писатель часто вспоминал годы детства, омраченные дикими сценами побоев и истязаний. Дворовым и крестьянам села Спасское (имение Тургеневых) Варвара Петровна была хорошо известна как помещица со всякими чудачествами и сумасбродствами, присущими истязателям-самодурам.

Это подтверждает и такой характерный случай. В холерный год, опасаясь заболеть, но считая необходимым продолжать лично присматривать за своими владениями, она приказала смастерить стеклянный шкаф с креслом внутри — убежище, по ее мнению, от холерной заразы. В этом шкафу, поставленном на носилки, владелица имения внезапно появлялась в селе с очередной кинс-

пекцией». Однажды встречный мужичок, увидев процессию со шкафом, вообразил, что несут чудотворную икону. Он набожно простерся ниц перед «благодатью» и положил грошик на выступ шкафа, чем вызвал сильный гнев Варвары Петровны, которая приказала бурмистру сдать в солдаты незадачливого холопа.

Если подобный пример был бы единичным, то и тогда никто бы не стал сомневаться, что перед нами, во всяком случае, психопатическая натура (а может, и душевнобольная).

Таким образом, и тут линия матери как линия психопатическая скрещивается с потенциально одаренной линией отца, давая сложную генетическую комбинацию — основу реализации одаренной личности.

* * *

Н.Г.Чернышевский

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — человек культурный, образованный, выделялся умом, гуманностью, уравновешенный и добрый.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — особа болезненная, нервная, с психопатическими чертами характера. Сам Н.Г.Чернышевский так говорил о ней: «... в характере маменьки лежит во все вмешиваться».

* * *

Р.А.Шуман

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Дед — священник. Его сын — Фридрих Август, отец великого музыканта, обладал поэтическим дарованием. Несмотря на то, что в молодости он вынужден был заниматься торговыми делами, занятия литературой продолжали оставаться его любимым увлечением.

Так, им был написан увлекательный роман, переведены на немецкий язык произведения Байрона и Вальтера Скотта, предпринято дешевое карманное издание классических произведений иностранной литературы. В памяти современников он остался серьезным, сосредоточенным человеком, с ровным характером.

Таким образом, мы видим проявление у отца Шумана симптомов литературной одаренности, которая, возможно, активировала музыкальную гениальность сына.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — Иоганна Кристина, урожденная Шнабель, представляла полную противоположность мужу. Вспыльчивая, горячая, возбужденная и, несомненно, психопатическая особа, которая к концу жизни впала в состояние патологической экзальтации и восторженности.

Единственная сестра и сын композитора — душевнобольные.

Эти сведения наглядно показывают, что линия матери привнесла диссоциативный фактор для разряда потенциальной одаренности у композитора Шумана, который впоследствии страдал психическим заболеванием и окончил свою жизнь в психиатрическом заведении Бонна.

* * *

М.Штирнер

(известный немецкий философ-младогегельянец)

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — музыкальный дилетант, мастер духовых инструментов.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — душевнобольная, лечилась по поводу психического заболевания на протяжении многих лет.

* * *

С.Джонсон

(английский писатель и лексикограф, автор «Жизнеописания наиболее выдающихся английских поэтов»)

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — способный, талантливый человек.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — душевнобольная.

* * *

Г.Ибсен

(знаменитый норвежский драматург, автор «Пер Гюнта» и других произведений. Его творчество оказало большое влияние на развитие мировой драматургии и театра)

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — культурный, образованный человек, имел признаки творческой одаренности.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — психопатическая личность.

* * *

А.С.Грибоедов

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Предки — представители старинного дворянского рода, основанного выходцами из Польши. В их числе:

Михаил Ефимович Грибоедов — награжден за службу царем Михаилом Федоровичем, что подтверждается старинными грамотами;

Федор Иванович Грибоедов (сын Яна Грибовского) — вызван из Польши как сведущий законодатель для составления Уложения, за что также был награжден царями Алексеем Михайловичем и Федором Алексеевичем.

Заметная одаренность предков со временем перешла в латентное состояние, и ни дед А.С.Грибоедова — Иван Федорович, ни отец — Сергей Иванович, ничем себя не проявили.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — Настасья Федоровна, была женщиной с тяжелым характером.

Властная, заносчивая, вспыльчивая и сварливая — она кичилась своим знатным родом; все стонали от ее самодурства и психопатических выходов.

* * *

Э.Т.А.Гофман

(немецкий писатель-романтик, чье творчество пронизано тонкой философской иронией и причудливой фантазией). (Поэтические образы его произведений претворили в музыке композиторы П.И.Чайковский: балет «Щелкунчик», Ж.Оффенбах: «Сказки Гофмана», Р.Шуман: «Крейслериана»)

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — Кристоф-Людвиг, адвокат с поэтическим дарованием.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — Луиза-Альбертина, урожденная Дерфел, душевно ненормальная. По словам биографа, «...постепенно умирала от затаенного горя (меланхолии), совершенно ушедшая в себя и добровольно замкнувшаяся в себе».

* * *

Александр Македонский

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — Филипп II Македонский, знаменитый полководец и государственный человек. В молодом возрасте (24 года) выказал свои способности и практическую ловкость в политических делах, обладал даром красноречия. Цицерон восхвалял его за то, что он был «всегда велик».

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — Олимпиада, женщина пылкого энтузиазма, страстная и необузданная в своих страстях, интриганка, с тяжелым психопатическим характером.

* * *

Т.Тассо

(итальянский поэт эпохи Возрождения, создатель героической поэмы «Освобожденный Иерусалим»)

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — Бернардо, очень способный человек, был поэтом.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — имела болезненно страстный и аффективный характер, с приступами крайней степени аффективности и возбудимости.

* * *

Ш.Л.Монтескье

(французский просветитель, правовед, философ, автор сочинения «О духе законов» и «Персидских писем»)

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Дед — занимал должность парламентского президента в Бордо. Младшие его братья также имели почетные должности в провинциальной магистратуре и администрации.

Отец — человек способный и просвещенный для своего времени, независимый во взглядах и мнениях, гордый своим происхождением, хороший семьянин и хозяин, исполнял обязанности синдика города Бордо.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — представительница старинного английского аристократического рода Пенель, была особой с отчетливо выраженными психопатическими чертами характера.

Таким образом, на примерах первого варианта взаимодействия генетических линий гениальной личности наличие психической аномальности материнского начала прослеживается достаточно четко.

При выраженной или потенциальной одаренности в генеалогии отца мы видим, если не определенное душевное заболевание, то, во всяком случае, патологический характер у матери.

Но не всегда эта «линия безумия» должна присутствовать в таком соотношении. Не менее часто (если не более) мы видим обратное «изображение», когда наследственная одаренность присутствует по линии матери, а «линия безумия» — в биогенезе отца.

Проиллюстрируем сказанное примерами из второго варианта генетического «клубка».

Вариант второй: взаимодействие диссоциативной генетической линии со стороны отца с материнской кумулятивной генетической линией.

Ф.М.Достоевский

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Весь род Достоевских по отцу представляет ярко выраженную психопатическую семью. Показательны отношения отца и деда великого писателя как прискорбный пример житейских разборок с участием ненормальных личностей.

Отец — Михаил Андреевич, 15 лет от роду так определился в смертельной вражде с дедом, что покинул родительский дом навсегда, поселился в Москве и с тех пор больше не интересовался своими родителями.

И только лишь на 50-м году жизни он пробовал их разыскать, но безрезультатно. Отец никогда не любил говорить о своих родственниках и на всякие расспросы о них отмалчивался.

Трудно и представить степень психопатизации личности деда, если 15-летний мальчик покидает отчий кров с таким озлоблением, что ему даже неприятно вспоминать о самых близких людях на протяжении 35 лет.

Итак, оказавшись наедине с судьбой, без родительской опеки, отец Ф.М.Достоевского, благодаря своей личной энергии, без денег и знакомых сумел получить медицинское образование, стал врачом больницы, а в дальнейшем содержал большую семью и, наконец, скопил средства для покупки двух имений.

Но каков это был человек в психическом отношении, можно судить по следующей его характеристике.

Достоевский-отец страдал запойным пьянством и был чрезвычайно свиреп. Угрюмый, недоверчивый, он постоянно проявлял болезненную подозрительность к людям и жизни вообще.

Дети его страшно боялись, дрожали перед ним и опасались, как бы малейшим неудачным ответом или невинной ребячьей шалостью не вызвать у него вспышку гнева и слепой ярости. Особый страх нагоняли его уроки, когда нетерпеливый и вспыльчивый «педагог» будто бы ждал малейшего промаха — беспощадная расправа следовала неотвратимо. Сыновья очень боялись этих уроков, сопровождавшихся криками и побоями. Занятия в такой обстановке продолжались часами, когда никто не смел не только сесть, но и облокотиться на стол. «...Стоят, бывало, как истуканы, склоняя и спрягая попеременно», рассказывал впоследствии писатель о воспитании своих братьев.

До 17 лет отец никуда не пускал их из дома и педантично проверял своевременность возвращения из школы. Им никогда не давали ни копейки карманных денег. Детская шалость строго преследовалась и запрещалась. Скупость отца была невероятной: младшие донашивали ветхую одежду и сапоги старших, возвратившиеся из школы дети не могли себе даже позволить подкрепиться стаканом чая.

Все эти патологические свойства характера отца, естественно, вызывали страх и озлобление у детей. О свирепом характере Михаила Андреевича можно судить по тому, что крепостные крестьяне имения Достоевских не вытерпели издевательств и убили своего помещика-самодура, задушив подушкой, когда он ехал в экипаже. Это обстоятельство будто бы, по семейному преданию Достоевских, и вызвало нервный эпилептический припадок у писателя, когда он узнал о смерти отца.

Несомненно, Достоевский-отец был психически больным человеком: болезнь прогрессировала с углублением последствий запойного пьянства. Почти все его дети, включая великого писателя, были душевнобольными или людьми с психопатическими чертами характера.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — Мария Нечаева, москвичка, происходила из очень культурной семьи Котельницких.

Ее дядя, Василий Котельницкий, был профессором Московского университета, поэтому надо думать, что одаренность Ф.М. Достоевского определяется материнской линией, как это и утверждают ведущие русские критики, ибо главная роль в воспитании литературного вкуса у детей принадлежит именно ей.

В ее характере ничего патологического не проявлялось. Многочисленные роды настолько истощили слабый организм, что она умерла от скоротечной чахотки.

Интерес представляют и сведения о детях Михаила Андреевича.

Михаил — старший брат Ф.М.Достоевского и младший брат его — Николай — унаследовали болезнь отца, страдали запойным пьянством. Последний всю жизнь был в тягость семье. Большинство потомков Михаила (второе, третье поколения) также страдали алкоголизмом.

Варвара, сестра писателя, — проявляла несомненные признаки душевнобольной. Идиотом был и ее сын. После замужества она очень разбогатела и, тем не менее, страдала до крайности болезненной скупостью. Скупость эта была просто баснословной: Варвара никогда не отапливала своей квартиры и находилась всю зиму в помещении в шубе, ничего не готовила из еды, покупала два раза в неделю только молоко с хлебом и тем кормилась. Рассчитала всю прислугу. Если изредка ей приходилось открывать кошелек, то отчаянье было безмерным. Даже мизерный расход делал ее несчастной.

Наконец, сумасшедшую женщину убил с целью ограбления один из жильцов ее же дома.

Старший сын брата Ф.М.Достоевского Андрея Михайловича — блестящий молодой ученый — умер от прогрессивного паралича.

Наконец, сам знаменитый писатель, как известно, страдал падучей болезнью и в психическом отношении был человеком не вполне нормальным.

На примере семьи Достоевских достаточно отчетливо прослеживается психопатическая напряженность в генетическом развитии со стороны отца и наследственная одаренность по материнской линии.

* * *

Л.Н.Толстой

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Линия отца у Л. Н.Толстого изобилует громадным количеством душевнобольных и ненормальных.

Достаточно привести характеристику М.Г.Назимовой в ее «семейной хронике», чтоб видеть, что в каждой семье каждого поколения рода Толстых был психически больной. И действительно, такое явление прослеживается по всем многочисленным генетическим линиям. Можно отметить в связи с этим и множество аномальных личностей, то есть людей эксцентричных, странных, с чудачествами,

юродствующих, с мистическими наклонностями, вспыльчивых, авантюристов, замкнутых и т.д.

К подобным типам, между прочим, принадлежит двоюродный дядя Федор Толстой, известный по прозвищу «Американец».

Дед писателя по отцу — Илья Андреевич, представляет из себя патологический тип. Сам Л.Н.Толстой упоминает о нем как об ограниченном в умственном отношении человеке.

Это был беспечный весельчак, но его веселость носила патологический характер. В имении деда Поляне (но не Ясная Поляна) в Белевском уезде в помещичьем доме царил вечный праздник. Бесперывные пиршества, балы, торжественные обеды, домашние театры, катания, кутежи — все это вершилось с размахом, без раздумий о затраченных средствах и последствиях.

Кроме того, его страсть к картам при явном неумении быть расчетливым игроком приводила к постоянным проигрышам крупных денежных сумм. А участие в различных спекуляциях и аферах довели его, в конце концов, до полного разорения.

Если к этому бестолковому мотовству прибавить еще и то, что он совершенно бессмысленно отдавал деньги всякому, кто просил займы, или просто давал их безвозвратно, то неудивительно, что этот, по-видимому, ненормальный человек дошел до закономерной бытовой трагедии: богатое имение его жены было так запутано в долгах, что семье вскоре не на что стало жить.

Впоследствии разорившийся аристократ принужден был искать себе место на государственной службе, что, впрочем, при его связях было легко сделать, и он попал в кресло казанского губернатора.

В итоге дед Л.Н.Толстого, по многим предположениям, покончил жизнь самоубийством.

Бабушка писателя — была более ненормальная, нежели дед. Дочь слепого князя Горчакова, она самим Л.Н.Толстым характеризовалась как «очень недалекая особа в умственном отношении».

Известно также, что она была очень неуравновешенная и взбалмошная женщина, со всякими причудами и самодурствами, мучила не только прислугу, но и родственников.

Любила брать взятки. Страдала галлюцинациями.

Однажды она велела открыть дверь в соседнюю комнату, потому что якобы увидела там своего сына (тогда уже покойного), и долго разговаривала с привидением.

Из детей этой четы сын, Илья Ильич (младший брат отца Л.Н.Толстого), родился горбатым и умер в детстве.

Дочь — Александра Ильинична, отличалась мистическим характером — жила в монастыре, держала себя как юродивая и была очень неряшлива.

Другая дочь — Пелагея Ильинична, также, по-видимому, умственно отсталая, юродивая, мистически настроенная, с тяжелым неуживчивым характером (она плохо жила со своим мужем, часто возбуждала дело о разводе). Религиозность переходила у нее в ханжество. В конце концов, Пелагея Ильинична удалась в монастырь и впала, по-видимому, в старческое слабоумие (несмотря на религиозность, не хотела причащаться на смертном одре).

Отец писателя — Николай Ильич, был также человек недалекий. В 16 лет заболел, по-видимому, какой-то нервной или душевной болезнью. Для пользы его здоровья был соединен в незаконный брак с дворовой девушкой. От этой связи имел незаконнорожденного сына Мишу, который окончил очень худо — сбился с пути истинного, впал в нищенство и вообще духовно стоял очень низко.

Что касается характера Николая Ильича, то можно также отметить настораживающие признаки: задорный, бойкий, насмешливый, задиристый, беспечно веселый и в то же время слабохарактерный и ограниченный, молодой граф ни к чему серьезно не мог относиться — ни к учению, ни даже к хозяйству, в котором мало что понимал. Поэтому он в дальнейшем предпочел пустую и праздную жизнь офицера, где многого не требовалось. Наконец сына разоренных родителей сосватали по расчету и выгодно женили на богатой, но некрасивой дочери Волконских — матери Л.Н.Толстого.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Дед — Николай Сергеевич Волконский, занимал высокие должностные посты: был послом в Берлине, генералом от инфантерии, числился в свите императрицы Екатерины Великой. Строгий хозяин и очень умный человек, он пользовался заслуженным уважением окружающих, вплоть до своих дворовых и крестьян, о благосостоянии которых постоянно заботился.

Обладал также эстетическим чувством: разбирался в музыке, держал хороший оркестр, любил цветы, знал толк в архитектуре и возводил изящные и удобные постройки в своей усадьбе.

Современники отмечали у него и артистические наклонности.

Его дочь (мать Л.Н.Толстого) — была некрасива собой. Вместе с тем все видели в ней чуткую, художественную натуру. Она получила хорошее образова-

ние, любила музыку, прекрасно музицировала. Была мастерица рассказывать сказки, сама придумывала их продолжения. Вообще духовно стояла выше отца и (по признанию Л.Н.Толстого) всей его семьи.

Литературный свой талант великий писатель, несомненно, унаследовал от матери.

Следует отметить, что психопатическая линия отца Л.Н.Толстого продолжала доминировать и после соединения с материнской линией Волконских.

Брат писателя — Дмитрий Николаевич — определенно страдал нервным и психическим расстройством. В детстве приступы его капризности были до того выражены, что мать и няня бесконечно мучались с ним. Позже, будучи уже взрослым, он был очень замкнут, даже с братьями. Задумчивый, склонный к мистике и юродству, Дмитрий Николаевич не обращал внимания на окружающих, отличался странными выходками. Странные вкусы делали его объектом постоянных насмешек. Неряшливый и грязный, он часто ходил в пальто, под которым не было нательной рубашки. Из юродствующего и религиозного вдруг становился развратным типом. Часто делался импульсивным, вспыльчивым, агрессивным, жестоким и драчливым; дурно обращался с прислугой, бил своего лакея. Страдал тиком, подергивал головой, как бы освобождаясь от узости галстука.

Умер, как и большинство таких душевнобольных, от чахотки.

Другой брат Л.Н.Толстого — Сергей Николаевич, также отличался эксцентрическими и явно патологическими странностями психики.

Так, по словам племянника (старший сын Л.Н.Толстого — Лев Львович), он был эгоистичным и несчастным человеком, мало говорившим и замкнутым. Мог месяцами проводить время взаперти и в одиночестве (что указывает на наличие патологического симптома аутизма). Часто на весь дом раздавалось его оханье и аханье. Постоянно держал себя каким-то странным образом, оригинальничал, выезжая не иначе, как на четверке лошадей. К крестьянам относился с презрением, считал их ворами и проходимцами.

Сам Лев Николаевич Толстой был также одержим многими психопатическими чертами характера, что еще усугублялось и истероэпилептическими припадками, которые возникали при тяжелых и неприятных переживаниях.

Старший сын его — Лев Львович, говорил о себе, что он в течение 5 лет страдал нервно-психической болезнью, был даже освобожден от военной службы, и только после женитьбы оправился от этой болезни.

* * *

Г. И. Успенский

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец писателя происходил из духовного сословия. В его семье многие родственники были душевнобольными и психопатическими личностями.

Брат отца — Никанор, был архимандритом и умер психически больным.

Другой брат — Григорий Яковлевич Успенский, профессор Тульской семинарии греческого языка, отличался причудами, странностями и ненормальностями характера. Страдал запойным пьянством.

Крайне неуравновешенной натурой был и их брат — Семен Яковлевич.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать Г.И.Успенского — урожденная Соколова, происходила из семьи даровитых людей. Один брат ее прославился как живописец, другой стал музыкантом. Среди родственников были и писатели, сотрудничавшие с журналом «Современник».

Брат писателя — Успенский Николай Иванович, «нравственно заживо погибший» (по словам Н.Г.Михайловского), совершил самоубийство. Известен также как талантливый человек.

Сам Глеб Иванович, к сожалению, окончил свою жизнь в психиатрическом заведении, страдая от прогрессивного паралича. Но еще раньше здоровье его было надломлено хроническим алкоголизмом и многими ненормальностями психики, так же как и у многих родственников со стороны отца.

* * *

М.Ю.Лермонтов

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — натура вспыльчивая и горячая до такой степени, что мог доходить до грубых, диких поступков, несовместимых с элементарной порядочностью. Был развратным, странным, эксцентричным типом. Жил в постоянном разладе с женой и не знал обыкновенного человеческого счастья.

Таким образом, со стороны отца проявлялись ненормальности в виде психопатического характера, которые свойственны группе шизоидных.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Бабушка — Арсеньева, урожденная Столыпина, гордая, властная аристократка, была в вечном разладе с отцом поэта.

Мать — Мария Михайловна, необыкновенно чуткая, склонная к поэзии натура. Болела чахоткой, умерла, когда будущему поэту было два года.

По-видимому, поэтическое дарование было унаследовано М.Ю.Лермонтовым от нее.

Сам Михаил Юрьевич — великий и гениальный поэт — человек с причудливой, эксцентричной, замкнутой натурой. Весь психический склад его, при анализе отдельных характерологических элементов, определенно вырисовывается как шизоидный тип.

В общем, в данном случае следует признать одаренность по линии матери, психопатические признаки — по генетической линии отца.

* * *

М.Н.Загоскин

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — человек странный, с больной психикой. Перенес в молодости какую-то «душевную борьбу», после чего ушел в монастырь. Однако душевные страдания его не ослабевали, и он оставил монастырь. Слыл за странного чудака.

Подробный анализ психики позволяет предполагать в данном случае нарушения, характерные для группы шизоидных.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — одаренная женщина, с природным умом. Характер ее — ровный, открытый. Отличалась постоянством, уживчивостью, приветливостью.

Взаимодействие генетических линий здесь ничуть не отличается от предыдущих примеров.

* * *

Наполеон Бонапарт

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — алкоголик, лишенный всякого нравственного чувства.

Биографы выставляют его в весьма непривлекательном свете как ограниченного человека, бесхарактерного и с расщепленной психикой. В том, что это натура патологическая, ни у кого не возникало сомнений.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — деятельная и ловкая женщина. Внешне сдержанная, она всю свою нежность отдавала семье. «Моей матери, — вспоминал Наполеон, — я обязан

тем, что унаследовал ее жизненные принципы, приобрел положение в обществе, делал что-то доброе. Мать обладала твердым характером. Низкие чувства были далеко от нее. Она окружала своих детей всем, что было великого и славного».

В семье перекрест обеих генетических линий сказался следующим образом.

Брат — Люциан, жадный и чувственный эгоист.

Сестры — особенно Паулина, слыли натурами истеричными и «безнравственными».

Сам Наполеон, как известно из исследований Ломброзо и других авторов, страдал эпилепсией (вернее, аффект-эпилепсией). Его психические аномалии во многом объясняются эпилептической натурой, которая сформировалась на базе алкогольной наследственности со стороны отца.

Снова мы видим, что одаренность повторяется по материнской линии, в то время как линия отцовская отягощает наследственность.

* * *

Стендаль (Анри Мари Бейль)

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — принадлежал к адвокатскому сословию; был замкнутый, скрытный, жестокий, странный человек. С детьми обходился с излишней суровостью и жестокостью, так что рано возникшее между отцом и сыном (писателем) чувство отчуждения и даже ненависти никогда не угасало совершенно.

Дети не получали домашнее воспитание. Их с ранних лет отдавали под опеку священникам. Кроме того, отец резко ограничивал общение сыновей со сверстниками. Например, до 14-летнего возраста каждый из них имел не более чем пару друзей-однолеток. Бредовая подозрительность ненормального родителя становилась препятствием детской дружбе.

В психопатичности отца Стендаля нет никаких сомнений. По биографическим данным он предстает как замкнутый шизоид с параноическим уклоном.

Такую же шизоидную, с параноическим оттенком натуру унаследовал, несомненно, от отца и сам великий французский писатель.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Стендаль рано (в возрасте 8 лет) лишился матери. Одаренность он получил со стороны матери через деда, который был в высшей степени способным и образованным врачом.

* * *

Н.А.Некрасов

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — Алексей Сергеевич, богатый помещик Ярославской губернии, отставной армейский поручик. Это был внешне блестящий, но душевно ненормальный и пустой человек, выросший «красивым дикарем» (таким он был награжден прозвищем), едва умевшим подписать свое имя. Больше всего его интересовали карты, женщины, кутежи и охота. Картежная игра, между прочим, была родовой страстью Некрасовых. Прадед поэта (воевода) и дед (штык-юнкер в отставке) проиграли в карты несколько тысяч душ крепостных. Сам поэт также известен как азартный картежник.

Отец Николая Алексеевича был невыносимым тираном не только для своих крестьян, но и в семье, особенно доставалось матери поэта, которой он буквально отравлял жизнь. Сын в своих воспоминаниях характеризует его как деспота, угрюмого невежду, дикаря и даже палача.

Все эти данные свидетельствуют, что Алексей Сергеевич был, несомненно, человеком с определенно выраженным патологическим характером.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — по национальности поляка, была нежной и одухотворенной натурой. Имела прекрасное образование, ее отличали пылкий ум и любовь к поэзии. Гениальный мастер слова рисовал образ матери в своих стихотворениях удивительными поэтическими красками.

Несомненно, материнская генетическая линия несла в себе потенциальную одаренность, что дало возможность раскрыться поэтическому таланту Н. А. Некрасова.

* * *

М.Горький

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Дед — офицер русской армии при Николае I, который, впрочем, лишил его воинского чина за жестокость к солдатам. Если вспомнить суровость николаевского режима, особенно в военной сфере, то невозможно даже и представить, каким чудовищем был поручик Пешков. Не с большей мягкостью, чем к подчиненным, относился он, по-видимому, и к собственному сыну.

Отец — еще в юности бежал из родительского дома, впоследствии зарабатывал на жизнь ремеслом обойщика.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Дед — по материнской линии, отличался способностями, умом и энергией, благодаря чему разбогател и был владельцем барж на Волге.

* * *

Ж.Ж.Руссо

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Один из предков (XVI в.) — Дидье Руссо, книготорговец, бежал из Парижа вследствие своих протестантских убеждений. Прадед, дед и отец занимались преимущественно часовым ремеслом.

Отец — отличался легкомысленным и даже «буйным» характером, постоянно затевал ссоры с гражданами Женевы и был очень сварлив. Однажды так возбудился в уличном споре с каким-то проходившим мимо капитаном, что ранил того шпагой в лицо, а потом, опасаясь суда, бежал в Лион, бросив своего сына на произвол судьбы.

Патологический характер отца писателя несомненен. Да и у самого Жан Жака проявлялись признаки ненормальности.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — дочь пастора Бернара, была очень талантливой, умной и красивой. Получила хорошее воспитание. Рисовала, пела, аккомпанировала себе на лютне, была начитана и сочиняла стихи.

Дед — пастор и ученый, отличался хорошим вкусом и умом.

Материнская генетическая линия, таким образом, включала элементы потенциальной одаренности.

* * *

А.Н.Серов

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — Николай Иванович, человек резкого, сухого, насмешливого характера, а, по словам В.В.Стасова, кроме того, вспыльчивый и суровый деспот, вследствие чего нажил себе множество врагов. Сын его — А.Н.Серов, известный русский композитор и музыкальный критик, автор опер «Юдифь», «Рогнеда», «Вражья сила», питал к нему нескрываемую вражду.

Несомненно, что у отца был патологический характер.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — Анна Карловна, урожденная Таблиц, еврейского происхождения, дочь екатерининского сенатора, одного из помощников светлейшего князя Потемкина, очень даровитого человека.

Она была женщиной красивой и доброй.

Вполне вероятно, что талантливость деда передалась Александру Николаевичу по материнской линии.

Вариант третий: наследственное отягощение по генетическим линиям отца и матери с проявлением одаренности в одной (или в каждой) из родословных.

* * *

А.С.Пушкин

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Происходит из старинного русского дворянского рода. Предками по отцу были многие довольно выдающиеся люди своего времени — общественные и политические деятели, а также литературно одаренные знаменитости, (например, отец, брат отца). Однако по отцовской линии наряду с одаренностью отмечается и психотический фактор, как это сейчас мы увидим.

Григорий Гаврилович Пушкин — посол в Польше и наместник Нижнего Новгорода при царе Алексее Михайловиче.

Прадед поэта — Александр Петрович Пушкин, в припадке сумасшествия зарезал свою жену, находившуюся в родах; умер молодым.

Дед — Лев Александрович Пушкин, чрезвычайно жестокий, вспыльчивый и ревнивый. Его жена умерла на соломе, заключенная ревнивцем в домашнюю тюрьму за мнимую связь с учителем их детей.

Дядя — Василий Львович Пушкин, известен в литературе как один из «арзамасцев» и как автор сатиры «Опасный сосед». В течение 25 лет непрерывно вращался в литературных кругах и умер с томиком Беранже в руках. В памяти современников остался «легкомысленным, циничным и едким на язык».

Отец — Сергей Львович Пушкин, представлял собой тип передовых дворян того времени. Писал стихи, знал множество «умных изречений и острых слов» из бесчисленных источников французской литературы старого и нового времени, смело рассуждал о чем угодно с голоса французских энциклопедистов. Постоянно гонялся за модными русскими и иноземными знаменитостями. Дом его в Москве был посещаем единомышленниками из того блестящего литературного круга, который в начале прошлого столетия образовался около Н.М.Карамзина. В числе друзей и знакомых наряду с любителями словесности из числа эмигран-

тов и туристов встречались самые почтенные имена: В.А. Жуковский, А.И.Тургенев, И.И.Дмитриев.

С другой стороны, в характере отца присутствуют психопатические элементы. Так, он был очень раздражительным, мелочным и до того тяжелым человеком в семейной жизни, что бывали случаи, когда злобность и агрессивность изливались даже на детей. В своих настроениях был чрезвычайно неровен — то мотал и сорил деньгами, то впадал в крайнюю скупость.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Разбираясь в родословной со стороны матери А.С.Пушкина, мы отмечаем следующее.

Прадед поэта — Ибрагим Ганнибал, абиссинский негр, вывезенный из Константинополя и попавший ко двору Петра Великого.

Ганнибал — человек крайне грубый, дикий, жестокий и необузданный, сварливый, скупой и ревнивый. Так, о нем известно, что женившись на русской женщине, он, подозревая жену в измене, бесчеловечно пытал и истязал ее; затем, пользуясь своими связями, заточил жену в монастырь, а сам женился на другой. От последнего брака родилось 6 детей, в числе которых сын его Петр, ставший хроническим алкоголиком.

Дед — Осип Ганнибал, отличался в зрелом возрасте такой дикостью и необузданностью нрава в сочетании с постоянным стремлением предаваться всякого рода безумным оргиям и пиршествам, что даже его звероподобный отец Ибрагим долго не пускал сына на глаза свои.

Осип Ганнибал женился на М.А.Пушкиной (бабушке поэта), но вскорости потребовал развода и, сказавшись вдовцом, обвенчался с другой. В результате (принимая во внимание нравы и обычаи того времени) разгорелся светский скандал. Осипа заставили снова сойтись с прежней женой и затем отправили в ссылку, где он и умер от невоздержанной жизни.

Мать — Надежда Осиповна Ганнибал, молодая, красивая креолка, капризная, пылкая, властолюбивая, упрямая, эксцентричная, склонная к удовольствиям в рассеянном обществе, женщина с явно выраженным истерическим характером.

Сам Александр Сергеевич (как и некоторые из его братьев и сестер) отличался ненормальным характером и патологической неуравновешенностью.

Известно, что он был человеком с неровным настроением: то возбужденный, страстный, ревнивый, необузданный и циничный, то надолго впадающий в какую-то апатию и депрессию. Из-за своей эксцентричности, взбалмошности, похотливости и склонности к любовным похождениям сталкивался с другими, так что дело нередко доходило до драк, скандалов и дуэлей.

М.А.Корф, друг поэта, характеризует всю семью Пушкиных как «взбалмошных».

Таким образом, и здесь мы видим одаренность и патологию по линии отца в сочетании с патологическим началом в материнской родословной.

* * *

В.Г.Белинский

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Дед — мистик и впадающий в экстаз подвижник.

Отец — способный человек, врач. Резкий по натуре, с тяжелым, патологическим характером, за что его не любили окружающие. В семейной обстановке был невыносим. Его сын, знаменитый критик В.Г.Белинский, так отзывался о своем родителе: «меня терпеть не мог, ругал, унижал, придирался, бил нещадно». Вообще сам «неистовый Виссарион» ненавидел отца всей душой. Будучи еще юношей-гимназистом, декламировал свою ненависть к отцу отчаянно восторженными возгласами, цитируя героев Шиллера.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

По-видимому, мать Виссариона Григорьевича была женщиной с эпилептическим характером, что усложняло и без того тяжелую семейную обстановку. По словам сына, обладала «неистово бешеным характером, отличалась неумеренным темпераментом» и своенравной независимостью. Вот строки из других воспоминаний критика: «... груди я не знал. Она (мать) была охотница рыскать по кумушкам, чтоб чесать язычок. ...Чтоб я не беспокоил своими криками, она меня душила и била...»

* * *

М.Лютер

ПО ЛИНИИ ОТЦА И МАТЕРИ

Отец и мать великого духовного реформатора отличались крайне крутым и жестоким характером. В отношении детей применяли слишком часто жестокие телесные наказания по самым пустячным поводам. Так, например, по рассказам самого Мартина Лютера, однажды мать избила его до крови из-за какого-то ореха. В памяти знаменитого проповедника на всю жизнь запечатлелся случай, когда он, жестоко избитый отцом и обезумевший от страха, бежал из дома.

* * *

А.Стриндберг

(шведский писатель, автор исторических драм и социальных романов.

В числе известных его произведений — драма «Местер Улуф», роман «Красная комната»)

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Прадед — священник, женат на потомственной дворянке. Одна из его дочерей стала матерью известного художника.

Дед — проявлял склонности к сценическому искусству.

Отец — экспедитор крупных пароходных компаний, имел в характере выраженные проявления шизоидного типа. Человек строгий, холодный, замкнутый, с привычками самодура-аристократа, не позволял слуге чистить ему сапоги без перчаток — настолько боялся прикосновения чужих грязных рук.

Дети воспринимали отца как нечто враждебное, очень боялись его.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — кельнерша, дочь бедного портного, особа бледная, нервная, мелочная. Сам Август Юхан Стриндберг говорил, что он рожден при преждевременных родах. Рождение других ее детей также проходило при неблагоприятных обстоятельствах, что впоследствии могло сказаться на состоянии их здоровья. Так, один из старших братьев имел выраженные психические ненормальности: был меланхоликом и истеричным. По словам Стриндберга, он мог упасть в припадке, когда его дразнили во время игр, или забиться в конвульсивном смехе, который угрожал его задушить». Судя по таким фактам, можно заключить, что брат страдал истерическими припадками.

* * *

И.Кеплер

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Дед — Себальда Кеплер, занимал должность бургомистра, имел двенадцать детей. Происходил из дворянской военной среды. Имел поначалу значительное состояние, которое промотал, так что детям его ничего не осталось.

По-видимому, был отчаянный кутила и алкоголик.

Бабушка — по отзывам своего знаменитого внука-астронома, была женщиной умной и красивой. Вместе с тем она отличалась вспыльчивостью, завистливостью, злопамятством (долго помнила о неприятностях и обидах), сварливостью, вечно спорила и возбуждалась до крайности.

Хвастливая (любила похвалиться к месту и не к месту) и очень набожная, она, по-видимому, обладала эпилептическим характером.

Отец — Генрих Кеплер, человек недалекий, ограниченный, неудачник, бродяга, малограмотный. Служил солдатом. Очень плохо жил с женой. Уходил из дома, скитался неведомо где. Открыл кабак, но дела вел неудачно. В конце концов, разорился, пытался повеситься. Поступил опять в солдаты и без вести пропал. Детей своих не любил и не заботился о них.

Брат Иоганн Кеплера был похож на отца: такой же бродяга и неудачник.

Сестра — единственная светлая личность из всей психопатической семьи Кеплеров.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — Екатерина Гульдеман, дочь трактирщика, безграмотна, воспитывалась у тетки, которая позже была сожжена за колдовство.

Грубая, крайне раздражительная, сварливая и злая, пользовалась дурной славой пьяницы, вечно ссорилась с отцом, с которым часто расходилась на почве этих ссор. Пропадала часто из дома, как и отец, бросала детей на произвол судьбы. Нрав ее был настолько несносен, что ее поведение задевало всех. Со всеми ссорилась, сплетничала, в конце концов, мать «звездочета» обвинили в колдовстве и приговорили к смертной казни.

* * *

И.В.Гете

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Дед — Фридрих Георг, был портным, а затем содержателем гостиницы во Франкфурте на Майне.

Современники отмечали его интеллигентность и способности в музыке.

В то же время остались свидетельства друга семьи, Сенкенберга, который вспоминал о Фридрихе Георге как об очень гордом и заносчивом человеке, который, в конце концов, будто бы заболел психически. От первого брака у него остались пять сыновей, один из которых с малолетства страдал слабоумием.

Его жена — вдова Корнелия Шельгорн (бабушка поэта), была с ним во втором браке, от которого родился отец И.В.Гете.

Тот же Сенкенберг так характеризует эту бабушку: «... ее можно было опечалить или обрадовать каждым пустяком, она была по натуре очень медлительная, но трудолюбивая особа».

Отец — Иоганн Каспар Гете, получил университетское образование, слыл человеком, не лишенным способностей, но принадлежал к тем патологическим типам, которые принято характеризовать как шизоидные. Замкнутый и мрачный, чрезвычайно деспотичный и упрямый, педантичный до абсурда и беспощадности, он приносил своей семье бесконечные страдания и переживания.

Никто никогда не видел улыбки на его лице.

Упрямство Иоганна Каспара Гете имело выраженный патологический оттенок. Этот человек упрямился не столько из-за достижения определенной цели, сколько из-за самого процесса быть упрямым, почему его старания никогда не достигали желаемого. Свои чувства он скрывал и маскировал искусственной строгостью. Любил всех поучать, все в жизни воспринимал с преувеличенной серьезностью. Скупость, недоверчивость и ворчливость стареющего брюзги вызвали отталкивающие чувства у окружающих. После апоплексических ударов (1776, 1781) впал в слабоумие и психический маразм.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Дед — Иоганн Вольфганг Текстор, профессиональный чиновник. Со стороны нервно-психической сферы характеризовался следующим образом: по некоторым отзывам (в том числе и упомянутого выше Сенкенберга) страдал алкоголизмом, был вспыльчив, не брезговал ничем в достижении своих целей. В 1768 г. слег от мозгового удара, после чего у него отнялась правая половина тела, с расстройством речи.

Мать — гипоманиакальная, экзальтированная, возбужденная женщина, склонная к юмору и стремлению видеть все в розовом свете (в противоположность мужу), несмотря на то, что обстоятельства не располагали к такому повышенному самочувствию. В самые тяжелые и мрачные для всей семьи дни у нее в душе царил вечный праздник, несомненно, патологической природы. Проявления поэтических наклонностей, фантазирования, мечтательности» и вымыслов дополняют этот психопатический характер, показательный для циклоидного типа.

Сестра поэта — Корнелия, страдала маниакально-депрессивным психозом.

Иоганн Вольфганг Гете — великий поэт, был по характеру циклоидной натурой.

Патологическая линия продолжалась и у потомков Гете. Так, его второй ребенок родился мертворожденным. Сын, Август, был также психически ненормальным человеком. Сочетание циклоидных и шизоидных симптомов ярко проявлялось в его психике.

Помимо всего он был алкоголиком, и профессор Мебиус в своей патографии о Гете не без основания ставит вопрос: не болел ли он в конце жизни прогрессивным параличом?

Внуки И.В.Гете (дети Августа) были также наделены патологической наследственностью.

* * *

И.А.Гончаров

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — религиозный человек, меланхолик. Из семейных воспоминаний сохранились сведения о его не вполне нормальном характере (часто заговаривался).

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — Евдокия Матвеевна, жестокая женщина, круто расправлялась со своими детьми и, тем более, с прислугой. Ее дочь А.А.Музалевская даже не любила вспоминать о матери. Сохранились и негативные отзывы о ней других детей, а также племянника И.А.Гончарова — Александра Николаевича.

Брат писателя — Николай Гончаров, был явно психически больным. Он мог часами просиживать перед двумя сальными свечами, громко разговаривая сам с собой. Окружающие отмечали его постоянную задумчивость. Иногда во время разговора у него как-то вдруг мутились глаза, затем они делались неподвижными и он начинал вполголоса говорить сам с собой, жаловался на жену, бранил начальство, цитировал Гете и Шиллера. подавал реплики. Это тянулось иногда всю ночь.

Отличался чрезвычайной подозрительностью. Производил зачастую настоящие обыски, устраивал допросы всех, даже няни, заглядывал на чердак и утомленный ложился спать. Ни с того ни с сего ему приходило в голову, что сыновья его — дурные мальчики, он их сек, а затем вел в церковь.

Его манией было крестить евреев.

Сестра — Анна Музалевская, по словам психиатра Левинштейна, страдала истерией. Временами она начинала куролесить, накупала массу ненужных вещей. Лицо ее покрывалось пятнами, глаза мутились. Особенно расстраивалась Анна, когда пускалась упрекать и обличать брата Николая во всех тяжких грехах, в бесхарактерности и даже говорить о неверности его жены. Однажды Музалевская попросила племянника обменять выигранные лотерейные билеты

на ценные бумаги, но когда тот возвратился, встретила родственника с пылающим лицом: тетушке представилось, что племянник присвоил деньги и не собирается возвращать билеты. Она говорила сама: «Все эти сомнения от гончаровской породы, знаю, есть напрасная халтура и чудачество, а ничего с собой поделаться не в силах».

Говоря вообще о гончаровском роде, можно принять к сведению слова Александра Гончарова: «Это была психически больная и нестойкая семья. Ее черты: слабохарактерность, меланхолия при наблюдательности и небольшом таланте, лень, человекобоязнь. отсутствие стойкости и душевной покладистости».

* * *

Ги де Мопассан

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — Густав де Мопассан, происходил из старинной лотарингской фамилии. Будучи мужчиной привлекательной внешности, он по характеру представлял из себя умственное убожество. Слабохарактерность и ветреность влекли его в бесконечные авантюры и приключения.

Вследствие этого семейную жизнь постоянно омрачали недоразумения и неприятности, которым не было конца, пока дело не кончилось разводом по инициативе жены, которая ушла, взяв с собой детей.

Развратная жизнь отца, вероятно, и стала причиной наследственного сифилиса у его потомков. А что касается явно выраженной патологии характера, то он был наделен ею в избытке.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — Лаура де Пуаттвен, из высшей буржуазии Нормандии.

Ее брат — Альфред де Пуаттвен, был одарен блестящими способностями. Восторженный, эксцентричный, он оказывал огромное влияние на умственное развитие Лауры и их друга Г.Флобера.

С ранних лет Альфред приохотил сестру к литературе, пробудил любовь к классикам. Альфред и Лаура содействовали постановке трагедий, сочиненных Флобером, были попеременно актерами, зрителями и критиками. В их литературном кружке не угасал огонь поэзии, постоянно поддерживалась творческая атмосфера. Здесь обретал вдохновение великий Флобер, другие знаменитости. Сам Альфред в своих стихах проявил бесспорное поэтическое дарование, но, к сожалению, рано умер от болезни сердца.

Восторженное увлечение литературой Лаура постаралась передать сыну, будущему знаменитому писателю, творческими опытами которого вначале руководила сама, а затем доверила пестование юного таланта другу Флоберу.

Вместе с тем мать Ги де Мопассана страдала истеро-эпилептическими припадками, во время которых впадала в страшное возбуждение. Пыталась покончить жизнь самоубийством: хотела повеситься, отравиться опиумом.

Брат — Гарвей де Мопассан, унаследовал сифилис отца и окончил жизнь прогрессирующим параличом.

Племянница (дочь Гарвея) — страдала судорожными припадками, как и мать писателя.

Сам Ги де Мопассан, как известно, также погиб от прогрессирующего паралича.

Таким образом, мы видим, что литературное дарование знаменитого писателя сформировалось под влиянием признаков одаренности, присутствующих в материнской линии. Патологическую же наследственность он получил как со стороны отца, так и по генезу матери.

* * *

Д.Н.Г.Байрон

по линии отца

Байроны — старинный английский аристократический род. Родоначалники пришли на Альбион вместе с Вильгельмом Завоевателем, который после ряда блистательных побед осыпал их королевскими милостями.

Король Генрих III за выдающиеся заслуги и способности подарил предкам поэта аббатство Ньюстэд, ставшее родовым именем Байронов.

Прадед Байрона — известен как автор поэтического произведения.

По характеру — импульсивный человек. Таким образом, симптомы литературной одаренности проявлялись уже в жизнедеятельности прадеда.

Дед — известен как знаменитый мореплаватель.

Брат деда — отличался сумасбродным и патологическим характером: бил жену, тиранил слуг, нагонял на крестьян прямо-таки необыкновенный ужас — он казался им воплощенным дьяволом.

В минуты же успокоения неукротимый буян впадал в другую крайность: целыми часами забавлялся «как дитя» игрушками. Для него делали маленькие кораблики с миниатюрными пушками, и он спускал их на воду в своем пруду, разыгрывая морские сражения.

Бабушка — была психически ненормальной особой, мучила всех окружающих.

Отец — покончил жизнь самоубийством, когда поэту исполнилось 16 лет. Сам Байрон считал его помешанным.

Байрон-старший вел жизнь бесстыдного развратника. Разгульные оргии, любовные интриги, авантюрные предприятия — все это окончательно разорило семью.

Дурная слава распутника наполняла в свое время скандальную хронику высшего общества, он ужасал всех своими похождениями и бесчисленными дуэлями. Между прочим, на дуэли он убил самого близкого друга — Чеворта.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Дед — меланхолик, в конце концов повесился.

Мать — душевнобольная. Ее припадки исступления доходили до настоящего безумия. В гневе и буйстве она рвала на себе одежду. Сам поэт нередко называл ее фурией. В возрасте 18 лет он так писал про свою мать: «Моя милая Алекто (имя одной из греческих Фурий) начинает чувствовать последствия своего безумия. Говорю серьезно. Я очень обязан Вашей матери (письмо было адресовано одному из друзей) и всей Вашей семье, в том числе и Вам, что Вы помогли мне укрыться от мюстрисс Байрон-Furiosa» (т.е. матери Байрона).

Она умерла от одного из подобных припадков бешенства.

Виновником этого последнего припадка был обойщик, представивший ей чересчур внушительный счет.

* * *

А.Шопенгауэр

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Предки философа Артура Шопенгауэра по отцу были голландского происхождения.

Прадед — Андрей Шопенгауэр, по-видимому, человек достаточно эксцентричный. Держал в начале XVIII века в аренде хутор Штутгоф близ Данцига. Однажды проездом у него останавливался на ночлег царь Петр I и жена его Екатерина. Случайно Петр выбрал комнату для ночлега без печи и камина и стал жаловаться на холод. Тогда, чтобы обогреть помещение, Андрей Шопенгауэр распорядился вылить на пол несколько бочонков спирта и поджечь драгоценную влагу. В нагретых таким образом покоях царь провел ночь и остался доволен.

Дед — Андрей, деятельный и трудолюбивый торговец, с твердым характером и спокойным нравом. Конец жизни провел, уединившись в своем загородном поместье Ора близ Данцига.

Бабушка — происходила из старинного патрицианского рода Бермансов. Отличалась вспыльчивым характером. Под старость впала в безумие и была отдана под опеку.

Дядя — Михаил Шопенгауэр — старший, страдал от рождения слабоумием.

Дядя — Карл Готфрид, вследствие различных эксцессов нажил умственное помешательство. Разошелся с семьей и, по выражению матери философа, «...прозябал где-то в углу с дрянными людьми».

Дядя — Иоганн Фридрих, так же как и отец философа, отличался энергией и способностями, благодаря чему торговое дело дома Шопенгауэров было восстановлено.

Отец — Генрих Флорио, наиболее талантливый из всей семьи. Был очень безобразен наружностью, одержим какими-то беспричинными страхами, меланхолией и болезненной страстью менять местожительство. Страдал глухотой с детства. С возрастом слух ухудшался, Генрих Флорис становился раздражительнее и вспыльчивей, а под конец жизни временами впадал в беспамятство.

Так, осенью 1804 г., возвращаясь из Англии в Данциг, Г., один из старинных друзей Шопенгауэров, вздумал посетить Генриха Флориса в его гамбургской конторе, но застал отца философа в большом волнении. Г. принят был следующими словами: «Я Вас вовсе не знаю, сюда являются многие, говорят — я такой-то, а мне о них ничего не известно, да и знать их не хочу». Изумленному приятелю оставалось только удалиться, но вслед за ним из конторы вышел приказчик, который извинился за хозяина и объяснил Г., что принципал иногда теряет память, но припадки эти долго не длятся. Действительно, на другой день Г. получил приглашение посетить дом Флориса. Недоразумение объяснили тем, что кратковременная потеря памяти была вызвана волнением, в которое Флорис впал, ознакомившись с непомерным, по его мнению, денежным счетом, который ему представил недобросовестный столяр.

Во время подобного же припадка, обусловленного мнимыми или действительными материальными потерями, Шопенгауэр-отец выбросился из верхнего этажа хлебного амбара в канал, где и утонул.

Несмотря на столь печальные обстоятельства, в памяти окружающих Г.Ф.Шопенгауэр остался как человек, отличающийся большим умом, замечательной силой воли, предприимчивостью, упорной настойчивостью.

Он имел хорошее образование для своей купеческой среды, много путешествовал, придерживался республиканских идей и вообще был очень талантлив.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Дед — Христиан Гейнрих Грозингер, член Городского совета Данцига. Его дед проповедовал в Гаркумском соборе в Голландии.

Х. Г. Грозингер был человеком республиканских воззрений, оппозиционером, много путешествовал, свободно владел иностранными языками.

Имел прирожденный талант умело использовать житейский опыт, снискал заслуженный авторитет и уважение у своих сограждан. Отличался веселым нравом, однако то приятное впечатление, которое оставалось от общения с ним, напрочь исчезало во время активных проявлений его необузданного и вспыльчивого характера.

«Когда всего менее возможно было этого ожидать, — вспоминала Иоганна Грозингер (его дочь) — какой-нибудь ничтожный повод вдруг повергал отца в гнев и дикую ярость, которые, правда, скоро проходили. Но в минуты вспышки весь дом трепетал от громового голоса, все домашние, не исключая собаки и кота, преисполнялись ужаса и старались не попадаться на пути возмутителя спокойствия».

Бабушка — отличалась мягким характером, остротой ума, здравомыслием, способностью быстро схватывать все новое и передовое. Была миловидной, имела изящную миниатюрную фигуру с красивыми формами.

Мать — Иоганна Грозингер, унаследовала от матери приятную наружность. Вышла замуж по расчету и совершенно неожиданно для своей семьи. Получила хорошее образование, обладала литературным талантом. Проживая впоследствии в Веймаре, она стала известной писательницей, ее творческое наследие составило 24 тома. Была расточительной и легкомысленной особой, отличалась бессердечностью по отношению к своему сыну. Штейн характеризует ее так: «Самодовольная, ищущая всеобщего одобрения, эгоистическая, кичливая мотовка, с желанием блистать в обществе. Рассудочная натура, хотя очень любит веселье».

* * *

К. Н. Батюшков

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Батюшковы — старинный русский дворянский род.

Представители его с XVI века известны в числе служивых людей Московского государства.

Семен Батюшков — в 1543 г. московский посол в Молдавской земле.

Матвей Иванович Батюшков — участник войны с Польшей при царе Алексее Михайловиче и с Турцией при его сыне Федоре. За службу царям Московского государства в 1683 г. был награжден поместьями и землями.

Андрей Иванович Батюшков — внук Матвея Ивановича, служил при Петре Великом при разных гражданских должностях. Был человек, по семейному признанию, «нрава крутого и твердый духом».

Из его сыновей:

старший — Лев Андреевич Батюшков (дед поэта), человек, по-видимому, способный, деловой и уважаемый. Выбранный в депутаты от дворянства в знаменитую Екатерининскую комиссию, принимал участие в составлении проекта нового Уложения;

второй сын — Илья Андреевич Батюшков, за худые речи об императрице и умысел свергнуть ее с престола был сослан в Мангазею (бывший город в Западной Сибири, после опустошающего пожара перенесен на место Туруханска).

В нем обнаружилась «склонность к умопомешательству», за что по приговору суда дозволялось не употреблять его в ссылку на казенные работы в случае возобновления болезни.

Дядя (брат отца) — Павел Львович, человек прекрасно образованный и, по-видимому, очень способный. Дослужился до звания сенатора.

Отец — Николай Львович, из-за дела дяди (Ильи Андреевича Батюшкова) долгое время находился под надзором властей. Нрав его был неровен и своеобразен (даже странен).

Большой любитель французской литературы и почитатель западноевропейской философии XVIII века, собрал богатую библиотеку со множеством роскошных изданий.

Николай Львович имел от первого брака (с Бердяевой) четырех дочерей и сына Константина — будущего поэта.

Старшая дочь — Александра Николаевна, была больна умопомешательством.

Сам поэт — Константин Николаевич Батюшков, страдал безнадежным расстройством рассудка в течение 40 лет.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — Александра Григорьевна (урожденная Бердяева), через несколько лет после рождения сына сошла с ума, умерла после продолжительной (8 лет) психической болезни.

* * *

Г.Флобер

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — известный хирург парижского госпиталя. Способный и серьезный человек, практичный и целеустремленный.

Однако при всех своих способностях обладал патологическим характером. Был чрезвычайно аффективен, вспыльчив и импульсивен. В интимную семейную жизнь вносил сумятицу и сумбур, так что вскоре стал невыносим для своих домашних.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — весьма чувствительная особа, заболевшая психически. Была подвержена галлюцинациям.

Брат Ахилл — душевнобольной, часто впадал в крайнюю степень возбуждения, сменяющуюся длительной тяжелой депрессией.

Сам писатель Гюстав Флобер страдал истеро-эпилепсией.

* * *

Ж.-Б.П.Мольер

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — суровый, жестокий деспотичный человек. Отличался патологической скупостью и алчностью к деньгам.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Дед — большой театрал, с артистическими наклонностями.

Мать — ушла из жизни сравнительно молодой. Биографы предполагают, что она страдала душевной болезнью. От психических недугов, вероятно, в довольно раннем возрасте умирали братья и сестры драматурга.

Относительно самого знаменитого французского комедиографа Жана Батиста Поклена Мольера имеется также немало данных, свидетельствующих о психопатических особенностях его психики.

* * *

В.М.Гаршин

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Дед — Егор Архипович Гаршин, крутой, жестокий и властный человек. Порол мужиков, беззастенчиво пользовался «правом первой ночи» в своих владениях,

по воспоминаниям знакомых, «поливал кипятком фруктовые деревья непокорных крестьян». Всю жизнь судился с соседями из-за каких-то поджогов мельницы и к концу жизни привел в расстройство свое крупное состояние. На любое горе реагировал тем, что спал по несколько суток подряд.

По характеру — шизоид.

Бабушка — Пелагея Ивановна Гаршина, страдала циркуляторным психозом. Говорили, что она «...внесла безумие в род Гаршиных».

Дядя — Николай Егорович Гаршин, считался самым здоровым в семье Гаршиных, не злоупотреблял спиртным, скончался в преклонном возрасте.

Двоюродный брат — Федор Николаевич Гаршин, предводитель дворянства, веселый бонвиван. Был не прочь выпить в приятной компании. Задавал обильные пиры и угощения, на чем и разорился, спустив все свое состояние.

В возрасте 42 лет, узнав о том, что брат его отдан под суд за крупную растрату, отравился.

Двоюродный брат — Сергей Николаевич Гаршин, моряк, любитель женщин и вина. Умер от прогрессивного паралича.

Двоюродный брат — Леонид Николаевич Гаршин, «вечный студент», нигде не мог окончить курса образования, глупый, ни к чему не способный.

Тетя — Александра Егоровна, с большими странностями, совершенно не умеющая себя сдерживать. Видела во всем то, чего на самом деле не было: подозревала родных и знакомых во всяческих преступлениях любовного характера (изнасилование, кровосмешительство, незаконные и противоестественные связи); рассказывала небылицы такого рода почти про всех, с кем ей приходилось иметь дело; подозревала в измене мужа, которому было за семьдесят; следила за горничными и лакеями, устраивала гостям скандалы за каждое, по ее мнению, оскорбительное замечание. Вообще была, по воспоминаниям знакомых, «очень добрая, но невероятная лгунья».

Проявляла исключительное умение занимать деньги у знакомых, родственников, даже у мужиков, но тут же отдавала их всякому, кто просил. Любила лечить крестьян не совсем обычными средствами, такими, как серная кислота, кротонное масло. Несмотря на то, что ее снадобья «только калечили людей» (по сохранившимся воспоминаниям), как лекарка, пользовалась большой популярностью далеко за пределами своей губернии. Умерла в возрасте 68 лет от «удара». Была бездетной.

Тетя — Мария Егоровна, страдала пляской Св. Витта, умерла в возрасте 83 лет от «удара».

Ее дети:

Николай — человек ограниченный, мрачный, молчаливый, страдал запойным пьянством;

Варвара — очень любила хвастаться успехами у мужчин, множеством женихов и своими достоинствами, которых в действительности не имела. Отличалась склонностью ко лжи и преувеличениям;

Александр — был выгнан из младших классов разных учебных заведений; человек с большими нравственными дефектами, лгун и вор.

Дядя — Степан Егорович Гаршин, офицер — кирасир, блестящий, живой и веселый, славился остроумием. Женился во второй раз довольно необычно: встретил на постоялом дворе девушку, похожую на его покойную жену, и тут же сделал ей предложение. Картежник, сильно пил.

Умер в возрасте 40 лет от приступа белой горячки.

Тетья — Василиса Егоровна, умерла в возрасте 73 лет от «удара». Ее дети Митрофан и Сергей покончили с собой.

Дмитрий — спился и наложил на себя руки в состоянии белой горячки.

Дядя — Иван Егорович, военный, игрок, шулер, за что частенько был бит. Считал всех мошенниками и подлецами. При дележе наследства обманул сестер и долго с ними судился. Считался замечательным врачом. Любил рассказывать небылицы, уверял, например, что принимает столь горячие ванны, что в них можно сварить вкрутую яйцо. Рассказывал, как однажды, когда он после долгой разлуки приехал к сестре, последняя так обрадовалась, что бросилась к нему и обняла его, но не руками, а ногами.

Умер в возрасте 64 лет в психиатрической больнице.

Тетья — Ольга Егоровна, крайне нервная, безумно вспыльчивая и раздражительная (до пены у рта) особа. Умная, честолюбивая, энергичная, писала мужу речи для земских собраний.

Периоды энергичного поведения сменялись продолжительной ленью, когда она целые дни и недели проводила за пасьянсом.

При очередном подъеме настроения вновь пробуждалось стремление к деятельности, возникали желания к перемене мест, длительным поездкам, путешествиям.

Была очень ревнивой и страстной. В возрасте 46 лет после бешеной вспышки ревности впала в четырехдневный обморок, в результате чего оказалась парализованной. Через 6 месяцев после этого случая умерла в состоянии глубокого слабоумия.

Сын Ольги Егоровны — инженер, истеричный (с припадками), страдал агорафобией и циркулярным психозом. Умер от склероза сердца.

Его дочь — очень скрытная, упрямая, вспыльчивая, жестокая, замкнутая, мрачная, с резкими колебаниями настроения.

Дочь Ольги Егоровны — очень ленивая, малоподвижная. По целым месяцам не выходила из дома. Отмечались припадки меланхолии. Вместе с тем по временам появлялись подъемы настроения, возникало стремление к деятельности, будоражили мысли о путешествиях.

Отец — Михаил Егорович Гаршин, добрый, кроткий и слабовольный. Заядлый картежник. Страдал циркулярным психозом. Заболел на третьем курсе университета. Отмечались переходы от сентиментальной нежности к бурному гневу. Крайне рассеянный, пришибленный, испуганный, он получил кличку «Мишель-странный».

Под конец жизни страдал умственным расстройством. По словам сестер, писал проекты, которые адресовал государю.

В числе проектов сохранились изобретательские материалы (неудачные, по отзывам специалистов) по устройству канатной железной дороги.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Дед — Степан Дмитриевич Акимов, офицер Черноморского флота, очень образованный и добрый человек. Отношение его к крестьянам было так необыкновенно, что соседи-помещики считали моряка-романтика вольнодумцем и помешанным.

А «помешательство» это проявилось таким образом: в голодный год, когда половина населения в том месте, где он жил, вымерла от голода, цинги и тифа, Степан Дмитриевич заложил имение, привез хлеб и роздал его голодающим крестьянам, своим и чужим.

О моральных достоинствах флотского отставника можно судить и по другим примерам. Так, получив по наследству от отца все состояние, он разорвал завещание, разделил имущество поровну между братьями, а себе оставил только 50 крепостных.

Бабушка — Александра Степановна Акимова, крайне капризная, властная, очень религиозная, окружающие считали ее психопаткой.

Сестра деда — Елена, религиозная, аскетическая натура. На почве аскетизма сошла с ума, страдала эротоманией. Умерла в психиатрической больнице.

Мать — Екатерина Степановна Гаршина, очень образованная женщина, писательница и переводчик. Публиковалась в журналах «Северная пчела», «Петербургские ведомости», «Учитель». Умерла от апоплексии.

Брат писателя — Георгий Михайлович Гаршин, очень способный, талантливый адвокат. Отличался неукротимой дерзостью, сильно пил, вел беспорядочную и бурную жизнь, трижды женился. Периоды возбуждения сменялись затяжными депрессиями. Пониженное настроение отмечалось в молодости, когда он был гимназистом, в 30 лет впал в состояние, близкое к психозу.

В возрасте 50 лет на стадии тяжелой депрессии Георгий Михайлович застрелился.

Другой его брат — Евгений Михайлович Гаршин, педагог. Добрый, мягкий, но крайне слабохарактерный человек, с колебаниями настроения. Проявил склонность к литературным занятиям. Напечатал «Очерки по истории русской литературы», роман для детей.

В последние годы жизни впал в мистику и религиозность.

Его дочь — Наталья Евгеньевна, очень способная, с детства страдала циркулярным психозом. Неоднократно лечилась в психиатрических больницах. Во время психоза наблюдались кататонические явления.

Сам писатель — Всеволод Михайлович Гаршин, страдал циркулярным психозом, несколько раз попадал в психиатрические лечебницы.

Покончил с собой во время меланхолического приступа.

* * *

О. де Бальзак

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — по профессии адвокат, очень образованный и замечательный человек. Однако весь его психологический статус изобличал в нем шизоидную натуру с присущими ей характерными чертами. Отличался эксцентричностью, странностями, чудачествами, будоража домашних и знакомых.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — женщина психопатического склада.

Сам великий писатель Оноре де Бальзак долго помнил ее бессердечность, вспыльчивость, суровость и жестокость. Дети боялись даже обычных ритуалов — утренних встреч и вечерних прощаний с матерью, так как от нее всегда можно было ожидать неожиданных причуд и странностей.

Она боялась кормить детей грудью (считала, что это вредно для их здоровья), отдавала младенцев кормилицам, совершенно не проявляла родительской заботы, бросив дело воспитания на произвол судьбы и волю случая.

* * *

П.И.Чайковский

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец великого русского композитора — горный инженер, какое-то время состоял преподавателем горного корпуса. Добродушный, жизнерадостный, открытый человек, доверчивый, идеализировал каждого встречного-поперечного, за что неоднократно и жестоко поплатился.

По образованию и умственным способностям не выделялся из среднего уровня, хотя и считался неплохим специалистом в своем деле. В сфере искусства далее самого поверхностного дилетантизма не выходил, отдавая предпочтение музыке и драме. Играл в молодости на флейте, увлекался театром.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Дед — Андрей Михайлович Асспер, сын французского эмигранта времен Великой Французской революции. Приняв русское подданство, Андрей Михайлович, благодаря своим связям, образованию и замечательному знанию языков, вскоре занял видное положение. Служил в таможенном ведомстве, имел чин действительного статского советника. Страдал эпилептическими припадками.

Бабушка — Екатерина Михайловна, дочь диакона Сергиевского собора в Петербурге.

Дядя — Михаил Андреевич Асспер, гвардейский офицер.

Страдал эпилептическими припадками, как и его отец. «Был восторженным дилетантом в музыке. Умер сравнительно рано.

Дядя — Андрей Андреевич Асспер, закончил военную службу в чине полковника.

Тетья — Екатерина Андреевна, известная в салонах высшего общества Петербурга певица-любительница.

Мать — Александра Андреевна, музыкально одаренная натура. Выразительно и с чувством исполняла модные арии и романсы. По характеру была замкнута, скупа на ласки и проявления нежных чувств. Даже делая доброе дело, она оставалась холодной и строгой.

Сам Петр Ильич Чайковский страдал эпилептическими (или истеро-эпилептическими) припадками. Помимо этого у него не раз случались приступы психического расстройства, что в какой-то мере было обусловлено его гомосексуальными наклонностями.

Таким образом, в данном случае мы видим, что по материнской линии присутствуют психопатические черты характера, эпилептические припадки и признаки музыкальной одаренности.

Хотя склонность к музыке была и у отца П.И.Чайковского.

Л.Н.Андреев

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — землемер. По характеру это был человек с патологической психикой. Часто, сильно и запойно пьянствовал. В состоянии алкогольного опьянения буйствовал, скандалил и дрался, беспричинно затевал ссоры с кем угодно. Был очень суров и жесток, его боялись в семье. Умер от кровоизлияния в мозг сравнительно молодым (в возрасте 42 лет).

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

О материнской линии сам Леонид Андреев так отзывается в автобиографической записке: «... мое влечение к художественной деятельности наследственно опирается на линию материнскую. Именно в этой стороне я нахожу наибольшее количество людей одаренных... Пылкое фантазерство, не находившее себе границ в условиях скудной действительности, составляло характерную черту некоторых моих родственников... В смысле обычной талантливости они оставались самоучками.

Под этой характеристикой он, по-видимому, имел в виду своего дядю Н.Н.Пацковского или же свою мать.

Мать — отличалась большим даром фантазии, придумывала интересные сказки, сочиняла невероятные истории.

Ее эксцентричность и чудачества изобличали в ней шизоидную натуру. Временами случались приступы кататонического ступора.

Сам писатель Леонид Николаевич Андреев был по своей психике шизоидом, неоднократно лечился в психиатрической клинике.

* * *

Вариант четвертый: взаимодействие генетических линий, а также данные по отдельным линиям с обязательным психотическим компонентом в наследственности.

С.Я.Надсон

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Дед — еврей из Киева, принявший православие.

Отец — по рассказам знавших его людей, был весьма даровитым человеком и хорошим музыкантом. Умер в молодости от психического расстройства в приюте для душевнобольных, когда его сыну, будущему поэту, исполнилось только 2 года.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — Антонида Степановна Мамонтова, из дворянской семьи, отличалась редкой красотой и необыкновенной сердечностью. Была симпатичной и привлекательной. О каких-либо симптомах одаренности или психических дефектах с ее стороны сведений нет.

* * *

В.Г.Короленко

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — родом из чиновной среды мелких дворян. Сравнительно молодым человеком, в возрасте 30 лет (через 3 года после свадьбы), был парализован (гемиплегия всей половины тела). Таким и остался на всю жизнь.

В характере имел явно выраженные психопатические черты. Экцентричный фантазер, странный, с чудачествами, замкнутый самодур, вспыльчивый, ревнивый, неудачник. Взял в жены девочку 13 лет с тем эгоистическим расчетом, чтобы в ее воспитании исключить период девичьего кокетства. Ревность выражалась у него дико и грубо: уезжая куда-нибудь, он запирал жену на замок.

К концу жизни стал прогрессивно слабеть физически и психически.

Умер сравнительно молодым человеком.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Мать — по описанию самого В.Г.Короленко, была несчастлива в браке.

О каких-либо симптомах одаренности или психопатии нам неизвестно.

Один из братьев писателя, по словам самого В.Г.Короленко, страдал галлюцинациями.

Одна из его сестер — в умственном отношении весьма ограниченная, с видимой психической дефективностью.

Сам писатель Владимир Галактонович Короленко — натура чрезвычайно сенситивная. В последние годы жизни болел амиотрофическим боковым склерозом.

* * *

А.П.Чехов

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Дед — Егор Михайлович Чехов, крепостной Черткова (друга Л.Н.Толстого). Человек эксцентричный, с чудачествами и странностями. Строгость, упрямство и педантизм были выражены у него до неумолимости. Шизоидный тип.

Отец — Павел Егорович, торговал в бакалейной лавочке, соединенной с винным погребком.

Отличался тяжелым патологическим характером, гнет которого почувствовали на себе как Антон, так и Александр Чеховы.

Это был грубый, властный, жестокий человек, который всех держал в железных тисках. Дети от него не видели не только ласки, но даже редко удостаивались простого внимания. Телесное наказание младших в семье считалось обычным делом.

По воспоминаниям великого писателя, «оплеушины, подзатыльники и порка были явлением самым обыкновенным, и он широко применял эти исправительные меры к детям. Перед ним все трепетали и боялись его пуще огня».

Зная эту деталь семейной жизни А.П.Чехова, можно не задумываться над тем, откуда заимствованы воспоминания о тяжелом детстве, исходящие из уст героев его произведений.

«Я помню, — говорит Лаптев в «Трёх годах», — отец начал учить меня, или, попросту говоря, бить, когда мне не было еще пяти лет. Он сек меня розгами, драл за уши, бил по голове, и я, просыпаясь каждое утро, думал прежде всего, будут ли сегодня драть меня».

Другой чеховский персонаж — Баранцевич, произносил такой монолог: «Вся семья жила замечательно дружно. Отец держался, как мне казалось, от семьи в стороне и производил на меня, по крайней мере, несколько устрашающее впечатление».

Таким образом, отец А.П.Чехова, несомненно, имел патологический характер. С другой стороны, ему были не чужды влечения к искусству и знанию. В молодости он играл по нотам на скрипке, рисовал, писал иконы, имел хороший голос и музыкальный слух, пел в церковном хоре, где был регентом, наставником и аккомпаниатором, пользовался заслуженным уважением. Значит, это был человек, так сказать, с потенциальной талантливостью.

Сам великий писатель считает, что унаследовал талантливость от отца.

Брат — Николай (старший из 6 детей), обладал своеобразным, живым, порывистым, вспыльчивым характером. Был талантлив, правдив, любил музыку.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

В отношении матери А.П.Чехова ничего патологического отметить нельзя. По поводу ее одаренности также не имеется достоверных данных.

* * *

К.Д.Бальмонт

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Никаких данных в отношении одаренности или психических аномальностей по линии отца мы не имеем.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Сам Бальмонт пишет в автобиографии: «Предки моей матери были театралы. Родоначальником был князь Лебедь, из Золотой Орды. Быть может, этим отчасти можно объяснить необузданность и странность, которые всегда отличали мою мать, и которые я от нее унаследовал так же, как и весь свой душевный строй.

Отец моей матери (военный генерал) — писал стихи, но не печатал их.

Его брат — Петр Семенович Лебедев, был редактором «Русского инвалида» Кросинского.

Дочь Петра Семеновича Лебедева — Лидия Лебедева, малоизвестная поэтесса. Все сестры моей матери (их много) писали стихи, но не печатали их.

Моя мать тоже писала и пишет, но не стихи, а заметки и небольшие статьи в провинциальных газетах».

Далее в автобиографии Бальмонт говорит о своем брате: «...первый и сильный толчок дан был мне моим старшим братом, который очень увлекался философией и умер 33 лет в помешательстве (религиозная мания)».

Поэт пишет также и о себе, что он в припадке меланхолии выбросился из окна с целью самоубийства. По его словам, свои психопатические особенности он унаследовал от матери.

Вполне возможно, что и свой литературный талант Константин Дмитриевич Бальмонт унаследовал по материнской линии, многие представители которой (дед, брат деда, его дочь, мать Бальмонта, ее сестра и брат) успешно занимались литературной деятельностью.

* * *

Ф. Ницше

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Прадед и дед философа — преподаватели богословия. Отец — Карл Людвиг Ницше, происходил из духовного сословия. Покровительствовал ему король Пруссии — Фридрих Вильгельм IV. «Блестящая карьера открывалась перед ним, но его больные нервы, слабая голова обрекли его на спокойную жизнь», — повествует биограф философа — Даниель Галеви в книге «Жизнь Ф.Ницше». По-видимому, он нажил какую-то нервную (с органическими нарушениями) болезнь. Умер после целого ряда приступов безумия и изнурительных страданий.

Сам знаменитый философ подчеркивал, что он получил от отца своеобразное «наследство», которое с удовольствием пожертвовал бы адской клинике.

Таким образом, со стороны отца одаренность (способности, перспективы блестящей карьеры) симбиозировал с нервными и психическими расстройствами. Этот симбиоз передается сыну-философу как готовое конституциональное звено, которое самым невероятным образом превращается затем у Фридриха Ницше в нечто грандиозное, где связь его творчества с безумием чрезвычайно ярко выражена.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Наследственность со стороны матери нами не изучалась.

* * *

Л. Ван Бетховен

СО СТОРОНЫ ОТЦА

Бабушка — была алкоголичкой.

Отец — алкоголик, человек психопатического склада. Крайне вспыльчивый, грубый и жестокий. В периоды беспробудного пьянства пропивал все и доводил семью до нищеты. Желая эксплуатировать талант сына, он принуждал ребенка к непосильной работе, заставляя его музицировать дни и ночи напролет. Между тем сам был человеком музыкально одаренным, обладал хорошим тенором.

Один из племянников — авантюрист, «пошел по дурной дороге», чем причинил великому композитору немало хлопот.

* * *

Т.Р.Мальтус

(английский экономист. Считал, что действие «естественного закона народонаселения» приведет к «абсолютному избытку людей» и катастрофическим последствиям для человечества)

ПО ЛИНИИ ОТЦА

Отец — Даниель Мальтус, человек умный, образованный, много читал, сам занимался литературой, большой поклонник философии гуманизма XVIII века. Был лично знаком с Руссо и Юмом. Все время проводил за книгами или, занимаясь ботаникой, изучал природу, любил мечтать у камина.

В то же время был очень эксцентричным и странным. Его экстравагантные чудачества свидетельствуют о психопатических уклонах психики.

ПО ЛИНИИ МАТЕРИ

Нет никаких данных.

* * *

Л.Фейербах

(немецкий философ-материалист и атеист)

Отец — человек гиперэстетического и ровного характера. Брат — страдал неизлечимым юношеским помешательством.

* * *

Н.Паганини

Отец — крайне грубый, жестокий человек. Мог держать своего сына (знаменитого скрипача) целыми сутками под замком. От гнева жестокого отца Никколо Паганини убежал навсегда из дома.

* * *

К.М.Станюкович

Отец — суровый, жестокий, депотичный самодур, от которого все стонали.

* * *

Фридрих Великий

(король Пруссии)

Отец — помешанный.

* * *

Карл V

(император Священной Римской империи германской нации)

Мать — страдала меланхолией и умопомешательством.

* * *

В.Гюго

(великий французский писатель)

Брат — Эжен, болел психически.

Дочь — находилась 30 лет в психиатрической больнице.

* * *

Г.Ю.Цезарь

(римский диктатор и полководец)

Дочь — умерла от нервно-психического потрясения во время беременности.

* * *

С.Т.Аксаков

В роду Аксаковых одаренность часто сочетается с нервно-психическими расстройствами. Так, сестра Сергея Тимофеевича, его дочь, внук — Сергей Григорьевич, сын последнего, страдали эпилепсией. Вероятно, что и сам писатель и его дед — Степан Михайлович, также были подвержены этой болезни.

* * *

И.С.Бах

Сын композитора — душевнобольной.

* * *

Тацит

(римский историк)

Сын — слабоумный.

* * *

А. Ришелье

(кардинал, фактический правитель Франции при короле Людовике XIII)

Сестра — душевнобольная, воображала, что у нее спина стеклянная.

* * *

Ч.Дарвин

(английский естествоиспытатель, теоретик эволюции органического мира)

Дед — Эразм, человек эксцентричный, со странностями и чудачествами, большой фантазер, с вычурными манерами. Писал напыщенные, риторические стихи.

Сын Эразма (средний) — писал стихи, занимался нумизматикой и статистикой. Психически больной. Окончил жизнь самоубийством вследствие помешательства.

Сам Чарльз Дарвин — страдал какой-то постоянной нервной болезнью, боялся «наследственности» своих детей. Временами, по словам биографа, впадал в «крайне летаргическое, сонное и меланхолическое состояние».

* * *

М.Буонаротти

(итальянский скульптор, живописец и поэт эпохи Возрождения)

Отец — страдал бредом преследования.

* * *

Ч.Диккенс

(выдающийся английский писатель)

Отец — чиновник интендантства. Крайне странный, эксцентричный чудаки и фантазер, склонный предаваться несбыточным иллюзиям и фантазиям насчет всевозможных средств обогащения. В конце концов попал в тюрьму за долги.

* * *

Марк Твен

(знаменитый американский писатель)

Дочь — Жанна, страдала эпилепсией. Умерла в ванне во время припадка.

* * *

А.Дидро

(французский философ-материалист, писатель, основатель и редактор «Энциклопедии или Толкового словаря наук, искусств и ремесел»)

Сестра — душевнобольная.

* * *

Г.В.Ф.Гегель

(немецкий философ, создатель теории диалектики)

Сестра — душевнобольная, воображала, что она превратилась в почтовую сумку.

* * *

Итак, можно констатировать, что для выявления феномена гениальной одаренности необходимо генетическое взаимодействие факторов кумулятивного свойства (накопление признаков талантливости) с диссоциативными звеньями (присутствие психопатологических моментов).

По поводу родового накопления особого свойства энергии, называемой одаренностью, следует признать, что наличие этой энергии есть лишь потенциальная возможность, которая еще не является самой гениальностью.

Гениальность (или талантливость) представляет собой механизм выявления этой скрытой энергии. Для того чтобы возник такой механизм очевидности всплеска феноменальных способностей в органическом выражении, должен присутствовать кумулятивный фактор, созидающий соответствующую конституцию.

И тогда на сцену выступает второй родовой фактор — диссоциативный (в форме скрытой или явной психопатизации), изменяющий психическую структуру так, что появляются специфические условия, при которых возникает возможность выявления скрытой гениальности.

Симбиоз кумулятивных и диссоциативных компонентов в генетических линиях великих людей является, как указывалось, биогенетическим законом гениальности, и реакция взаимодействия определенных «критических масс» творческой энергии с элементами психической аномалии есть следствие этого закона. Вот почему становится понятно, отчего у великих людей психопатическая отягченность достигает 100%, то есть является сплошной.

С этим фактором, как специфическим генетическим атрибутом великих людей, необходимо считаться при проведении любых научных исследований в эвристической сфере.

В свете изложенного зримо представляется несостоятельность крайних взглядов евгеников (евгеника — теория о наследственном здоровье человека и путях его улучшения), рассматривающих любую психопатологию как признак человеческого вырождения.

На самом же деле примеры европатологии гениальной личности — это нестандартные ситуации развития процесса особой биологической продуктивности. Проблемы исследования и контроля различных сторон данного явления еще должны занять достойное место в современной науке, ибо общество не может оставаться безразличным к судьбе таланта. Можно надеяться, что со временем будут найдены подходы и методы, позволяющие давать точную количественную оценку возможностям реализации творческой активности.

В данном аспекте следует подчеркнуть, что творчество гения связывает с творчеством душевнобольного одинаковая способность реагировать на определенное сочетание элементов кумулятивно-диссоциативного порядка в биогенетической основе. Разделяет же их громадная разница количественного выявления кумулятивной энергии одаренности: у гения эта энергия велика, в то время как у душевнобольного ее несравнимо меньше.

Гений в процессе длительного генетического накопления располагает большими возможностями кумулировать одаренность, нежели душевнобольной.

Поэтому в процессе проявления способностей огромный количественный «задел» творчества обеспечивает формирование качественных характеристик, отличающих талант.

В творчестве душевнобольного этого качества нет вследствие того, что здесь проявление способностей происходит преждевременно.

Вместе с тем преждевременность «срыва» всегда угрожает и одаренной личности.

Вот почему так важны обоснованные рекомендации по нивелированию различных негативных моментов. И если точные качественные и количественные оценки феномена гениальности — дело будущего, то тем внимательнее следует рассматривать уже накопленный фактический материал по генетической и конституциональной основе одаренной личности, клиническим наблюдениям, оценкам влияния общественной среды (патографии известных лиц).

В отличие от пространных теоретических рассуждений, перегруженных домыслами субъективности, сегодня пока только фактологию можно принять как основу реального научного поиска причин гениальности.

ГЕНИЙ: БИОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

Биологический «пьедестал» гениальной и одаренной личности всегда был центром притяжения пытливых и любознательных исследователей.

Морфологи, френологи, физиогномисты, клиницисты, психологи — как объединенные под знаменами научных и псевдонаучных школ, так и в настоящем одиночестве — все они, сознавая, что имеют дело с чудом природы, искали его истоки.

Многие всемирно известные музеи, научные центры, академии и университеты сохраняют и поныне как бесценные реликвии частицы плоти великих мира сего.

Любопытные и в наши дни могут взглянуть на миндалины Ф.И.Шляпина, мозг Е.Н.Павловского и Н.А.Холодковского, мощи В.И.Ленина.

Наблюдений много, однако до создания строгой и четкой системы оценки биопсихологического статуса знаменитостей, к сожалению, еще далеко.

Имеющиеся достижения напоминают пока россыпи мозаики, не сложившейся в задуманный орнаментальный узор.

Действительно ли существуют какие-нибудь анатомические особенности у людей выдающихся психических способностей или таковых нет? Если существуют, то какие именно, и где их искать? Может ли морфология дать надежду на то, что исследования в этой области с целью поиска основы одаренности и гениальности будут обещающими? Является ли мозг генератором и вместилищем ценных идей?

Такие вопросы вставали перед каждым исследователем органического субстрата от френолога, колдовавшего над шишками и вмятинами на черепе, последователя Ломброзо и физиогномиста, придававшего мистическое значение каждой морщине и диспропорции на лице, до современного аналитика загадочной вязи корковых извилин мозга.

Иногда в самоотверженной работе энтузиастов-анатомов как будто виднелся прорыв. Так, прочитав «Медицинский работник» №6 за 1925 год, можно было начинать слагать очередную оду современной медицинской науке по поводу ошеломляющей публикации.

Французский врач Гильом, которому было поручено исследование мозга знаменитого французского писателя Анатоля Франса, указал на большой научный интерес, который связан с изучением такого мозга. К сожалению, семья покойного не разрешила опубликовать его наблюдения.

Доктор Гильом ограничился поэтому в настоящее время сообщением, что «в отношении амплитуды, числа и тонких извилин мозг Анатоля Франса представляет из себя мозг-уникум».

Как тут было не вспомнить о других подобных находках.

Например, о превышающем все мыслимые размеры гигантском мозге А.И.Герцена. Казалось, что наступил момент истины: взвешивай мозг, считай завитки извилин, сравнивай, сопоставляй — и вот уже близок желанный результат: цепь эмпирических достижений замыкается в неразрывный теоретический круг!

Настораживало, правда, то обстоятельство, что не все масштабные деятели могли похвастать наличием у себя мозга-уникума.

К примеру, можно вспомнить материалы патологоанатомического исследования мозговых структур гениального В.И.Ленина. Вскрытие и анализ тайника ума великого вождя проводил известный академик А.И.Абрикосов. Результаты этой интересной работы были опубликованы практически одновременно с медицинским заключением из Франции, касающимся мозга Анатоля Франса. Только вот выводы Абрикосова и Гильома не совсем совпадали. Так, если мозг Анатоля Франса вызвал восторженные научные оценки, то в случае с продолжателем дела К.Маркса особого энтузиазма не наблюдалось.

Размеры мозга Владимира Ильича были отнюдь не сократовскими, наоборот, такой общей массой всех церебральных структур мог гордиться разве что средний школьник средних классов средней школы. Во время аутопсии, согласно протоколам вскрытия, каждый разрез сопровождался характерным хрустом, напоминавшим хруст разрезаемых сухих макарон. Это трещали перекальцинированные стенки обызвествленных артерий, вен и прочих сосудов, которые, видимо, каменели уже немало лет. Просвет сонной артерии вообще поражал своей фантастической малопроеходимостью: через полость внутри сосуда можно было протянуть только человеческий волос.

В какую из полостей кладовой разума ни вторгался нож анатома — отовсюду изливалась не бурнопенная кровь, а только застойная жидкость, подернутая зеленоватой пленкой, медленно струившаяся в парах неприятного запаха.

И наконец, кора головного мозга, этот «царский плащ с иероглифами Божьих искр», имела на одной из долей левого полушария обширную вмятину со стертым рисунком извилин, в которую мог поместиться детский кулак.

Удивительно, как через такое «поле безмолвия» могли пробегать нервные сигналы, кодирующие передовую революционную мысль.

Наследственный обширный атеросклероз, крайнее напряжение жизненных сил, неупорядоченный режим деятельности, конечно, сделали свое дело: погубили человеческий организм в сравнительно раннем возрасте. Но все же остается много вопросов, когда размышляешь о том, как можно было, имея такие дефекты мозговых структур, врожденные и нажитые, переплывать непереплываемое.

Переходя от крайностей к заветной золотой середине, вновь рассмотрим эволюционный ход решения проблемы.

Известно, что морфологи, работавшие в области изучения мозга неординарных личностей, долгое время ограничивали свои исследования почти исключительно изучением только рельефа коры передних долей полушарий. Образовались даже две школы исследователей: представители одного направления не ожидали новинок, выявляющих зависимость одаренности от морфологического статуса, другие же считали поиск таких признаков заслуживающим внимания.

Наиболее, пожалуй, ярким представителем первой школы являлся среди русских ученых Д.Н.Зернов, а среди зарубежных аналитиков — Л.Штида (Германия).

Д.Н.Зернов отмечал по поводу исследованного им мозга генерала М.Д.Скобелева, что «...ни вес, ни объем, ни особенности формы извилин не выдвигают его из ряда обыкновенных и не выражают несомненной высоты его функций...», и далее выразил свое убеждение, что и по отношению к другим выдающимся людям «...подобные же заключения подтверждаются, если они будут произведены так же подробно и без предвзятых идей...».

Л.Штида изучал мозг доктора философии Георга Зауервейна, отличавшегося выдающимися способностями в изучении иностранных языков: знал 40-50 языков и мог овладеть любым новым для себя языком в течение нескольких недель настолько, чтобы свободно говорить, писать и сочинять стихи.

Несмотря на такую выдающуюся одностороннюю одаренность Г.Зауервейна, Л.Штида не мог подметить ничего характерного и отличного от нормы как вообще на всем пространстве коры, так, в частности, и в области так

называемых центров речи. Л.Штида пришел к такому заключению: «Анатомические исследования различно устроенных поверхностей полушарий мозга не дают никаких исходных пунктов, на основе которых можно было бы открыть более или менее высокую одаренность обладателя таковым мозгом и даже единичных выдающихся способностей. На основании морфологических различий нельзя делать никаких заключений».

К числу таких же «пессимистов» в данном вопросе можно было бы отнести еще целый ряд крупных морфологов, уделявших время для изучения мозга выдающихся личностей, но их выводы в основном аналогичны суждениям Д.Н.Зернова и Л.Штиды.

Оппоненты — представители школы научного поиска противоположного направления — наоборот, проявляли уверенность в положительном результате. Так, анатом Ф.Маурер в своей монографии, посвященной описанию мозга Эрнста Геккеля, акцентировал, что все дело сводится к тому, чтобы правильно ставить вопросы: «...Спрашивай природу правильным образом, и она тебе ответит». По изучаемому мозгу, считал он, мозгу неизвестного человека, пока нельзя еще сделать верного заключения о его психической деятельности, но, «...зная жизненную работу человека, интересно исследовать строение его мозга, чтобы узнать, делает ли найденное понятным эту его жизненную работу, если его сравнить с тем, что ты находишь на мозге других людей, жизненное поведение которых ты знаешь». И это ожидание Ф.Маурера в данном случае не обмануло. Мозг Э.Геккеля по своей «необычайной величине, в общем и в частности обнаруживает монументальное развитие», и это свойство состоит в гармоническом согласии с тем, что мы знаем о жизнедеятельности самого Э.Геккеля.

Основная мысль Ф.Маурера о том, что необходима правильная постановка вопроса перед началом работы, побудила исследователей делать принципиально новые шаги. Так, помимо изучения рельефа коры в определенных зонах полушарий мозга в сфере научного интереса оказались цитоархитектоника клеток, звенья эндокринной системы, конституционные особенности.

После работ Бродмана учение о клеточной архитектонике различных церебральных структур получило дальнейшее развитие в трудах О.Фохта и Ц.Фохт. Внимание ученых сосредоточилось на выявлении связей между некоторыми психопатологическими состояниями и тем или иным видом микроскопических картин мозга. Поэтому мысль искать далее подобным образом возможные корреляции между картинками клеточного строения

отдельных районов коры и выдающимися психическими способностями получила развитие как совершенно естественная.

Целенаправленные поиски приводили иногда к интересным находкам.

Так, при исследовании мозга одного из выдающихся натуралистов, умершего в преклонном возрасте (86 лет), было обнаружено необычайно сильное развитие наружного зернистого слоя в коре головного мозга, причем в тех участках, где у взрослого человека он уже почти не бывает выражен.

То же самое следует иметь в виду и при изучении кровоснабжения мозга. Ученые-оптимисты считали, что должна существовать связь и прямая зависимость энергии и качества работы мозга от количества и, конечно, качества протекающей крови. Тонкое распределение крови между отдельными зонами церебральных структур как носителями определенных функций мозга связано, по их мнению, с уровнем проявления психических способностей. Существенное значение придавалось также гистологическому строению сосудистой стенки, общему состоянию гемодинамики, составу крови (показатели содержания гормонов, липидов, других биохимических компонентов).

В качестве положительного примера влияния особенностей кровоснабжения головного мозга на повышение умственных способностей было усмотрено «особо выгодное» отхождение общей сонной артерии, случайно обнаруженное при вскрытии тела Н.А.Холодковского.

И все же, несмотря на отдельные находки, стройной доказательной системы создать не удалось. До настоящего времени не выявлено не только конкретных органов, генерирующих одаренность должной степени, но даже не всегда удается на материале аутопсий отличить без подсказки мозг исторической фигуры от мозга простого смертного.

Сегодня исследования морфологии сознания отличаются масштабной разноплановостью. Учитывая обязательное наличие психотического компонента в биогенезе знаменитых личностей, обращается внимание на наличие в мозговых структурах патологических изменений, сходных с отклонениями от нормы при психических расстройствах.

Известно, что психопатологические и психодегенеративные состояния сопровождаются моно- или полиморфными нарушениями органики, а также аномалиями структурного плана, гораздо чаще, чем это наблюдается у средних людей. Связь нарушения сознания с выраженной атипичностью состояния элементов нервной и сосудистой ткани отмечали Н.Н.Бурденко, А.Л.Абашев-Константиновский.

Проанализировав многие варианты сочетания нейродинамических и органических изменений, П.Е.Снесарев пришел к выводу, что любая органическая форма психической болезни имеет свою патологическую анатомию.

Так, при соматогенных психозах в нервных клетках определяется нарушение дисперсности коллоидов, оводнение, гипоксия, в сером и белом веществе находят размывание контуров околососудистых пространств, отечные формы глиии. При исследованиях нейроглии выявляются саттелиоз, микрогранулемы, диффузия или мелкоочаговая пролиферация глиии, ареактивность, появление многокамерных дренажных клеток, в мелких и мельчайших мозговых сосудах находят продуктивный васкулит, дисгемические расстройства, стазы, белковые флоккуляты и коагулянты.

Однако необходимо заметить, что убедительных различий в интенсивности микроскопических изменений в каком-либо из отделов мозга в связи с особенностями конкретной психопатологии выявить пока не удалось.

Нарушения меньшей интенсивности и неопределенной диффузности присутствуют на разных стадиях отклонений в психическом статусе. Естественно, что они отмечаются и в ряде случаев при патологоанатомических исследованиях у одаренных лиц. Сегодня внимание отечественных и зарубежных ученых привлекает также изучение структур мозга, определяющих эмоции, мотивацию поведения.

Таким образом, проблема зависимости степеней таланта от уровня развития мозговых извилин продолжает решаться в основном на пути эмпирического поиска.

Следует, однако, заметить, что одно лишь доскональное изучение изолированных препаратов центров высшей нервной деятельности никогда не решит всей проблемы. Она гораздо масштабнее. Например, наблюдения динамики психических процессов в опытах с экстирпацией и, особенно, с имплантацией тех или иных эндокринных желез с полной ясностью показывают, что изменение гормональной активности — также могучий регулятор умственной продуктивности и психического состояния человека. Поэтому анатомо-гистологическому, физиологическому исследованию эндокринной системы издавна придается немаловажное значение при оценке материальной основы одаренности.

Не вдаваясь в подробное обоснование значения прочих органов и систем, необходимо помнить, что при исследованиях подобного плана нельзя вообще оставлять без внимания и конституциональную характеристику организма,

его естественные способности и возможности соответствующим образом рефлексировать и адаптироваться в условиях постоянных изменений внутри самого субъекта, а также в окружающей его природной и социальной среде.

Отсюда становится понятной необходимость правильной постановки проблемных вопросов, если они нацелены на выяснение более полного представления о биопсихическом и морфолого-конституциональном статусе личности с выдающимися психическими способностями.

Что касается изучения подобной личности, то следует иметь в виду, что помимо медицинского обследования и исследования общей конституции, помимо изучения антропологических данных, биогормонального статуса, обычных или наследственных рефлексов необходимо вести учет всех вообще проявлений личности в разных формах доминантных процессов или сосредоточения в сочетании с внешними и внутренними раздражителями, как в настоящем, так и в прошлом.

Для означенной цели разрабатываются плановые схемы наблюдения в условиях проявления главнейших реакций личности в ответ на те или другие воздействия среды, активирующие механизмы сложнейших органических рефлексов или инстинктов в области мимико-соматической динамики, сложившихся установок поведения вообще, характера речевых особенностей, творческих актов.

Непрерывное наблюдение за всеми проявлениями личности приобретает возрастающую ценность по мере возможности пролонгировать сроки контроля. Недостающие звенья могут быть восполнены осуществлением естественных экспериментов с применением адекватных раздражителей, постановкой тестов. Важно при этом не ограничиваться только анализом субъективных ответов, а проводить как можно более полное изучение объективных процессов (реакции наступательные, оборонительные, тормозные и т.д. на конкретные раздражители), коррелируя полученные результаты в связи с прошлым опытом и сложившейся установкой.

Существенно важно иметь в виду и наблюдение за профессиональной деятельностью, а также за достигаемыми результатами. При этом на определенных этапах можно применять специальные приемы персонального наблюдения и исследования. Помимо характеристики природных аналитических способностей личности (тонкость слуха, точность глазомера, степень развития навыков и т.д.) должны оцениваться работоспособность, продолжительность циклов возбуждения и утомления в зависимости от влияния внешних

и внутренних условий, уровень устойчивости сосредоточения при выполнении работы (с использованием стороннего раздражителя), индивидуальные возможности по реализации творческой активности.

Иногда исследователи впадают в отчаяние. Такое случается, когда результаты собственных наблюдений сопоставляются с опытом, накопленным другими. Все новые и неожиданные нюансы как бы соединяются в бесконечный поток, размывающий казавшиеся стройными субъективные логические конструкции.

Рассмотрим, к примеру, замечания В.М. Бехтерева о механизме творчества. Если вникнуть в их суть, то ход исследования следует продолжать с определенной оглядкой. Так, знаменитый психоневролог считает, что процессы, свободно разрешающиеся в бодрствующем состоянии двигательными реакциями, протекают без ярких субъективных образов, тогда как всякая задержка двигательного акта доводит субъективное состояние до крайнего напряжения и интенсивности.

После такой поправки начинают меркнуть в памяти образы жестикулирующих гениев, вдохновлявшихся на продолжительных прогулках озарениями высшего смысла.

А судьбоносный удар яблоком по великому Ньютону. Разве не во время двигательной защитной реакции рук, охвативших умную голову, в ней запечатлелся Закон всемирного тяготения?

Можно также сослаться как на полемиста, на поэтического трибуна В.В.Маяковского, который рассматривал феномен любви (неиссякаемый источник творчества) в качестве сплошного двигательного акта:

Любить — это значит:
В глубь двора вбежать
И до ночи грачьею, блестя топором,
Рубить дрова, силой
Своей
Играючи...

И, наконец, Конфуций с его знаменитым изречением: «Ум — это скорость!»
Но вернемся к замечаниям В.М.Бехтерева, ибо суждения крупного ученого всегда полезно знать. Несмотря на существовавшие сомнения, он пошел

еще дальше: во время сна создаются условия для задержки внешнего разряда в форме движения, что поднимает интенсивность субъективных состояний под влиянием притекающих раздражений до необычайной степени (до фактических галлюцинаций). Если прибавить еще грезы наяву, то следует считаться со степенью прострации: от нее, оказывается, зависит творческий, в том числе поэтический успех.

Учитывая изложенное мнение, мы приведем далее материалы исследований великих людей и в состоянии их обездвиживания.

Таким образом, уяснив, что до создания полных шаблонных схем обследования лиц выдающихся способностей еще далеко, мы предлагаем фрагментарные научные наработки в необъятном поле биопсихологической мозаики гениев.

В этом плане представляют интерес работы авторитетного исследователя, приват-доцента психиатрии Г.В.Сегалина и других авторов (в том числе профессора психиатрии М.П.Кутанина) по теме «Эвропатология гениальной и одаренной личности», изданные в научных журнальных сборниках в двадцатых годах. В них представлена попытка разобраться в многочисленных вариантах психоэвротических пропорций гениальной одаренности, проанализировать взаимоотношения психотического и кумулятивного компонентов и роль этого взаимоотношения в структуре эврореактивных типов.

При изложении данных материалов мы по возможности сохранили принятую в них терминологию. Поэтому обращаем внимание на то, что отдельные понятия (например, «психотизм» как показатель любых психопатологических сдвигов) имеют у авторов более широкое применение, чем это принято в современных нозологических классификациях.

Г.В.Сегалин отмечал, что весьма существенным моментом, от которого зависит структура эврореактивных типов, является взаимоотношение основных компонентов одаренности: психотического и кумулятивного. Если ранее эти компоненты рассматривались изолированно, то в своих исследованиях автор обратил внимание на их обязательную органическую взаимосвязь. Причем его даже не столько заинтересовала качественная сторона дела (по его мнению, это явление само собой разумеющееся), сколько количественные величины и пропорции.

Поскольку далее приводятся материалы, касающиеся конкретных личностей, то мы приведем классификацию эврореактивных типов, предложенную Г.В.Сегалиным.

Исходя из представлений психиатрии о возможностях функционирования психики в известных пределах, были выделены группы так называемых «эвротиков» (лиц, несущих «творческий заряд»):

- недостаточно психотизированные эвротики;
- хорошо психотизированные эвротики;
- чрезмерно психотизированные эвротики.

Поскольку данная схема отражает в основном структуру насыщенности умственной сферы элементами предельной психической реактивности, возникла необходимость конкретизации типологии с учетом переходных форм. Вот эти формы.

Группа латентных эвротимиков («скрытых талантов»). Крайняя предельная группа с максимальным пассивным потенциалом одаренности. Минимальный психотизм (препсихотизм). Минимальная расторможенность и минимальная эврореактивность.

Группа потенциальных эвроидов («таланты», «большие таланты»). Средняя группа с большим преобладанием потенциала одаренности над значительным психотизмом со значительной активностью, приближающей эти типы к высшим типам талантов и гениев.

Эврофреническая группа «гениев» или великих людей, приближающихся к «гениям». Центральная группа (высший тип гениальности) с потенциалом одаренности, дающим максимальную эврореактивность вследствие большой расторможенности (значительного психотизма).

Группа психотических эвроидов («гениев» с резко выраженным психотическим компонентом). Средняя группа с значительным потенциалом одаренности, но с еще большим преобладанием психотизма, дающая вследствие этого большую эврореактивность, но ярко и резко окрашенную психотическими симптомами.

Группа психотических эвротимиков. Крайняя предельная группа с максимальным психотизмом и минимальным потенциалом одаренности. Максимальная расторможенность, но слабая и малозначительная эврореактивность.

Следует отметить, что психозвротическая пропорция у одаренных лиц, положенная в основу приведенной классификации, не есть нечто постоянное у эврореактивных типов. Наоборот, она подвержена как периодическим закономерным, так и спонтанным сдвигам. В середине 20-х годов сложилось мнение, что основой таких сдвигов являются количественные отклонения

(увеличение или уменьшение) в сложившихся структурах психоаномальных процессов. Поэтому Г.В.Сегалин трактует динамику трансформации типов как видоизменение психопатологии. В настоящее время опыт хрономедицины свидетельствует о том, что в периоды многочисленных жизненных циклов могут происходить непредсказуемые сочетания временных амплитуд с десинхронизациями ритмов, дающими толчок к изменениям органических функций, в том числе влияющих на психоэвротическую активность.

Это положение далее будет изложено подробнее, а пока вернемся к рассуждениям Г.В.Сегалина.

Итак, определенный эврореактивный тип с определенной психоэвротической пропорцией под влиянием различных факторов может структурно изменяться.

Причем наблюдаются самые различные формы и типы таких сдвигов.

Регрессивная форма характеризует особенности сдвигов психоэвротической пропорции из группы высших форм (эврофренические, эвроидные) в сторону нижней группы (эвротимики).

Прогрессивная форма отражает тенденции динамики перехода типов низших групп в высшие (переход эвротимика или эвроида в эврофреническую форму).

Регрессивные сдвиги психоэвротической пропорции

Как пример проявления регрессии, интересны сведения из жизнеописания Исаака Ньютона.

Ньютон в возрасте 52 лет, по свидетельству современников, пережил резкий спад психической активности. Известный ранее своими гениальными трудами и проявивший себя как высший эврофренический тип, этот великий человек с 1692 г. стал утрачивать качества, характерные для данного типа, и сделался впоследствии патологическим эвроидом.

Толчком для столь заметного перехода, вероятно, послужила смерть матери. Здоровье Ньютона стало после этого резко ухудшаться. Отсутствие аппетита, частая бессонница, сильные нервные расстройства указывали на то, что болезнь была серьезна, но никто не знал, чему именно ее приписать.

Профессор Мебиус предполагал, что сказались последствия перенесенной инфлюэнцы. Профессор Розенберг (один из новейших биографов Ньютона) отмечал, что ухудшение здоровья знаменитого физика совпало с окончанием

и выходом в свет его монументального творения «Математические начала философии природы» — плода многолетнего умственного и физического труда.

Кроме того, одиночество, недопонимание современниками его великих заслуг, материальные лишения в совокупности с якобы мозговым утомлением от необычайного напряжения умственных сил не могли не поколебать здоровья Ньютона. Вполне вероятно, что поэтому появление на свет указанного капитального научного труда сопровождалось ослаблением творческой активности, припадками все возрастающей меланхолии и утратой им понимания своего положения.

Несчастный случай (пожар в кабинете, вследствие чего сгорели бесценные рукописи — результат многолетней упорной работы) еще более расстроил здоровье гения и даже, по мнению окружающих, помрачил на время его разум.

В дневнике некоего Авраама де ля Прима датирована 3 февраля 1692 г. такая заметка: «Сегодня я слышал следующее. Здесь есть некто Ньютон, член коллегии Троицы, которого я часто видел, и который весьма знаменит своей ученостью. Это отличный математик, естествоиспытатель, богослов и уже несколько лет состоит членом Королевского Общества. В числе других ученых книг и трудов, прежде всего, нужно упомянуть его «Математические начала философии природы», благодаря которым он особенно прославился и получил множество благожелательных писем, особенно из Шотландии. Вот уже 20 лет, как он усердно трудится над проблемами света и объяснением цвета тел, для чего им сделано более 1000 опытов и истрчено несколько сот фунтов стерлингов. К этой книге он готовил добавление, но внезапно все его труды пропали. Все они сполна сгорели на его письменном столе, в то время как он был в капелле, вследствие того, что он, уходя, забыл погасить свечу. Это так поразило его, что все думали, он совсем рехнулся, и несколько месяцев он был совсем не в своем уме».

О болезни Ньютона, будто бы случившейся от расстройства после упомянутого пожара, упоминает не раз и Гюйгенс. В его математических сочинениях находится об этом вполне определенная заметка от 29 мая 1694 г: «Шотландец доктор Кольм сообщил мне, что знаменитый геометр Исаак Ньютон полтора года тому назад впал в умопомешательство, частью от чрезмерных трудов, частью же вследствие горести, причиненной ему пожаром, истребившим его химическую лабораторию и многие важные рукописи.

Кольм прибавляет, что вследствие этого происшествия Ньютон представлялся Кембриджскому архиепископу, причем в разговорах обнаружилось умственное его расстройство.

Тогда друзья взяли его для излечения и, заключив в комнату, заставили принимать волею или неволею лекарства, от которых здоровье его поправилось настолько, что теперь он начинает уже понимать свою книгу «Начала».

Все эти свидетельства современников Ньютона показывают, что они интересовались фактом болезни ученого как явлением исключительного несчастья (злополучного пожара). Дополнительные сведения, определяющие регрессивный сдвиг в психозвротическом статусе Ньютона, представил позднее Ломброзо.

Из них следует, что в 1693 г., после второго пожара в доме и вследствие непомерных умственных занятий Ньютон в присутствии архиепископа начал высказывать такие странные и нелепые суждения, что друзья сочли нужным отговорить его от продолжения работы и окружить самым заботливым уходом.

В это время Ньютон, бывший прежде до того робким, что даже в экипаже ездил не иначе, как крепко ухватившись за ручки дверцы, затеял дуэль с Вилларом, желавшим драться непременно в Севеннах.

Немного спустя, он написал два приводимых ниже письма, сбивчивый и запутанный слог которых вполне доказывает, что знаменитый ученый совсем еще не оправился от одолевшей его мании преследования, развившейся у него впоследствии снова несколько лет спустя. Так, в письме к Локку он объяснялся довольно странным способом: «Предположив, что Вы хотите запутать меня при помощи женщин и других соблазнов, и, заметив, что Вы чувствуете себя дурно, я начал ожидать (желать) Вашей смерти».

Прошу у Вас извинения в этом, а также в том, что я признал безнравственным как Ваше сочинение «Об идеях», так и те, которые издадите впоследствии. Я считал Вас последователем Гоббса. Прошу Вас извинить за то, что я думал и говорил, будто Вы хотели продать мне место и запутать меня. Ваш злополучный Ньютон».

Несколько определеннее он говорит о себе в письме к Пени: «С приближением зимы все привычки мои перепутались, затем болезнь довела до того, что в продолжение двух недель не спал ни одного часа, а в течение последних пяти дней даже ни одной секунды (какая математическая точность!). Я помню, что писал Вам, но не знаю, что именно: если Вы пришлете мне письмо, то я Вам объясню его».

Когда у Ньютона, находившегося в таком состоянии, спрашивали разъяснения по поводу какого-нибудь места в его сочинениях, он отвечал: «...обратитесь к Муавру — он смыслит в этом больше меня.» Великий человек был убежден, что преследуется целым сонмом врагов.

Из всех этих данных мы видим, что несомненно имело место какое-то психическое расстройство.

Но, по-видимому, вскоре этот приступ болезни миновал, так как вскоре Ньютон вновь начал занимать важные посты и высокое положение как ученый и общественный деятель: он назначается директором Монетного двора, избирается в члены Парижской академии, побеждает на выборах и становится депутатом парламента от Кембриджского университета (1701), единогласным решением своих коллег-ученых утверждается в должности президента Лондонского королевского общества.

Впоследствии приступы психических расстройств опять одолевают Ньютона, причем регрессивная тенденция психозвротических сдвигов нарастает. Вновь перед нами самый настоящий патологический эврод. К этому периоду относятся написание таких работ, как «Хронология», «Апокалипсис», письмо к Бентлею, сочинений туманных, запутанных и совершенно не похожих на то, что было написано им в прежние годы.

Ломброзо справедливо отмечает, что только в состоянии невменяемости мог Ньютон сочинить толкования на «Апокалипсис» и такие строки, адресованные Бентлею: «Закон тяготения отлично объясняет удлиненную орбиту комет. Что касается круглой орбиты планет, то нет никакой возможности уяснить себе ее в одну сторону, а потому она могла быть произведена самим Богом.»

Араго совершенно справедливо находит такой способ доказательства научных истин по меньшей мере странным. И однако же в своем сочинении об оптике Ньютон сам восстает против тех исследователей, которые, по примеру последователей Аристотеля, допускают существование в материи каких-то таинственных свойств, и через это — без всякой пользы для науки задерживают изыскания исследователей природы.

Помимо Ньютона примеры аналогичных сдвигов психозвротической пропорции отмечались и у других великих людей: у Канта, Гоголя, Стриндберга.

Стриндберг также пережил регрессивный сдвиг под влиянием психических переживаний, благодаря чему из натуралиста превратился в мистика. В конце концов он стал типичным патологическим эвродом. Сохранившиеся наблюдения и медицинские документы позволяют предположить, что в данном случае имело место такое нарушение психической сферы в течение двух десятков лет, что процесс приобрел шизоидную окраску.

Однако, несмотря на нараставший патопсихологический симптомокомплекс, личность, в которой органически переплелись феноменальная одаренность

и талант, сохранилась. Правда, бросается в глаза, что личность и творчество так пронизаны психоэмоциональным напряжением, что концентрированный энергетический заряд постоянно остается преобладающим и доминирующим.

Сведения, касающиеся многолетнего (свыше 20 лет) шизоидного процесса у Стриндберга, свидетельствуют, что его начало относится к 80-м годам прошлого века. Наблюдалось два подъема болезненных проявлений с наивысшими точками в 1887 и 1896 гг. Первый подъем сопровождался, помимо характерных субъективных соматических явлений и припадков, еще и классическими приступами бреда ревности, затем приступами бреда преследования и бреда уничтожения, а также склонностью к необыкновенным научным изыскам. Во время второго подъема (1894) происходит переворот во всем мирозерцании знаменитого ученого, что сопровождается массой галлюцинаторных и параноических переживаний, заполняющих его всецело.

Затем с 1897 г. начинается некоторое ровное развитие процесса, переходящее в так называемое исходное состояние болезни. В этот период большинство симптомов продолжают существовать, но несколько теряют прежнюю остроту течения.

Характерно, что в годы острых вспышек болезни творчество Стриндберга сводится почти на нет. Он занимается алхимией и тому подобными предметами, а в 1896 г. забрасывает и эти увлечения. Одновременно, с перерывами, им ведутся литературные опыты над своими автобиографическими переживаниями, что позднее нашло воплощение в произведениях «*Ju-ferno*» и «*Legenden*».

С 1898 г. у Стриндберга вновь наблюдается мощный творческий подъем: он много и продуктивно работает, создает хорошие драматические произведения. Интересно, что основные пьесы были написаны в период между критическими фазами болезни.

Творчество Стриндберга до пиков психопатологического состояния и после характеризуется резкими перепадами. Если в ранний период оно более четко, выразительно и хорошо акцентуировано, то позже, в период обострения заболевания, авторское исполнение становится более монотонным, встречаются «плоские места», наивности. Его друг Пауль так оценивает творческие результаты Стриндберга после появления «*Juferno*»: «Он уже больше не тот человек. Тот, кто мог штурмовать все недостижимое, кто создавал гениальные произведения, кто был неумолимый правдоискатель — был уже не тот. Бурлящая и захватывающая сила его рассказа, против которой никто не мог устоять, потеряла теперь свое настоящее дыхание».

Точно так же сдвиг этот меняет и содержание его произведений.

Первый накат болезни рождает то женоненавистничество, присущее Стриндбергу, которым пропитаны такие произведения, как «Отец» и «Товарищ». После второго всплеска патологии (начало 90-х годов) происходит переворот всей его сущности. Будучи ранее реалистом по духу, он делается теперь мистиком, все обволакивает атмосферой таинственного, хотя свои новые теософические настроения переживает в реалистических рамках.

В основу поздних произведений Стриндберг привносит автобиографические переживания, в которых превалирует характерный колорит шизоида. Становится зримой импульсация патологической изощренности, в снопоподобном декоре таинственность концентрируется до сгустков. Касается ли тема описания плохого обеда или шума ветра, даже такие конкретные реалии преломляются через особое личностное восприятие с шизофреническим интуированием.

Все и весь мир получает аутистический контекст шизофреника.

К этой же группе регрессивных сдвигов психоэвротических пропорций относятся также и те многочисленные случаи, когда из потенциальных эвроидов эвроактивные типы трансформируются в обыкновенных эвротимиков. Здесь следует упомянуть, например, судьбу большинства вундеркиндов. Именно те вундеркинды, которые, будучи детьми, выказывают блестящую эвроактивность, очень часто утрачивают это качество при наступлении физической зрелости и превращаются в умеренно реактивных эвротиков.

К сожалению, подобные явления психоэвротической регрессии относятся к разряду обычно наблюдаемых.

Прогрессивные сдвиги психоэвротической пропорции

Сюда относятся такого рода сдвиги психоэвротической пропорции, когда у латентного эвротимика под влиянием какого-либо экзогенного заболевания (прогрессивный паралич и проч.) психоэмоциональный статус видоизменяется таким образом, что данный эвроактивный тип превращается в психотического эвроида. Как на яркий пример такого рода сдвига укажем на случай художника С.Брохиса.

А.Луначарский по поводу устроенной в Лозанне русско-польской картинной выставки сообщает в 348-м номере «Дня» («Бюллетень литературы и жизни», №9, 1916, с. 444): «...Брохис, как мне удалось узнать, сын зажиточного кожевенного или сапожного фабриканта в России. Отец в нем художественных

талантов не поощрял, да чуть ли и сам покойный не ощущал в себе никаких дарований этого рода до приезда за границу, куда был послан отцом с чисто коммерческими поручениями.

Но, попав в Париж, С. Брохис внезапно почувствовал непреодолимое влечение к живописи и, не без борьбы, не без лишений, отстаив свое право остаться в Париже и учиться любимому искусству. К этому времени, по возрасту своему, он был уже человеком зрелым. На близких ему людей производил впечатление человека робкого, в духовном отношении несколько ограниченного, а в смысле специальных живописных дарований — никаких надежд не подающего

Ни к старому благородному стилю, ни к смелому новаторству последних годов покойный не чувствовал никакой симпатии. Его больше привлекала шикарная манера некоторых вполне второстепенных полумастеров, эффектная и внешняя виртуозность которых казалась бедному Брохису вершиной искусства. «Ах, если бы мне писать так, как Х,» — восклицал он и называл при этом художника, имеющего успех исключительно среди бравурной живописи.

Таким Брохис уехал из Парижа, восемь месяцев тому назад, в Лозанну.

Кажется, уже в Париже заметны были за ним некоторые странности. Он страдал разными нервными мелкими расстройствами. В Лозанне положение стало быстро ухудшаться. Симптомы сделались тревожными. Пришлось пригласить врачей. Врачи заподозрили прогрессивный паралич. Приблизительно через полгода после переезда в Лозанну покойный, уже явно ненормальный человек, был вдруг охвачен могучим порывом творчества. Ни с кем, не разговаривая, почти не выходя из комнаты, небрежно питаясь, Брохис пишет одну картину за другой. Все это — небольшие полотна: натюрморты и пейзажи. Больной не придает им никакого значения по их окончании. Он бросает конченную вещь в угол, натягивает опять полотно или что подходящее попало под руку и в лихорадке продолжает творить.

Странные произведения эти казались как близким художника, так и психиатрам особенно ярким симптомом крушения духовных сил Брохиса. Ничего напоминающего его прежние старания достигнуть вкусной красочности и ловкого рисунка. На взгляд людей, мало привыкших к новейшим исканиям в области искусства, это было просто малевание сумасшедшего.

Так, можно сказать за мольбертом, и умер Брохис от прогрессивного паралича. Картины его валялись беспризорным хламом в каком-то темном углу. Нельзя не выразить глубокой благодарности двум русским художникам в Лозанне (В. Явленскому и М. Веревкиной), которые, раз получив возможность взглянуть на эти

вещи, со всем рвением, если хотите, даже с благоволением отдались восстановлению погибавшего наследства. Многие картины оказались отсыревшими, продырявленными, запыленными, хотя от роду им было всего несколько месяцев. Еще несколько недель, и замечательная серия была бы навсегда утеряна.

Я думаю, что не ошибусь, признав ее, даже безотносительно к ее удивительному происхождению, очень большой художественной ценностью. Мне кажется, что распроданная поодиночке она несколько потеряет, хотя и каждое отдельное полотно остается сильным и интересным. В целом же это как бы связанная живописная исповедь оригинальнейшей души. Особенно отмечу здесь, что картины Брехиса, вызывающие восторг у ультрамодернистов, в то же время находят высокую оценку и со стороны самых неуступчивых консерваторов. Не свое мнение выражаю я, говоря об их высокой художественной ценности, а, если не ошибаюсь, поголовное мнение сотен лиц, посетивших выставку.

Преувеличивать оригинальность их не надо. Этот Брехис второй манеры, этот новый, неожиданный, подземный Брехис, вдруг вырвавшийся откуда-то и начавший хозяйничать в руинах мозга первого Брехиса, не с неба упал. Заметны влияния Сезанна, сильное увлечение и хорошее понимание взлетности, стремление к убедительности, настойчивой реальности изображаемого. Огромный нервный порыв, который проносится во всем сумрачном мире, отображенном на 18 полотнах Брехиса, роднит его с произведениями последнего, т.е. заметьте, сумасшедшего периода творчества Ван-Гога.

Однако это не Сезанн и не Ван-Гог. У Брехиса оказалась совершенно своеобразная гамма мрачных, каких-то пепельных, зловещих, таинственных тонов, каких нет у его новых метров. Да и откуда появились сами метры? Ведь первый Брехис, нормальный Брехис, их не признавал и ими не интересовался? Это странные и, как с первого взгляда ясно, болезненные видения.

Больной Брехис не интересуется живым в мире, но неживой мир видит живым и жутким. Вещи кажутся ему теперь интересными, страшно интересными. Он пишет их портреты. Они то притаившиеся, хранящие какой-то секрет, то ужасно важные, внушительные. Книга лежит, и вся полна сознанием своей вескости. Тяжелый Будда жив, но жив не человекоподобной внешностью — это одна маска, а внутренней жизнью заколдованного куска материи; материя вся заколдована и зла. Любопытно записать ее, эту ехидную злобу, и можно без чрезмерного ужаса к ней приближаться: она хоть живая и злая, но пошевелиться не может. И все это написано жесткой, темной кистью, уверенно, отчетливо, широко, с мастерским чувством Valeur'ов.

Но хуже в мире второго Брехиса растениям. Цветы у него сильно страдают; каждый лепесток их словно с болью высвободился, вырвался из косного и как-то напряженно вытарасился на свет в испуге, не умея жить, предчувствуя смерть. Цветы словно жаждут расти и расширяться, а кроме большого усилия и страха, жизнь им ничего не несет.

Деревья особенно похожи на вангоговские. Вероятно, это ветер заставляет их так топорщиться, щетиниться, так махать ветками, закрученными в отчаянии? Нет, это только, кажется, они сами шевелятся таким образом.

Дома у Брехиса все злое. Вовсе не потому, чтобы можно было предположить, будто в них живут злые и опасные люди. Вероятнее всего, что в них живут люди, пришибленные и замученные. Выстроили себе дом, жилище, не упустили из виду зачарованную жизнь материи, и теперь дом живет сам и не любит своих жильцов».

Такой же яркий, аналогичный случаю с Брехисом пример представляет прогрессивный сдвиг психоэвротической пропорции у художника Иозефсона.

Иозефзон, известный шведский художник, резко отмечал в своей продукции грань — до болезненного изменения психики и после. В его «здоровое» время (препсихотическое) Иозефзон — художник-натуралист. Произведения этого периода, обеспечившие ему положение известного мастера кисти, выполнены в реалистической манере, но вследствие шизофренического процесса происходит полный переворот в его творчестве. Родается совершенно другой Иозефзон. От реализма ничего не остается. Между полотнами новой поры и картинами, написанными до проявления психических нарушений, глубокая пропасть. Сохранив спокойные линии и не вдаваясь в излишний экзальтизм, художник сумел путем изменения пропорций и отхода от определенных форм наполнить свои произведения демоническим и фантастическим содержанием. При этом в них чувствуется присутствие богатого вкуса, тонкого чутья и глубокого проникновения, что еще больше возвышает их художественные достоинства.

Таким образом, творчество поры нездоровья дало совершенно новый мир гипостатически скрытых художественных ценностей, быть может, более значимых, чем продуцированных в период, когда Иозефзон придерживался реалистического направления.

Сюда же относятся и примеры исключительных вундеркиндов-эвроидов, отмеченных высокой талантливостью, и в период физической и психической зрелости переживающих такой эвроактивный сдвиг, который не только не снижает их психоэвротическую пропорцию (что очень характерно для вун-

деркиндов), но, наоборот, возносит ее в сферы высших (прогрессивных) форм, так что из эвроида данный вундеркинд чудесным образом превращается в гения (высший эврофренический тип). Таковым был Моцарт-вундеркинд, затем великий композитор, чья музыка навсегда очаровала мир.

Иные варианты психоэвротических сдвигов, их причины и трансформирующее значение

До сих пор, когда шла речь об изменениях психоэвротических пропорций, имелись в виду онтогенетические сдвиги, т.е. то, что происходит при жизни одаренной личности определенного эвореактивного типа. Аналогичные сдвиги (скачки) происходят также из поколения в поколение филогенетически.

Здесь наблюдаются те же прогрессивные и регрессивные тенденции, только они затрагивают не одну личность.

Варианты возникают самые разнообразные: отец-эвротик — сын-эвроид; отец-эвротимик — сын — эврофренический тип и т.д.

Причина всех без исключения сдвигов может быть тройкой:

- течение психотрансформирующего компонента;
- истощение компонента одаренности;
- нарастание эпистатического (здоровый аппарат сознания) компонента.

Рассмотрим вначале обстоятельства, связанные с видоизменением психики.

В огромном большинстве случаев у великих людей в этом компоненте не исключается шизофренический элемент (или шизоидное состояние).

Шизофрения, как известно, может протекать приступами. Причем они в начале развития шизофрении могут быть незаметными и настолько неглубокими, что личность в корне не меняется, а как бы получает новую модуляцию. Личность, мало интересовавшаяся до сих пор стихами, вдруг под влиянием приступа аутизма начинает вдохновенно писать стихи. Такой небольшой трансформирующий психику сдвиг с приступом легкого аутизма личность эту, как таковую, не изменяет, но придает ей что-то новое: мечтательность, оживленную деятельность фантазии, склонность к дальнейшему творчеству. До тех пор, пока такие сдвиги незначительны и легко компенсируются относительной цельностью личности, они не влияют опустошающим образом на психоэвротическую пропорцию.

Но как только процесс развивается глубже, притупляется эмоциональный, волевой и ассоциативный аппарат, личность резко меняется, меняется резко и психозвротическая пропорция.

Вспомним толчки психотрансформирующих разрядов у Н.В.Гоголя: в конце концов, сдвиги в его психике стали значительны, психозвротическая пропорция настолько резко понизилась, что он окончательно утратил способность продуктивно работать над вторым томом «Мертвых душ», а все произведения этого периода были отмечены печатью депрессии, что контрастирует с прежним хорошо компенсированным временем творчества гениального писателя.

Помимо самого течения трансформирующего психику компонента с его опустошающим влиянием на кумулятивное ядро одаренности кумулятивный генетический заряд может резко истощаться уже в силу того, что энергия эта при определенном стечении обстоятельств безвозвратно разряжается, будучи сама по себе все-таки энергией не безграничной, и в результате естественно иссякает. Конечно, не всегда легко определить, что и в каких случаях играет большую роль: психическая патология или истощение кумулятивного компонента.

Надо думать, что обе причины идут рука об руку, если эвротический период продолжается значительный промежуток времени.

О роли эпистатического компонента как причине сдвигов упоминают обычно в тех случаях, когда у детей-вундеркиндов постепенно понижается эвроактивность и начинает бледнеть бывшее феноменальным проявление таланта. Вундеркинд на глазах пропадает по мере того, как он перестает быть чудоребенком и превращается в зрелого юношу. Будучи уже взрослым человеком, такой субъект предстает перед всеми как заурядный эвротимик.

Во всех перечисленных трансформациях у эвроактивных типов доминируют процессы количественных изменений (количественные скачки).

Вместе с тем имеются и наблюдения другого рода: процесс трансформации из «качества» в «качество», когда один вид одаренности преобразуется в совершенно новую профессиональную квалификацию. Например, музыкант становится живописцем или ученым.

Ломброзо, наблюдавший и исследовавший творчество душевнобольных, отмечает, что их искусство и артистические наклонности лишь у немногих обуславливаются прежней профессией и приобретенными до болезни привычками, т.е. появляется новый род деятельности. Часто прежняя профессиональная умелость притупляется или запускается (например, у живописцев), реже она обостряется.

Как пример трансформаций одаренности из одного «качества» в другое Ломброзо приводит следующий случай. Так, занимавшийся всю жизнь естественными науками известный физик Мельмур вследствие смерти жены в день свадьбы заболевает с горя психически. Больной, он перестает совершенно заниматься своей специальностью и делается словесником.

Другой пример у того же Ломброзо: известный живописец Мак Кленел, заболев психически, перестает быть художником и находит вдохновение в поэзии.

Вот еще примеры таких трансформаций.

Вильям Блэк — английский художник и поэт (1757-1827) — представляет собой пример того, как под влиянием болезни происходит сдвиг психоэвротической пропорции: он преобразается в художника, не будучи им до болезни, причем особенность нового творчества в том, что все образы произведений этой живописи — плоды авторских галлюцинаций. Некий Аллан Куннингам свидетельствует о том, как и с каких моделей Блэк писал картины. Однажды вечером к Блэку пришел один из приятелей и застал его за работой: мастер выписывал на полотне изображение Лота из Библии. Писал его с усердием человека, перед которым сидит капризный натурщик. Он вглядывался в одно место, как будто видел натурщика, рисовал, снова вглядывался и опять рисовал, а между тем перед ним решительно никого не было.

— Не мешайте мне, — шепчет художник ему, мне тут один позирует.

— Позирует Вам? — вскрикивает приятель удивленно. — Где же он и кто он такой? Я решительно ничего не вижу.

— Но я его зато вижу, — отвечает Блэк с гордостью, — Здесь он, а его имя — Лот. Вы можете о нем читать в Святом Писании. Он позирует мне сейчас для портрета.

Таким образом, Блэку служили моделью галлюцинации. Точно так же, как галлюцинации зрительные служат ему моделью в живописи, так галлюцинации слуховые служат ему источником поэтического творчества. Он говорит: «Я пишу стихи, когда дух мне приказывает, и в момент, когда я пишу, я вижу, как слова по всем направлениям летят по комнате».

Вся его эвроактивность выливается в форму галлюцинации. Его стихи как бы притекают откуда-то извне, из какого-то другого источника, он только их слышит и записывает.

Об этом Блэк писал в письме (1803), где сам объяснял, каким образом создано было одно из больших его произведений: «Я писал это произведение непосредственно под диктовку по 12, а иногда по 30 стихов за раз, без всяких обду-

мываний и помимо моей воли». Таким образом, существует это невероятное творение, на создание которого кажется, будто понадобилась длинная жизнь, а на самом деле оно появлялось на свет без всякого труда и подготовки.

Яркий пример резкого сдвига психоэвротической пропорции, трансформирующего эвроактивность таким образом, что «качество» переходит в другое «качество», представляет из себя болезнь шведского ученого Сведенборга (1688-1772). Крупный научный авторитет в естествознании, он в 1743 г. под влиянием психического заболевания превратился в теолога-метафизика.

Все, что было им создано и написано до этого сдвига, потеряло для Сведенборга всякий интерес: началось увлечение мистикой.

В 1745 г. бывший естествоиспытатель заявил об отставке со всех должностей и так объяснял свое новое состояние: «Господь явился мне, его рабу, в 1743 г. и открыл одновременно глаза на новый духовный мир.

Так, он мне открыл тот высший дар, который до настоящего дня дает возможность возвращаться среди духов и ангелов. С тех пор многие открывшиеся моему сознанию тайны я начал публиковать. Так, среди прочего я открыл для истины и мудрости в высшей степени ценные вещи: о небе, аде, о состоянии человека после смерти, о словах и их духовном значении».

Понятно, что в злополучном 1743 г. у Сведенборга отмечался приступ шизофрении. В дневнике того же времени он описывает свои сновидения, полные женских образов, среди которых его сексуальность разряжается в эротических оргиях. О своих сновидениях бывший натуралист сначала говорил совершенно открыто, затем стал сдержаннее. Но часто слышали, как он в своей комнате ночью громко разговаривал, спорил со злыми духами. Позже видения стали появляться и днем. Его часто видели с лицом и взглядом, резко изменившимся: глаза «горели огнем». На него смотрели, как на умалишенного. В церкви он уже перестал бывать, так как не находил в стенах храма покоя от всяких «злых духов», досаждавших громкими спорами и возражениями.

Во время своих шизофренических приступов Сведенборг галлюцинировал, о чем писал так:

«Вечером однажды я ел в одной гостинице в Лондоне. По окончании трапезы глаза стал застилать туман, и я увидел весь пол, покрытый отвратительными животными и гадами, змеями, ящерицами. Я сильно перепугался и еще более перепугался, потому что стало почти темно. Но вскоре темнота пропала и моим глазам предстал человек, окруженный сиянием, сидящий в углу. Громким голосом он обращается ко мне: «...не ешь так много», и человек этот затем исчезает. А когда я пришел в себя, я пошел домой...

На следующую ночь этот сияющий образ явился ко мне опять со словами: «Я — Господь Бог, создатель и избавитель. Я тебя избрал, чтоб ты сокровенный смысл Святого Писания людям пояснил». В эту ночь открылись мне мои внутренние глаза, так что я всех духов неба и ада видеть мог».

Все эти наваждения и подтолкнули натуралиста-естественника на новую стезю — теологическое творчество.

Еще пример трансформации психотической пропорции по признаку «качество» в другое «качество» мы видим в случае с немецким художником-скульптором Карлом Штауфер-Берном (1857-1891).

Очень талантливый человек, отягченный наследственностью (отец страдал приступами депрессии), он пережил в 1889 г. психический сдвиг в связи с началом маниакального состояния. Сначала по недоразумению он попадает во флорентийскую тюрьму, а затем в психиатрическую больницу, где находится более года в состоянии депрессии. Этот приступ заканчивается попыткой отравления и другими покушениями на самоубийство (неоднократно хотел покончить с собой, стреляясь из револьвера).

Депрессия завершилась маниакальным состоянием: резким возбуждением, в том числе речевым и двигательным, с повышенным ассоциативным процессом, быстрой сменой планов, бредом величия.

В маниакальном периоде Карл Штауфер-Берн забросил свою обычную профессию офортиста-скульптора и перевоплотился в поэта. Поэтический экстаз охватил все его существо.

В письме родным из психиатрической лечебницы маниакальный больной сообщает:

«Смотрите, я настолько большой художник и поэт, что даже в четырех голых стенах я ни минуты не скучаю. У меня такая фантазия! Я изо дня в день бесппрерывно работаю. Как только я буду на свободе, я напечатаю мои стихи, которые займут около трехсот страниц, и пушу в продажу. Эти вещи абсолютно оригинальны. Заглавие будет такое: «Карл Штауфер-Берн. Поэтические опусы: стихи молодого Вертера, составлены и изданы Вильгельмом Мейстером».

Литературная продуктивность его возрастает, в стихах уже царит маниакальный бум. На их качестве сказывается чрезмерное повышенное самочувствие, скачкообразное, легко отклоняющееся мышление. Патологическое возбуждение вызывает неуправляемый поток мыслей, о чем говорит такой отрывок:

«Тут мне Бог предложил эти стихи моей голове, чтоб бороться за правду и красоту. Мне ничего не оставалось делать, как записывать то, что мне напечал

незнакомый голос. Может быть, он (Бог) музу, свою рабыню, послал, чтоб разделять со мной это несчастье. Не знаю.

Но это я определенно знаю, что я последние недели находился под сильным давлением, благодаря чему я стал поэтом душой и телом.

Таким образом, в данном случае мы видим, что приступы маниакального состояния сдвинули психоэвротическую пропорцию одаренности настолько, что дело скульптора сменил неведомый поток поэтического творчества. И даже, быть может, новое дарование по своей полноценности оказалось гораздо выше.

Продолжая знакомство с общей симптоматологией приступов вдохновения (эвроактивности), хотелось бы отметить их бесконечное разнообразие.

Во всей феноменологии гениального человека с его генетической, биологической и психической структурой, приступами «вдохновения» всегда замечается симбиоз двоякого рода симптомов: феноменальной продуктивности и психоаномальных явлений.

Феноменальная продуктивность — явление кумулятивного порядка, бесценный дар природы. Чем больше положительных особенностей, накопленных в генезисе одаренной личности, а также представленных в ее индивидуальном варианте, тем, естественно, объемней творческий потенциал. Вместе с тем слагаемым успеха остается и диссоциативный механизм. Всякий творческий процесс, как бы он субъективно ни переживался и не назывался: «вдохновение», «интуиция», «творческий экстаз» (общее, принятое нами понятие «эвроактивный приступ»), протекает всегда в сопровождении не только кумулятивных явлений, но и в таком состоянии психики, которое характеризуется как «анормальное» патологическое, как состояние «выхода из себя».

Поэтому, согласившись с природой, что кумулятивные составляющие одаренности (физические и психические достоинства личности) безусловно, положительно влияют на творческий процесс, мы сконцентрируем внимание на диссоциативных состояниях. Но так как такие состояния могут касаться различных сторон психики, мы и остановимся подробнее на конкретных диссоциативных симптомах со стороны интеллектуальной сферы, эмоционального статуса и волевого ряда.

Диссоциативные симптомы эвроактивности (творческой активности) в интеллектуальной сфере

Процесс творческого озарения в интеллектуальной сфере неоднороден. Если один гений в момент истины лишается «сознания» и переходит на «бессознательный» уровень, то другой вдохновляется побуждением, заложенным в подсознании, а третий, хотя и доходит до высочайшего прозрения в режиме полного «сознания», однако это будет скорее «сосознательный» (или параллельный «сознанию») эффект.

Приведенные ниже примеры творчества во время сновидения, гипноза, транса, истерического припадка и есть именно эвроактивные приступы, где диссоциативность выражается симптомами «бессознательности».

В отличие от такого состояния существует «подсознательная» основа, где «сознание» не теряется, но оно не полностью продуцирует эвристические образы. Творчество возможно при таких условиях, которые характеризуются зыбкими и расплывчатыми определениями: «как во сне», «грезы», «сомнамбулизм».

Третья группа приступов эвроактивности возникает при таких своеобразных обстоятельствах, когда творческий момент, хотя и переживается при полном и ясном сознании, однако лица, переживающие это состояние, чувствуют, что они являются лишь соучастниками психического процесса, происходящего вне их воли и желания («сосознательность»).

Эвроактивность во сне

Обычный человек во время нормального сна, как правило, не сочиняет стихов, не решает задач, не дарит обществу гениальных идей. Но случаи сновидных состояний в процессе творчества у одаренных личностей общеизвестны и часты. Почти каждый великий деятель испытал это на себе.

Иногда такое поведение расценивалось как патологический признак (И.Г.Оршанский), особенно когда знаменитый субъект в состоянии сна вставал с постели, записывал бесценные мысли, а в дальнейшем не мог этого припомнить. Чистая здесь патология или это необходимая грань для прорыва в неординарность — единого мнения на сей счет не сложилось. Поэтому ограничимся жизненными примерами.

Генрих-Бругш-Пама

Известный египтолог конца прошлого века оставил воспоминания о собственном опыте научно-творческой работы во сне:

«В работе я находил высшее наслаждение, и каждое новое открытие в области расшифровывания староегипетских писем было для меня сущим праздником. И действительно я жил в состоянии какого-то блаженства, что не могло не отразиться на моей нервной системе, что также в свою очередь вызвало то поразительное явление, которое я пережил.

До глубокой ночи я однажды усердно работал над расшифровыванием египетских писем, и особенно, между прочим, над расшифровыванием грамматического значения одной группы письменных знаков. Несмотря на мою усердную и настойчивую работу, расшифровать иероглифы мне не удавалось. Переутомленный от этой бесплодной работы, я лег в кровать (стоявшую тут же, в этой рабочей комнате), чтобы заснуть. Во сне (в сновидении) я продолжаю работать над неоконченным исследованием, нахожу разгадку проблемы, встаю тотчас же с кровати, сажусь за стол и с закрытыми глазами, как лунатик, записываю карандашом на бумаге результаты расшифровки. После этого я встал и опять лег в кровать и снова сплю.

Вставши утром, я был поражен. Разрешенная загадка лежала перед моими глазами в ясных расшифрованных знаках. Вспоминая часто это, я тщетно задаю себе вопрос, как я мог в абсолютной темноте целые строки расшифрованных загадок так четко и ясно написать?»

* * *

Пауль Гейзе

Вспоминает о сновидениях, подаривших ему сюжеты лучших новелл: «Большую часть в полусонном состоянии ранним утром у меня рождались мотивы, которые я затем, после того как проснусь, в состоянии бодрствования продолжал развивать до законченного произведения. Так, новелла «Клеопатра» возникла из сновидения, в котором я пережил невероятно страшную борьбу с каким-то фантастическим чудовищем.

Однажды мне случилось пережить такое сновидение, из содержания которого создана была целая новелла.

Мне казалось, что я и мой друг Людвиг Шнееганс идем по главной улице. Мы входим в кирху и находим там катафалк, на котором покоится труп удивительно красивой женщины. Привратник рассказывает нам историю ее жизни,

которая была так поразительна, что Шнееганс вскрикнул: «Да ведь это настоящая новелла!». Мне стало чрезвычайно досадно. Ну, подумал я (во сне), он наложит на эту тему свою руку, не будучи новеллистом.

Когда я проснулся, все пережитое во сне представилось мне чрезвычайно ярко. В тот же день я посетил своего друга и рассказал ему свое сновидение. Если ты настаиваешь, сказал я ему, то я должен эту тему уступить тебе. Смеясь, он не воспользовался моей уступкой, и через 14 дней у меня была готова новелла, которая была во всех очертаниях написана точно по рассказу привратника (из сновидения), от которого у меня в памяти остались даже имена.

* * *

С.Т.Колридж

(английский поэт и философ)

Сочинение М.Петри «Таинственные явления человеческой природы» (1867) свидетельствует: «Колридж заснул при чтении описания путешествия Пургаса и во время сна, продолжавшегося 3 часа, создал 200-300 стихов, которые, проснувшись, поспешил записать».

Свое произведение «Кубла» поэт также сочинил во сне.

* * *

Д.Тартини

Ему во сне явился дьявол и с артистическим мастерством сыграл сонату. Проснувшись, композитор тотчас же записал ноты и в ознаменование загадочного происшествия назвал это музыкальное произведение «Сонатой Дьявола».

* * *

А.С.Грибоедов

Вот что поведал о нем Ф.В.Булгарин:

«Будучи в Персии в 1821 г., Грибоедов мечтал о Петербурге, Москве, о своих друзьях, родных, знакомых, артистах театра, которых он любил страстно. Он лег спать в киоске в саду и видел сон, представивший ему любезное Отечество со всем, что осталось в нем милого для сердца.

Ему снилось, что он в кругу друзей рассказывает о плане комедии, будто бы им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Проснувшись, Грибоедов берет карандаш, бежит в сад и в ту же ночь начерчивает план «Горе от ума», сочиняет несколько сцен первого акта. Комедия сия заняла все досуги его и окончил ее он в Тифлисе в 1822 г.»

* * *

Вольтер

Вольтеру однажды приснилась первая часть Тенриады» не в том виде, в каком он писал ее.

«Я, — вспоминает великий энциклопедист-философ, — говорил во сне такие вещи, которые едва ли сказал бы наяву. Мысль работала во сне. У меня не было ни воли, ни свободы и, однако ж, идеи слагались остроумно, а иногда — даже гениально».

* * *

Р.Шуман

Получил во сне от Ф.Шуберта мажорную тему в тональности си-бемоль.

* * *

А.С.Пушкин

Так говорил о себе: «У меня в голове всегда все лучше выходит. Два хороших стихотворения, лучших, какие я написал, я написал во сне. Только их я мог припомнить поутру».

«Я иногда вижу во сне дивные стихи; во сне они прекрасны, в наших снах все прекрасно, но как уловить, что пишешь во время сна?»

* * *

Эвроактивность в состоянии гипноза

О том, что иногда эвроактивности способствует состояние гипноза, свидетельствуют многие случаи. У некоторых лиц творческий процесс под гипнозом протекает даже более продуктивно, чем во время бодрствования.

Например, известный французский врач Дюфан во время одного из гипнотических сеансов усыпил актрису престижного парижского театра и внушил ей, что она может исполнить роль заболевшей партнерши. Интересно, что актриса эту роль специально не репетировала, а только была знакома с ней, наблюдая выступление подруги. Тем не менее, на сцене произошло перевоплощение, и персонаж пьесы был сыгран превосходно.

Другой случай приводит немецкий врач Левенфельд:

«В конце февраля 1904 г. в Мюнхен по приглашению доктора Ф. Шренк-Нотцинга приехала парижская танцовщица Мадлен в сопровождении гипнотизера Магнена. Магнен на глазах публики повергал артистку в состояние гипнотического сна, и она танцевала, подражая Айседоре Дункан. Все ее движения

и позы отличались при этом поразительной грацией, точно следовали мелодии и ритму. Кроме того, Мадлен замечательно живо и захватывающе воспроизводила мимикой чувства, навеянные ей поэзией. Гастроли проходили с триумфом.

В то же время среди публики и врачей возникли сомнения: действительно ли эти яркие выступления — эффект гипноза, нет ли здесь расчетливой мистификации с целью возвеличить самого Магнена и его сверхъестественные способности. Такие предположения дали повод к демонстрации искусства Мадлен в Мюнхенском собрании врачей.

Судя по докладу доктора Ф.Шренк-Нотцинга, Мадлен в это время было 30 лет. Страдает легкой формой истерии. Она поет и играет на рояле, но ее музыкальные способности в состоянии бодрствования не выходят за пределы дилетантства среднего уровня. Так же обстоит дело и с ее хореографическими возможностями.

Ее чрезвычайная творческая мобильность в состоянии гипноза была выявлена гипнотизером Магненом, который помогал ей снимать нервные недомогания. Этим открытием он и воспользовался для решения своих материальных проблем».

Таким образом, и в данном случае (тем более что вопрос о симуляции был снят официально) имеет место проявление поразительных художественных способностей во время гипнотического сна.

Эвroatивность в состоянии транса медиумов

Интерес представляет и ряд известных случаев, когда после активности творческого процесса был медиумистический транс.

Асман

Художница рисует в так называемом полутрансе, т. е. в состоянии, среднем между сном и бодрствованием, в нормальном состоянии она не может рисовать. Вот мнение критика: «Вглядываясь подольше в причудливые орнаменты художницы-медиума, мы начинаем вспоминать, что уже где-то раньше видели подобные фигуры. Это те самые странные, порою даже страшные фигуры, которые перед сном мелькают в тумане перед нашими полузакрытыми глазами». По технике работы Асман запоминается округленностью форм изображаемых фигур и предметов. Эта округленность, по мнению критиков, является характерной для медиумистических рисунков.

* * *

Снесцен

Рисунки медиума-художницы изображают «духов-хранителей». Выполненные в состоянии транса, они также отличаются округленностью форм.

«Чувствуется, — отмечает критик, — как круги постепенно ложились один на другой, образуя нечто вроде ткани, потом, наконец, получилось изображение лица, довольно выразительного, со всеми тенями и полутенями. Иногда на лице такого изображения можно заметить второй портрет в виде мушки или ямочки на подбородке».

Это повторение одного и того же мотива является также характерным признаком творчества медиумов.

* * *

Генес

Орнаменты художницы обладают большими достоинствами, нежели творчество Асман. Видна лучшая техника и более яркая палитра красок, хотя нет такого единства стиля.

* * *

И.Владыч

К «круговой» технике Асман и Снесцен приближается «пунктирная» техника Илоны Владыч.

И.Владыч уверяла, что она «инспирирована духом Ларисой». Рисовала обычно в темноте, не видя и не думая о том, что получается на бумаге. Сюжеты ее порою талантливых картин — жизнь животных и растений. Талант И.Владыч проявился внезапно. За несколько недель она успела нарисовать 53 картины, после чего состояние транса прошло и в нормальной обстановке творческие успехи не повторились.

* * *

Август Махнер

Художественные способности его проявились совершенно случайно во время спиритических сеансов. Ему показалось, что он видит в темноте какие-то силуэты. Эти видения и появились на первой картине.

Сюжеты созданных затем оригинальных картин Махнера, как, впрочем, и большинство тем художников-медиумов, относятся к «другим мирам». «Цветок с Марса», «Плавающий по океану», «Цветок, качающийся в сиянии двух солнц Сатурна» — такие вот интересные полотна, которые написаны с большим умением, очень красочны и создают настроение.

Надо полагать, что в произведениях Махнера отразились разнообразие впечатлений от виденного им в бытность матросом во время многолетних скитаний по морям и странам. Так, например, «цветы» с Марса во многом напоминают орхидеи тропиков. Хотя надо заметить, что в то время Махнер вовсе не мечтал о славе художника.

* * *

Каково бы ни было достоинство этих произведений, важно отметить, что творческий взлет появлялся у упомянутых художников в период медиумического транса, в то время как в «нормальном» состоянии у них этого не было.

Эвроактивность при истерических припадках

О том, что творческий процесс стимулируется состоянием истерического припадка, свидетельствуют такие примеры.

Ш.Вольтер

Об этой знаменитой французской актрисе прошлого века рассказывают очевидцы:

«Она просматривает пьесу, в которой для нее определена роль, с нервной быстротой. Не говорит ни слова, если пьеса не производит впечатления. Но вот перед ней интересный материал...

Примадонну охватывает волнение, весь ее организм дрожит. Вдруг она вскакивает и шагает по комнате большими шагами, затем внезапно останавливается, будто в онемении, а потом в состоянии агитации начинает играть. Очень наглядно проявляется внутреннее напряжение, экспрессия движений. Шарлотта Вольтер страдает под впечатлением пережитой сцены, она озабочена судьбой персонажа. Слезы льются по щекам, волнение становится все более живым и реальным.

Наступает кульминация действия. Глаза актрисы горят и сверкают, ее поза становится повелительной, угрожающей. Затем происходит развязка: конвульсии, судороги, из груди вырывается отчаянный крик и Шарлотта бросается в рыданиях на софу. Она рыдает долго и громко, пока не проходит кризис. С этого момента роль в новой пьесе твердо заучена».

* * *

Алексей Толстой

За 8 месяцев до своей смерти он написал такое письмо: «Во время болезни я как-то ночью принялся писать маленькое стихотворение, которое мне пришло в голову. Я уже написал почти страницу, как вдруг мои мысли смутились, и я потерял сознание. Пришедши в себя, я хотел прочесть то, что написал.

Бумага лежала предо мной, карандаш тоже, ничего в обстановке, окружающей меня, не изменилось, а вместе с тем я не узнал ни одного слова в моем стихотворении. Я начал искать, переворачивать все мои бумаги и не находил моего стихотворения. Пришлось признаться, что я писал бессознательно, а вместе с тем мною овладела какая-то мучительная боль, я непременно хотел вспомнить что-то, удержать убегающую от меня мысль. Это мучительное состояние становилось так сильно, что велели будить доктора, который тотчас же положил мне лед на голову и горчичники к ногам, и тогда равновесие установилось.

Стихотворение, которое я написал совершенно бессознательно, недурно, и напечатано в «Вестнике Европы».

Во всяком случае, это явление патологическое, довольно странное. Три раза в моей жизни я пережил это чувство. Хотел уловить какое-то воспоминание, но не желал бы еще раз пройти через это, так как это чувство очень тяжелое и даже страшное.

В том, что я написал, есть какого-то рода предчувствие близкой смерти».

* * *

А.Н.Скрябин

По наблюдениям тетушки Скрябина, у композитора истерические припадки случались «перед появлением на свет новых музыкальных мыслей». Подробнее она сообщает об этом в письме М.П.Беляеву:

«Припадок произошел ночью. Сначала он совсем похолодел, и я решительно не знала, чем его согреть. Порой у него что-то делалось с сердцем, а главное — с головой. Я даже не пойму. Говорит, что боли нет никакой, а между тем только успокаивался, когда я ему держала голову крепко руками. Все это кончилось к утру горькими слезами или истерикой».

По прогнозу после припадка следовало ожидать появления нового музыкального шедевра. И тетушка не ошиблась. В том же письме она далее пишет:

«Относительно появления на свет чего-то нового я не ошиблась. Только вернулся он в этот вечер от Шлецер, сейчас же уселся за рояль. Сегодня уже его спросила, не народилось ли у него что-нибудь новенькое. Он мне ответил

утвердительно и говорит, что выходит что-то очень уж хорошее, да и по его лицу вижу, что он блаженствует».

* * *

Г.Берлиоз

Интересное доказательство того, насколько повышается музыкальное чувство благодаря истерии, мы находим в следующем биографическом отрывке французского композитора и дирижера Гектора Луи Берлиоза:

«При звуках некоторых музыкальных произведений мне кажется, что душа моя расширяется. Я испытываю неземное блаженство, которое не могут разрушить никакие мудрствования разума. Привычка к анализу вызывает затем уже сама по себе восхищение. Душевные переживания, растущие в прямом отношении к силе и величию идей, порождают вскоре странное волнение крови.

Пульс начинает биться сильнее, слезы, обыкновенно предвещающие прекращение пароксизма, часто влекут за собой еще более сильный припадок. В таком состоянии наступает болезненное сокращение мускулов, дрожь во всех членах, полное онемение рук и ног, частичный паралич лицевых и слуховых нервов, я ничего не вижу, плохо слышу... Головокружение... отчасти потеря сознания».

* * *

Рассмотренные примеры диссоциативного симптомокомплекса эвроактивных процессов характерны для так называемого «бессознательного» состояния субъекта.

Теперь перейдем к случаям, когда приливы творчества происходят в поле «сознательности» (вернее, «сознаваемости») переживаемого приступа.

Из них можно выделить состояния, при которых сознание утрачивается не полностью и личность еще сохраняет возможность дать ту или иную субъективную оценку своих переживаний, хотя на высоте творческого приступа способна «выходить из себя».

Психическую диссоциацию у этих лиц, переживающих наплыв вдохновения, описывают различно: обозначают понятиями «на грани бессознательности», «как во сне» и т.д. Воспоминания о «звездных часах» сохраняются в памяти в виде «подсознательных переживаний».

Приведем пример такого рода творческих переживаний.

А. Кекуле

Создатель структурной теории химии Август Кекуле надолго запомнил главное событие в своей жизни и так рассказывал о собственных впечатлениях:

«Во время пребывания в Лондоне я часто бывал у моего друга Гуго Мюллера, беседовал с ним о нашей любимой химии. Тематику бесед продолжал осмысливать в одиночестве, на прогулках, в поездках по городу.

Однажды, сидя на крыше омнибуса, я предавался грезам. Перед моими глазами кружились атомы. Я и раньше часто рисовал в своем воображении движение этих маленьких существ, но до настоящего времени никогда не удавалось мне проследить, какого рода были эти движения. Сегодня я видел ясно, как здесь и там два маленьких атома соединялись в пару, большие атомы обнимали по два маленьких, еще большие держали в объятиях по три или четыре и как все это кружилось в вихревом танце.

Как зачарованный смотрел я на этот хоровод, пока в какое-то неуловимое мгновение не осознал вдруг всю конструкцию. Грезы прошли, но все нюансы необычного строения запечатлелись в моей памяти. Осталось только все теоретически обосновать, и я создал структурную теорию химических веществ».

* * *

Известно, что во время творческого порыва наступает обострение памяти и деятельности других сторон психики. В психиатрии болезненное усиление (обострение) памяти называют гипермнезией.

В дальнейших рассуждениях мы условно будем использовать этот термин как собирательное понятие для обозначения обостренной психической деятельности интеллекта за счет повышения уровня мышления и улучшения качества того или иного вида памяти при определенных условиях.

Помимо эмоционального подъема, нормальных физиологических факторов в режиме крайних пределов, к таким условиям следует относить и наличие патологических воздействий: эпилептических (эпилептоидных) и истерических (истероподобных) переживаний, физических и психических травм, маниакальных (маниакальноподобных) возбуждений, инфекционных и делириозных переживаний, токсических и наркоманических состояний.

Последствия патологических воздействий мы и рассмотрим.

Эвроактивность в состоянии эпилептической гипермнезии (эпилептической ауры)

Подобное состояние ярко и характерно описал страдавший эпилепсией Ф.М.Достоевский:

«Вдруг что-то открылось перед ним, необычайный внутренний свет озарил его душу: это продолжалось, может быть, полсекунды... бывают моменты, продолжают они не более пяти-шести секунд, когда вдруг чувствуешь присутствие вечной гармонии... это явление не земное, не небесное; это чувство ясное, несомненное, сразу кажется, что соприкасаешься со всей природой и говоришь: да, это так. Когда Бог создавал мир, он говорил в конце каждого дня: «Да, это так, это хорошо!». И это не нежность, не радость, не прощанье, ибо нет ничего, что бы должно было прощать, и не любовь; это чувство выше любви, страшна та поразительная ясность, с какой чувствуешь радость, наполняющую тебя...

Если бы это состояние продолжалось более пяти секунд, душа не могла бы выдержать и должна была бы умереть.

В продолжение этих пяти секунд я переживаю целое существование человека. За него я отдал бы всю свою жизнь и мне не казалось бы, что я слишком дорого заплатил».

* * *

Сходные чувства переживали и многие другие одаренные личности.

Б.С.Якоби

В возрасте 8-9 лет перенес приступы гипермнезии перед эпилептическим припадком, о чем и оставил интересные воспоминания:

«Это было странное, совершенно независимое от всяких религиозных понятий представление бесконечной длительности, которая внезапно ясно осознала мною и с такой силой захватывала меня при моих размышлениях о вечности, что я громко кричал, вскакивал и впадал в некоторого рода обморок. Мысль об уничтожении всегда мне представлялась ужасной, но еще ужасней и невыносимее представлялась мне идея вечного продолжения.»

От впечатлений, оставшихся в связи с переживанием «интуиции вечности и бесконечности протяжения», знаменитый физик не мог отделаться всю жизнь.

* * *

Б.Дизраэли, граф Бисконсфилд

(премьер-министр Великобритании, писатель)

В состоянии эпилептической ауры испытывал сильное умственное напряжение, граничившее с безумием: «... мои ощущения бывают невероятно остры и интенсивны. Все предметы кажутся оживленными, и мне представляется, что я ощущаю быстрое движение земного шара».

* * *

В.Беллини

Итальянский композитор, романтический подвижник искусства бель-канте так переживал состояние вдохновения: «Кипят, кипят во мне мысли, когда я начинаю думать о движении, в котором, мне кажется, заключается такая глубокая, такая таинственная загадка. Она представляет мне жизнь природы до такой степени непонятной и в то же время столь грандиозно великой, что я порой дохожу до экстаза. Мною овладевает такой энтузиазм, что я перестаю сознавать, где я, что я делаю, с кем нахожусь».

* * *

Филон Александрийский

Вдохновение перед припадком начиналось с притока мыслей. Философ считал, что это «озарение свыше», так как в будничной обстановке он этого никогда не испытывал. «Я чувствовал в этот момент только одно, — признается знаменитый человек, посвятивший всю свою жизнь соединению иудаизма с греческой философией, — что я так неимоверно богат идеями такой необычайной ясности и проникновенности и такой необычайной силы, что познание представлялось моему духовному взору так же ясно и отчетливо, как отчетливо все было моему физическому взору».

* * *

Эвроактивность в состоянии гипермнезии, обусловленной физической или психической травмой

Примером гипермнезии при психической травме (переживание смертельной опасности) может служить свидетельство швейцарского ученого А.Гейма о пережитых им чувствах при падении в горную пропасть: «...чтобы описать пережитое мною в течение нескольких секунд падения, мне пришлось бы рассказывать целый час. С необычайной точностью и ясностью передо мной проносились образы и, мысли. Я обозрел все факты моего прошлого...» (вспомним

эпилептика, переживающего в продолжение пяти секунд «целое существование человека»).

Карпендер приводит такой случай с субъектом, получившим ушиб головы. По выходе из бессознательного состояния травматик заговорил на валлийском языке, хотя 30 лет не был в Уэльсе и, казалось, совершенно забыл родную речь. Выздоровев, он снова начал изъясняться по-английски, утратив способность воспринимать значение валлийских слов.

Бирфлит, наблюдая лиц, переживших утопание, лежание вдоль рельсов под быстро мчавшимся поездом и другие подобные ситуации, отмечал случаи, когда гипермнезия выражалась картиной «панорамных видений» давно пережитых комплексов.

Сам Г.В.Сегалин описал интересный пример из своей врачебной практики: «Сестра милосердия получила такого рода психическую травму: некий субъект пытался застрелить ее из револьвера, но промахнулся, и она осталась невредимой. Покушение настолько травмировало психику женщины, что в первый момент после выстрела несчастная, по собственному выражению, «точно окаменела».

После этого сестра милосердия стала страдать припадками, теряла сознание и в таком состоянии прекрасно исполняла песни и романсы.

Когда она выздоровела, то припадки, сопровождавшиеся вокальной репродуктивностью, прекратились.

Известно много примеров, когда полученная случайно физическая травма обостряла скрытые таланты и способности, а обострившаяся после травмы гипермнезия оставалась длительной (перманентная гипермнезия).

Обратим внимание на эти факты.

А.Гретри

Долгое время был посредственным певцом, но после тяжелой травмы мозга стал знаменитым вокалистом.

* * *

Мобильон

Смолоду считался слабоумным. Только в результате ранения черепа проявились его таланты.

* * *

Макарий

Будучи болезненным и умственно отсталым ребенком, не мог учиться в обычной школе. Непонятно как попал в духовную семинарию, где его однажды ударили камнем по голове. В посттравматическом периоде блестяще проявились необыкновенные способности. Общеизвестно, что митрополит Московский Макарий славился своими талантами и умом.

* * *

К.Д.Бальмонт

С целью самоубийства выбросился из окна третьего этажа, год пролежал в постели.

За это время сам поэт констатировал у себя: «... — небывалый расцвет умственного возбуждения и жизнерадостности».

* * *

Эвроактивность в состоянии токсической гипермнезии

В случаях подобного рода гипермнезия обычно обусловлена воздействием химических веществ. Сюда же относится влияние алкоголя и наркотиков.

Г.Дэви

Знаменитый английский физик и химик при открытии веселящего газа пережил необычайные психические впечатления вследствие того, что во время опытов вдыхал этот газ. Сам он так повествует об этом:

«Приятное чувство, которое мною овладело после вдыхания веселящего газа, ограничивалось сначала определенными местами. Я заметил это чувство только на губах и щеках. Затем чувство приятного постепенно распространялось по всему телу и отнимало мое сознание. Вскоре я пришел в себя и стал выражать это чувство блаженства смехом и танцами в присутствии друга.

С нарастанием блаженства порывалась все более и более связь между моими представлениями и внешним миром. Целые вереницы видений быстро проходили передо мной. Эти видения настолько связывались со словами, что благодаря этому возникали, как мне казалось, совершенно живые представления и идеи. Я находился в мире новых идей и новой жизни. Я теоретизировал. Я делал новые открытия!»

* * *

В этих переживаниях мы видим явления, аналогичные примерам с эпилептической и травматической гипермнезией. А особенность состоит в том, что по происхождению такие психические отклонения, в отличие от эпилептоидных, обусловлены экзогенными причинами с четкими качественными,

количественными и временными характеристиками, здесь всегда имеется определенный токсический агент, сведения о дозе и периоде воздействия.

Довольно часто сами одаренные люди «программировали» свои творческие процессы, запасаясь спиртным и наркотиками. Некоторые гении и знаменитости верили в непогрешимость собственных прогнозов о результатах влияния определенных сортов вин, гашиша или опия на качество их будущих творений. Примеров искусственной стимуляции диссоциативных симптомов эвроактивным довольно много.

* * *

Эвроактивность в состоянии алкогольного опьянения

Э.Т.А.Гофман

Мог творить только в состоянии опьянения. В нюансировании своих творческих настроений путем приема алкоголя Гофман достигал исключительной виртуозности.

Он не был вульгарным пьяницей, но сознательно составлял самые различные смеси спиртных напитков, прежде чем приступить к акту творчества очередного шедевра.

* * *

Поэ

Также принадлежал к творческим типам, чье вдохновение определялось дозой алкоголя.

За порогом трезвости он погружался в мир грез и фантастики.

Волшебные образы, порожденные отуманенным сознанием, продолжали жить в его произведениях.

* * *

Эдгар По

Трагическая фигура. Натура, одержимая патологическими склонностями, разрушающими жизнь. Однако эта губительная стихия странным образом реинкарнировалась в энергию творчества, создавая искусство яркое и необычайно талантливое, в котором иррациональное и болезненное проявлялось как необходимые и удачно найденные полутона.

Его поклонник Бодлер говорил: «Этот несравненный поэт, этот неопроверженный философ, которого цитировать всегда приходится там, где дело касается проявления болезни духа, пил водку как варвар, а не как одержимый пороком эстет. Он должен был так пить и так кончить, чтоб в своей патотрагической жизни испытать то, что составляло содержание его творчества. Вот почему он прав, говоря о себе: «...я охотно вам покажу, что я отчасти был рабом тех сил,

над которыми мы, люди, никогда не будем господами; мне кажется, что вы согласились бы с тем, с чем нельзя вам не согласиться, что на свете, где испытано было немало, еще ни один человек не испытал всего того, что я испытал».

И действительно, никто так ярко не испытывал такое яркое дарование, которое бы разряжалось таким трагическим способом посредством самого отчаянного пьянства».

* * *

Чарльз Лэм

Этот английский писатель, прославившийся пересказом пьес Шекспира для детей, уверял, что вино или водка проясняют его ослабевшую фантазию, обогащают юмор и заставляют мысль выливаться в красивые образы.

* * *

Эвроактивность в наркотическом сознании

Де Квинси (Томас Де Куинси)

Систематически потреблял огромные дозы опия, что подтачивало его здоровье, приводило к невосполнимым утратам жизненных сил и энергии, физическим мукам и болезненным страданиям.

В кратковременные моменты наркотических грез испытывал необычайные переживания, уходил от однообразия и повседневности в мир фантастики сноподобных видений.

Был счастлив от богатых впечатлений совершенно нового восприятия времени, пространства и всего окружающего, что и воплощал в своем творчестве.

Этот английский писатель, предшественник декадентства, оставил автобиографическую «Исповедь англичанина-опиомана» (1822).

* * *

Г. де Мопассан

По собственному признанию, у него есть, если не целые произведения, то отдельные страницы, написанные под влиянием наркотиков. Наркотические средства (эфир, морфий, кокаин, гашиш) употреблял во время приступов невралгий, постепенно к ним привык.

Описал действие наркотиков таким образом: «...то не сон, не грезы, не болезненные видения, вызываемые гашишем или опиумом, то — необыкновенное обострение мышления, новая манера видеть вещи, судить и оценивать жизнь, сопровождаемую полной уверенностью в том, что эта манера и есть истинная».

Ж.А.Пуанкаре

(французский математик, физик и философ)

О диссоциативном состоянии психики при творческом приступе под влиянием кофеина оставил собственные воспоминания: «Целые две недели я силился доказать, что невозможна функция, подобная той, которая впоследствии названа фуксовской. Тогда я был еще очень несведущ. Каждый день садился за работу, проводил за ней час или два, но, несмотря на испытание множества комбинаций, все мои усилия оказывались тщетными. Однажды вечером, против обыкновения, я напился черного кофе, и это мешало заснуть. Мысли стали рождаться во множестве. Я чувствовал, как они сталкивались между собой, пока две из них как бы сцепились и образовали стойкое соединение. На следующее утро я открыл существование ряда фуксовских функций, после чего мне осталось только проредактировать выводы, что отняло всего несколько часов».

* * *

Помимо рассмотренных «условно чистых» эндо- или экзогенных причин диссоциативных симптомов эвроактивности следует остановиться и на примерах влияния болезненных состояний на творческий процесс.

Течение болезни само по себе предрасполагает к самым необычным сдвигам в психическом статусе. Здесь могут быть довольно причудливые сочетания воздействия на организм болезнетворных агентов, защитных реакций, процессов реабилитационного периода. Поэтому сведения о характере проявлений творческого начала в клинической картине некоторых заболеваний представляют несомненный интерес.

Эвроактивность при лихорадочных состояниях, обусловленных инфекционными болезнями

Случай гипермнезии в лихорадочном бреду приводит Карпентер. В одном католическом городе в Германии захворала горячкой молодая неграмотная женщина. Священник объявил ее одержимой злым духом, так как в бреду она говорила на латинском, греческом и еврейском языках. «Бред» ее записали и оказалось, что он состоял из различных изречений, в том числе и из Библии, понятных в отдельности, но не имевших никакой связи между собой. Случай заинтересовал одного врача, который стал выяснять происхождение необычного явления.

Оказалось, что в детстве больная несколько лет жила у протестантского пастора, специалиста по древним языкам. Старик имел привычку расхаживать

по дому, читая вслух религиозные книги. Многие места из этих книг оказались тождественными с изречениями, записанными у постели больной.

Другой случай гипермнезии приводит профессор В.П.Осипов: «Мне пришлось наблюдать девочку в возрасте двух с половиной лет, заболевшую ангиной. В лихорадочном периоде ребенок произносил наизусть сказку в стихах (12 страниц большого формата), услышанную еще до болезни. Далеко не все слова сказки были понятны девочке, но произносились ею совершенно правильно. Вместе с выздоровлением выровнялось и обострение памяти. Девочка уже не проявляла такие способности, какие наблюдались во время болезни».

О своей продуктивности при лихорадочных состояниях вспоминали многие знаменитости.

Ф.Грильпарцер

Признанный австрийский писатель и драматург во время острой лихорадки создал свое самое объемное поэтическое сочинение «Die Ahnfran» и так рассказывал об этом: «Продолжая свою прогулку, думал я насчет «Die Ahnfran», но сочинил только первые 10 строк и вернулся домой. Ночью началось со мной какое-то особенное возбуждение, меня стало лихорадить, повысилась температура. Утром я проснулся с тяжелым чувством нарастающего болезненного состояния и вспомнил о клочке бумаги с набросанными строками стихов. Я сел и начал писать эти стихи дальше и дальше. Мысли и рифмы как будто сами стали приходить ко мне настолько легко, что пришлось очень быстро их записывать. На следующий день — то же самое явление, и в три или четыре дня был готов первый акт, почти без единой помарки. Точно так же скоро возникли второй и третий акты».

* * *

К.Ф.Геббель (К.Ф.Хеббель)

Самый продуктивный этап своего драматургического творчества этот немецкий драматург и теоретик драмы связывает с разгаром болезни, повышением ночных температур. Он пишет: «...отвратительный период болезни — гастрическая лихорадка с ужасными головными болями. Восемь дней в поту, валяюсь в неприбранной кровати, невероятные сновидения. Не забудьте, по ночам сочиняю я целые сцены трагедии “Дитмар”»

* * *

К.Голтей

Известный поэт и актер, он однажды вынужден был играть на сцене с высокой температурой. Во время лихорадки впервые почувствовал, что в этом особенном состоянии повышенной экзальтации нашел, наконец, ту свою высокую творческую квалификацию, которая делала достоверно правдивой и в высшей степени художественной игру на сцене.

Карл Голтей даже записал свои необычные впечатления:

«Температура у меня повышалась, поочередно донимал то озноб, то жар. Это физическое недомогание в этот самый вечер представления... Чем более оно возрастало, тем более устранялась та наступающая боязнь, та скромность, которая делала меня всегда в моих ролях более неловким и нерасторопным, чем я был на самом деле. Настоящая лихорадка побеждала лихорадку сцены.

С определенным равнодушием ко всему, что могло бы быть мне препятствием, я вышел на сцену и впервые в жизни почувствовал себя свободным.

Среди партнеров по игре я вызвал удивление. Каждый был поражен моей уверенностью. Никто не мог поверить, что за ночь я успел так усвоить роль, что я был тяжело болен.

От нарастающего жара я впал в такое состояние экзальтации, которая привела в возбуждение нервы, позволила сбросить неодолимую ранее тяжесть и боязнь обычной моей заторможенности. Скрытый талант вдруг развернулся во всю мощь и силу.

Я в тот вечер почувствовал впервые какую-то внутреннюю связь между выговариваемыми словами и мыслями, с одной стороны, и жестами и движениями, выражающими слова с другой.

Определеннее, чем раньше, узнал, где крылись мои недостатки, что хотели и думали критики, упрекая меня раньше.

Жаль, что этот вечер, имевший наивысшее значения для моей сценической деятельности, больше никогда не повторялся.

С возвращением здоровья ко мне вернулась прежняя застенчивость и моя старая неловкость».

* * *

Р.Вагнер

Сумеречное состояние в разгаре инфекционной болезни вызвало у знаменитого немецкого композитора Рихарда Вагнера гипермнестические переживания, которые легли в основу создания оркестровой прелюдии к одной из опер.

«Это было после итальянской поездки, — вспоминает великий маэстро. — Моя дизентерия осложнилась рвотами и привела меня в состояние окончательного истощения. Едва в состоянии влачить свои ноги, я нашел себе пристанище — лучшую гостиницу, которая, к моему огорчению, была расположена в очень узкой и шумной улице.

После бессонной ночи, проведенной в состоянии повышенной температуры, я на следующий день принудил себя с трудом к прогулкам по окрестностям.

Все казалось мне пустынно и мерзко. Вернувшись домой до крайности утомленный и измученный, я растянулся на жесткой кровати, ожидая того момента, когда, наконец, появится долгожданный сон.

Но он не появлялся, зато я был погружен в какое-то сомнабулическое состояние, в котором почувствовал, что внезапно погружаюсь в воду с быстрым течением. Шум от этого течения вскоре предстал мне в музыкальных сочетаниях и аккордах, которые беспрерывно нарастали волнообразно, во всех своих фигуральных преломлениях.

Эти преломления вырисовывались мелодическими фигурациями, которые наступательно двигались вперед, но никогда при этом не изменялось чистое тройное созвучие. Этому созвучию, казалось, было придано большое значение. С чувством, как будто волны теперь высоко надо мной все далее и далее уходят, пробудился я из своей полудремоты с большим испугом. Тотчас же констатировал я, что оркестровая прелюдия, с идеей которой я носился, но не мог ее определенно найти, мне ясно оформилась: и тут-то скоро я понял также, что я в себе имею, и что не снаружи, а изнутри источник жизни во мне притекает.»

* * *

В. Скотт

Роман «Айвенго» был продиктован им во время острой болезни. Интересно, что писатель не сохранил о нем ни малейшего воспоминания, за исключением основной идеи романа, задуманной еще в состоянии полного здоровья.

* * *

Ж.О. де Ламетри

Перенес какую-то «горячку». Пережитое во время болезни оригинальный французский философ и врач использовал для некоторых философских выводов. Так, в сочинении «Человек-машина» Жюльен Офре де Ламетри представил человеческий организм как самозаводящуюся машину.

* * *

Эвроактивность при органических заболеваниях нервной системы

Ф.Нише

Заболел прогрессивным параличом осенью 1888 г. Вначале болезнь проявлялась приступами маниакальной экзальтации: повышенное эмоциональное самочувствие (чувство счастья и блаженства, беспредельная переоценка самосознания и неимоверно легкое, без задержек, течение волевых процессов. В таком состоянии было создано произведение «Ессе Ното». В письмах данного периода маниакальная экзальтация у философа проглядывает очень ярко, а его гипермнестические переживания выражаются в легком разрешении всех задач, за которые он берется. Так, в одном из писем Ницше пишет:

«Между тем все идет восхитительно. Ничего подобного, начиная с сентября, по сей день, никогда в жизни не переживал. Самые сложные проблемы разрешаются играючи. Мое здоровье, подобно погоде, ежедневно с необычайной легкостью и ясностью все улучшается и прибывает. Я не в состоянии теперь все объяснить, все, что уже мною сделано, все уже готово... В будущем году весь мир перевернется, после того, как старые боги подадут в отставку, я начну управлять всем миром...»

* * *

Г.Вольф

Заболел прогрессивным параличом, перенес пять приступов маниакального возбуждения, из которых первые три исключительно способствовали творческой продуктивности. Знаменитым композитором Гуго Вольф стал, когда увидел свет его композиции, созданные в этот период. Последние два приступа были не только бесплодны, но и разрушили окончательно психику одаренного музыканта. Так или иначе, случай с Г.Вольфом представляет из себя наиболее яркий и классический пример, когда приступы возбуждения, обусловленные прогрессивным параличом, разряжают скрытые творческие комплексы.

* * *

Э.Золя

Писатель говорил о себе: «В возрасте 19 лет, после первых лицейских каникул я заболел и чуть было не умер от воспаления мозга.

Я часто думал, что эта болезнь оказала громадное влияние на характер и всю дальнейшую жизнь и, быть может, изменила самый мозг, даже повела к развитию известных талантов».

* * *

Оценка диссоциативных комплексов с выраженной гипермнезией выявляет их неоднородность. В ряде случаев активация памяти выражается в обостренных, когда-то пережитых психических сдвигах, развертывающихся в виде «вспышек», «панорамных видений», «кинематографического ряда», целых периодов жизни в конкретных образах, ситуациях и представлениях, как яркое отображение когда-то бывших реалий, но теперь забытых.

К другой группе принадлежат те гипермнестические состояния, в которых обостряются не столько сами реально пережитые комплексы явлений, сколько общий контекст таких комплексов. Это и мгновенная концентрация осознания своего прошлого, и всплеск космического чувства в единстве с вечной гармонией, и целостное мироощущение вместе с необычными восприятиями.

Подобные формы гипермнезии в зависимости от структурных проявлений контекста имеют большое значение в понимании генезиса всех тех творческих приступов, которые обозначаются субъективно как «вдохновение», «интуиция», «творческий экстаз».

В наиболее «интегрированных» творческих актах при обострении всех видов контекстных переживаний, повышенной ассоциативной деятельности, аффективности, переходах сознания на космический масштаб, с появлением псевдогаллюцинаций или галлюцинаций истинных, когда достигается сочетание интуиции, вдохновения, экстазной эвроактивности, возможно не только создание отдельных гениальных произведений, но и появление новых систем мышления, религиозных представлений и философских воззрений (Платон, М.Лютер, В.И.Ленин).

Эвроактивность при парамнестических переживаниях

В отличие от творческих процессов, характеризующихся гипермнестическими формами диссоциативных симптомокомплексов, существует большая группа эвроактивных состояний, в которых преобладают парамнестические симптомы. Парамнезией, обыкновенно, обозначают ложную репродукцию памяти. Причем если гипермнезия указывает на обострение, в смысле количественных изменений, то ложные обострения репродуктивных способностей парамнестического плана приводят к качественным сдвигам. И здесь имеют место не только обманы памяти в виде нарушений привычной логики, но и образные видоизменения вследствие обмана чувств (иллюзии, галлюцинации).

Рассмотрим конкретные примеры таких явлений.

Эвроактивность в состоянии переживаний иллюзии «уже виденного»

По существу этот момент парамнестического состояния заключается в том, что психический комплекс, переживаемый в настоящем, в реальной обстановке сливается с обостренным контекстом из прошлого (гипермнезия контекста прошлого), а потому это переживание (настоящее) воспринимается как «прошлое», «пережитое», «уже виденное».

О том, что творческий процесс может реализоваться при такой иллюзии, свидетельствуют примеры из жизни великого Рафаэля.

В книге немецкого романтика Ваккениродера «Размышление отшельника — любителя изящного» есть глава «Видение Рафаэля», в которой приводится рассказ Браманта (друг Рафаэля), представляющий тематический интерес:

«Однажды, когда Рафаэлю долго не удавалось написать изображение Мадонны, когда непрерывное беспокойство волновало дух Рафаэля и когда темное чувство души никогда не хотело преобразиться в светлое явление и возбуждение его вследствие этого достигло таких размеров, что внутренний дух его более и более воспламенялся, он однажды ночью вдруг от сильного волнения проснулся и увидел следующее.

Во мраке ночи взор Рафаэля привлечен был светлым видением на стене против самого его ложа. Он взгляделся и увидел, что висевший на стене еще неоконченный образ Мадонны блистал кротким сиянием и казался совершенным и будто живым. В нем выражалась такая божественность, что слезы градом покатались из глаз изумленного Рафаэля. С каким неизъяснимо трогательным видом он смотрел на него очами слезными и каждую минуту казалось ему, этот образ хотел двигаться. Даже мнилось, что он движется, в самом деле. Но чудеснее всего, что Рафаэль нашел в нем именно то, чего искал всю жизнь и о чем имел темное и смутное предчувствие. Он не мог припомнить, как заснул опять, но, встав утром, будто вновь переродился: видение навеки врезалось в его душу и чувства. И с тех пор Рафаэль стал писать своих мадонн с этого «видения».

Здесь стоит напомнить, что Рафаэль действительно был бессилен создавать что-либо «рафаэлевское», пока не пережил описанную иллюзию. Она впоследствии служила ему тем прообразом, моделью, о которой он сам говорил: «Я прилепился к одному тайному образу, который иногда навещает мою душу».

Можно добавить, что это «видение» являлось ему не один раз. Таков яркий пример, когда психическая диссоциативность в виде иллюзорных переживаний стала вполне определенным симптомом творческого психомеханизма величайшего мастера кисти.

Л.В.Попов

Художник-живописец. Страдал тяжелой формой психастении с навязчивыми идеями, ипохондрическими жалобами и соматическими расстройствами (непроизвольные подергивания головы). Отмечались и иллюзии навязчивого характера. Когда больной художник смотрел на обои с рисунками, то из узоров и штрихов ему навязчиво лезли в глаза всякие «рожи чертей, сатаны и прочей нечисти», появлялись фантастические видения неприятного и оскорбляющего характера (он был глубоко религиозен, эти чудища навязчиво заставляли его брать карандаш, делать зарисовки увиденного. И только когда рисунок ложился на бумагу, он находил успокоение от неприятных переживаний.

* * *

Эвроактивность в галлюцинаторных переживаниях

Эти примеры касаются творческих приступов при тех или иных формах галлюцинаторных расстройств, независимо от того, какие галлюцинации (зрительные, слуховые, тактильные) имели место.

Д.П. да Палестрина

(итальянский композитор, глава римской полифонической школы)

Пытался использовать в своих композициях мелодии, которые, как ему казалось, напевал невидимый ангел.

* * *

Стендаль

При описании Аустерлицкого сражения слышал пушечные залпы, ружейные выстрелы, стоны раненых.

Говорил о своих героях, как о живых людях, и жил с ними одной жизнью. Однако при этом не забывал, что является их творцом и ставил границы своим галлюцинаторным переживаниям.

* * *

Г.Виган

(чешский виолончелист)

Рассказывал, что способность объективировать умственные образы развилась у него до такой степени, что впоследствии он начал смешивать созданные волевым усилием фигуры с реальными личностями.

* * *

Е. А. Салиас

Писатель признавался, что яркое восприятие описываемого места иногда совершенно уносило его вдаль от письменного стола. Однажды, сидя в кресле, он так ясно представил себе вершину швейцарской горы, что, невольно вскрикнув, обеспокоил домашних.

* * *

Д.Кардано

(итальянский математик, философ и врач, предложил прообраз карданного механизма)

«Дух» сообщал ему сведения о невозможном мире, давал советы, вдохновлял.

* * *

Банеккер

(живописец)

Представлял себе действительно существующими фантастические образы, которые ясно видел перед собой, и затем воспроизводил на полотне.

* * *

Д.Савонарола

(настоятель монастыря доминиканцев в средневековой Флоренции)

Обличая папство, выступая против тирании флорентийских правителей Медичи, проповедуя аскетизм, утверждал, что на него нисходит небесное откровение и что приходится выдерживать битвы с демонами. Уверял, что видел свою душу в форме блестящего кристалла.

* * *

Г.Флобер

Ощущал во рту вкус мышьяка, которым отравилась героиня его романа госпожа Бавари, и ощущения эти были настолько реальны, что дважды подряд вызвали рвоту.

* * *

Э.Т.А.Гофман

Говорил часто своим друзьям, что работает, сидя за фортепьяно, с закрытыми глазами, и воспроизводит то, что некто подсказывает ему со стороны.

* * *

Спинелли (живописец)

Рассказывают, что когда художник после многих бесплодных попыток нарисовал, наконец, Люцифера во всем его безобразии, то последний явился ему во сне и укорял за уродливое изображение. Этот образ потом на продолжении нескольких лет преследовал и едва не довел Спинелли до самоубийства.

* * *

Ван Гельмонт

Уверял, что видел свою душу в форме блестящего кристалла.

* * *

Г.Флобер

Ощущал во рту вкус мышьяка, которым отравилась героиня его романа госпожа Бавари, и ощущения эти были настолько реальны, что дважды подряд вызвали рвоту.

* * *

Ч.Диккенс

Во время творческой работы переживал, по собственному признанию, зрительные и слуховые галлюци-

нации: видел своих героев, записывал их слова. «Я не сочиняю содержания книги, — удостоверял писатель в своих самопризнаниях, — но вижу ее и записываю».

* * *

Ш.Гуно

Переживал в процессе творчества галлюцинаторные «наплывы»: отчетливо видел Ромео и Джульетту, часами слышал голоса персонажей своих пьес.

* * *

Г. Р. Державин

Я. К. Грот приводит рассказ самого Державина о зрительных галлюцинациях, пережитых в момент творческого вдохновения при создании оды «Бог». Не дописав последней строфы, поэт заснул глубокой ночью. Но его воображение было настолько разгоряченным, что сон оказался кратковременным. Едва забрезжила заря, как он встал, почувствовав прилив могучих сил. Лампада слабо мерцала; но Гавриле Романовичу показалось, будто все наполнилось ярким светом. Слезы ручьями полились из глаз. Чувствуя необычайный духовный подъем, Державин разом написал последнюю строфу.

* * *

И.Н.Крамской

Во время работы над картиной «Христос на распутье», по собствен-

ному признанию, «...много думал, молился, страдал и довел себя до галлюцинации».

«На каждого человека, — говорил он далее, — хоть раз в жизни находит раздумье: пойти ли направо или налево; расширяя дальше мысли, можно догадываться о подобных исторических кризисах... И вот я однажды, когда особенно был этим занят, гуляя, работая, лежа и т.д., вдруг увидел фигуру, сидящую в глубоком раздумье... Кто это был? По всей вероятности, это была галлюцинация».

* * *

М.Мункачи

(венгерский живописец)

Написал картину «Христос перед Пилатом», потрясенный «лучистым» видением, в котором разглядел упорно не дававшийся ему до этого лик Христа.

* * *

Г. де Мопассан

Оставил воспоминания об одной из своих зрительных галлюцинаций. Однажды (1889), когда он сидел за письменным столом, дверь кабинета отворилась, и в комнату вошла его собственная фигура, села напротив, опустив голову на руки, и начала диктовать текст рассказа. Когда писатель завершил произведение и встал с места, видение исчезло.

* * *

Эвроактивность в аутистических переживаниях

Аутизм — своеобразное душевное состояние, когда человек вследствие психического расщепления личности оторван от реальной жизни настолько, что находится в противоречии с ней.

Аутистическое мышление дает волю безграничной фантазии (мифологемы, образы во сне, болезненные видения), причем мысль заметно отступает от жизненных реалий и не желает их знать. Несовпадения с действительностью игнорируются, напряжение мысли сосредоточивается на целях, определяемых исключительно инстинктом и аффектами. Например, ребенок или взрослый мечтает наяву и воображает себя героем. В ряде случаев состояние аутизма порождает нелепые идеи. В то же время самые обыкновенные понятия почти полностью растворяются, что дает простор мифотворчеству, сновидному воображению, шизофренической непредсказуемости.

В более рассудочных формах аутистического мышления, особенно в мечтах наяву, действительные соотношения только отчасти отбрасываются или перерабатываются, но и здесь обычные представления нередко подменяются символикой или сгущаются в одно понятие, отражающее одновременно и желания, и опасения.

Аутистическое мышление будоражит мир ребенка, представляет его героем, религиозным людям дарит надежду на вечную жизнь, обиженного ободряет будущей справедливостью, больному сулит скорое выздоровление, доводит нормального человека до бреда величия, когда в его сознании сказка становится былью, и он чуть ли не воочию зрит себя обладателем несметных богатств и почестей.

Конечно, доведенные до нелепости аутистические переживания вполне могут реализоваться в нежелательный эффект, однако нельзя не видеть их громадной эвроактивирующей ценности.

Там, где интеллект ищет новые пути познания и изобретения, он должен в некотором смысле освободиться от привычных представлений и методов мышления, вообразить себя в новых, неизведанных до сих пор положениях, «перебросить» свое сознание, хотя бы на миг, в аутистический мир. Творческие гипотезы, аналогии, противоречивые сопоставления и парадоксы, фантастические проблемы и научные гипотезы есть именно результат такой потребности в аутистическом мышлении в тот момент, когда недостает реального

знания. И ни одно значительное открытие в науке или искусстве не обошлось и не обойдется без аутистических переживаний. Вспомним поиски «философского камня» средневековыми алхимиками, которые привели к началам научной химии. Или аутистические миражи «магнетизма» и «мейсмеризма», давшие толчок развитию школы современного гипноза.

Интересно отметить, что как только наше реальное знание обогащается, тотчас же снижается напряжение в аутистическом поле сознания.

В ситуации, когда реальная действительность тяжела и несносна, пробуждается стремление поставить себя в более благоприятное положение, возникают аутистические образы и представления, мечты наяву, фантастические грезы. Они активируют творческий вымысел, дающий начал: поэтическим, художественным, музыкальным произведениям.

Там, где различные одновременные представления в свете логического рассуждения не сходятся в нечто единое и синтетическое, аутистическое мышление соединяет все противоречия в некое утопическое целое, открывает немислимые возможности и перспективы интеллектуальному искательству.

Таким образом, аутизм, несмотря на все свои издержки и нелепицы, имеет определенную положительную ценность, так как способствует разрыванию творческих комплексов.

Сюда же можно отнести и так называемую аутистическую форму интуиции. Если в «обычной» интуиции действует процесс реального раздражения органов восприятия, сливающийся с раздражениями прошлого опыта, то здесь свежее новое восприятие не синтезируется с тем, что сохранилось в воспоминаниях. В аутистическом поле возможность «видеть» предмет не зависит от его узнавания. Предмет воспринимается не как «уже виденное», а как нечто новое и поражает воображение больше, чем то, что раньше «виделось» и «узнавалось».

Пример аутистической интуиции представляет интуиция художников-импрессионистов.

Таких живописцев не интересует реальный «фотографический» внешний мир. Он кажется им пошлым и неинтересным в силу привычных обыденных ассоциаций. Но как только тот же импрессионист на тот же объект окружающей среды (например, на тарелку с фруктами) посмотрит расщепленно «шизоидными» глазами, он теряет контекст привычного узнавания и представляет что-то «свое». У профессионалов даже есть термин, обозначающий необычное восприятие, — «наивно видеть». С этим сравнимо видение мира глазами

ребенка или дикаря. Восторженный импрессионист, находя новый подход, часто «влюбляется» в новое представление, подбирает для его изображения особенные краски, дает необычные ракурсы.

Творческая личность, переживая амнестическую интуицию, «не узнает» окружающее, отрывается настолько от привычного, что сама впадает в состояние «рассеянности», «забычивости» или «чуждества».

Многие примеры из жизни знаменитых людей, описанные в литературе как их странности, — есть именно моменты такой амнестической интуиции.

Вот некоторые из них.

М.Н.Загоскин

С.Т.Аксаков рассказывал, что Михаил Николаевич Загоскин перед написанием романа «Юрий Милославский» был весь погружен в глубокую мысль.

Его всегдашняя рассеянность, к которой привыкли и не замечали, до того усилилась, что все спрашивали друг у друга, что сделалось с писателем. Он не видел, с кем говорил, и не знал, что говорит. Встречаясь на улице с близкими приятелями, никого не узнавал, не отвечал на поклоны, не слышал приветствий. Он изучал в это время исторические документы, оторвался от мира реального и «перебросил» себя аутистически в эпоху 1612 года. Иначе говоря, Загоскин переживал аутистическую «интуицию».

* * *

И.Ньютон

По-видимому, то же самое произошло и с Исааком Ньютоном, о чем рассказал его современник ученый Стокли: «Раз у Ньютона были гости. Великий физик, желая угостить их, пошел в рабочую комнату за вином, но долго не возвращался. Оказалось, что он вовсе забыл об ожидавших его друзьях и преспокойно засел за работу». Он не «забыл» в обыкновенном смысле этого слова, а впал, вероятно, в аутистическое состояние.

* * *

К.И.Росси

Современники утверждали, что талантливому архитектору иногда «собственная реальная жизнь начинает казаться какой-то далекой и похожей на грезу. Он с содроганием замечает, что на стремительный поток сменяющихся в нем чувств глядит уже чуждыми ему глазами и прислушивается чуждыми ему ушами».

* * *

Несомненно, что в тяжелых формах аутизма, где имеются налицо те или иные иллюзорные или галлюцинаторные переживания, аутистическая интуиция может сопровождаться иллюзиями и галлюцинациями.

Таким образом, аутистические процессы как симптомы диссоциативного ряда эвроактивности могут иметь множество переходных форм от спонтанно возникающих одномоментных восприятий искусственного «саморасщепления» объективных реалий до тяжелых приступов аутизма, с погружением в мир фантазмагорической подмены действительности, несбыточных иллюзий и галлюцинаторных образов.

ДИССОЦИАТИВНЫЕ СИМПТОМЫ ТВОРЧЕСКИХ ПРИСТУПОВ СО СТОРОНЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Эмоциональная окраска творческого процесса может быть самой различной. Эвроактивность проявляется не только в условиях маниакального или эпилептического возбуждения, но и в периоды притупления (даже отсутствия) аффективных переживаний. Причем характерно отметить, что те личности, которые творят в атмосфере спокойствия духа, готовы вообще отрицать необходимость «вдохновения» и ставят под сомнение качество творческой продуктивности в ином эмоциональном состоянии.

Эвроактивность в состоянии маниакального возбуждения

Г.Вольф

Все свои музыкальные произведения создал в состоянии маниакального возбуждения, перенес пять таких приступов.

За время первого периода возбуждения (около двух лет) написал более 200 песен. Второй короткий (два месяца) приступ вдохновил его на создание отдельного тома итальянских песен (29 песен). Следующий том итальянских песен, ряд оперных тем и многие акты этих опер были закончены композитором во время третьего приступа (более года). Дальнейшие циклы маниакального подъема были бесплодны для творчества.

* * *

И.В.Гете

Мёбиус констатировал, что великий поэт был подвержен периодическим гипоманиакальным приступам, во время которых его творческая деятельность характеризовалась как наиболее плодотворная.

* * *

А.С.Пушкин

О том, что у Пушкина возбуждения маниакального (или гипоманиакального) характера чередовались с периодами депрессии, сообщил доктор Я.В.Минц. Этот автор отмечал, что состояния депрессии были бесплодными для поэта, а циклы возбуждения характеризовались высокой творческой продуктивностью.

* * *

Марк Сиракузский

По словам Аристотеля, Марк Сиракузский писал, хорошие стихи, пока был «маньяком», но выздоровев, совершенно утратил способность к стихосложению.

* * *

Жерар де Нерваль

(французский поэт-романтик)

Во время маниакальных приступов создавал необычайные по достоинству поэтические произведения. Друзья поэта (Т.Готье) спрашивали, должны ли они сожалеть о нем или завидовать ему во время психозов. Сам Нерваль в периоды спокойного состояния часто сожалел о том, что «...безумное «я» было вытеснено властью «я» разумного». Вот еще оценка, которую дал поэт своему безумию: «...творческая деятельность тогда у меня была удвоенная. Мне казалось, что я все знаю, все постигаю; работа доставляла мне бесконечное наслаждение. Приобретая снова то, что люди называют разумом, я терял силу и наслаждение».

Одно из лучших творений — «Сильвио» — было создано в приступе маниакальной экзальтации.

* * *

В.М.Гаршин

Страдал маниакально-депрессивным психозом. Воспроизвел свои переживания, навеянные приступом болезни, в произведении «Красный цветок».

* * *

Г.Штиглиц

Немецкий лирик первой половины XIX века.

В своем творчестве Генрих Штиглиц был всецело зависим от маниакальных приступов, что подтверждается воспоминаниями его сестры Шарлотты: «После известного периода застоя в один прекрасный день набухают его творческие приливы и, оплодотворяя его, буквально заполняют всего Штиглица. Тогда он не только пишет стихи, но также самые разнообразные письма дюжинами.

В это время он буквально живет иначе, иначе любит, читает иначе, смотрит на себя и на других более ясными глазами и вообще все его силы творческие

как бы мобилизованы и сосредоточены. Часто бывало его дразнили и говорили, что, вероятно, он находится в связи и зависит от какой-то кометы, ибо его приливы и отливы наступают так неравномерно и внезапно, что, правда, я уж сама начала верить в это».

* * *

Н.В.Гоголь

У Гоголя также приступы депрессии чередовались с периодами гипоманиакального возбуждения. Вначале депрессивные состояния были кратковременны, зато преобладала гипоманиакальная экзальтация. Но впоследствии депрессивные приступы удлинялись и делались все тяжелее. В то же время гипоманиакальные циклы укорачивались и теряли свою чисто эмоциональную окраску (притупление аффективной сферы). Пока гипоманиакальные проявления были господствующими, творческая продуктивность Гоголя оставалась на высоте, но по мере нарастания депрессии стало явным угасание таланта. Качественные и количественные потери в процессе эвристического бытия гениальной личности наиболее наглядно проявились на примере работы Гоголя над вторым томом «Мертвых душ».

* * *

Эвроактивность в состоянии возбуждения эпилептоподобного характера и при других нервно-психических расстройствах

М.И.Глинка

Страдал нервным расстройством, доходившим до галлюцинаций. Это чрезвычайное раздражение нервной системы действовало на воображение великого композитора. Он писал о таких состояниях: «В промежутках между припадками страдания становились тусклее, я садился за фортепиано и невольно извлекал фантастические звуки, в которых отражались мои фантастические же, тревожившие меня ощущения».

* * *

А.С.Даргомыжский

Вспоминал по поводу сочинения оперы «Каменный гость»: «При нервическом моем состоянии у меня расходилась творческая жилка, как бывало лишь в молодости. Это, в самом деле, странное явление: сидя за фортепиано, больной и сторбленный, я в пять дней подвинул своего «Каменного гостя», как бы здоровый и в два месяца не подвинул».

* * *

К.М. фон Вебер

(немецкий композитор и дирижер, основоположник немецкой романтической оперы)

Во время творчества возбуждался и выходил из себя, так что довел себя этим до преждевременной кончины.

* * *

Р.Бернс

Говорил о своем вдохновении: «Мои страсти бушуют во мне, как демоны, пока не найдут исхода в стихах». Как только были написаны стихи, знаменитый шотландский поэт Роберт Бернс чувствовал большое облегчение и успокоение.

* * *

Д.Н.Г.Байрон

Объяснялся очень откровенно: «Все конвульсии разрешались у меня обыкновенно рифмами».

* * *

В.Беллини

Переживал творческий приступ, как процесс «кипения мыслей», граничивший с полной утратой сознания.

* * *

Эвроактивность при сексуальном возбуждении

Н.Ретиф де ла Бретонн

Музой-вдохновительницей французского романиста Ретифа была, по собственному его признанию, «...красивая девица в белой юбке, в корсете, в шелковых чулках». В автобиографическом романе «Господин Николя» Ретиф описывает один из эпизодов из своей жизни: «В воскресенье утром в улице Тиктон я увидел красивую девицу в белой юбке, в корсете, в шелковых чулках и розовых башмачках с высокими каблуками, которые бесконечно больше шли бы для ножки женщины, чем принятые современной модой. Я был восхищен, остановился и, разинув рот, глядел на девушку. Еще дорогой я набросал уже первую главу романа: «Я — документальный историк побед, одержанных милой ножкой красавицы» и пр. Писать я начал на другой день. Но так как мое воображение несколько охладело, то я вышел из дому, чтобы еще раз взглянуть на свою Музу».

* * *

И.В.Гете

На 72-м году от роду, летом на мариенбадских водах Гете влюбился в девятнадцатилетнюю девушку и страдал, вздыхал, бегал за нею, как мальчик. Красавица не пожелала быть Гретхен, и, расставшись с очаровательным созданием, гений заболел от горя. Тогда поэт и написал безумно страстную «Мариенбадскую элегию». Переписал ее тщательно красивым шрифтом на веленовой бумаге и прикрепил шелковым шнурком к красному сафьяновому переплету с истинно немецкой аккуратностью. «Ах, я научился страдать и терпеть не хуже юного Вертера, — откровенничал великий человек, — ... зачастую я сочинял стихи в ее объятиях и тихонько отбивал такт гекзаметра прикосновением пальцев руки к ее спине».

* * *

Эвроактивность в состоянии депрессии

Иногда депрессия сопровождает творческий приступ в качестве диссоциативной симптоматики эмоциональной сферы. В одних случаях она отягощается тяжелым состоянием страдания, беспокойства, физической боли (А.Мюссе), в других — страданием со страхом неминуемой смерти. Здесь всплеск эвроактивности напоминает эпилептический припадок (Г.Берлиоз). Нередки также обстоятельства, когда на фоне пониженного настроения преобладают пессимизм, «ипохондрические» переживания, отчаянье, слезы (Р.Шуберт, А.Шопенгауэр, С.Я.Надсон).

Проиллюстрируем сказанное следующими примерами.

Г.Берлиоз

Рассуждал о своих депрессиях: «В моей теперешней груди образуется пустота и мне кажется, что сердце, под влиянием какой-то непреодолимой силы, испаряется. Затем вся кожа на моем теле начинает гореть и болеть, я делаюсь красным с головы до ног, мне хочется кричать, звать на помощь, хочется, чтобы кто-нибудь меня утешил, помешал бы моему уничтожению, удержал бы во мне убегающую жизнь, но идея смерти не представляется мне в эти минуты, мысль о самоубийстве мне невыносима.

Я не хочу умирать, напротив, я хочу жить, жить с удвоенной в тысячу раз энергией.

Я чувствую страстное желание счастья и такую жажду деятельности, которую могу успокоить лишь громадным всепожирающим бешеным наслаждением, которое было бы равномерно моей неизмеримо сильной чувствительности».

* * *

А. Мюссе

Повествуя о себе так: «Творчество волнует меня, вызывает во мне дрожь. Исполнение, на мой взгляд, всегда слишком медленное, заставляет дрожать, биться мое сердце, и я со слезами, с подавленными криками даю жизнь идее, которая сперва опьяняет меня, но которой на другой день я смертельно стыжусь, которая делается мне противна.

Если я изменяю ее, то бывает еще хуже, она исчезает, лучше позабыть ее и ждать другой идеи. Но эта другая является такой туманной, такой грандиозной, что мой несчастный ум не в состоянии охватить ее. Она гнетет, мучает меня, пока не сделается возможной для ее осуществления, пока не начнутся другие страдания, родовые муки, настоящая физическая боль, определить которую я не могу.

Вот как проходит моя жизнь, если я позволю господствовать надо мною гиганту-артисту. Итак, лучше жить, как я мечтал, лучше предаваться всевозможным излишествам и убить этого грызущего меня червя, которого подобные мне люди скромно называют вдохновением и которое я прямо называю «моим недугом».

* * *

Р. Шуберт

Был подвержен депрессивным приступам, сопровождавшимся ипохондрическими переживаниями. «Изливая эту ипохондрию», поэт резко усиливал свою творческую продуктивность. Сын Шуберта подтверждает это: «Все, что он в таком состоянии написал, окрашено в резко мрачный свет. Чувствуется во всем (написанном) разочарованность и отчаяние. Что раньше ему казалось в розовом свете, теперь окутано мраком, зато во всем созданном в таком освещении он мог с мастерством связать тонкое знание жизни с тонким анализом и излагать в строгой последовательности.

Правда, все, что было написано в этом настроении, не было продуктом его веры, исходящей из глубины его сердца, но зато никогда не достигал большей мощи его творческий дух, как в этом состоянии ипохондрической озлобленности».

* * *

Т. Тассо

Написал в одном из писем: «Я несчастлив и недоволен всегда, но в особенности, когда сочиняю».

* * *

А.Шопенгауэр

Вся философия пессимизма Шопенгауэра, все его творчество со всем его жизнепониманием — есть не более, не менее, как воплощение его депрессивной конституции.

* * *

С.Я.Надсон

О том, что в состоянии депрессии рождается «вдохновение», видно из следующего стихотворения Надсона:

Но кто поймет, что не пустые звуки
Звонят в стихе неопытном моем.
Что каждый стих — дитя глубокой муки,
Рожденное в раздумье роковом?
Что каждый миг святого вдохновенья
Мне стоил слез, не видных для людей,
Немой тоски, тревожного сомненья
И скорбных дум в безмолвии ночей.

* * *

Эвроактивность в состоянии притупления (или отсутствия) аффекта

В подобных случаях переживаемый творческий приступ имеет слабую эмоциональную окраску, что и выражается в своеобразных жалобах: «не хватает огня, страсти», «огонь горит вяло», «лимонрад, в котором отсутствует спирт» (А.П.Чехов). Интересно, что лица, ощущающие чувство вдохновения в таком состоянии, могут творить в любое время.

А.Троллоп

Английский романист.

Когда ему говорили, что писателю «нужно подстергать вдохновение», «быть в ударе», он страшно сердился и уверял, что это то же самое, как если б стал дожидаться вдохновения сапожник.

Своим примером он действительно подтверждал справедливость изречения и писал по часам, с механической точностью, занося по 250 слов в каждые четверть часа, не изменяя своей привычки даже во время морских путешествий, если, конечно, ему не мешала морская болезнь.

* * *

Б.Джонсон

(английский драматург, основоположник комедии нравов)

Уверял всех, что человек с одинаковым успехом может писать, когда ему угодно, следовательно, без всякого вдохновения.

* * *

Н.Ф. Шербина

(русский поэт, в стихах на античные темы воспевал культ радости и красоты)

Нет, не тогда восторгом я пылаю,
В мгновенье творчества блаженством не горю.
Когда свой стих возвышенный слагаю,
С холодным разумом я братски говорю.
Не зная никаких безумных вдохновений,
Спокоен я и сердцем и душой,
И без смешных возгласов и движений
С расчетом вывожу строку я за строкой...

* * *

А.П.Чехов

«Для литературы во мне не хватает страсти и, стало быть, таланта.

Во мне горит огонь ровно и вяло без вспышек и треска, оттого-то не случается, что я за одну ночь написал сразу листа 3-4 или, увлекшись работою, помешал себе лечь в постель, когда хочется спать».

Измайлов, цитируя эти слова Чехова, говорит:

«И едва ли он согласился бы поверить своему литературному собрату, если б тот стал уверять его в своих «наитиях». И свои и чужие современные писания казались ему «лимонадом, в котором отсутствует спирт».

Далее Измайлов вновь приводит слова великого писателя, к которым, пожалуй, комментарий и не нужен: «В наших талантах много фосфора, но нет железа... кто из моих сверстников дал миру хоть одну каплю алкоголя?»

Мило, талантливо, вы восхищаетесь и в то же время не можете забыть, что вам хочется курить».

* * *

Эвроактивность в сопровождении творческих синестезий (сопутствующие ощущения)

Творческие синестезии — это те психические переживания (в форме тех или иных ощущений), которые сопутствуют эвристическому приступу. Сами по себе они чаще всего играют роль добавочных диссоциирующих моментов, как бы облегчающих разряжение кумулятивного заряда, переходящего из латентного состояния в активно творческое.

Пестрый мир синестетических переживаний и ощущений бесконечно разнообразен, представить описание всех их форм практически невозможно.

Поэтому иллюстративные примеры сгруппированы по признакам проявлений синестетического напряжения со стороны основных чувствительных анализаторов.

ОСЯЗАТЕЛЬНЫЕ СИНЕСТЕЗИИ

Р. Вагнер

Во время сочинения своих знаменитых опер раскладывал на стульях и вообще на мебели яркие куски шелковой материи, которую он по временам ощупывал.

* * *

ОБОНЯТЕЛЬНЫЕ СИНЕСТЕЗИИ

И. Ф. Шиллер

В порыве поэтического вдохновения любил вдыхать «аромат» гнилых яблок.

* * *

ОПТИЧЕСКИЕ СИНЕСТЕЗИИ

К. М. Вебер

Однажды Вебер, задумывая похоронный марш, сидел в саду при ресторане. Стал накрапывать дождь, кельнеры собрали стулья в опустевшем саду и сложили их в причудли-

вую, но внушительную по размерам группу. «Посмотрите-ка, — сказал композитор своему собеседнику, — разве это не выглядит как грандиозный победный марш.

Черт побери, что за звуки труб! Я могу пустить это в ход».

* * *

Ф. И. Гайдн

(австрийский композитор, один из основоположников венской классической оперы)

Ощущал прилив творческого возбуждения при виде блестящего предмета. Особенно любил рассматривать алмаз в кольце, надетом на палец. Бег этого кольца композитор обычно не работал.

* * *

В. Гюго

Никогда не мог работать, не имея перед собой свою бронзовую собачку.

* * *

СЛУХОВЫЕ СИНЕСТЕЗИИ

И.Ф.Шиллер

Однажды он написал Гете: «Ощущение у меня происходит без определенного и ясного предмета; этот образуется лишь потом, сначала идет известное музыкальное душевное настроение, а за ним у меня уже следует поэтическая идея».

* * *

СИНЕСТЕЗИЯ АБСОЛЮТНОЙ ТИШИНЫ И УЕДИНЕННОЙ ОБСТАНОВКИ

Т.Карлейль

(английский публицист, историк и философ)

Был очень требователен к соблюдению этого условия. Устроил особую комнату для творческих раздумий, куда не проникал ни один звук.

* * *

Т.С.Элиот

(англо-американский поэт, метр «бунтующего» модернизма)

Не мог слышать без раздражения даже скрипа пера.

* * *

П.И.Чайковский

Нуждался в полном уединении и тишине. Сам он пишет об этом так: «В течение нескольких часов я не должен видеть ни души и знать, что и меня никто не видит и не слышит. Сочиняя, я имею привычку петь, громко

петь, и мысль, что меня слышат, меня стесняет. Я имею в моем распоряжении фортепиано тут же в спальне. Без этих условий я писать не могу, по крайней мере, спокойно и легко».

* * *

И.В.Гете

Говорил, что часто предпочитает писать карандашом, так как скрип и брызги пера будят его из состояния ясновидящего творчества и в зародыше уничтожают задуманное произведение.

* * *

СИНЕСТЕЗИЯ СРЕДИ ШУМА ДРУЗЕЙ И ШУМНОЙ ОБСТАНОВКИ

А.Ф.Мерзляков

(русский поэт, переводчик, автор ряда песен, ставших народными)

Написал песню «Среди долины ровныя» в гостях, в шумной обстановке. Об этом остались свидетельства И.И.Дмитриева: «Он разговорился о своем одиночестве, говорил с грустью, потом взял мел и на открытом ломберном столе написал почти половину песни. Потом ему предложили перо и бумагу, он переписал написанное и кончил тут же всю песню».

* * *

А.Н.Скрябин

Во время композиции просил любимую тетку присутствовать.

* * *

В. А. Моцарт

Сочинил пьесу для двух скрипок во время игры на кегельбане.

* * *

Г. Доницетти

(итальянский композитор, представитель итальянской романтической оперной школы)

Сочинял везде и в любой обстановке. Увертюру к «Линде» он написал, находясь в обществе друзей в Бергамо, причем принимал, по видимому, полное участие в их веселой беседе.

* * *

О. Гольдсмит

(английский писатель)

Придумал свою лучшую вещь в шумной обстановке.

* * *

Ш. Бронте

(английская писательница, автор социально-психологического романа «Джен Эйр»)

Постоянно отрывалась от творческой работы и отправлялась чистить картофель.

* * *

В. Скотт

Успешно работал в обществе детей, шумевших и прыгавших вокруг него.

* * *

А. П. Чехов

Писал почти походя, т.е. между посторонним делом и разговором. Мог подойти к столу и подвинуть начатый рассказ на 2-3 строки.

* * *

М. П. Мусоргский

На партитуре оперы «Женитьба» отмечено: «Писано гусем в квартире Стасовых, при значительном толкании народов».

* * *

СИНЕСТЕЗИЯ ЦЕЛОГО КОМПЛЕКСА СЛОЖНЫХ ОЩУЩЕНИЙ

А. Мюссе

Слагал стихи при торжественных свечах, в полном одиночестве, за столом, на котором стояло два прибора — для самого поэта и его милой, воображаемой женщины, которая должна была вот-вот прийти и разделить с ним ужин.

* * *

О. Л. Монтескье

Надевал свежие манжеты перед тем, как сесть писать.

* * *

А. Д. Д'Орбиньи

(французский палеонтолог, развивал теорию катастроф)

Надевал перчатки во время приступа вдохновения.

* * *

Г.Рени

(итальянский живописец, представитель болонской школы)

Во время работы окружал себя особой пышностью. Он одевался при этом в великолепные одежды, а ученики в почтительном молчании ему прислуживали.

* * *

К.В.Глюк

(композитор венской классической школы, один из реформаторов оперы XVIII века)

Приступал к работе в старательно выбранном платье.

* * *

Э. Золя

Привязывал себя к стулу во время работы.

* * *

Ф.И. Тютчев

С.Т.Аксаков так передает о создании известного стихотворения Тютчева «Слезы людские, о слезы морские»: «Однажды в дождливый осенний вечер, возвратясь домой на извозчицких дрожках, почти весь промокший, поэт сказал эти стихи встретившей его дочери. Пока его раздевали, он продиктовал ей это стихотворение. Здесь, — прибавляет Аксаков, — почти нагляден тот истинно поэтический процесс, который внешнее ощущение капель частого осеннего дождя претворяет, проведя его через душу поэта, в ощущение слез и облекает в звуки, которые сколько словами, столько же самую музыкальностью своей воспроизводят в нас впечатление дождливой осени в образе плачущего людского «Горя».

* * *

М.П.Мусоргский

Сообщал В.В.Стасову, что его «Интермеццо» — русское, что оно внушено ему одной русской картиной, глубоко запавшей в его воображение, живописал подробности: зиму 1861г. композитор проводил в деревне своей матери, в Псковской губернии, и однажды, в прекрасный зимний, солнечный день, в праздник, он увидел целую толпу мужиков, шедших по полям, и с трудом шагавшим по белым сугробам. Многие из них поминутно проваливались в снег и потом с трудом опять оттуда выкарабкивались.

«Это, — рассказывал Мусоргский, — было все вместе и красиво, и живописно, и серьезно. И вдруг вдали показалась толпа молодых баб, шедших с песнями и хохотом по ровной тропинке. У меня мелькнула в голове эта картина в музыкальной форме и сама собой неожиданно сложилась первая шатающаяся вверх и вниз мелодия «Интермеццо». Веселые смеющиеся бабенки представлялись мне в виде мелодии, из которой я потом сделал среднюю часть, или «Трио».

* * *

Р.Вагнер

Окружал себя пышной роскошью как средством, дающим внешний импульс к композиции.

Вагнер писал Листу: «Дьявол роскоши вселился в меня, и я разукрасил свой дом, елико возможно, более привлекательным образом. Я должен снова вступить в мир фантазии. Чтоб погрузиться в сферу моего воображения, моя фантазия нуждается в помощи, моя сила воображения — в поддержке».

* * *

ДИССОЦИАТИВНЫЕ СИМПТОМЫ ТВОРЧЕСКИХ ПРИСТУПОВ СО СТОРОНЫ ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ

Процесс творчества помимо всех других симптомов сопровождается еще теми или иными реакциями со стороны волевой сферы, имеющими в основном патологический оттенок.

Это связано с дискомфортом при переживаниях таких чувств, как принуждение, навязывание чего-то, вторжение посторонней воли, что болезненно воспринимается при эвроактивности.

Волевая диссоциативность может выражаться в самых различных формах, начиная со слепого бессознательного или импульсивного принудительного состояния, автоматизма и одержимости, и кончая повышенной ответной волевой реактивностью, выливающейся в целенаправленную борьбу против любого принуждения (в том числе и творческого).

Рассмотрим соответствующие примеры.

Эвроактивность в состоянии принуждения

И.В.Гете

Говорил насчет своего вдохновение следующее: «Каждое творчество высшей породы, каждое значительное изобретение, каждая мысль, которая приносит плоды и имеет последствия, не находится ни в чьей власти и выше всякой земной власти... Это нечто родственное демоническому, которое поступает с человеком как сильнейший, как ему угодно, тогда как он думает, что действует по собственному побуждению».

* * *

Г.Доницетти

О его творчестве современники отзывались так: «Таким образом, человек жил постоянно в своих звуках и идеи были сейчас же запечатлены. Перо, каждый кусок бумаги принуждали его к письму, и то, что он писал, он играл и пел сейчас же в открытом поле, у подножия горы и т.д. Этим талантом импровизации он мог удивлять и увлечь самое избранное общество».

* * *

Алфиерн

С наступлением осени не мог противиться овладевавшему им невольному побуждению к творчеству, до того сильному, что он должен был уступить и написать шесть комедий.

На одном из своих сонетов он собственноручно сделал надпись: «Случайный. Я не хотел его писать».

* * *

В. А.Моцарт

Часто говорил, что мысли его творений возникали в нем невольно, как во сне.

* * *

Д.Раймон

Вспоминал о своем творчестве: «У меня были в моей жизни некоторые хорошие впечатления, и я наблюдал при этом за собой. Они приходили вполне невольно, без того, чтоб я хоть раз думал о вещи».

* * *

А.Ю.Стриндберг

Рисует в романе «Сын служанки» картину экстаза художника как процесс непроизвольного творчества, протекающий помимо его воли и участия: «...он чувствует вдруг какой-то странный жар в теле; мозг работает усиленно и старается привести в порядок воспоминания прошлого, сгладить некоторые из них и усилить иные. Всплывают новые лица, он видит, как они вторгаются в действие, слышит, как они говорят. Ему кажется, будто он их видит на сцене. Через несколько часов в голове его готова двухактная комедия. Это был тяжелый, но в то же время и приятный труд, если только вообще это можно назвать трудом, так как он протекал совершенно самостоятельно — помимо его воли и участия.

* * *

Эвроактивность в состоянии волевого автоматизма

К.Эйзель-Кильбургер

Писательница так говорит о себе: «...должна заметить, что я никогда не была «писательницей» в том смысле, что по своему желанию могла бы написать какое-либо произведение.

Всегда у меня решающим моментом была инспирация. Часто она мною так завладевала, что лишала меня сна и аппетита и приковывала к письменному столу до тех пор, пока работа моя не была закончена. У меня были такие годы, в продолжение которых наряду с почти сознательной продукцией в писании романов происходила параллельно другая поэтическая продукция романов, которая протекала в сновидном состоянии.

Если я, напрягаясь, должна была работать сознательно над каким-либо романом, то меня принуждало вечером, около 9 часов вечера, брать опять перо в руки и чужим для меня почерком писать стихи».

В предисловии к одной из своих книг она пишет: «Я не уверена — писала ли я сама эту книгу или я писала под диктовку неизвестного мне существа. Часто моя рука писала 10 стихотворений подряд без всякой остановки. Вся книга написана без малого в 14 дней, не считая того, что треть написанного при просмотре была мною выброшена...

Были моменты, когда я чувствовала себя подчиненной чужой личности... тогда я понимала, насколько я участвовала в созидании этой работы. Мои мысли, если можно так выразиться, у меня отнимались из-под рук и оформлялись. Часто также я была в таком положении, что, помогая этому чужому, я также сопротивлялась ему...»

* * *

А.Н.Урванцев

Этот драматург переживал подъем творчества как непроизвольный процесс и образно описал его в одном из писем: «Когда моя небольшая пьеса в стихах «Роза и василек» была напечатана, я прочел ее вслух, и она мне настолько понравилась, что я невольно сказал: «И хоть убейте меня, а такого произведения я не мог написать». У меня самого получилось впечатление о работе над этим произведением, что словно кто-то водил моей рукой и писал эти стихи, эту пьесу».

* * *

К.И.Росси

Называл себя «каким-то инструментом, на котором в нем играет другое существо».

* * *

А.С.Даргомыжский

При сочинении «Каменного гостя» отмечал: «...усилия нет, пишу не я, а какая-то сила неведомая».

* * *

К.Моклер

Сравнивает себя с телеграфистом, который автоматически записывает текст телеграммы: «...я пишу очень скоро, никогда не останавливаюсь, почти как телеграфист, который записывает телеграмму... так, должно быть, возникают во сне образы и слова, которые произносят спящие».

* * *

Я.Беме

(немецкий философ-пантеист)

Также говорит о своем творчестве, что он пишет помимо собственной воли, как бы «под диктовку вдохновляющего духа», сообщающего ему «великое и дивное знание».

* * *

И.С.Тургенев

По словам друзей: «...брался за перо под влиянием внутренней потребности, не зависевшей от его воли. Образы его фантазии возникали неизвестно почему и откуда и все более осаждали его и заставляли его записывать все, что они говорили ему».

* * *

А.Н.Серов

Очень часто ссылаясь на таинственный, неведомый голос, который «напевает» ему мелодии в минуты творческих озарений: «Я иногда сажусь к клавишам, ничего не обдумав предварительно, и перебираю звуки до тех пор, пока не появится какая-нибудь мысль; тогда уже подойдет совсем другая игра... фантазируется, как нельзя лучше, и иногда вынесу из этого хаоса несколько удачно вылившихся фраз и сейчас замечу их на нотной бумаге; иногда же, вовсе не подходя к органу, я вдруг сочиняю целый мотив, который мне как будто кто-то нашептывает».

* * *

Эвроактивность в виде бессознательного автоматизма

Примеры, когда творческий акт протекает автоматически без участия волевой активности личности и в бессознательном состоянии, приводились нами ранее в материалах об эвроактивности во время сновидений, гипноза, истерических припадков.

Эвроактивность в состоянии внезапного импульса, похожего на эпилептический припадок

Ф.Г.Якоби

(немецкий писатель и философ-иррационалист)

Говорит о своих творческих приступах таким образом: «Это было странное, совершенно независимое от всех религиозных понятий представление бесконечной длительности, которая внезапно ясно сознавалась мною и с такой силой захватывала меня при моих размышлениях о вечности, что я громко кричал, вскакивал и впадал в некоторого рода обморок».

* * *

О. де Бальзак

Э.Золя сообщал о своих наблюдениях: «...он (Бальзак) работал под влиянием импульса, который для нас остается тайной. Он был всегда жертвой какой-то причудливой силы: иногда он ни за какие сокровища в мире не мог бы написать ни одной строчки, а в другой раз он вдруг среди улицы или во время оргии почувствует, словно прикосновение горящего угля к голове, к рукам, к языку; одно случайно произнесенное слово вызовет в нем целый мир мыслей, которые родятся, бродят и созревают, и вот художник делается смиренным орудием в руках какой-то деспотической силы».

* * *

Эвроактивность в состоянии принуждения с отрицательной агрессивной реакцией

В подобных случаях агрессивная реакция выражается в виде активного противодействия той одержимости, которая сопровождает творческий приступ.

Иногда, наоборот, борьба (с элементами агрессивности) ведется против сил, мешающих реализации творческих замыслов.

Д.Гаррингтон

(английский публицист, разработал конституцию утопической буржуазной дворянской республики — «Республика Океания», 1656)

Вообразил, что мысли вылетают у него из уха в виде пчел и птиц и прятался в беседку с метлой в руке, чтоб разогнать их.

* * *

Д.Савонарола

Утверждал, что когда к нему нисходит небесное откровение, ему приходится выдерживать битвы с демонами.

* * *

М.Лютер

Во время сочинения своих пламенных проповедей отчаянно сражался с чертом, запускал в него чернильницей с такой силой, что на стене кабинета до сих пор сохранились следы чернил.

* * *

Эвроактивность при творческих синкинезиях (сопутствующие движения)

Сопутствующие движения, хорошо известные каждому из нас, нередко играют роль диссоциативного фактора, облегчающего напряженность в творческом акте.

Аристотель

Мог творчески работать на ходу. Он и его ученики старались пребывать в постоянном движении, отчего окружение великого философа получило название школы “перипатетиков”.

* * *

Ж.А.Пуанкаре

Сделал серьезное научное открытие в ту минуту, когда поднимался по ступенькам омнибуса.

* * *

А.Н.Майков

Имел привычку во время беседы незаметно вынимать веревочку из кармана и крутить её руками.

* * *

И.Кант

Любил приводить пример из английского журнала о том, как адвокат имел привычку наматывать на палец веревочку в решающие моменты самых ответственных выступлений. Однажды он потерял ее и запутался в аргументации — отсюда выражение: «потерял нить в своей речи».

* * *

К.В.Глюк

Во время работы или на концертах, где исполнялись его сочинения, совершал самые странные движения.

* * *

Поэ

Придумывая литературных героев, старался представить себе их переживания.

При этом придавал соответствующее выражение своей мимике и возбуждал в себе необходимые чувства сопереживания с вымышленным образом.

* * *

Диссоциативные симптомы эвроактивности со сторон интеллектуальной, эмоциональной или волевой сферы психической деятельности могут наблюдаться и во время творческих приступов, вызываемых экзогенным путем (искусственно или случайно).

Мы уже приводили случаи эвроактивности, обусловленной алкогольным опьянением, отравлением наркотическими средствами и ядами, а также при лихорадочных состояниях во время инфекционных заболеваний, после физической или психической травмы, вследствие органических поражений нервной системы. Интересны в этом плане, как примеры чисто экзогенного воздействия, описания психических заболеваний, вызываемых при искусственном изменении кровообращения.

К.В.Глюк

Выставлял рояль к палящему солнцу и сочинял свои «Ифигении».

* * *

Панзиоло

Сочинял в постели, при этом закутывался в бесчисленные одеяла, чем вызывал искусственный прилив крови.

* * *

Ж.Б.Боссюэ

(французский писатель, епископ, рассматривал историю как осуществление роли провидения)

Работал в холодной комнате, но тепло укрывал голову. Накладывал теплые припарки на голову, когда ощущал прилив вдохновения.

* * *

Р. Фокс

(английский писатель и критик)

После сытного обеда уходил в свою рабочую комнату и обвязывал вокруг головы салфетку, смоченную водой с уксусом.

* * *

У. ван О.Куайн

(американский логик, математик и философ)

Работал, лежа вниз лицом на ковре.

* * *

А.Дюма-сын

Предпочитал раз пять основательно покушать перед тем, как «инспирировать» себя к работе ночью.

* * *

Завершая обзор воздействия диссоциативных симптомов на эвроактивность, следует отметить, что в большинстве случаев они играют роль агентов, побуждающих творческий процесс (преэвротические симптомы), служат как бы его предвестниками. Их влияние или смутно предчувствуется одаренной личностью, или об этом известно определенно, причем зачастую даже делаются соответствующие приготовления.

И все же такие состояния до сих пор рассматриваются в разряде случайностей и эвропатология в будущем должна пролить свет на характер подобных случайностей, найти варианты закономерностей.

Вместе с тем встречаются так называемые постэвротические симптомы, которые проявляются в форме переживаний после завершения творческого приступа. О них также следует упомянуть в связи с их эвропатологическим значением.

Известно, что многие творческие личности переживали после состояния повышенной эвроактивности амнезию.

Т.Тассо

По окончании творческого напряжения часто не понимал того, что он излагал минуту назад.

* * *

В ряде случаев постэвротическим симптомом может быть физическое или душевное страдание.

А. Мюссе

Настолько тяжело переживал последствия творческих приступов, что для того, чтобы заглушить тяжелые постэвротические страдания, предавался всяким излишествам.

* * *

Леонид Андреев

После того, как был написан рассказ «О семи повешенных», писатель первые дни чувствовал себя совершенно больным.

* * *

Другие гениальные и одаренные личности, наоборот, переживали постэвротическое состояние как чувство счастья и высшего удовлетворения.

Так, П.И.Чайковский, Жерар де Нерваль, Гуго Вольф сожалели об утраченном приступе вдохновения, как о самых счастливых минутах жизни.

Чувство облегчения, очищения (катарсис) переживали многие поэты и художники в постэвротическом состоянии.

И.С.Тургенев

Восторженно говорил: «Я не могу, он (образ) овладел мною. Я думаю вместе с ним, не могу успокоиться, пока он не превращается в живое существо».

* * *

Р.Бернс

Признавался своим друзьям: «Мои страсти бушуют во мне, как демоны, пока не найдут исхода в стихах». Как только были написаны стихи, он чувствовал себя облегченным и успокоенным.

* * *

Примеры аномальных отклонений в бесконечном ряду биопсихологических вариантов феноменальных личностей неисчислимы.

Несмотря на деликатность проблемы, сегодня вряд ли встретится специалист, всерьез отрицающий нестандартность гения. Каждый великий человек никогда не был и не будет эталоном нормы в общепринятых медицинских понятиях. Свои психические странности имели Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Достоевский, Гете и Ньютон. Просто между патологической инвариантностью и выраженной формой болезни нельзя ставить знак равенства. И если ученые пришли к выводу, что Лермонтов был яркий шизоидный психопат, это не значит, что его нужно было срочно госпитализировать и лечить.

У Пушкина, между прочим, тоже было, патология и, может быть, даже большая, чем у Лермонтова, но кто сможет назвать Пушкина сумасшедшим?

О том, что психопатологическая напряженность обязательно присутствует у гения, говорят материалы о наследственности феноменальных лиц, о чем было подробно сказано. Повторим только, что среди предков гениальной личности без исключения можно обнаружить черты психопатологии и даже психическую болезнь. Среди близких родственников знаменитости с исключительным постоянством присутствуют душевнобольные люди. Как правило, у предков гениальной личности обнаруживается линия одаренности.

Поэтому, учитывая все разнообразия и крайности в многосложной биопсихологической мозаике гения, о чем рассуждалось в данной главе, можно констатировать, что если вопрос о роли анатомо-физиологических нарушений остается спорным, то легкие психические расстройства всегда присутствуют в личности и творчестве великих людей. Но эти расстройства присутствуют в ограниченных дозах, иначе ни личности, ни творчества уже не будет.

Примеры того, как «фоновая» психопатологическая напряженность при определенных обстоятельствах «зашкаливает» и сменяется психическим срывом и даже душевной болезнью, содержат материалы следующей главы. Они представляют несомненный интерес в связи с тем, что объективно отражают как влияние эндогенных факторов (в том числе наследственности), так и внешних воздействий на прогрессирование начальной патологии с переходом в болезнь и соответствующий исход для творчества и жизнедеятельности гениальной и одаренной личности.

ПРОТУБЕРАНЦЫ КЛИНИКИ

Иногда, и тому немало примеров, творческое состояние прерывается не просто периодом душевного надлома, но переходит в явное психическое расстройство. Наступает момент, когда гениальная личность перестает быть и личностью, и гением.

При оценке таких выраженных клинических ситуаций психиатров в одинаковой мере интересуют результаты анализа преобразования психики и прогноз дальнейшей судьбы творчества именитых пациентов.

При этом специалисты зачастую не ограничиваются областью душевного расстройства в собственном смысле слова и отмечают все то психопатологическое, что отражалось в жизни наблюдаемого субъекта. Очень много ценного для научного поиска дает также характеристика творческих переживаний и содержание самих художественных произведений.

Чаще всего в образах литературных героев исследователи стремятся найти дополнения к клиническим наблюдениям, устанавливая связь между поведением прототипа и проявлением той или иной формы болезни. Так, у типов, выведенных Достоевским, психиатры смогли констатировать очень много моментов, ярко и выпукло изображающих эпилептический характер, психопатические личности, вообще картину падучей.

Ученые другого направления, изучая с позиций психиатрии художественное творчество, рассматривают его как некое психопатическое состояние (возбуждение, близкое к маниакальному, эпилептическому, пароксизмальному). Иногда психиатры центром своего внимания делали личность художника, если там присутствовали патологические отклонения и, анализируя его произведения, стремились найти связь между отличительными авторскими признаками творческого труда и особенностями болезни, поразившей самого творца.

В стремлении обосновать психиатрический диагноз заболевания у того или иного писателя или художника психиатры обычно использовали нозологический подход, останавливались на конкретном психозе. Между тем известно, что в психиатрии так называемые «чистые» формы заболевания представляют большую редкость. Гораздо чаще наблюдаются переходные, смешанные формы. В отдельные периоды экстраполяция выводов из наблюдений за пато-

логией знаменитостей велась настолько широко, что, например, всем нашим классикам пытались ставить какие-нибудь диагнозы.

Достаточно привести пример из хроники столичных газет двадцатых годов: «Психически заболел религиозным помешательством проживающий во Франции известный писатель Д.С.Мережковский. Он помещен в одну из психиатрических лечебниц Парижа». В то же время достоверно установлено, что четкого диагноза в данном случае не последовало.

Не столь редки факты, когда в различных психиатрических клиниках одну и ту же картину болезни великого человека толковали по-разному. Это объясняется тем, что в сложном клиническом варианте присутствовали и запутанные наследственные моменты, и экзогенные влияния, и вообще необъяснимые факторы, а диагностика проводилась с учетом превалирующей на определенный период группы явлений.

Так, болезнь Гоголя психиатр Н.Н.Баженов диагностировал, как маниакально-депрессивный психоз, а другой ученый — В.Ф.Чиж, как общее слабоумие. Ну а диагноз «шизофрения» у великого писателя как бы и не подвергался сомнению. Опытные специалисты на примере последних литературных изысканий Гоголя продолжают убедительно доказывать, что к концу жизни пострадали и его личность, и его талант. Потому что «установочная» патология переросла в прогрессирующую болезнь. С Мопассаном та же история. Примеров хватает.

Ввиду сказанного представляет интерес системный анализ личности большого художника (в единении с его творчеством) с современной точки зрения на психоз, как на многозначное целое, отдельные части которого обуславливаются множеством экзогенных и эндогенных моментов. Поэтому остановимся на примерах сложных творческих натур, чья жизнедеятельность прерывалась общими или локальными психическими расстройствами в их явном клиническом выражении. Такой масштабной фигурой является художник М.А.Врубель. История его болезни и творчества напоминает противостояние добра и зла, когда самым неожиданным образом переплетаются свет и мрак, преобразаясь в оригинальной символике с оттенками авторского настроения.

В сохранившихся архивных материалах клиники Первого Московского государственного университета сохранилась запись о том, что 10 февраля 1902 г. явился в клинику Михаил Александрович Врубель, 46 лет от роду, по национальности русский (отец — поляк), родившийся в г.Омске, образования высшего, сословия привилегированного.

Диагноз — прогрессивный паралич.

Выписался со значительным улучшением 16 сентября 1903 г. (затем следует краткое описание болезни). В следующем 1908 г. такая же краткая запись о пребывании в лечебнице и о страданиях гениального художника. К этой заметке можно добавить следующее:

М.А.Врубель, родился в 1856 г.

Мать умерла 23 лет от роду. Страдала туберкулезом.

Отец умер в 70 лет. Инсульт. Страдал артериосклерозом. Дед по матери — «маньяк». Дед по отцу — алкоголик. Брат умер в возрасте 11 лет от туберкулеза. Сестра перенесла острое меланхолическое состояние. Другая сестра перенесла временный паралич. Брат матери — наркоман.

Сын художника родился с заячьей губой. Едва ему исполнилось 2 года — умер от менингита.

Противоположные свойства отца и матери соединил в себе в сложном синтезе Михаил Александрович. Характера он был мягкого, вспыльчив, задумчив. В детстве — энергичен, оживлен, любознателен.

По окончании гимназии начинает меняться характер. Сделался задумчив, застывает, стоя на одном месте, впадает в оцепенение, напоминающее кататоническое. Иногда обычная вдумчивость сменяется агитацией с острой жаждой впечатлений. Пьет алкогольные напитки с университетских лет, иногда помногу. Окончил юридический факультет, интересовался философией. Поступив в Академию художеств, сам намечает себе дорогу. Непонятый, непризнанный, все же не уклоняется от намеченного пути. Друзей и врагов удивляет своим талантом. Совершенно исключительная память. Страстно любит природу. Долго вынашивает в себе образы, долго добивается идеи, в сущности, часто переутомляется работой. В 1892 г. заболел сифилисом. В 1896 г. женился. Был счастлив, спокоен, сосредоточен, очень заботлив. Много пишет портретов с жены. Этот образ был для него достижением, задумывается о своей судьбе и, общаясь с друзьями, говорит о том, что его ждет впереди ужасная будущность. Волнение усиливается в 1900 г. Делается тревожным и нервным. С 1900 по 1902 г. пишет без перерыва. Осенью 1901 г. много волнений по поводу «Демона». Делается раздражительным, рассеянным, беспокойным. Болтлив, возбужден. Носится с огромными планами. В 1902 г., по окончании последнего варианта «Демона», заболевает и поступает в психиатрическую клинику. Состояние маниакальное, возбужденное. Идеи величия: он император, пьет только шампанское, он музыкант, его голос — хор голосов. Склеивает из бумаги платки, проводит штрихи углем, карандашом.

Собирает мусор, возится над ним. Говорит о том, что выйдет Борис и Глеб. Эротичен. Неврологический статус подтверждает диагноз. Постепенно наступает улучшение. Заботится о жене. Пишет с натуры, пишет складки чехла на стуле. От разговоров об искусстве уклоняется. Чувствует себя утомленным. Выписывается после полугодового пребывания в клинике с улучшением. Внезапная смерть малютки-сына. Пишет его портрет. Состояние резко удрученное. Через полгода опять поступает в клинику. Депрессивное состояние. Бред самообвинения, отрицания, греховности. Галлюцинации: его сажают в тюрьму, пытаются, казнят. Его жена умирает с голода. Он опозорил семью. У него нет ни рук, ни ног. Он — пустой мешок. 47 лет он вовсе не жил. Временами казалось, что личность распалась, но вслед за тем он пленяет своей мягкостью, умом. Бывал агрессивен, но до грубого цинизма паралитиков не доходил.

В конце года наступило улучшение. Пишет портреты. В 1904 г. переводится в лечебницу доктора Усольцева. Много работает, увлечен стилизацией цветов. Интересуется творчеством композитора Н.А.Римского-Корсакова. Снова переживает острое маниакальное состояние. Он знаменитый художник, еще не пре-
взойденный. Он знатного польского рода. Скачка идей. Рисует резкими штрихами на стенах. Несколько успокаивается. Пишет много автопортретов. На одном из них перекрасил себе волосы и украсил голову красным платочком. Пишет себя много раз, часто один портрет на другом. Опять улучшение. В 1905 г. новая вспышка возбуждения. Во время ремиссии снова работает... И так все время. В 1905 г. начинает слепнуть.

«Хотя бы ядом ускорить конец», — говорил в скорби художник. В 1909 г. в Петербурге Врубель скончался.

Сквозь эти объективные данные, немногочисленные и сухие, прорывается Врубель — художник, полный тревоги, напряженный в своей живописи, нашедший для себя так много прекрасных образов, выносивший их в своем противоречивом сознании, создавший такую особенную «врубелевскую» манеру письма, такой тонкий в стилизации, проникавший своим взором и философским умом в суть вещей, идей и своими резкими углами оттенявший, отделявший эту суть, так много черпавший от природы, от любви.

В плеяде выдающихся русских художников конца XIX — начала XX столетий загадочная фигура Врубеля занимает особое место. Он одинок, но его внутренний мир полон контрастов: жизнерадостный и скорбный, солнечный и холодный, охваченный земными корнями и космически эфирный — таковы переливы спектра гениальности.

Врубель начал творить в радости. Ребенком он выдумывает игры: он корсар, он рыцарь, он силен и горд. В юношеском возрасте на него нападают минуть оцепенения. Много работает над философскими проблемами в университете, рисует в Академии художеств, всматривается в старое искусство, но упорно думает о своем. Верит в свои силы. Много планов, идей. Настроение несколько повышенное, пишет автопортреты. Материальные неудачи его не сломили. Он не признан, но своего пути не оставляет. Периоды сосредоточенности, вдумчивости, проникновения сменяются периодами возбуждения. Тогда он ищет новых знакомств. Однажды художник сдружился с извозчиком, поехал к нему в деревню и там чуть не женился. Таких периодов возбуждения у него было несколько. Гений впитывает образы, страстно ищет людей. В этот период он пишет много орнаментов, украшений, проектов. Много начато, мало закончено. За этими гипоманиакальными периодами опять сосредоточенность, вдумчивость.

В периоды полного расцвета любви и таланта художник молчалив, сдержан. Эти 10 лет он чрезвычайно многообразен. Во всех образах, рожденных соприкосновением с мирами природы и мифологии, стремление художественно запечатлеть личность своей жены. Чем больше писал с нее, тем больше пленялся ею. Этот женский образ и образ Демона были спутниками его творческой жизни, и ими так внутренне наполнен художник, что они стали как бы символами раздвоения его духа, его искусства.

Всю жизнь пишет Врубель Демона с напряженным вниманием. По мнению Яремича, голова пророка Моисея еще в начале, когда были написаны лики святых, уже похожа на Демона. Сам философ, он как бы вытесняет «божественное» в противоположное русло. Этот атавизм, это вытеснение религиозности в черта, дьявола, это возвращение к «старым богам» отмечены психопатологическими чертами.

По мнению известного отечественного невропатолога Г.И.Россолимо, черт, дьявол, демон — образы, преследующие душевнобольных, встречаются в творчестве людей, страдающих нервными расстройствами.

В русской литературе эта черта отмечена Достоевским. Когда Иван Карамзов переживал острое душевное состояние, к нему, Ивану, философу-атеисту, пришел черт и Иван принял его, поверил ему.

Гоголь в гипоманиакальном состоянии — и весел его черт. Меняется душевное настроение Гоголя — и в «Вий» уже не черт, а грозный Дух Земли. Сам гениальный писатель выстаивает на коленях целые дни, вымаливая прощение у грозного Бога.

Н.Н.Баженов утверждал, что такие резкие контрасты свойственны большим людям. Французский поэт-символист Поль Верлен, отец которого кончил прогрессивным параличом, и он сам, известный столь многострадальной жизнью, рядом со стихами, изливающимися религиозный экстаз, пишет стихи, полные разнужданности.

Врубель, постигший «красоту земной радости», любивший краски земли, носит в себе этот «дух», этот демонизм, как постоянное отщепление. Образы из мифологии, такие «весенние, радостные» Лель, Купава, населяют природу. И вместе с ними возникают образы жены художника. Тут и «радостный экстаз любви», и влечение к «духам», к демонизму составляют как будто одно целое, одну неразрывную связь. И в единое целое слились они: и «сладострастный Пан», и «золотистая Волхова», и «змеино гнездящийся Демон».

Все творчество Врубеля связано с Демоном. Демон на горных высях волнуется душевное состояние художника, и, даже больной, он все еще не расстается с Демоном. И так продолжается всю жизнь.

Первые дни расцвета таланта окрашены повышенным настроением. В серебристых тонах являются лики святых. Безграничен простор оригинального видения, бесконечны ряды фантастических орнаментов и украшений. Орнаменты расцветают целой гаммой красок и эмблемой бесконечной радости: павлинами с распущенными в радужных красках хвостами. И в девочке на фоне персидского ковра, и в многочисленных сложных узорах художник выражает свою влюбленность в жизнь. В этот период (1890) он пишет сидящего Демона. Сосредоточенность его, напряжение, необычайная мощь рук свидетельствуют о том, что «Демон никому не уступит ни над землей, ни на земле». Он пойдет своей дорогой. Этот «дух» — это сам художник.

Таков Врубель, таково его творчество. Натура долго таила и наконец, преподнесла необычайный дар. 80-90-е годы XIX века — звездный период великого мастера кисти. Его картины дают «стройный многозвучный, аккорд». Он «полон внутренней силы», он упоен любовью и в пылающем взлете Мефистофеля, и в блестящем маскараде Венеции, и в жемчужном платье морской царевны — во всем прорывается богатство эмоций, радость жизни.

Рядом с этим и над всем этим Демон художника еще беспечен. «Кто знает, зачем дерево растет, зеленеет?» Ему понятны и близки страстные вздохи испанской ночи и из недр русской земли вышедший и в нее внедренный Святогор.

Среди эйфории «счастья» запала в душу художника тревога. Тревога, имевшая реальную основу. С тех пор он не был спокоен. Он постоянно читает «При-

видения» Ибсена. Там он предвидит много общего со своей судьбой. Тревога прорывается в самые «радостные минуты», и если к художнику в 1895 г. «прилетает Греза, то ее глаза полны печали», и если «в тонкой одухотворенной радости» художник стремится к сирневым цветам, то среди сирени, весной расцветающей, грустное женское личико и лиловые цвета пронизаны холодным свинцовым налетом.

В том же году написано «К ночи». Красные цвета, красный полумрак — весь этот красный напыщенный свинцом цвет догорающей зари таит в себе жуткое, как будто он насыщен ядом, который в себе носит художник. Это — тень печали, холод на солнечных цветах, символ его душевного настроения. Как будто художник видит невидимое грозное нечто и оно пеленой будет закрывать самое радостное для него, созерцателя природы лучи и цветы. Отныне эта тень будет спутником его до самого конца.

В 1899 г. написан «Пан». Это не добродушный Пан Рубенса, любимый гость крестьянской семьи. Пан Врубеля не среди людей. «Опасны звериная сила и злые огоньки его глаз. Велика мощь художника, как Пан, всеобъемлюща, но опасен недуг его, опасна злая сила, что его сторожит. В страшный неожиданный час она его застигнет. Художник интуицией своей предвидит этот час. Оттого так жутко встретить Пана в глухую полночь, при ярком свете полумесяца». Пан — его судьба, от которой не уйти.

Над ним тяготеет уже страх, он переживает тяжелые минуты. Он взволнован, рассеян, забывчив. Препсихотическое состояние. Но так велика его художественная сила, что в это время, когда обыкновенные люди теряют возможность заниматься обыденными своими делами, художник сверкает образами, красками, глубоким проникновением. В Демоне он отразит все силу и слабость своего мятежного состояния.

В 1900 г. Врубель пишет «Царевну-Лебедь». Царевна-Лебедь в чудесных перьях не знает радости. Ей непонятно, почему она оторвана от земли. Как будто художник переживает этот взлет в ирреальный мир. В 1901 г. художник был подвергнут сильному приступу страха и изображаемая им Лебедь страшна. В страстном порыве, со змеино изогнутой шеей устремилась Лебедь в темную даль и — страх, невыразимый страх в ее глазах. Этот резкий контраст снежно-белых и темных красок еще больше оттеняет этот, ужасный крик тех страшных мук, которые предчувствует художник. Он предвидит собственную болезнь и, изливши свою страстную борьбу за радость и жизнь в жутком красном цвете в безумном смятении лебедь-птицы, в отчаянии разбивает Демона.

Но мысль художника, как в заколдованном кругу, сосредоточена на Демоне. Закончив его, он уйдет больной в клинику. Он возбужден. «Нельзя толочься, как комары в болоте». Он среди художников первый, и как он — на земле, так Демон — над землей. Резкими штрихами он отделяет Демона (1901) от всего мира. Среди холодных тонов, на снежной вершине лежит он, полный несокрушимой силы. «Он один — властитель мира» — не воплотил ли он идею величия, о которой носился художник!

В 1902 г. — последний Демон. В переливах из разноцветных камней. на холодном неподвижном льду, точно скованный в неудобной позе, вытянувшись, лежит Демон. Со слезами в глазах лежит он среди горного великолепия. Это слезы самого художника. Он скован, заторможен. Скоро наступит пора, когда галлюцинации и видения будут не творческими, а выражением его больного ума, так же бессильными и уродливыми.

Окончив Демона, художник явился в клинику. Скачка идей, идеи величия. Он рисует углем, слюной. Его рисунки — какие-то резкие штрихи. Написанный им в клинике Демон — образ без впечатляющего выражения, окруженный синими и красными змеевидными штрихами. Этими контрастирующими красками художник как бы хочет усилить впечатление. Как у него нет ни рук, ни ног, как он — пустой мешок, также пуст его Демон.

Наступает ремиссия, и свои эмоции Врубель претворяет в удачных портретах. Во время пребывания в лечебнице доктора Усольцева он снова переживает маниакальное состояние, снова потоки мыслей, снова резкие штрихи. Художник рассказывал, что до галлюцинаций ярко видел бегущие картины. Успокаиваясь, он снова пишет автопортрет. Пишет одну картину за другой. Начал рисовать доктора Усольцева, увлекся иконой, не закончил портрет. Приступ болезни явно идет на убыль, и тут следует прислушаться к Чехову: «Условия художественного творчества не всегда согласны с научными данными» и еще раз вспомнить известную фразу об итальянском виртуозе-ювелире, скульпторе и авторе мемуаров-приключений Бенвенуто Челлини: «Художников нельзя судить, как обыкновенных смертных». «Творческий дар», колоссальные эмоции берут верх — Врубель выходит победителем.

На сюжетах картин этого периода нельзя не остановиться, потому что в них привнесен новый элемент. Речь идет о полотне с изображением нагой женщины, что само по себе интересно, так как Врубель до сих пор не писал обнаженных женских фигур. Маниакальное напряжение, соблазнительные формы — не выражается ли здесь как будто повышенная сексуальность, свойственная

заболеванию. Но в мягкости красок, в неуловимой нежности, которыми овеяны прелестные образы, чувствуется, как крепко связан художник с жизнью, с ее чарами. Можно сказать, что они символичны для его периода заката: тут и преданность земной жизни, и выражение моментов радости творчества, ибо из одного руслу питались они — его творчество, страдания, демонизм.

Всю свою скорбь Врубель излил, создавая лик Пророка. Снова в творчестве художника проступает тенденция возврата к старому. Он пишет святых. Как будто именно в момент нервного напряжения произошел возврат от Демона к Богу или в творческом аппарате произошли масштабные разрушения. И тогда, подчиняясь общему закону, наиболее сильными оказались старые воспоминания.

«Мятежный дух» ушел от художника, и написанный им Демон имеет симметричное женственное застывшее лицо. Обеднело и творчество его композиции. Он считает березки, в то время как прежде с гениальной легкостью справлялся с горными громадами. Таинственным значением полны не только отдельные произведения, но письмо, тон, колорит — все своеобразно. Надлом, напряженность сопровождают его творчество. Напряженно вслушивается лебедь, настороженно всматриваются кони, холодно, жутко от затерянной в массе белого снега черной ограды, тяжело от свинцового отлива.

Характерны змеиные Демоны. В периоды страхов, галлюцинаций змеи символичны для душевнобольных. Они выплывают как атавизм далеко спрятанных человеческих страхов перед неизвестным врагом, который неожиданно пугал первобытных людей. Застывшие льдины, громады камней часто фигурируют в произведениях психопатических личностей.

Врубель в силу своих конституционных особенностей сам переживал минуты застывания, околечения. «Что-то зловещее в синих, лиловых его тонах», — говорит А.Н.Венуа. «В лиловом цвете нет улыбки» (Гете). Фиолетовый тон пронизывает холодом сирень, освещает громады гор. Ледяным отливом насыщен красный цвет. Выразительность холодной гаммы цветов для душевных переживаний отмечал М.Метерлинк. Избирательность красок ценил и Поль Гоген: счастливый упрощенной жизнью и любовью, он залил свои синие цвета потоками золота. Врубель в оригинальных сочетаниях красок еще больше оттеняет собственные зловещие настроения. Вся смена чувств от радости к печали и болезни, возбудимость, страхи, ужас скованности завершаются идеей величия, чтобы постепенно, угасая, переходя «от света к тьме», «сложить дары богов».

Так болел и творил Врубель. Болезнь идет необычным путем. У него нет благодущия паралитиков. У него бывали моменты мании величия. Но он был

горд, и хотя творил в безумии, но все же был творцом. Художник до болезненной яркости переживал свои творения. Он чувствовал свою силу, когда на Нижегородской выставке, оставаясь один, щедро расплескивал свое дарование, когда яростно и безумно творил. Он захлебывался от избытка мыслей, встраивал свою жизнь в их содержание. Когда же наступала ремиссия, он был глубоко счастлив, о чем гласит сделанная им надпись: «В память моего исцеления». У него нет эмоциональной тупости, он до конца — «в муках страждущий». Во всех этих взрывах, скачке идей, галлюцинациях, бреде отрицания вскрылись другие механизмы в ослабленном инфекцией организме.

В жизни Врубеля бывали моменты гипоманиакального состояния, бурных эмоций, погони за впечатлениями. В разгар болезни нередко возникали острые маниакальные расстройства. Рядом с этим — вдумчивость, сосредоточенность, поиски идей, стилизация. Резким угловым письмом он отгораживается. Между ним и миром всегда холод. Этот момент выразился в бреде отрицания, преследования.

Ни на одну минуту не покидает его любовь к жене. Она — его «идеал»: «...у шизоидов женщина — или мегера, или святая», — утверждал знаменитый немецкий психиатр и психолог Э.Кречмер. Уход в мифологию, отрыв от «земного», Демон — «Дух Земли», его постоянный спутник — все говорит о шизоидности. Тонкую, никому не ведомую нить вьет в своей душе художник. Все это свидетельствует о его сложной смешанной конституции. Эта смена доминант выявляется еще в период полового развития, когда синтонные черты уступают место шизоидным, так как Врубель унаследовал противоположные гены циклоидной и шизоидной наследственной основы.

Во всех гранях противоположностей, в их взаимных переходах, тонком переплетении преломились личность и творчество художника. К компонентам развития присоединилась еще инфекция, отныне неразлучный спутник организма. Биологические начала, эмоциональный статус и инфекционные проявления слились в неразрывную триаду, которую Врубель воплотил в художественной конструкции Пана. Он избегает разговоров об искусстве. Он утомлен. Отмечаются композиционные уплотнения. Он слил в один образ последнего Демона и жену. Вялость, апатия, равнодушие. Но сила эмоций, творческий дар побеждали пустоту, усталость. Все остальное довершила спирохета.

Необычное течение болезни, длительность страданий, глубокие ремиссии, сохранившийся интеллект, исключительная работоспособность обязаны, быть может, его сложной индивидуальности, столь глубоко одаренной и, несомненно,

в патологии себя проявляющей. Так запутана была клиническая картина его недуга, что возникали разногласия по диагностике. Доктор Усольцев, много лет наблюдавший больного, был не согласен с университетским диагнозом прогрессивного паралича и в своем заключении настаивал на том, что речь идет о спинной сухотке и маниакально-депрессивном психозе.

По мнению профессора Н.А.Бернштейна, у больного с циркулярной конституцией процесс развития прогрессивного паралича отклоняется от обычного течения и принимает циркулярную форму. Профессор-психиатр Ф.Е.Рыбаков отмечает: «Циркулярная форма прогрессивного паралича наблюдается у лиц с циклофренической конституцией, обладающих более или менее тяжелой психопатологической наследственностью». По поводу течения болезни Врубеля можно сказать, что в смешанных генах, полученных в наследство, преобладали гены циклоидные, точно так же, как они проявлялись в патологии у его сестры. Кроме того, наследственность Врубеля была отягощена: дед по отцу — алкоголик, дед по матери — маньяк. При такой форме прогрессивного паралича раньше всего теряется зрение (по наблюдениям Рыбакова), что случилось и на этот раз. Врубель-художник умер раньше, чем Врубель-человек.

Да и бледная спирохета в конце концов dokonчила разрушительную работу: из-за органических нарушений, обусловленных инфекцией, художник утратил воображение, богатство и тонкость восприятия, сложный дар композиции, зрение и многие положительные эмоции. Уступая болезни, гениальный мастер желал смерти, ибо знал, что не воспримет ничего от той Земли, которую так радостно любил, что уже никогда не будет «Дух Земли» развиваться в нем творческой силой. Как прав был Блез Паскаль в знаменитом своем изречении: «Как бы высоко и вширь не разрослись ветви Дерева, корни его, как и ноги ребенка, всегда будут ближе к земле».

Если принять во внимание, что нарастание и упадок жизненных и творческих сил человека не идут плавно по прямой линии, а происходят скачками, со ступени на ступень, то можно понять процесс становления гения, талант которого нередко в драматической борьбе должен пробиться через несколько «оболочек».

Так, Генрих фон Клейст (немецкий писатель, в творчестве которого иррационально-романтическое сплавлено с жизненной достоверностью), чтоб найти самого себя, по словам современников, приложил немало сил, преодолевая прусский менталитет: в первых скучных литературных опытах теоретизирующего и дилетантски философствующего молодого лейтенанта трудно было

предвидеть пламенного эпического певца. Бетховен в своей Первой симфонии представлялся только как автор, подающий надежды. В Третьей симфонии («Героической») он уже выступил во всем величии созревшего мастера. Промежуток между созданием этих произведений составил пять лет. В дальнейшем композитор сохранил найденный оригинальный стиль, и разница между написанной через 20 лет Девятой и «Героической» симфониями не так существенна, как между Первой и Третьей.

Труды одного и того же автора, датированные различными периодами, могут восприниматься неоднозначно. Более того, может показаться, что они созданы не одним и тем же человеком.

Таковы сочинения Гете «Вертер», «Прометей», «Вильгельм Мейстер». Они отражают не только внутренние преобразования личности автора, но и влияние изменяющихся внешних обстоятельств.

А обстоятельства вполне могли быть таковы, что не исключалось их губительное влияние на судьбу таланта. Нелепое и холодное изречение о гении, который «все побеждает», обычно произносят лишь те, кому чужды понятия о трудностях у великих людей. Хотя, как известно, знаменитости более тяжело переживают ухудшение жизненных реалий, их психика ранима и не всегда выдерживает колоссальное творческое напряжение.

Удивительным метаморфозам был подвержен оригинальный нидерландский художник Винсент Ван Гог. И эта изменчивость совершалась в нем в силу того, что «поскольку развитие идет созревая... никакое развитие не совершается без кризисов и изменчивости». В противоположность мнению, что душевная болезнь ворвалась как чуждое событие в жизнь Ван Гога, нарушила ход развития его личности, образовала поворот в «непонятное», открыла дорогу новому направлению стиля. Попытаемся указать на признаки постоянного, прямолинейного развития человека и художника. Присмотримся пристальнее к метаморфозам этого гения и опять зададим вопрос, на этот раз с противоположной точки зрения: каким образом и насколько вообще психоз следует отнести к решающим «метаморфозам»?

Анализируя творчество мастера, можно отметить, что краски отступают в первый нидерландский период искусства Ван Гога на задний план не только в рисунках, но и в живописных полотнах. Если же краски им и применяются, то только тупые, мрачные. Над всеми картинами господствуют тяжелые сумерки, они сливаются в печальной гармонии с сюжетами: бедные люди, крестьяне в работе, пролетарские женщины, кормящие младенцев грудью или занятые

шитьем. На холстах — «великие образцы», нидерландцы. Об этих годах можно прочитать в письмах художника из Гааги: «Я говорил себе всегда при работе: не бросай работы, пока у тебя не получится нечто из настроения осеннего вечера, нечто из мистерики, нечто глубоко серьезное».

В Париже сумерки проясняются, и быстро туман разрывается на куски. Уже здесь, в Париже, кисть художника дарит картины, свидетельствующие о достигнутой им зрелости. Совершился решающий шаг, и совершился он весьма быстро. Приблизительно в это время художник писал: «Краска сама по себе говорит нечто, это нужно усмотреть и использовать».

Настроением приподнятости окрашен и период творчества в Арле. Ван Гог буквально утопает в красках, ему недостаточно наносить их кистью, ими заполняются большие поверхности, он «колорирует», он выдавливает на полотно всю тубу. Да и вообще здесь переживается им все чувственно. Здесь торжествует Ван Гог-постимпрессионист.

На этом художник не остановился. Палитра делается беднее: две, три краски составляют целое. В остальном определяют теперь картину контуры, движение, ритм. Мотив является лишь поводом, закон художника — все. В Сен-Реми этот Ван Гог завершается, как и Ван Гог вообще. «Равнин» утопает в голубом, «Закат солнца» — весь желтый, но линия господствует в композиции. «Тональное» отступает на второй план. Ван Гог опережает в Сен-Реми свой век на целых 40 лет. Куда еще дальше мог бы он пойти?

Из последнего периода (Овер) нам мало что осталось. Судя по «Портрету доктора Гаше», он все тот же — великий, зрелый. Имеются, одна?, оверовские картины, в которых беспокойно пылает огонь, в которых снова появляются краски и тон, но, очевидно, из пейзажа, а не из внутреннего закона художника, отчего изображения неубедительны. Так, во всяком случае, воздействует «Осенний пейзаж с четырьмя деревьями». В Арле пылали огненными языками вершины кипарисов: это соответствовало пейзажу Мистрала, а также чуждой действительности, беспредметной внутренней законности Ван Гога из Прованса. В Овере пламенеющие верхушки деревьев являются несчастным воспоминанием.

Эпоха и общество продолжают нести ответственность за гибель одного из лучших сынов человечества. Невозможно даже представить, какими шедеврами изумил бы мир Ван Гог, если бы так рано не оборвалась нить его жизни. Но все же впечатление законченного по совершенству пути художественной его цели весьма сильно. Художник освободился от традиции великих образцов, он разорвал мрак и сумерки своих голландских учителей, вышел к свету и краскам,

научился использовать их, сообразуясь с порывом вдохновения и без оглядки на условности. Однако чувственно-веселое, красочное не есть его последнее слово; оно уступает место «нечувственному», общему.

Допустим, что в тот момент, когда Ван Гог окончательно определил направление своего творчества и на холсте появились мазки, сделанные кистью мастера, случилась первая метаморфоза его личности — и таковое могло быть в самом деле после всевозможных исканий на многих поприщах человеческой деятельности. Допустим, что быстро совершившийся в Париже разрыв с первоначальными сумерками и половодье красок — следствие второй метаморфозы. Если это так, то все еще остается третья метаморфоза периода Арля — Сен-Реми, когда обозначился абстрактный стиль. Может быть, Ван Гог окончательно застрял в четвертой метаморфозе, о которой пока ничего определенного сказать нельзя. Все это совершается за два, самое большее — три года, в условиях самых крайних лишений, резких колебаниях климатических и географических факторов, душевных потрясений и обманутой дружбы, т.е. жизненных обстоятельств, способных губительно воздействовать на самый крепкий организм. И вот говорят: горькая нужда, нищета и одиночество должны считаться последними и основными причинами его болезни. Это, конечно, мнение профанов. Вместе с тем его нельзя признать совершенно неправильным.

Должен ли был Ван Гог вообще заболеть?

Ведь так мало нужно было для того, чтобы вырвать его, голодавшего по целым дням и работавшего под палящими лучами прованского солнца, из когтей тяжелейшей нужды.

И нужно было появление всего только одного человека, уверовавшего в силу гения, который сумел бы внушить ему, Ван Гогу, веру в самого себя, веру, необходимую каждому человеку творчества, особенно художнику!

Рассмотрим же случай болезни Ван Гога.

Вне всякого сомнения, Ван Гог заболел в решающий период жизни и деятельности. Если смотреть на заболевание, как на чуждую личности силу, обрушивающуюся на людей искусства, то можно с уверенностью констатировать, что сама по себе экзогенная патология психику не изуродует. Если же обратить внимание на болезнь как на явление, вырастающее из самой личности и принадлежащее ее «развитию», то нельзя произвольно выделить болезнь из целостности явления и его развития как частичный момент или частичный процесс, противопоставить его другим процессам и приписать ей какую-то особенную роль в конечном формировании личности и стиля поведения.

С таким же правом можно было бы это утверждать относительно других необходимых для развития личности духовных состояний и убеждать, что великое творчество Ван Гога немислимо вне генетического поля, одухотворенного активным разумом его предков-священников. Все это относится сюда, и конечный результат невозможно предсказать без учета множества слагаемых.

Бессмысленно однозначно настаивать, что те жизненные коллизии, которые характеризуются, как «болезнь», играют доминирующую роль в мире творческой личности. Подобного мнения придерживался и Ван Гог, и можно вполне довериться его глубокой пронизательности.

Как яркий и необычный художник, представитель нового времени в искусстве, он, казалось, был призван к радикальной переоценке ценностей. Однако, ученик и последователь мастеров нидерландской школы, позже — японской живописи, импрессионистов, Гогена, Ван Гог всю жизнь продолжал считать себя должником перед истинными великанами мировой культуры — Рембрандтом, Шекспиром, Вагнером. И никогда не связывал свое вдохновение с болезнью. Ван Гог, письма которого не менее правдивы, чем его произведения; Ван Гог, который сумел подслушать у своей болезни каждое ее движение и направление, — Ван Гог не промолчал бы ни себе, ни миру, если бы он был обязан своей болезни в чем-нибудь решающем.

Но если даже случилось, что благодаря необычному переживанию, шоку или болезни произошло преобразование личности, если благодаря этим моментам случилась перегруппировка определяющих душевных сил, если в конце концов изменился стиль выразительности и у спокойного человека процессы творчества пошли успешнее — Ван Гог, как одаренная личность и художник, был уже до начала болезни в своей долголетней, «сознательной» борьбе так близок к конечному своему развитию, что вряд ли можно было бы о нем сказать больше, чем следующее: этот человек был великий художник — он был также болен.

Болезнь не всегда воспринимается как неизбежная судьба и печальная необходимость, которую невозможно обойти при более благоприятных условиях жизни. Поэтому в суждениях о патологии очень часто имеют в виду не демонстративную клиническую картину, а возможность заболеть, ту почву, на которой болезнь развивается, предрасположения, лежащие в ее основе, т.е. все те силы направленного воздействия, которые могут оказывать влияние не только на показатели здоровья, но и на личность в целом, на ее развитие.

То, что сделало Ван Гога великим художником, могло быть и причиной его болезни.

Как только человек переходит к сознательной жизни и может давать отчет о самом себе, он начинает рассматривать себя как существо, которое находится в зависимости от других закономерностей. Из этой дисгармонии и уединения он ищет выхода к растворению в сверхличном бытии.

Это может случиться двояким путем: или он пытается сделать закономерности внешнего мира своими, или же пытается навязать внутренние свои закономерности внешнему миру. В обоих случаях человек производит изменение порядка, переоценку, будь то свой собственный или сверхличный мир.

Цель такой переоценки — слияние личного и сверхличного мира. Необходимые для успеха силы зависят по величине от степени напряжения, благодаря которому удерживаются сформировавшиеся конструкции взаимосвязей в пространствах миров.

Ван Гог не имел выбора, по какому из этих путей он мог бы прийти к гармонии и конечному покою. Он находился во власти наследственности, побуждавшей его строить мир на основании заложенных в нем самом принципов.

Когда он воспользовался для этой цели своими художественными средствами, то пошел по трудному пути. Впрочем, он никогда не считал себя особенно одаренным, а больше подразумевал в себе дилетанта и автодидакта. «Кромка таланта», т.е. то существенное, чем дорожит каждый художник, не была для него заветным символом. Он всегда нуждался в масштабном расходовании сил для достижения цели. Ибо цель была впечатляющей: овладеть смыслом природы и преобразовать объекты по собственному образцу. А мерки художника значительно расходились с темой времени. Это время не желало иметь при жизни гениального живописца ни одного из его произведений, которые являлись исповедью и документами, выразившими кредо таланта.

Если человек вынужден преобразовывать и приводить в движение людей и предметы, среди которых он находится по воле судьбы, то для преодоления напряжения между собой и внешним миром требуются такие усилия, которые зримо отражаются в жизненных проявлениях данного субъекта. Особенно это заметно, когда сверхъестественные усилия переживаются как действие фатальной силы. Ван Гог очень образно охарактеризовал такое состояние: «...как будто бы дьявол стоит над тобою». В мелких житейских привычках, во всевозможных порядках и правилах, пунктиках педантичности, в выборе супруги, друзей, профессии, в проявлениях болезни открываются прозорливому взгляду новые и новые попытки своевольного и своезаконного покорения себе всего, что можно обрести.

Для понимания больного Ван Гога не следует искать объяснений в чем-то потустороннем, так как имеются налицо силы, питавшие жизнь и творчество гения, и силы, сломившие его. С одной стороны, это — природное призвание и неумное стремление навязывать объектам мощь своей внутренней содержательности, с другой — обстоятельства жизни, ставящие преграды такому насилию: позднее, но необычайно быстрое «созревание», беспросветная нужда и лишения, влияние резких климатических колебаний, обманутая дружба, адаптационные трудности. Жизнь и болезнь Ван Гога изобилуют одними и теми же признаками хрупкости человеческого существования.

И действительно, как только к художнику возвращалось сознание, он сразу начинал размышлять о следующем приступе помешательства с перспективой быть вновь припрятанным в тюрьме, где имелся изолятор для душевнобольных.

И каждый очередной приступ — это насилие над предметами, над людьми, над самим собой.

Трагическая логика вещей привела к тому, что путем насилия Ван Гог обрел, наконец, покой и гармонию, к которым он по-другому так придти и не смог. Сложный клинический протуберанец в истории болезни гениального художника обозначен диагнозом «шизофрения плюс эпилепсия» (Эвенген).

Специалисты отмечали в его творчестве признаки эпилептоида — плоские, однообразные, тупые автопортреты и шизофренические элементы — стереотипию в изображении ландшафта, стилизацию фигур и неодушевленных предметов.

Как и в случае с Врубелем, психическое заболевание Ван Гога было неоднозначным, его развитие и последствия органически пронизали жизнь и творчество одаренной личности.

Помимо сложных психических расстройств с многовариантной основой интерес представляют и так называемые «рафинированные» («чистые») психопатологические всплески («протуберанцы»), укладывающиеся в определенную нозологическую форму или болезненный характер.

Лица с такими клиническими проявлениями не обязательно состояли пациентами лечебниц для душевнобольных, но на протяжении жизни четкий клинический диагноз: у них ставился и подтверждался неоднократно. В этом плане можно рассмотреть такую проблему, как шизофрения и одаренность.

Хотя сама по себе шизофрения — обширная область психической патологии с прозрачными границами, где можно встретить неисчислимое разнообразие взаимопереходных форм болезненных симптомов и комплексов.

В картинах шизофренических состояний нашла свое болезненное преломление вся история человечества. По этому поводу интересное замечание сделал Э.Кречмер: «Нет ни одного из главных механизмов, имеющих отношение к образам или аффектам у первобытного человека, которого мы в широких размерах не могли бы вновь открыть у шизофреников».

Образно отображаются эти механизмы в творчестве шизофреников. Из причудливых комбинаций патологических элементов являются оригинальные картины с сюжетами, навеянными внутренней жизнью больного автора. Шизофреник-художник в основном проявляет свой дар, когда состояние его более или менее спокойно, когда притупляются галлюцинаторные и прочие виды возбуждения. «Когда у меня галлюцинации и я слышу разговор и плач моего сына, я ни за что приняться не могу. Меня охватывает желание, стремление бежать неизвестно куда. Я бегаю по палатам, ссорюсь и даже пытаюсь драться» (больной Д.).

«Теперь я писать не смогу, мне передали птицы, что дядя ждет меня. Он мелькает передо мною переодетым в больнице» (больной Г.). Во время галлюцинаций пациенты отказывались от работы и еды. Например, больная В. в моменты возбуждения просила поскорее убрать свои карандаши и краски, так как знала, что в этом периоде болезни она могла только разрушать, а не создавать. Интересно, что больные в большинстве случаев не любят изображать свои галлюцинации и даже категорически отказываются их писать.

Так, больная Х. видела поднимающихся из-под земли маленьких детей. Она шарила по полу, искала их, но рисовать эти видения не пожелала.

Содержанием квазиреальных произведений являются комплексы, облеченные в символы. В своеобразной символике можно найти таинственность переживаний больных, бледность эмоций, порывистый, неожиданный ритм, манерность и стереотипию. Больной шизофренией весь уходит в себя. Он автономен в своих переживаниях и даже горд этим. Ему не надо украшать себя для других и других для себя. Он отчужден от мира, полностью обособлен от всего. В его произведениях нет орнаментов, нет украшений. Мотивами для декора обычно служит стилизация природы. Больной очень часто олицетворяет ее с собой. Изображает одиноко растущее дерево с надписью «Дерево — это я». Под свинцовыми тучами ряд холмов: «Холм — это моя жизнь». Силы природы — огонь, тучи, небо скалы — становятся его символами. Символами он изображает свое «комплексное мышление. Комплексы установлены надолго. Шизофреник редко их меняет, он не гибок. Формы найдены.

Они для него — ясные, готовые образы, извлеченные из истоков психической жизни, с самых неведомых глубин. Они неподвижны, неизменчивы, не окружены теми обволакивающими переживаниями («сферой»), которые обычно передают настроение художника, его сознательное и подсознательное отношение, то, что волнует в момент творческого подъема.

Здесь все холодно, безжизненно, предопределено. Здесь нет фона, нет эмоций. Символы — и сюжет, и фон. Они волнуют своей таинственностью, своей неожиданностью, они для нас всегда загадочны. Больной верит в важность этих символов, как верил раньше в них первобытный человек. Регрессирующая психика нашла свое выражение в регрессивных образах. Некоторые из символов встречаются довольно часто: череп с крестом — символ смерти, чаша с крестом и огнем — символ веры, пылающий шар с крестом внутри — символ земли, змея с человеческой головой — символ любви и т. д.

Так же часто, как первобытный человек символику посвящал религии, больной любит изображать религиозное. Очевидно, то темное, непонятное, что с ним творится, его пугает, и он интуитивно испытывает стремление укрепиться в мистике. Изображение религиозных тем всегда наивно, исполнено робко, почти по-детски. Христос — слабый, астеничный, часто инфантильный, с копьем и с царской шапкой на голове. Или, Христос — нежный, бледный, с судорожно сжатыми и изогнутыми руками, с огромным тяжелым крестом в руках. Кругом, для усиления эффекта, фигурируют церковная утварь, кресты, храмы. Вообще их творчество не отличается эксплозивностью, оно подкупает своей скромностью, оттенком слабости.

Ирреальный мир ближе больному шизофренией. Он пишет волны радио, окружающие женщину и стоящего возле нее ребенка. Ребенок передает вещание миру. Огромные скалы возвышаются над пропастью. Из пропасти в клубах дыма возносится человек — это он, необъяснимый и постоянный напарник больного.

На картинах много вычурности, разрозненности, часты длинные надписи. Для усиления выразительности добавляются дополнительные надстройки, сгущения образов и красок. Так, в изображении огромной птицы ярко-красного цвета с черной человеческой головой бьются насмерть в птичьей брюхе человек и болезнь (символ болезни — туловище с черепом). В данном случае сгущено в один символический образ все зло мира. Совмещение нескольких голов на одном теле (довольно частый прием сгущения) напоминает образы богов у древних народов.

Краски выбираются контрастирующие. Преобладает любовь к ярким цветам: красный и синий, черный с белым, черный с красным встречаются довольно часто. Кроме того, несомненное впечатление производят образы таинственности, всплывающие как атавистические элементы во время распада личности из глубин сознания, где они были глубоко заложены и спрятаны в процессе развития. Эти изъятые готовые образы отличаются, как отмечалось ранее, холодом и безжизненностью.

Имеет значение наглядная потеря психической подвижности и весь психический темп. Обычно ритм больного, неподвижный и порывистый, негибкий, передается бессознательно — либо в неподвижности, либо в каком-то судорожном изломе. Здесь нет волнистых линий, утопающих в чувственном тоне настроений, что характерно для творческих изысков гипоманиакального больного; нет округлых и плоских линий с стремлением к однообразным и ярким цветам, как у художника-эпилептика. Здесь — углы, параллели, изломы. Не только комплексы из личной жизни, но даже образы, взятые из окружающей обстановки, тоже покрыты налетом мертвого покоя.

Рисунки больного Р., изображающие театр или дом заседания общественной организации, в смысле стиля отличаются определенным изяществом. Симметрично поставленные по бокам темные, неподвижные фигуры и землистый цвет построек придают им мертвый, унылый вид. Целые неподвижные, мертвые города писал и М.К.К.Чюрленис (литовский живописец и композитор). Бледность эмоций и недостаточность аффективности самого художника наложили на них неизгладимую печать.

Примечательна и сама манера письма больных шизофренией: выраженное стремление к двусторонней симметрии, что отмечали Кречмер, Мигмеер, Принзгорн. Это постоянно подтверждается клиническими примерами.

Двусторонней симметрией отличаются и здания на картинах упомянутого больного Р., и город, изображенный больной Ф., и симметрично расположенные звезды, и две симметричные луны на ночном небе, и двусторонняя симметрия фигур и линий в большинстве рисунков других больных.

Еще один момент — сексуальность воплощается в змеевидных образах. Женское лицо — в змеевидных кудрях, змеисто вьются деревья и листья. Голова Христа увенчана змеевидными волосами. Употребление образа змеи встречается и для выражения болезни. Очевидно, этот символ связан с первоначальными ощущениями страха и привлекательности.

Вообще в картинах больных шизофренией отсутствует как бы влияние личности художника. Они не выражают ни надежд, ни опасений, ни радости, ни горя. В огромном большинстве они как бы объективны и воспринимаются, как нечто постороннее, самим художником.

Мигмеер высказал мысль, что сама шизофрения может дать толчок для выявления скрытых задатков. Правда, это положение многими оспаривается. Имеется достаточно наблюдений, когда художники вполне профессионально рисовали еще до болезни. Среди них довольно часто встречались лица со специальным образованием. Случаи, когда больные начинали увлеченно заниматься искусством в клинике, пожалуй, следует расценивать как исключение.

Так, одна из пациенток психиатрической больницы стала пробовать себя в живописи и выполнила ряд неординарных работ. В ее анамнезе отмечались тяжелые условия жизни, она хорошо знала все притоны и темные углы Москвы, быт и нравы преступного мира. Вполне вероятно, что все эти сложные социальные переживания активировали творческие побуждения, когда больная оказалась в более благоприятной и спокойной обстановке.

Но в принципе принято считать, что болезнь, ведущая к оскудению личности, к понижению интересов и психической подвижности, отнимающая целый ряд необходимых для творческой активности механизмов, не может содействовать их выявлению, а скорее ведет к разрушению того, что было. Больной страдает расстройством внимания, разорванность ассоциации мешает ему развивать новые понятия. Из-за снижения интереса к остальной жизни, кроме собственной, из-за определенного социального отчуждения ум его не пополняется впечатлениями, не получает новых материалов. Он не восприимчив к образам действительности, не перерабатывает эти образы.

Больной, конечно, сознает, что сама его личность и мир изменились, но принимает это без аффекта. Он не вникает в события окружающей среды. Этим, вероятно, и можно объяснить неудачность попыток шизофреников рисовать портреты, что подтверждает клинический пример.

Больной Ш. ранее профессионально занимался портретной живописью. До болезни его рисунки углем отличались выразительностью, но теперь трудно узнать по портрету оригинал. Одаренный больной шизофренией отличается тем, что умеет дифференцировать свои переживания и изображать их. Но вместе с понижением интеллектуальной и аффективной сферы бледнеет и его дар. Психические и физические восприятия постепенно тускнеют,

психомоторная сфера утрачивает ареал творческой активности и перестает поддерживать режим благоприятствования для творческого процесса.

По мере развития болезни принципиальные изменения привносятся во все разделы живописи. С усложнением клинической картины шизофрении (комбинации с другими психическими состояниями или превалирование отдельных комплексов) проявляются и некоторые особенности.

Все это наглядно отображается в клинических случаях.

У больной Д. диагноз — шизофрения плюс эпилепсия. Она и ведет себя то как шизофреник, то как эпилептик. Временами пациентка замкнута, аутична, мышление ее разорвано, отмечаются насильственные движения. В какие-то моменты она суетлива, стремится к своим детям, эйфорична, смеется, напевает. Иногда предприпадочное состояние разряжается настоящим эпилептическим припадком. При обострении шизофрении Д. пишет: «Вещание миру, город Москва — Мировая тоска. Небесная авиация с перелетом в дни моей молодости». Когда же превалируют эпилептоидные расстройства, она пишет много фигур, часто плоских, много херувимообразных детей, раскрашенных розовым цветом.

Некоторые своеобразия отмечаются у параноидных больных. У них больше наблюдательности, больше сохранено чувство красок, они часто делают зарисовки окружающей жизни. Больная О. пишет «день и ночь» и сценки из жизни мастерской. В них очень выражен сексуальный компонент: и в изгибе фигур, и в украшениях из множества волнистых линий. Здесь больше склонность к сказке, мечтаниям. Фигурируют пастушки, ведьмы.

Сексуальными элементами в духе Фрейда вообще богаты символы, которыми оперируют больные шизофренией.

Можно отметить, что чем одареннее больной шизофренией, чем дольше сохраняется его дар, тем ближе он к земле, к реальной жизни.

Больной Ш., 23 лет. До 12 лет посещал школу, учился хорошо, много читал. Занимался в изостудии живописью и лепкой. В возрасте 12 лет перенес травму во время погрома. С этого времени сделался резко возбужденным, агрессивным. Через год данный период резко сменился кататонией. После двухлетнего пребывания в больнице возвратился домой. Снова учится рисованию, особенно интересуется портретной живописью. Служит, везде избирается старостой, делегатом, везде чувствует какую-то неудовлетворенность, организует акции забастовочных комитетов, увлекает за собой рабочих. Начинает писать фельетоны. Печатается. Снова в состоянии возбуждения попадает в боль-

ницу. Через полгода — вялый, апатичный. Воспринимает все как будто не настоящее. Постепенно начинает читать, начинает рисовать. Самоучкой обучился переплетному мастерству. Считается лучшим мастером. Заинтересовался агрономией. Много читает, много времени проводит на больничной ферме. Стал играть на музыкальных инструментах, хотя до этого никогда не играл. Пишет. Рисует портреты (со всеми дефектами, свойственными больному). Вместе с тем боится действительной жизни, шума жизни, уверен, что, если выпишется, снова заболит. Любит одиночество. Из больницы уходить не хочет. Резонер, медлителен в движениях и в речи. Контакт с ним возможен. Нужно думать, что здесь была богатая индивидуальность, и искры этой даровитости многообразно проявляются и до сих пор, после 10 лет болезни. Интересно стремление к реальным формам живописи, стремление к изучению положительных наук и диссоциация в личности, избегающей этой реальности.

Стилизация, кататонический образ письма, отсутствие аксессуаров, стереотипия, негибкость комплексного мышления дают однообразное представление о душевной жизни самого больного. Шизофреническому художнику нельзя отказать в оригинальности, своеобразии. Его произведения всегда волнуют, всегда загадочны, но, лишенные души, они неизбежно беднеют и будут всегда выразительны для регрессирующей личности, нашедшей оригинальные, своеобразные, таинственные формы для отображения.

Большие художники, М.А.Врубель, А.А.Иванов, М.К.К.Чюрленис, Ван Гог проявляли в своем творчестве отдельные черты, свойственные художникам-больным шизофренией. Врубель всю жизнь писал как отщепление духа бесконечного Демона и ограждал его треугольными штрихами от внешнего мира. Иванов всю жизнь писал Христа. Чем больше он его писал, тем суше, треугольней делались лица. Не было ни орнаментов, ни украшений. Только желтый песок контрастирует с темными одеждами. Чюрленис, еще дальше ушедший, в психопатологию, писал одну символику со свойственными больному шизофренией элементами. Но огромный подъем аффективности, экстаз, большое богатство настроений, концентрация внимания, интуиция художника делают их произведения полными значения и красоты. Ибо каков художник, таково и творчество.

Влияние психопатологического эффекта на творчество представляет интерес и при рассмотрении такой проблемы, как творческая патология гениальных эпилептиков. Тем более что еще недавно в круг понятия «эпилепсия» включались самые различные клинические состояния: мигрень, дипсомания,

нарколепсия, пикнолепсия, эпизодические сумеречные состояния, аффект-эпилепсия, эпилептическая психопатия и прочие моносимптоматические эпилептоидные заболевания.

Все эти формы патологии рассматривались как клиническое выражение одной и той же генуинной причины, вызывающей подобные явления.

Так, по воззрению авторов школы Э.Крепелина (немецкий психиатр, создатель современной классификации психических болезней) вся пестрота эпилептических состояний является как бы выражением одной эпилептической конституции, элементы которой могут быть заменены друг другом в эквивалентах.

В настоящее время такое единое понятие об эпилепсии осмысливается более дифференцировано. Вместо единой эпилептической конституции с различными проявлениями фиксируются множественные конституционные единицы. Возможны комбинации элементов в подобном ряду или избирательное представление об отдельных из них, как о моносимптоматических болезнях. Получается так, будто вместо одного эпилептического начала должен быть целый ряд самостоятельных генов. Однако, несмотря на обозначившиеся расширительные тенденции, все же остается неясным, действительно ли различные формы и проявления эпилепсии имеют собственные основы или существует общая первопричина.

Так или иначе, попытка выделения отдельных эпилептоидных заболеваний в их связи с самостоятельными конституционными факторами дает возможность выявить специфические особенности клинической картины эпилепсии у великих людей. Дело в том, что в подобных случаях гениальность и одаренность эпилептиков обязательно сочетаются с определенной формой эпилептического состояния и эпилептической конституции. Итак, какая форма болезни присуща выдающемуся человеку, если он страдает эпилепсией?

При определенных обстоятельствах ответить на данный вопрос можно однозначно. Например, так называемая генуинная эпилепсия совершенно исключается у знаменитых личностей. Иначе говоря, можно утверждать, что возможность появления у гениальных и одаренных субъектов такой формы эпилепсии, где исходным состоянием было бы эпилептическое изменение личности в смысле прогрессирующего эпилептического слабоумия, принципиально невероятна. Такой эпилепсии у гениев не бывает.

Вопрос о возможности эпилепсии у великих людей — старый спор, который всегда базировался на недоразумениях (например, спор о том, была ли

эпилепсия у Наполеона). Спор этот всегда основывался на различном содержании понятия «эпилепсия» в зависимости от времени и степени расплывчатости знаний о данной болезни. Например, те авторы, которые отрицали у Наполеона эпилепсию как болезнь (несмотря на наличие достоверно доказанных эпилептических припадков), аргументировали свое отрицание тем, что у императора не было неперемennого признака эпилепсии — эпилептического слабоумия (подразумевая при этом гениальную эпилепсию).

Наоборот, доказывали эти авторы, Бонапарт — человек выдающегося ума и способностей, следовательно, на этом основании он не мог быть эпилептиком. Другие же авторы, признававшие диагноз эпилепсии у Наполеона, подразумевали не гениальную, а другие ее формы. Так и продолжался спор, основанный на недоразумении при толковании понятия «эпилепсия».

Чтоб не возникла возможность появления такого недоразумения в дальнейшем, следует окончательно уяснить положение о том, что о гениальной эпилепсии у великих людей говорить не приходится потому, что этой формы эпилепсии у них нет. О какой же эпилепсии тогда может быть речь?

Чтоб ответить на этот вопрос, рассмотрим несколько историй болезни великих и замечательных людей. Примеров достаточно, тем более что это очень известные имена: Петр Великий, тот же Наполеон I, Достоевский, Чайковский, Байрон, Эдгар По, Магомет.

Все они страдали припадками эпилептического характера.

Наполеон Бонапарт

О наследственности его известно следующее.

Отец — алкоголик, умер будто бы от рака в молодые годы. Рисуеться в биографическом материале как человек, «лишенный нравственных чувств и с патологической психикой». Сестры Наполеона истеричны. Брат — «жадный и чувственный эгоист». О матери говорится, что она была «властная, умная, серьезная и решительная особа».

Внешность самого Наполеона, по Ломброзо, изобиловала многими признаками дегенерации: мал ростом (151 см), несоразмерные и непропорциональные туловищу руки, короткие ноги. Окружность черепа не превышала средней величины. Голова мезоцефала с вдавленными висками также имела много аномалий: громадные челюсти, выдающиеся скулы и глубокие впадины глаз, асимметрия лица, глубокая посадка головы между плечами. Спина несколько сгорблена, странные явления гиперестезии.

Комнату Наполеона протапливали до июля месяца, так как он был чрезвычайно чувствителен к перемене погоды и даже предчувствовал ее. Становился невыносим в туманные, сырые дни. Чувствовал запахи, которых никто не замечал. Страдал частыми мигренями. Испытывал постоянные подергивания правого плеча и губ, а во время приступов гнева — дрожь в икроножных мышцах. «Я, вероятно, был очень рассержен, — сознавался он после горячего спора, — потому что чувствовал дрожание икр, чего давно со мной не случалось».

О его судорожных припадках свидетельствуют следующие факты. Будучи учеником Бриеннской военной школы, Наполеон перенес судорожный припадок, когда однажды был подвергнут наказанию, и начальник школы так перепугался, что немедленно снял с него кару. По свидетельству Констана, 10 сентября 1804 г. случился еще припадок, а несколько часов спустя началось удушье, характерное для эпилепсии. Об эпилептических припадках Наполеона имеется немало интересных сведений, подробно изложенных в мемуарах целого ряда лиц, которые невольно становились свидетелями таких случаев и в связи с этим часто попадали в неприятное для себя положение.

Так, известно и описано происшествие с актрисой Жорж, которая была очень напугана припадком, случившимся с Наполеоном ночью, когда она находилась у него во дворце. Женщина принялась истошно кричать, чем привлекла в спальню не только слуг, но и саму императрицу Жозефину. Когда Наполеон пришел в себя, то сильно избил Жорж за этот поступок.

Придворная дама, госпожа Ремюза, сопровождавшая в Майнц французский императорский двор, записала в своем дневнике, что с Наполеоном ночью случился сильнейший припадок, а так как в ту эпоху в комнатах не было звонков и даже в критический момент не нашлось под рукой свечи, то Жозефине пришлось полуодетой пойти к дежурному адъютанту за помощью. Она провела ночь в страшной тревоге, ожидая кризиса, и когда опасность миновала, отдали строгий приказ — ничего не рассказывать, но об этом быстро узнали все. И актриса Жорж настойчиво уверяла, что у императора была падучая болезнь.

Констан повествует в своих мемуарах, как однажды ночью из спальни Жозефины раздались стоны и крики. Вбежав туда, Констан увидел Наполеона распростертым на постели, без движения, с судорожно прижатыми к груди руками и открытым ртом. Придя в себя, император объяснил, что все это произошло вследствие тяжелого кошмара.

Талейран также был свидетелем припадков, который случился с Наполеоном в Страсбуре, когда тот гневный «вылетел как ураган» из комнаты Жозефины,

схватил министра за руку и, втащив в соседнюю комнату, запер за собой дверь. Там он упал и в конвульсиях стал кататься по полу, со стонами и пеной у рта.

Придя в себя, он попросил Талейрана никому не говорить о случившемся, а через полчаса отправился в Карлсруэ.

К психическим симптомам эпилепсии можно отнести следующие данные. Моментальные затмения сознания, столь характерные для эпилептиков, констатировал еще Ломброзо. Уолселей заявлял, что план Бородинского сражения не удался из-за «временной парализации умственных способностей» Наполеона. Точно так же под Дрезденом будто «внезапное затмение ума» помещало ему принять необходимое решение, и он потерял плоды своей победы.

Наполеон был чрезвычайно вспыльчив по самым ничтожным поводам. Эта вспыльчивость доходила до бешенства. В состоянии аффекта он мог прибегнуть к насилию и агрессивным действиям, например, избить любого человека. Таким диким всплеском гнева Бонапарт был подвержен еще с детства. Однажды он дал пинка Вольнею, сказавшему невзначай, что «Франция желает Бурбонов». Бертье получил удар кулаком за то, что неточно поприветствовал императора титулом «короля французов». Заслуженного адмирала великий человек бил нещадно хлыстом так же, как и своих конюхов, если те не проявляли расторопности. Однажды он вышвырнул из комнаты своего брата Людовика. Очень часто, не вынося задержек в своих волевых проявлениях, швырял в огонь дорогую одежду, если ее не удавалось надеть сразу. Часто в припадке гнева с досады бил себя по голове, а иногда этот гнев оканчивался судорожным припадком.

Сам Наполеон говорил о своей аффективности и раздражительности таким образом: «Мои нервы всегда возбуждены, а если бы моя кровь не текла так медленно, то я давно бы сошел с ума».

К другим психическим особенностям, характеризующим эту эпилептоидную психопатическую личность, принадлежат крайний эгоизм и эгоцентризм, доведшие властную натуру до возвеличивания собственного «я» в немислимых пределах. Эгоизм проявился еще в детстве и развивался в геометрической прогрессии: Наполеон не знал ни стыда, ни совести, чудовищные представления о собственной значимости захлестнули его с головой.

В соревновании он не терпел соперников, колотил друзей и приятелей без пощады, если те не преклонялись перед его «я». Имел очень твердое мнение: «Человек должен управляться своими собственными эгоистическими страстями: страхом, алчностью, честолюбием, соревнованием. Кто им противится, тот погибает». И действительно, этим правилом Наполеон руководствовался

всю жизнь и никогда от него не отступал. Ради принципа он не брезговал ничем, что подтверждает следующее высказывание из разговора с Жозефиной: «Я не такой человек, как другие, а законы морали и приличия созданы не для меня». И действительно, для Наполеона цинизм, наглость, скрытность, подкупы, обманы, преступные услуги какого угодно сорта — все средства были хороши, лишь бы они вели его к цели.

Из приведенных фактов бросается в глаза, что припадки Наполеона, зафиксированные многочисленными свидетелями, всегда отличаются тем, что им, как правило, предшествовало то или иное аффективное переживание. Следовательно, они носили психогенный характер, присущий аффект-эпилептикам.

Поэтому, без сомнения, можно констатировать, что эпилепсия Наполеона есть не что иное, как аффект-эпилепсия. Вся картина его болезни, все особенности психики говорят в пользу такой диагностики.

* * *

П.И.Чайковский

Как известно, Чайковский страдал припадками с потерей сознания. Об этом упоминает О.Фейс в своем исследовании «Генеалогия и психология музыкантов», а также брат композитора Модест Чайковский. Припадками страдали дед и дядя великого музыканта. Хотя, к сожалению, подробного описания припадков не сохранилось, однако имеются указания на то, что именно у Петра Ильича они всегда были связаны с эмоциональными переживаниями и, следовательно, имели психогенную основу. В работе И.Глебова «Чайковский» есть интересная запись по этому поводу:

«Организм Чайковского был как бы аккумулятором. В нем до какого-то предела скапливался заряд жизненных ощущений и впечатлений. Потом следовал внезапный разряд — нервный ли припадок, мимолетный и быстро, бесследно исчезавший, или же длительное, острое нервное расстройство. Обычно все это совпадало с тягостными событиями и испытаниями, порой чисто житейского порядка, но могло и не совпадать, а отзываться как бы на расстоянии.

Раз, совпав с запутанными отношениями, разряд нервной энергии вызывал необходимость в ином направлении жизни и работы и в перемене обстановки. Так было в первый год жизни Чайковского, еще мальчика, в Петербурге, когда связанные с отъездом из Воткинска и со вступлением в новый круг жизненных отношений перемены потребовали от хрупкого, чувствительного организма ряда сложных приспособлений и усиленной работы воображения.

Накопление необычных и сильных ощущений вызывало в конце концов нервное потрясение.

Результат таких разрядов был всегда благодетелен для здоровья, и, таким образом, сама природа, помимо воли обладателя этим чудным организмом, регулировала правильность жизнеповедения и в момент высокого давления как бы сам собой вовремя открывался клапан парового котла, чтобы выпустить скопившиеся пары».

Из этого отрывка воспоминаний И.Глебова можно заключить, что припадкам предшествовали обычно переживания «тягостных событий и испытаний, порой чисто житейского характера», т.е., попросту говоря, связанные с неприятностями. Так было всегда — и в юности, и после в разные периоды жизни. Кроме того, такие эмоциональные (или аффективные) переживания не всегда разряжались припадком, иногда он выливался в психический эквивалент в форме длительного «нервного» расстройства. Подобных «нервных» расстройств с припадками или без них было немало в жизни Чайковского. Хронологически можно проследить целый ряд психопатологических коллизий.

Восьми лет от роду (в июне 1849 г.) Чайковский во время его пребывания в пансионе заболевает корью, осложнившейся «нервным расстройством» и «страданием спинного мозга». Это расстройство и страдание, по-видимому, и есть начало тех эпилептических или эпилептоподобных припадков, что были связаны с повышенной раздражительностью и аффективностью ранней эпохи жизни композитора, ибо, по словам биографа, «...от скромного, послушного мальчика не осталось и следа. Он стал ленив, капризен, раздражителен, несдержан.

Эта эпоха в жизни Чайковского и была тем переходным моментом, когда впечатлительная душа его, не столько борясь, сколько находясь в оппозиции ко всем близким и далеким, из мальчишеского упрямства и бунтарства не желала налаживать отношений в смысле видимого послушания и примерности». Конечно, дело тут не в мальчишеском упрямстве и бунтарстве 8-летнего ребенка, бывшего до сих пор «скромным и послушным», а в том, что он переживал нервный перелом в связи с нервной болезнью. Начались нервные припадки.

Периоды возбуждения, раздражительности, вспыльчивости стали сменяться приступами тоски и страха смерти, причиняя новые страдания. «Тоска вошла в его жизнь с этих пор как доминирующее начало», — констатируют биографы. В 1850 г. Чайковский поступил в училище правоведения. Во время учебы состояние его здоровья не улучшилось. Приступы депрессии продолжались, а тоска была такого рода, что на это обращали внимание даже посторонние.

С этих пор приступы депрессии и страха смерти не покидали композитора всю жизнь.

В 1861 г. (21 год от роду) «психический кризис, период мучительных сомнений, отчаяния в моменты отрезвления и лихорадочной погони за удовольствиями, ревнивая самонадеянность и скрытность» — кульминационный пункт праздной эпохи существования Петра Ильича.

В 1866 г. (26 лет от роду) сильный приступ психического расстройства с галлюцинациями, страхом смерти, омертвлением конечностей.

В 1875 г. Чайковский переживает сильное нервное расстройство, вызванное различными неприятностями, причем доктора воспретили ему всякие музыкальные занятия. Болезнь выразилась в приступах возбуждения, депрессии и страха. «Острое усиление приступов болезненной тоски... проявляющейся в разочаровании в окружающих людях и в возникновении навязчивой идеи о необходимости найти исцеление в совместной жизни с любящим и понимающим все эти стремления человеком. В одиночестве — тоска по людям, при людях — тоска по одиночеству. Напряженнейшее тяготение к смене явлений, к неустойчивости, к постоянному контрасту между буйным изжиганием жизненных сил в творческом бдении и между инстинктивным опасением быть одному вне общей жизни, то есть непременно сжигать себя. В Москве — тоска по Италии. В Италии — по Москве» (И.Глебов «Чайковский»).

В 1877 г. с 24 сентября по 25 октября острое нервное расстройство, которое окончилось попыткой к самоубийству. Случилось это в связи с женитьбой.

Весной 1877 г. увлеченный мыслью об опере «Евгений Онегин» Чайковский получил письмо с объяснением в любви от бывшей ученицы Московской консерватории М.И.Милюковой. Прошло некоторое время, он получил второе письмо от нее с угрозой покончить с собой.

«В моей голове все это соединилось с представлением о Татьяне, а я сам, казалось мне, поступал несравненно хуже Онегина и искренне возмущался на себя за свое бессердечное отношение к полюбившей меня девушке», — рассказывал Петр Ильич. Чайковский свиделся с Милюковой. Тронутый ее преданностью, он был окончательно смущен. Через некоторое время композитор заявил, что любви к ней не чувствует и не почувствует, но если, несмотря на это, она пожелает выйти за него, он готов жениться. Она, по-видимому, согласилась. Все это он упорно держал в тайне от всех своих друзей.

Май и июнь, ввиду отъезда Милюковой, Чайковский продолжал сочинять «Евгения Онегина». Милюкова вернулась, известила Чайковского, он приехал

в Москву, и 6 июля они обвенчались. На лето Петр Ильич уехал к сестре в Каменку, где продолжал работать. Осенью, вернувшись в Москву, он нашел уже новую квартиру, устроенную его женой.

Но тут вскоре Чайковский заболевает психически. Приступ тоски и отчаяния привел к решению свести счеты с жизнью. Однажды поздно вечером он пошел на пустынный берег Москвы-реки и «...ником в темноте невидимый, вошел в воду почти по пояс и оставался там так долго, как только мог выдержать ломоту в теле от холода». Чувствуя себя больным, Чайковский по телеграмме, присланной по его же просьбе из Петербурга, выехал туда. По совету психиатра, один из братьев вскоре увез его за границу.

Особенно тяжелыми для Чайковского были приступы страха смерти, причинявшие тяжелые страдания. Приступы, как уже отмечалось, начались в детстве, повторялись в училище правоведения и со временем приобрели доминирующее начало в психике гениального человека. Время от времени приступы проявлялись довольно остро (1861, 1866), сопровождалась галлюцинациями. О характере галлюцинаций композитор ничего не рассказывал.

В 1893 г., во время летней поездки в Лондон, Чайковский в очередном приступе тоски и страха пишет своему племяннику: «Я страдаю не только от тоски, не поддающейся выражению словом (в моей новой симметрии есть одно место, которое, кажется, хорошо ее выражает), но и от ненависти к чужим людям, от какого-то неопределенного страха и еще черт знает от чего. Физически это состояние выражается в боли в нижней части живота и в ноющей боли и слабости в ногах».

По поводу этих данных напрашивается следующее заключение.

Чайковский принадлежал к семье, где была конституционная склонность к эпилептоидным припадкам (дед и дядя были подвержены припадкам). Сам Петр Ильич страдал припадками с потерей сознания. Эти расстройства всегда были связаны с сильными душевными возбуждениями и эффективностью. Такие припадки нельзя отнести к чисто истерическим, ибо проявлялись и другие симптомы, указывающие на аффект-эпилептическую патологию: патологические приступы страха, преследовавшие композитора всю жизнь; связь аффекта с припадком; состояния, похожие на сумеречные; приступы экзотических состояний.

Вообще все особенности болезни Чайковского напоминают больше аффект-эпилептическую картину, где истерические симптомы смешиваются с эпилептическими, а не являются самостоятельным комплексом.

* * *

Э.По

Известно, что Эдгар По происходил из старинного рода, представители которого всегда отличались эксцентричностью и легко возбудимой психикой. Сам поэт характеризует себя как потомка людей, издревле не расстававшихся с возможностью горячить до бесконечности свое воображение, благо для этого каждый из них имел непомерный эмоциональный заряд. О каких-либо определенных душевных заболеваниях среди его родных сведений не сохранилось.

Отец По представлял собой дегенеративный тип с неуживчивым характером, вел бродячий образ жизни и рано умер от туберкулеза. Писатель характеризует своих родителей как людей слабовольных и, кроме того, страдающих «теми же наследственными недостатками».

Внешность самого Эдгара По также была отмечена явными чертами дегенерации. Громадный лоб с известными уклонами в строении черепа напоминал о перенесенном мозговом недуге. Выпуклые блестящие глаза на асимметричном лице странно контрастировали с головой гидроцефала. Зрачки этих необычных глаз были не только невероятной ширины, но создавалось впечатление, будто они все время расширялись.

Ребенком По отличался чересчур ранним развитием и считался вундеркиндом. Выделялся он также среди сверстников необыкновенной возбудимостью, аффективностью, «страстностью» и упрямством.

Относительно своего раннего детства поэт говорил о себе так: «Я пришел к заключению, что мое раннее развитие большей частью необычайно. Да! Даже болезненно». Когда началась эта болезнь, точно неизвестно. По-видимому, проявление начальной симптоматики совпало с периодом полового созревания. Во время учебы в высшей школе начался первый приступ депрессии. Такие приступы упадка сил и настроения затем повторялись всю его жизнь. И эти спады совершенно не зависели от внешних обстоятельств (хотя окружающие всегда находили объяснение причин внезапной меланхолии во внешних обстоятельствах жизни писателя).

Что это так, доказывал, например, приступ, пережитый Эдгаром По в конце 1835 г., когда вроде бы никаких внешних оснований для депрессии не было. И все-таки он пишет своему приятелю Кеннеди: «...мне часто представляется так, что никакой радости и никакого удовлетворения не мыслится для меня на этом свете, что такое — невозможно; я действительно достоин сожаления, я страдаю от такой разбитости, хуже какой я никогда не переживал. Напрасно я пробовал против этой меланхолии бороться. Мне тяжело и не знаю, отчего».

В ответ на это письмо Кеннеди удивляется, что депрессия гения случилась тогда именно, когда началась его блестящая слава и наконец появилось материальное благополучие. В своих признаниях о болезни поэт часто произносит слово «меланхолия». В эти периоды он не мог ничего создавать. Периоды депрессии у него сменялись периодами повышенного настроения, когда и создавались самые значительные произведения. Вследствие таких колебаний в настроении Эдгар По производил впечатление человека тяжелого, с которым трудно иметь дело и кто постоянно провоцирует ссоры.

Помимо симптомов общего психоэмоционального расстройства Эдгар По страдал эпилептическими припадками. Поэт сам мастерски описывал эти приступы со всеми про- и постэпилептическими проявлениями. В «Мнимом покойнике» он описывает начало припадка: «...началась тошнота, меня охватило онемение в руках и ногах, во всех частях туловища. Меня охватила дрожь, затем началось головокружение, и вдруг я падаю, как сноп... После состояния полной бессознательности следовало слабое возвращение сознания. Я чувствую состояние неподвижности, чувство острой боли, которое переносится апатично. Никакой боязни, никаких надежд, никаких движений. Затем после некоторого промежутка наступает шум в ушах. После — колючие ощущения, напряжения в руках и ногах, затем бесконечно длящееся состояние приятного покоя. Наконец, я внезапно прихожу в себя, веки подергиваются, несколько минут продолжается состояние спутанности и непонимания, пока мысли и воспоминания опять полностью не возвращаются».

Этим припадкам предшествуют часто экстатические переживания ауры, переживания необычайного чувства счастья. Или же эти состояния происходят взамен припадка (эквивалент).

Внезапно он начинает как бы чувствовать сокровенные тайны существования. Вдруг освещаются молниеносно самые недоступные области, куда еще человеческая мысль не проникала. Часто всплывает чувство, что все это поэт уже давно пережил и что он чувствует связь с прошлыми тысячелетиями.

Эдгар По обозначает эти ощущения, как «туманные видения, странные, спутанные, сгущенные представления из времен, когда его память еще не получила свое существование».

У Эдгара По отмечаются аффективность и раздражительность эпилептического характера. Аффективность послужила причиной того, что он так и не смог ужиться со своими близкими и часто расходился с ними.

Приступы сумеречного состояния также не оставляли поэта.

В состоянии тяжелого сумеречного состояния проходила его поездка в Грецию, а позже, когда он оказался в Петербурге, это состояние прекратилось. Наиболее тяжелым симптомом его эпилептического характера были периодические приступы запоя (дипсомания). Такие приступы начались у знаменитости довольно рано. При этом следует учесть следующее обстоятельство: указанную дипсоманию надо рассматривать как результат эпилептического заболевания, а не наоборот. Эпилепсия — не есть следствие его алкоголизма (как можно было бы предположить).

Доказательством того, что приступы дипсомании были следствием эпилепсии (по мнению Ф.Пробста), является то обстоятельство, что перед дипсоманией у Эдгара По наступали ауральные и экстатические приступы, во время которых он развивал необычайную творческую активность. И создание большинства его замечательных произведений всегда происходило перед этими кризисами.

Так были, например, созданы его «Падение дома Ашеров», «Бочонок Амонтильядо» и другие произведения. И вполне естественно, что алкоголизм Эдгара По умножал и усложнял основную болезнь новыми симптомами: галлюцинациями и делириозными состояниями.

Произведения Эдгара По проникнуты всеми этими симптомами. Большинство из них построено на сыпучих и туманных фундаментах иллюзий, видений, фантазий. Отсюда и картина эпилепсии этой гениальной личности вырисовывается как аффективная форма данной болезни.

Чрезвычайно эксталичная и аффективная неуравновешенная натура Эдгара По, преследующие его приступы страха, сумеречных состояний, дипсомании и прочие симптомы уверяют в справедливости этой диагностики.

* * *

Д.Н.Г.Байрон

Как отмечалось, род Байронов изобилует людьми с неуравновешенной психикой. Со стороны отца: прадед был импульсивный и ненормальный человек; брат деда отличался таким же сумасбродным характером.

Он бил жену, тиранил слуг, а на своих крестьян нагонял такой ужас, что казался им воплощением дьявола. В минуты успокоения тиран впадал в другую крайность — целыми часами забавлялся, как дитя, игрушками! Для него делали маленькие кораблики с миниатюрными пушками, и он пускал их в пруд, играя в морские сражения.

Бабушка поэта была психически больной женщиной, мучила всех окружающих. Отец отличался крайне развратным поведением и допускал такие нравственные отклонения, что сын не без основания считал его помешанным.

По материнской линии: дед — душевнобольной, покончил жизнь самоубийством (повесился). Мать — психически ненормальная особа, сын нередко называл ее фурией. «Моя милая Алект (имя одной из греческих фурий), — писал 18-летний Байрон, — начинает чувствовать последствия своего безумия. Говорю серьезно, я очень обязан Вашей матери (письмо адресовано одному из друзей поэта) и всей Вашей семье, в том числе и Вам, что Вы помогли мне укрыться от мистрисс Байрон-фурии». Мистрисс так и умерла во время припадка бешенства. Невольным виновником этого печального происшествия оказался обойщик, представивший ей чересчур внушительный счет.

Кузина — Мэри Чеворт — известна как душевнобольная.

Дочь поэта Аллегра, она, по-видимому, также была ненормальной. Биограф говорит про нее: «...она удивляла мечтательностью и своими радостно-мистическими снами наяву».

От рождения у Байрона одна нога была короче другой, отчего поэт остался на всю жизнь хромым. С раннего детства у гения обнаружилась повышенная нервность и вспыльчивость, доходившая до крайнего возбуждения, гнева и бешенства по поводу самых ничтожных причин. Во время таких приступов аффективности он часто рвал на себе одежду, а однажды во время подобного приступа у него с трудом вырвали из руки нож. Иногда приступы заканчивались обмороком или эпилептическим припадком.

Всякое сильное волнение вызывало у Байрона обморок или эпилептический припадок. Когда в первый раз наставник произнес его имя в Кембриджском университете, то от волнения он не мог произнести ни слова и упал в обморок. А первый судорожный припадок случился в шестнадцатилетнем возрасте. Затем произошел известный припадок в театре во время представления пьесы Альфieri «Мирра». Особенно часто Байрон страдал от припадков во время своих греческих походов и военных походов.

Приступы и обострения эпилептических (или эпилептоидных) симптомов возникали на фоне нравственных потрясений и неприятностей. Так, например, когда уже было объявлено решение о походе части отряда для взятия крепости Лепанто (во время греческого восстания в 1824 г.), телохранители Байрона и его самые надежные сподвижники (воины-сулюты) отказались выполнять приказ. Это обстоятельство так повлияло на поэта, что вызвало сильнейший

на его памяти эпилептический припадок.

Джордж Ноэл Гордон Байрон по своему характеру был эпилептоидной психопатической личностью. За этот взрывной и непредсказуемый «стиль» поведения считался современниками и даже врачами «сумасшедшим и опасным для окружающих». У него отмечались резкие переходы от аффекта и вспышки гнева к угнетению и ипохондрии. Резкие смены настроения делали его невозможным в общении человеком. Скандалы, авантюры, любовные похождения, разврат, азартная игра, алкоголизм, наркотики — все это переполняло буйную жизнь знаменитости.

По словам Ломброзо, Байрон был подвержен галлюцинациям. Все эти данные указывают на одержимость аффективной эпилепсией, ибо припадки всегда были связаны с переживаниями неприятного характера, с того или иного рода аффективностью. Все другие симптомы только подтверждают это.

* * *

Г.Флобер

В наследственности Флобера заметно напряжение в сфере психической активности ближайших родственников. Отец был одержим аффективно вспыльчивым характером. Из-за этой вспыльчивости между сыном и отцом происходили частые ссоры и неприятности. Мать была подвержена галлюцинациям вследствие каких-то приступов нервно-психического заболевания. Старший брат — Ахилл — болел непонятной психической болезнью.

Когда Флобер посетил в 1877 г. дом своих родителей, то нашел брата в таком состоянии: «...мой брат (вспоминает писатель) ничего не говорил, он впал в тяжелую меланхолию вследствие серьезного нервного расстройства. Словом, он, по моему мнению, опасно заболел».

Вообще род Флоберов отличается психопатической отягченностью. С детства сам писатель страдал эпилептическими припадками. Первый припадок с ним случился в 1843 г. во время поездки с братом Ахиллом.

В раннем возрасте он был подвержен всевозможным фобиям (боязнь темноты, закрытых пространств, одиночества). Отмечались также галлюцинации. Приступы исступления и патологического аффекта были настолько сильны, что Флобер в эти моменты делался агрессивным. Часто такой приступ переходил в форменный эпилептический припадок. Зачастую эффективность вызывалась пустячной причиной. Кроме того, беспокоили приступы будто бы «астмы», «ревматизма», отмечались моменты неукротимой рвоты.

О том, какими тяжелыми эпилептическими припадками (часто повторявшимися) страдал Флобер, оставил наглядные описания его друг Максим де Ками. Они дают ясное представление об отдельных симптомах, характерных для припадков: судорожных явлениях, расстройствах сознания, обманах чувств.

«Еще до того, как ему минуло 22 года от роду (пишет Ками), Гюстав заболел тяжелым недугом, который в известном смысле приковал его к постели. Эта же болезнь обуславливала в нем те странности, которые часто приводили его поверхностных знакомых в неожиданное удивление.

Наблюдался тот ... невроз, та падучая болезнь, которая схватывала его и повергала в падение. Часто я в бессилии и растерянности принужден был присутствовать при этих ужасных припадках. Они всегда наступали одинаково и протекали с одинаковыми сопровождающимися явлениями.

Гюстав внезапно, без всякой видимой причины поднимал голову и делался совершенно бледным; он чувствовал ауру... его взгляд был полон страха... он говорит, в левом глазу у него пламя... Несколько секунд спустя у него пламя уже в правом глазу: все блестит, как золото.

Это своеобразное состояние иногда длилось несколько минут. Затем его лицо делалось еще бледнее и получало выражение отчаяния; быстро он идет и бросается в свою кровать, и ложится, почерневший и печальный, как будто он живой ложится в гроб. Затем он кричит: «Я держу вожжи... Здесь извозчик... Я слышу колокольчик!.. О, я вижу фонарь от гостиницы!..», — а затем он издает такой душераздирающий крик, что остается долго в моих ушах, и начинаются судороги. После этого пароксизма судорог, которые охватывали все его тело, всегда следовал глубокий сон и несколько дней разбитости». Из данного отрывка вырисовывается характерная картина эпилептического припадка, которому предшествуют предвестники, затем неизбежное вскрикивание, судороги всего тела, а после исхода активной фазы — глубокий сон и период разбитости.

Сам Флобер так воспроизводит свои переживания: «Каждый припадок представляет как бы в некотором роде произвольные излияния семени художественных способностей мозга; сотни тысяч образов вспыхивают при этом сразу, подобно фейерверку».

Характерно отметить аффективный склад психики Флобера и вместе с этой аффективностью связанные припадки. В таких припадках, как и во всей сущности наблюдаемого патологического явления, комплекс эпилептических элементов как бы перепутан с комплексом истерическим, что еще более индивидуализирует эффект.

* * *

Ф.М.Достоевский

Весь род Достоевских по отцу представляет ярко выраженную психопатическую семью, о чем упоминалось ранее. Сам Достоевский о своих эпилептических припадках говорил следующее:

«Мои нервы расстроены с юности. Еще за два года до Сибири, во время разных моих литературных неприятностей и ссор у меня открылась какая-то странная и невыносимо мучительная нервная болезнь. Рассказать я не могу об этих отвратительных ощущениях, но живо их помню: мне часто казалось, что я умираю, ну вот, право, настоящая смерть приходила и потом уходила. Я боялся тоже летаргического сна. И странно — как только я был арестован, — вдруг вся эта моя отвратительная болезнь прошла. Ни в пути, ни в каторге, в Сибири, и никогда потом я ее не испытывал — я вдруг стал бодр, крепок, свеж, спокоен...

Но во время каторги со мной случился первый припадок падучей — с тех пор она меня не покидает. Все, что было со мной до этого первого припадка, каждый малейший случай из моей жизни, каждое лицо, mhos: встреченное, все, что я читал, слышал, — я помню до мельчайших подробностей. Все, что началось после первого припадка, я очень часто забываю, иногда забываю совсем людей, которых знал совсем хорошо, забываю лица. Забыл все, что написал после каторги. Когда дописывал «Бесов», то должен был перечитывать все сначала, потому что перезабыл даже имена действующих лиц».

По свидетельствам известного русского писателя Д. В. Григоровича и первого биографа Ф.М.Достоевского, философа-публициста Н. Н. Страхова, припадки были раз в месяц в среднем, а иногда и чаще: до двух припадков в неделю.

Их частота зависела от внешних условий. Если Достоевский жил сносно и не волновался, то припадки прекращались на много месяцев.

Н.Н.Страхов в своих воспоминаниях дает описание эпилептического припадка, который он наблюдал в 1856 г., причем отмечает, что предчувствия припадка у писателя всегда были: «Поздно вечером, часов в 11. Достоевский пришел ко мне, и мы начали оживленно беседовать. Разговор касался отвлеченной темы, как вдруг Федор Михайлович впал в экстаз и стал ходить взад и вперед. Я сидел за столом и когда начинал поддакивать в репликах, Достоевский обращался ко мне лицом, причем на лице было выражение в высшей степени экзальтированного возбуждения. На момент он останавливается, как будто хочет найти недостающее ему слово, и вот он открывает рот. Я наблюдаю за ним с напряженным вниманием, так как чувствую, что он скажет что-нибудь необычайное, какое-либо откровение.

Вдруг из его рта вышел странный, протяжный и бессмысленный звук, и он без чувств опустился на пол среди комнаты. Вследствие судорог все тело только вытягивалось, но на углах губ показалась пена... «

Страхов был невольным свидетелем и других подобных состояний:

«Припадки иногда имели последствием ушибы от падения, боль мускулатуры, красноту лица, иногда выступали пятна на лице. После припадка он чувствовал себя всегда 2-3 дня разбитым, вялым, мысли не вязались, голова не работала, терял память. Душевное состояние его было очень тяжелое, он едва справлялся со своей тоской и впечатлительностью. Характер этой тоски, по его (Достоевского) словам, состоял в том, что он чувствовал себя каким-то преступником, ему казалось, что над ним тяготеет неведомая вина, великое злодейство».

В воспоминаниях П.Н.Милюкова описаны сумеречные состояния у Достоевского. Достоевский будто бы на улице, при встрече с ним, обходил знакомых, не отвечал на поклоны, а иногда относительно людей ему очень хорошо знакомых, справлялся, кто это такие. Милюков считает, что все эти случаи должны быть истолкованы не как следствие гордости и самомнения, а как следствие болезни и в большинстве случаев непосредственно после припадка.

В.С.Соловьев (русский религиозный философ и поэт) так рассказывает о состоянии Достоевского после припадка: «Но он бывал иногда совершенно невозможным после припадка. Его нервы оказывались до того потрясенными, что он делался совсем невменяемым в своей раздражительности и странностях.

Придет он, бывало, ко мне, войдет, как черная туча, иногда даже забудет поздороваться и, изыскивая всякие предлоги, чтобы побраниться, чтоб обидеть, и во всем видит себе обиду, желание дразнить и раздражать его... Все-то ему кажется не на месте и совсем не так, как нужно, то слишком светло в комнате, то так темно, что никого разглядеть невозможно. .. Подадут ему крепкий чай, какой он всегда любил, — обижаются: ему, мол, подают пиво вместо чая; нальют слабый — это горячая вода. .. Пробуем мы шутить, рассмешить его, еще того хуже: ему кажется, что над ним смеются.

Впрочем, мне почти всегда удавалось его успокоить, нужно было исподволь навести его на какую-нибудь из любимых тем. Он мало-помалу начинал говорить, оживляться и оставалось только ему не противоречить. Через час он уже бывал в самом милом настроении духа. Только странное бледное лицо, сверкающие глаза и тяжелое дыхание указывали на болезненное состояние его. Но если случайно в подобный день он встречался с посторонними незнакомыми людьми, то дело осложнялось...

В сношениях с живыми людьми болезненное состояние Достоевского часто сказывалось безмерной раздражительностью, почти невероятными и непонятными вспышками. Изможденное лицо, лицо сидевшего в тюрьме... фанатика, сектанта искажалось злобой и приводило в недоумение до испуга, когда он, буквально, накидывался на людей».

Из всех этих данных видно, что Достоевский страдал эпилептическими припадками, которые чаще всего наступали после волнений, аффектов, нравственных потрясений. Самый припадок сопровождался потерей сознания, гиперемией лица и общими судорогами. После припадка он ощущал боли в мышцах, забывал все, что происходило раньше (амнезия). Кроме того, он переживал типичную психическую ауру, которая воспринималась им. как «несказанное чувство счастья», «чувство близости Бога». Достоевский также переживал сумеречные состояния. Аффективность его характера и раздражительно-неуживчивое жизнепроявление отмечается всеми лицами, которые с ним так или иначе сталкивались и общались.

К патологическим симптомам болезни великого писателя следует отнести упоминавшиеся приступы патологического страха смерти, боязнь летаргического сна. Эти психологические напряжения настраивали его ко всякого рода мистическим переживаниям, суевериям и прочим так называемым «загадочным явлениям». Современники, знавшие лично Достоевского, отмечают, что часто речь его была настоящим экстазом, напоминающим то, что описано на вечере у Епанчиных (роман «Идиот»), где князь Мышкин кончил эпилептическим припадком. Очень образно о подобных ситуациях вспоминает Стахеев:

«Сижу, бывало, слушаю, как он, не умолкая, говорит в продолжение, целого вечера, и со страхом думаю, что вот-вот он сейчас с ума сойдет, так возбуждена была его речь, и так быстро, сам того не замечая, он перескакивал с одного предмета на другой; и это оканчивалось иногда припадком».

Такой экстаз характерен для аффект-эпилептика.

По словам лиц, соприкасавшихся с писателем, «экстаз этот принимал непререкаемый тон пророка и очевидца, что часто или отталкивало от него людей, или, наоборот, покоряло сердца».

Поэтому диагноз эпилепсии у Достоевского особых сомнений не вызывал. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы с анализом болезни.

Наиболее подробно обоснование аффект-эпилепсии дается в работе Л.М.Розенталя «Страдание и творчество Достоевского» (1919).

* * *

Магомет

О том, что Магомет страдал эпилептическими припадками, сопровождавшимися галлюцинациями, впервые было установлено историком Ширенгером в его работе по жизнеописанию пророка (1861).

Положения этого научного труда, основанные на тщательном изучении вопроса, давно служат авторитетным источником, которым руководствуются исследователи. А тот факт, что Магомет страдал эпилепсией, приобрел характер абсолютной достоверности.

Позднее Ширенгера, ряд авторов, как психиатров, так и других специалистов, самостоятельно пришли к тому же заключению (Ч.Ломброзо, М.М.Ковалевский, Э.Гиббон и др.). Так, английский историк Эдуард Гиббон в своих материалах отмечал, что случаи падучей болезни у Магомета подтверждены свидетельствами Феофана Гопора и других древнегреческих писателей.

Конечно, установление факта заболевания Магомета не обошлось без дискуссий. Спор касался не столько самого факта существования припадков (в этом никто не сомневался), сколько характера припадков.

Некоторые были склонны утверждать, что эти припадки имели не эпилептический, а истерический характер, на том основании, что будь Магомет эпилептиком, он был бы подвержен эпилептическому слабоумию. Магомет же проявлял себя человеком с незаурядными и гениальными способностями, что противоречит, по их мнению, наличию эпилепсии.

Впрочем, такого рода возражение (относившееся, кстати, и к другим эпилептикам, великим и замечательным людям) могло иметь вес и значение лишь в ту эпоху, когда под «эпилепсией» исключительно подразумевали генуинную форму этой болезни, имеющую прогрессивный характер течения и неизбежно ведущую к слабоумию. После того как Крепелин и Братц клинически выделили, как особую форму, аффективную эпилепсию, без прогрессивного течения с исходом в слабоумие и с обязательным истерическим компонентом в симптомокомплексе, накал спора несколько ослабел. Рассуждать стали о вариантах, в которых преобладал эпилептический либо истерический компонент одной и той же болезни. У Магомета, по описанию его древнейшего биографа (Ibn Ishak), клиническая картина заболевания выглядела следующим образом:

«Магомета лечили от дурных наваждений еще в Мекке, еще до того времени, когда явилось ему откровение Корана. Когда откровение Корана к нему снизошло, он имел те же припадки, которые были у него и раньше.

Еще раньше у него появлялось нечто вроде обморочного состояния после сильных судорог; глаза при этом закрывались, лицо покрывалось пеной, и он вскрикивал так, как вскрикивает молодой верблюд». Во время такого приступа будто он однажды упал так стремительно и сильно на колени Заиды, что тот опасался, как бы тот не сломал ему колени.

Таким образом, из описания припадков можно заключить, что пророка лечили еще до «откровения» Корана от «наваждения» (этим термином подтверждается отношение древних к падучей, как к «порче»). Припадки продолжались и после появления «откровения»:

«Часто, когда припадок получал откровение, казалось, что отнимали у него его душу. И тут всегда с ним случалось какое-то обморочное состояние, и он выглядел, как опьяненный, губы же шевелились, будто он говорил».

Припадкам этим предшествовали (или сопровождали их) экстатические, галлюцинаторные и сноподобно-делириозные переживания. Патологические переживания и являлись источником «откровений» Магомета, которые затем украшали Коран и вообще все его религиозное учение.

Интересен рассказ Ширенгера о том, как Магомет получил первое откровение:

«В это время он почувствовал любовь к уединению и жил совершенно один в пещере на горе Хира, где проводил дни и ночи в молитве и религиозных размышлениях, и возвращался домой только за пищей, которую брал с собою на несколько дней; так продолжалось до тех пор, пока он не получил откровения.

В пещере Хира ангел явился ему и сказал: «Читай», — он ответил, что никогда не учился читать. «Ангел, — говорит Магомет, — схватил меня и так сжал, что я лишился сил, затем оставил меня и сказал опять: «Читай»; я ответил: «Я никогда не буду читать».

Так дважды ангел повторял свое требование и получил один и тот же ответ; за третьим разом ангел сказал: «Читай во имя Господа, сотворившего тебя. Он сотворил людей из крови, читай. Господь есть величайший учитель, Он научил человека Писанию, чего тот не знал».

Дрожа от испуга, пророк вернулся домой и сказал: «Хатиджа, покрой меня», — она укрыла его. Когда дрожь пропала, он сказал жене: «О, Хатиджа, что случилось со мной», — и рассказал все, что произошло с ним, прибавляя: «Я боюсь за себя».

Согласно другому источнику, первое откровение Магомета состояло в том, что пророк видел везде один и тот же образ, куда бы он ни обратил свой взгляд.

Еще один вариант: Магомет только слышал голос, взывающий: «Магомет, Магомет!» Когда же он, осмотревшись, ничего не увидел, то убежал к жене и сказал ей, что боится быть зачарованным и сойти с ума.

Предание говорит также, что во время прогулок Магомета в окрестностях Мекки каждый камень и каждое дерево встречали его следующими словами: «Благо тебе, посланник Бога». Он останавливался, осматривался, но никого, кроме деревьев и камней, не было. Магомет слышал эти слова все время, пока «Богу угодно было оставлять его в таком настроении». «Наконец явился ему архангел Гавриил и возвестил, что он, Магомет, посылается Богом на гору Хира».

Согласно некоторым жизнеописаниям, после первого явления архангела Магомету долго не было никаких откровений, и он был настолько смущен этим, что ходил то на гору Шабир, то на гору Хира с намерением броситься с высоты в пропасть. Наконец, на горе Хира пророк услышал голос с неба. Магомет стоял на горе, как вкопанный, слушая вещи звуки, и, обратясь в ту сторону, откуда они неслись, увидел Гавриила, сидящего между небом и землею на троне со скрещенными ногами. Архангел сказал: «Магомет, ты воистину посланник Бога, а я — архангел Гавриил». «Теперь, — гласит жизнеописание, — Господь образовал сердце его и преисполнил храбрости: с этого момента начался целый ряд откровений».

По другим свидетельствам, на вопрос, как он получил вдохновение, Магомет отвечает: «Вдохновение нисходило на меня двумя способами: иногда Гавриил являлся мне и открывал истины просто, как это делает один человек другому, — это было для меня легко; в другой раз откровения, как звон колокола, проникали непосредственно мне в сердце, как бы разрывая меня на части, — что для меня было очень тяжело».

«Айше (его любимая вторая жена) говорит, что она видела лоб Магомета во время восприятия откровений всегда покрытым каплями пота, хотя был и холодный день. Отоман, однажды разговаривая с ним, ясно видел, с каким вниманием тот относился к разговору; вдруг Магомет взглянул направо, повернул туда же голову и как будто что-то шептал; спустя некоторое время он обратил свой взор на небо, повернул голову налево, а затем опять обратился к Отоману, лицо его было покрыто потом. Отоман спросил, что с ним случилось, на это Магомет ответил ему стихом из Корана, который только что получил в откровении».

Все эти данные говорят о том, что Магомет был подвержен галлюцинациям слуха и зрения. Появление галлюцинаций совпадало с периодом учащения припадков, когда пророк был занят глубокими религиозными размышлениями

и находился в таком сильном возбуждении, что принимал собственные болезненные иллюзии за «видения», посланные Богом. Возвышенные убеждения подерживали в нем жена Хатиджа и родственники. Таким образом, под влиянием галлюцинаций начиналась великая религиозная миссия.

Трудно определить характер психических расстройств у Магомета в последние двадцать лет жизни, но есть основания предполагать, что они сделались менее часты после бегства его в Медину. Однако после того как он уверовал, что получает непосредственно откровения от Бога, когда этому поверили и другие, Магомет начал смотреть на свои сновидения, галлюцинации и импульсы собственных мыслей, как на знамение избрания его посланником Аллаха.

Яркое и образное многомыслие учения пророка, рожденное фантазией нестандартной субъективной реальности, быстро сокрушало все препятствия и оппозиции, широко распространялось среди миллионов мусульман, фанатично воспринимавших мудрость новой религии. Казалось будто кто-то стоял за Магометом, направляя поток галлюцинаций или бред и делая их способными производить неотразимое впечатление «откровения».

Вся клиническая картина патологических состояний Магомета со всеми симптомами, компонентами и комплексами говорит в пользу психогенного характера заболевания и более всего сходна с аффективной эпилепсией. А повышено эмотивные и экстатические переживания, которые констатировались в моменты приступов «откровения», вполне увязываются с его припадками.

* * *

Платэн

Немецкий поэт Платэн, страдавший от эпилептических припадков, описывал в своем дневнике (1827) эти состояния: «Моя нервная система, которая и так не была совсем здоровой, стала слабеть и расстраиваться вследствие того, что здесь климат такой, протекающий без зимы, а, может быть, также вследствие частого потребления вина и кофе. На третий день этого месяца, еще до вечера, со мной случился форменный конвульсивный нервный припадок. Мы вышли с приятелями из музея, где осматривали фрески известных немецких художников, и продолжали на улице горячий спор, как вдруг я потерял сознание и грохнулся на землю. Меня привезли в экипаже домой, и только там я, наконец, пришел в себя. В продолжение нескольких дней после этого случая я впал в состояние безграничной меланхолии».

Из описания случая с Платэном видна связь переживания аффекта (во время спора) с эпилептоподобным припадком.

* * *

А.Мюссэ

Ломброзо считал Мюссэ эпилептиком. Многие данные говорят в пользу этого положения и прежде всего его чрезвычайно аффективный характер. Так, по словам актрисы Аллан, близкой знакомой поэта, «...Мюссэ отличался невозможным характером, доходившим до галлюцинаций, и постоянно пил «до чертиков». Жизнь у него была самая несчастная вследствие такого характера. Хотя Мюссэ был восхитителен и казался вполне достойным своих прекрасных сочинений, но зато минуты блаженства сменялись самыми ужасными контрастами, когда он был одержим каким-то бесом жестокости, надменности, безумия, деспотизма и какой-то злобы, доходившей до мрачной экзальтации. Я удивляюсь, как он не умер уже сто тысяч раз».

Слова актрисы вполне оправдывают поведение Жорж Санд в ее известных похождениях с Альфредом Мюссэ. Аллан вследствие такого характера у поэта, после бесконечных ссор и примирений принуждена была окончательно порвать с ним всякую связь. В 1856 г. Мюссэ умер «...от тоски, отвращения к жизни и абсента» (из воспоминаний А.Додэ).

Ломброзо считал, что Мюссэ был галлюцинат и психически больной человек. Относительно судорожных припадков у знаменитого человека никаких данных нет, но он, несомненно, отличался аффективно-эпилептическим характером.

* * *

Петр Великий

К числу аффект-эпилептиков следует также отнести и Петра Великого, который, как известно, отличался чрезвычайно аффективным характером. Приступы возбуждения, жестокости и аффекта могли доходить у него до припадка.

* * *

А.Ришелье

Страдал припадками буйства и бешенства, импульсивностью, скоро проходящей. Селли говорил, что у него «...сумасшествие имеет характер внезапных и скоро проходящих припадков бешенства».

Ломброзо уверял, что болезнь Ришелье — «психическая эпилепсия».

По словам биографов, великий человек был подвержен каким-то судорожным припадкам, которые, несомненно, были эпилептическими припадками, что подтверждается клинической картиной болезни.

Страдал он в юности и жестокими головными болями, был очень худощав, имел болезненно-бледный вид, всю жизнь его беспокоили «мучительные нарывы», непонятная «лихорадка», «ревматизм», «каменная болезнь».

Другие симптомы эпилепсии проявлялись приступами сумеречного состояния с галлюцинациями эпилептического автоматизма, во время которых он воображал себя лошадью и с громким ржанием бегал вокруг бильярда. В таких случаях приходилось силой укладывать его в постель.

Психический и нравственный облик Ришелье рисуется в непривлекательном виде даже его поклонниками, врачи же единодушно называли кардинала чудовищем. Его жестокость и мстительность доходили до крайности, впрочем, так же, как его доброта и мягкость. Честолюбие и властолюбие духовного авторитета не знали пределов. Несмотря на исключительную силу воли, Ришелье временами был очень слезлив, мог 15 раз в день расплакаться по пустякам, не забывая при этом продемонстрировать свои сценические способности (истерическое позирование). Был одержим припадками «мрачной меланхолии».

Несомненно, все, что вырисовывается на основании этих данных из клинической картины болезни Ришелье, говорит в пользу аффективной формы эпилепсии.

* * *

Г.Ю.Цезарь

Как известно, Гай Юлий Цезарь был также подвержен эпилептическим припадкам, о чем авторитетно поведал Светоний. У Цезаря в конце жизни случались внезапные обмороки, он пугался во сне, а в период усиленных занятий его дважды потрясли эпилептические припадки. Плутарх в жизнеописании этого великого исторического деятеля отмечал припадок у Цезаря во время битвы при Тансе. Правда, подробностей о случившемся источник не приводит, но если вспомнить аффективность гения, его деспотический, разгульный характер и ту жизнь, которую он вел (впоследствии даже привыкшая ко всему элита Древнего Рима сравнивала жизнь Гая Юлия Цезаря с жизнью безумного Калигулы), то надо думать, что более всего властитель полумира был похож на аффект-эпилептика.

Интерес представляет также ряд случаев эпилептических и эпилептоидных припадков, когда оставался открытым вопрос о роли аффект-эпилептической конституции в их возникновении.

В той или иной форме эти расстройства констатировались, но истоки манифестных форм патологии глубоко не исследовались.

* * *

Н.П.Огарев

О том, что Николай Павлович Огарев (русский поэт, публицист и революционер, друг А.И.Герцена) страдал эпилептическими припадками, свидетельствует в своих воспоминаниях жена Достоевского — А.Г.Достоевская:

«Огарев, тогда уже глубокий старик, особенно подружился со мной, был очень приветлив и, к моему удивлению, обращался со мной, как с девочкой, какую я, впрочем, тогда и была.

К нашему большому сожалению, месяца через три посещения этого доброго, хорошего человека прекратились.

С ним случилось несчастье: возвращаясь к себе на виллу за город, Огарев, в припадке падучей болезни, упал в придорожную канаву и при падении сломал ногу. Так как это случилось в сумерки, а дорога была пустынной, бедный Огарев, пролежав в канаве до утра, жестоко простудился. Друзья его увезли лечиться в Италию, и мы, таким образом, потеряли единственного в Женеве знакомого, с которым было приятно встретиться и побеседовать».

* * *

Данте Алигьери

Ломброзо в своей работе «Невроз у Данте и МикельАнджело» утверждает, что Данте Алигьери страдал эпилептическими припадками. Так, в «Божественной комедии» автор многократно описывает собственные припадки с потерей сознания и падениями (Ломброзо цитирует соответствующие места).

Много примеров приступов сомнабулизма встречается в «Чистилище», а приступов экстаза — в «Потерянном рае».

* * *

Ч.Диккенс

Страдал головокружениями с потерей памяти, эти припадки Ломброзо определяет как эпилептические.

* * *

Д.Ч.Мальборо

(английский государственный деятель и полководец, герцог)

Был подвержен головокружениям и припадкам, похожим на эпилептические, которые сопровождались конвульсиями.

* * *

Б.Дизраэли, граф Биконсфилд

Еще в юношестве стали беспокоить приступы головокружения. Одно из расстройств было настолько сильным, что длилось целую неделю. Врачи посоветовали ему отправиться в путешествие, но вояж не принес исцеления.

Интенсивность приступов головокружения нарастала, а некоторые из них походили на эпилептические припадки.

* * *

Осмисливая фактологию последнего случая, можно осторожно закрыть этот «ящик Пандоры» и перейти к изложению авторского мнения (с последующими выводами, моралью и т.п.).

Четкая собственная позиция очень желательна, ибо история вопроса переполнена всякими мнениями.

Еще в старину считали, что в каждом творческом акте есть доля безумия. О парадоксах такого рода говорил Аристотель, приводя примеры мизантропии, меланхолии и помешательства среди знаменитых поэтов, художников, политиков.

По мнению Платона: «...бред совсем не есть болезнь, а, напротив, величайшее из благ, даруемых нам богами. Под влиянием бреда дельфийские и додонские прорицательницы оказали тысячи услуг гражданам Греции, тогда как в обыкновенном состоянии они приносили мало пользы, или же совсем оказывались бесполезными.

Много раз случалось, что когда боги посылали народам эпидемии, то кто-нибудь из смертных впадал в священный бред и, делаясь под влиянием его пророком, указывал лекарство против этих болезней.

Особый род бреда, возбуждаемого музами, вызывает в простой и непорочной душе человека способность выражать в прекрасной поэтической форме подвиги героев, что содействует просвещению будущих поколений».

Желание увидеть в болезни творческий момент подвигло многие школы исследователей на поиски каких-то закономерных связей и параллелей.

Особенно категоричным был Ломброзо. Его живой ум, интересовавшийся разными областями медицины и психологии, увлекся настойчивым сближением противоположных понятий и привел мыслителя к выводу об идентичности гения с безумием. Однако в конце концов такое мнение признали крайним, хотя связь одаренности с душевными заболеваниями — тема давняя и при каждом новом подходе к проблеме продолжает пробуждать интерес.

Так, еще совсем недавно авторитетные ученые высказывались, что экспрессионизм в живописи отражает признаки психического расстройства у художников этого стиля. Здесь самую постановку вопроса следует считать неправильной. Ведь вопрос об оценке произведений решает их качественная сторона как таковая, а не то или иное состояние здоровья автора.

«Что нам до того, что Антуан Ватто (французский живописец) жил на чердаке и был туберкулезным? Не эти обстоятельства решают вопрос о стоимости его картин», — писал П.И.Карпов в своем труде «Творчество душевнобольных».

Мнение авторов данной главы (и книги) в отношении клинического влияния на творчество также однозначно: душевная болезнь в своем манифестном выражении не стимулирует положительного качества.

В случае с Врубелем четко прослеживался исход «мятежного духа» из жизни при нарастании расстройств психического здоровья. И если на пути регресса имели место оригинальные решения, сообщавшие полотнам выразительную неотразимость, то в этом заслуга колоссальных эмоций у гениально-го художника, которые время от времени брали верх над болезнью.

Пример Ван Гога достаточно убедителен в том, что никакие временные экзогенные расстройства не вносят принципиальных сдвигов в творческий процесс. Он изменяется под влиянием болезни, вырастающей из самой личности. И, несмотря на качественные метаморфозы в отдельные периоды жизни, общей тенденцией болезни является разрушение.

Сам великий мастер никогда не связывал свое вдохновение с болезнью. Он был какое-то время не великим больным, а и больным, и великим.

Ну а что касается обострений шизофрении, эпилептических припадков, то их влияние куда уж показательней. Достаточно вспомнить случай с Наполеоном Бонапартом, когда гениальный полководец просто-напросто проспал свою судьбу в битве под Дрезденом.

В протуберанцах клиники фонтан творческой активности начинает по-настоящему иссякать, потому что выраженная психическая болезнь — это беда гения и «черная дыра» его творчества.

ПАТОГРАФИИ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

Содержание сознания каждого человека, то есть то, как он принимает окружающий мир, как относится к нему, к чему стремится и чем руководствуется в своем поведении, — все это зависит от его жизнедеятельности.

Поэтому результативность изучения личности, в том числе и гениальной, в любом аспекте будет тем выше, чем полнее предстанет перед нами жизнь субъекта.

И патографические материалы с описанием жизненных коллизий великих людей, обусловленных патологическими отклонениями у них (интересны все наблюдения, будь то парадоксы генетических стихий или идиомы предыходных состояний), имеют в этом плане огромную ценность.

Поскольку патографические данные поступали из самых различных источников, зачастую разбеденных различными эпохами, они, естественно, не могли быть строго адаптированы к определенной системе понятий.

Но каждый факт из патографических анналов гениального и одаренного человека сам по себе достаточно уникален. Исследователя должна заинтересовать любая подробность из жизни знаменитости.

Пока еще нет универсальной науки о соотношении физического (телесного) и психического (душевного) мира, творческий поиск в области психологии личности идет в разных направлениях, а эмпирические и умозрительные построения нередко являются не столько показателем успеха, сколько индикатором кризиса определенной научной доктрины. И тем не менее патографические материалы должны накапливаться, ибо всегда остаются фундаментальной базой исследований.

В динамике (развитии) гениальной и одаренной личности привлекает внимание все: и биотрансформация изначально заложенных в глубинах психики инстинктов, и автоматические реакции организма на спонтанные раздражения природных агентов, и механизм взаимодействия психики индивидуума с ментальным ареалом социальной среды.

В условиях напряженной творческой активности возрастает значение достоверной оценки преморбидных особенностей личности, особенно в тех случаях, когда у патопсихолога появляются основания сделать в своем заключении акцент на установление признаков распада психической деятельности.

В подобных случаях очень тонко и профессионально оцениваются личность и болезнь. Помимо клинической симптоматики, анализируется внутренняя картина болезни: переживания, сенситивное и интеллектуальное реагирование, осознание патологических нарушений, уровень адекватности или неадекватности эмоциональных представлений. А при изучении сложившейся у личности иерархии мотивов имеет значение каждый элемент, который влияет на устойчивость всей системы, так как без ведущих мотивов содержание деятельности лишается личностного смысла.

Таким образом, патологическое (то, что составляет суть патографического описания) очень часто, по словам И.П.Павлова, «открывает нам, разлагая и упрощая, то, что заслонено от нас в норме».

Патографические характеристики позволяют полнее раскрыть как индивидуальные свойства личности, так и личностные свойства индивида (что не одно и то же), выявить личностную направленность и влияние определенного (или неопределенного) стимульного материала.

И пусть никого не смущает своего рода «стихийность» формирования патографических «досье». Процесс отбора материалов для них не обуславливается требованиями канонических методик, за которыми кроются определенные методологические позиции. К делу приобщается любой достоверный факт, а его оценка — это задача заинтересованного исследователя.

А.С.ПУШКИН

Творчество, личность, генеалогия, особенности психической конституции величайшего гения русской культуры всегда представляли большой интерес, они и сегодня остаются наиболее привлекательной целью детального исследования и изучения с различных точек зрения. Психический образ Пушкина, впрочем, до сих пор недостаточно ясен, а многие стороны жизни поэта являются предметом разнообразных, часто противоречивых догадок и предположений различных исследователей. Достаточно ознакомиться с работами таких психиатров, как В.Ф.Чиж, И. А.Сикорский, Е.П.Каменева, Я.В.Минц, чтобы в этом убедиться.

Так, в статье «Пушкин как идеал душевного здоровья» В.Ф.Чиж стремится представить тип идеально уравновешенной, гармоничной личности.

Тем не менее биография Пушкина, а также многочисленные воспоминания современников говорят об обратном: гениальный поэт в действительности был очень далек от идеала душевного здоровья. Впечатлительный до болезненности, переходящий от подавленности к неудержимому веселью, от мягкого добродушия к аффектам гнева, мнительный и неустойчивый, он таким образом, сочетал в себе все особенности, характерные для невротического склада.

Следует отметить, что течение современной научной мысли в психиатрии предполагает принципиально иной подход к оценке личности, чем это было принято совсем недавно. Сегодня психиатрия вышла далеко за рамки, определяемые раньше какой-либо условно обозначенной конкретной формой душевного заболевания. Такой процесс познания совершенно стер грани, которыми формально отделяли болезнь от нормы, что помогло выявить связи между индивидуальными особенностями нормальных людей и казавшимися прежде бессмысленными проявлениями у душевнобольных.

Потому, если не стремиться втиснуть личность Пушкина в прокрустово ложе точного психиатрического диагноза и не строго разграничивать нормальное от патологического, вполне можно наметить элементы его психической конституции и установить их происхождение из наследственных факторов генеалогии. Изучение генеалогии поэта, кроме того, представляет и самостоятельный интерес для освещения вопроса о наследственной передаче и видоизменении психических признаков в ряду поколений, их расщеплении и комбинации у различных лиц.

Итак, поразмышляем над фактами из пушкинской родословной и их патографическим анализом.

Предполагают, что родоначальником Пушкиных был некто Радши, объявившийся на Руси еще при Александре Невском. Самое имя Пушкиных пошло от Григория Пушкина — потомка Радши в шестом поколении.

Представители рода Пушкиных получили известность с XIV века. Это были лица, занимавшие различные военные и гражданские должности, обычные для среднего дворянства. Они ничем не выделялись из средней дворянской среды, кроме военных подвигов. Психический облик бесконечной череды стольников, воевод, помещиков представляется не совсем ясным. Последним в этой цепи является Петр Петрович Пушкин, участвовавший в войне с Турцией и прославившийся своей храбростью.

Более близкие предки гения своими поступками возбудили нарастающий интерес к родословной.

Внимание любопытных привлекла такая особенность, как появление целого ряда душевнобольных и резко патологических типов наряду с неменьшим числом творчески одаренных личностей — поэтов, писателей.

Прадед поэта по отцу, Александр Петрович Пушкин, умер в заточении весьма молодым, в припадке сумасшествия он зарезал свою жену, которая находилась в родах.

Его жена, урожденная Головина, приходилась сестрой жены прапрадеда Л.Н.Толстого по матери, что связывает, таким образом, узами родства величайших гениев русской литературы.

Дед — Лев Александрович, представлял собой ярко выраженную патологическую личность, хотя и был уважаем за честность. Его военная карьера завершилась в тюрьме, куда он попал на два года за верность Петру III и отказ присягнуть Екатерине II. Пылкий, жестокий, деспотичный, с большими странностями, он из ревности замучил свою первую жену, заключив ее в домашнюю тюрьму, где она умерла на соломе. Учитель детей, склонявший ее к супружеской измене, был повешен на господском дворе.

Вторая жена, урожденная Чичерина, связала родословные Пушкина и известного писателя по юридическим и философским вопросам Б.Н.Чичерина.

От этого брака происходит дядя поэта — Василий Львович, который был поэтически одарен и пользовался славой хорошего стихотворца. Признанные литераторы имели о нем мнение как о поэте средних способностей, обладавшем скорее версификаторским, нежели художественным талантом. По характеру веселый, беспечный, легкомысленный, он во многом ради забавы пробовал свои силы в различных видах литературного творчества.

Несомненный интерес представляет личность Сергея Львовича — отца поэта, от которого были унаследованы, с одной стороны, одаренность и поэтический талант, а с другой — много психопатических черт.

Непрактичный и неумелый хозяин, неспособный вести дела в собственном имении, отец Александра Сергеевича был очень тяжелым человеком в домашней жизни. Нрав имел непостоянный: то проматывал имущество и сорил деньгами, то доходил до неимоверной скупости и мелочности. Внешне сентиментальный, с пристрастием к громким фразам, он в душе скрывал холодный эгоизм и равнодушие ко всему. В религии — ханжа; рассеянный, пассивный, но вспыльчивый: по временам бывали припадки гнева, во время которых забывался.

Барон М.А.Корф считал его человеком пустым, бестолковым и безмолвным рабом своей жены. Увлечшись религией в пожилом возрасте, он вступил в мазонскую ложу.

Вместе с тем Сергей Львович был известен по всей аристократической Москве своими каламбурами, остротами и стихами; стихотворство было его страстью. Одаренный во многих отношениях, родовитый дворянин умел себя показать в обществе: славился как интересный, живой собеседник; имел превосходную память и французский склад ума; знал всего понемножку, писал по-французски стихи и повести в стихах. Был сексуально возбужден: в глубокой старости склеротичный подагрик за несколько дней до смерти влюбился в шестнадцатилетнюю девочку и донимал ее любовными признаниями.

К поэтически одаренным родственникам следует отнести и младшего брата поэта — Льва Сергеевича, отличавшегося, впрочем, «странностями» и чудачествами. Вся жизнь он был военным, в боевых делах выказывал отвагу и храбрость, имел живой, беспечный и добродушный нрав. Дружья так характеризовали его: «...вечно весел, над всем смеется, находчив и остер в ответах; где Пушкин (Лев Сергеевич) — там весело...»

Из родовых способностей Лев Сергеевич обладал выдающейся памятью: знал наизусть все стихотворения своего знаменитого брата, которые превосходно читал. Любил и понимал литературу, сам писал стихи. К длительному умственному труду был не склонен. Умер от водянки.

Сестра — Ольга Сергеевна, отличалась, по собственным словам, созерцательным складом. Серьезная, меланхоличная, не любила шумного общества, интересовалась литературой, философией, хиромантией и спиритизмом, задумывалась над отвлеченными вопросами. Под влиянием спиритических опытов страдала галлюцинациями: видела тень умершего брата, после чего сожгла свои

рукописи и, по собственному признанию, в этот период была близка к сумасшествию. Любила литературу, писала стихи и проявляла большие способности к живописи. В старости подверглась апоплексическому удару, страдала глаукомой, почти ослепла. Несмотря на это, до конца жизни сохраняла бодрость духа и покорность судьбе, что и выражала в своих стихотворениях. В семейной жизни была несчастлива.

Родоначальником материнской линии А.С.Пушкина был его прадед — известный «арап» Абрам Петрович Ганнибал, африканский негр, подаренный Петру Великому турецким султаном. Как у родоначальника, так и у всех его потомков отмечались резко выраженные психопатические черты характера.

Абрам Петрович вел свое происхождение от князей правящей эфиопской элиты. Попав в Россию, он был вовлечен в водоворот великих и славных петровских дел и истово служил на благо новой родины. Учился за границей, выказал способность к наукам. Горячий и эмоциональный, молодой африканец был неутомим и энергичен в работе. Однако проявлял неуживчивость, сварливость, постоянно ссорился с сослуживцами. Был необузданно ревнив и мстителен, в семейной жизни отличался своеволием и скупостью. Жестоко истязал свою первую жену за измену. От второго брака с прибалтийской немкой Христиной Шеберг имел шестерых детей.

О его сыновьях и потомках имеется довольно много патографических сведений.

Осип Абрамович (дед А.С.Пушкина) — «сорви-голова и ужас семьи», не признавал никаких гражданских установлений, отличался непостоянством и пылкими страстями, соединенными с легкомыслием. Беспутный, несдержанный, вспыльчивый, он в конце концов изменил жене, вследствие чего брак его с дочерью Алексея Федоровича Пушкина стал «несчастливым» и окончился разводом. Эта семейная коллизия указывает на то обстоятельство, что родители А.С.Пушкина находились в родстве.

Петр Абрамович Ганнибал — малообразованный, алкоголик, был под судом за растрату, под старость занялся перегонном водки. Любил музыку, от которой плакал и приходил в азарт. Вспыльчивый, крутого нрава, с повышенной чувственностью, он часто изменял жене и впоследствии ее бросил.

Исаак Абрамович Ганнибал отличался простодушием, из-за которого влез в крупные долги. Его здоровье серьезно подорвали пылкие страсти и легкомыслие, что и послужило основной причиной смерти «от следствия невоздержанной жизни».

Пожалуй, лишь один из сыновей знаменитого «арапа» — Иван Абрамович, унаследовал характер матери-немки. Он очень отличался от братьев спокойным темпераментом, был умный, образованный, рассудительный, благородный. Прославился в турецкой войне при взятии Наварина.

Петр и Павел (сыновья Исаака Абрамовича Ганнибала), по выражению племянника поэта Павлищева, — «олицетворение пылкой африканской и широкой русской натуры». Это были бесшабашные кутилы, но люди честного, чистого сердца. Славилась веселостью и широким гостеприимством. Их брат — Семен Исаакович, остался в памяти окружающих как умный, симпатичный человек, душа общества, вносивший всюду веселье, но не ужившийся с начальством.

Сын Петра Абрамовича Ганнибала — Веньямин, унаследовал от отца музыкальные наклонности. Имел домашний оркестр, сочинял мелодии. Считался веселым и добрым малым, душой общества. Увлекался поэзией Пушкина.

Мать поэта — Надежда Осиповна, являла собой необычный и своеобразный тип красавицы-креолки. Психически отличаясь порывистым, вспыльчивым, необузданным, страстным нравом, была деспотичной, капризной, эксцентричной, взбалмошной и рассеянной до крайности. Эти черты характера Александр Сергеевич унаследовал от нее. Хозяйство вела из рук вон плохо. Будучи живой, общительной, легко переходила от гнева и взыскательности к полной апатии и равнодушию. Любила общество, где очаровывала всех живым умом и остроумием. Владела безукоризненным литературным стилем (писала письма).

К характеристике особенностей психического склада прямых родственников А.С.Пушкина следует добавить и патографическую деталь о семье его жены — Натальи Николаевны Гончаровой, имевшей определенное психологическое влияние на душевный мир поэта. Из многих источников достоверно известно об отягощенности фамилии Гончаровых душевными заболеваниями с явными признаками шизофрении. Впрочем, сама Наталья Николаевна отличалась мягким, ровным характером, застенчивостью и недалеким умом.

В генеалогии Пушкина прежде всего обращает на себя внимание факт скрещивания рас в третьем восходящем поколении по матери в браке потомка абиссинского князя Абрама Ганнибала с немкой Шеберг. Это соединение африканской расы с германской в следующем поколении пополняется еще русским элементом в лице Марии Алексеевны Пушкиной, бабки Пушкина по матери.

Все значение факта скрещивания рас в наследственности полностью еще не выяснено, но достоверно то, что он влияет значительно на физический и психический облик потомства.

По данным ряда исследований, это влияние часто бывает отрицательным, так как в психике потомства в подобных случаях часто наблюдается дисгармония между противоположными задатками, раздвоение, как бы сочетание двух душ в одном теле с одновременным или последовательным их проявлением.

Рейбмайр также полагал, что смешение двух или нескольких далеко отстоящих друг от друга рас может явиться неблагоприятным фактором для формирования гения, так как нарушает цельность характера потомков и препятствует развитию трудолюбия, упорства, воли, без которых немисливо продуктивное творчество. Особенно опасным представлялось смешение далеко стоящих друг от друга рас: европейской с негритянской, в смысле обратного развития в потомстве культурного уровня характера европейца.

С другой стороны, тот же автор, а также некоторые другие исследователи науки о наследственности (Hoffman, Somer, Lenz) полагали, что смешение рас в отдельных случаях может послужить благоприятным фактором для появления в потомстве гениальных и талантливых лиц. Выводя личность из застывших рамок сложившихся мыслей и особенностей, обусловленных узким генетическим кругом, оно способствует расширению психического кругозора потомков, большей разносторонности мышления, подвижности духа и, таким образом, создает психические возможности, необходимые для гениального творчества.

Рейбмайр приводит обширный список одаренных лиц в различных областях достижений человеческой цивилизации, в наследственности которых отмечалось смешение рас, национальностей или представителей различных классов общества. В черед гениев заняли свое достойное место Пифагор, Демосфен, Юлий Цезарь, Данте, Леонардо да Винчи, Руссо, Гете, Ницше, Вагнер и даже библейский Давид.

Hoffman пришел к выводу, что большой контраст в поляризации зародышевых клеток и происходящее отсюда сильное ферментативное действие на рост и формирование нервных клеток сообщает гибридам подвижность и способность приспособления, необходимые для гениального предрасположения. Не вдаваясь в теоретические изыскания, Hoffman вместе с Somer предложил продолжить тщательное изучение отдельных гениальных личностей с помощью психологических и генеалогических исследований.

Что же касается генеалогии А.С.Пушкина, то патографические описания содержат достаточно достоверное и объемное отображение психических особенностей, которыми природа наделила потомков от африканско-европейского брака по материнской линии.

Это очень колоритный ряд психических характеров, общей чертой которых является необузданность аффективной сферы с склонностью к злоупотреблению в сфере Бахуса и Венеры при недоразвитости морального чувства.

Все они, кроме Ивана, унаследовавшего, по выражению Анучина, материнский немецкий темперамент, характеризуются им и другими авторами как люди, с одной стороны, неустойчивые, чувственные, легкомысленные, с другой — недалекие по уму и мало ценные в социальном отношении; никто из них, кроме Ивана, героя турецкой войны, не выделился из своей среды ничем, кроме безудержных кутежей и даже антисоциальных поступков, за которые некоторые из них привлекались к ответственности. Те же черты, но уже смягченные оттенком добродушия, сердечности, широкого хлебосольства, можно найти у представителей следующего поколения Ганнибалов, обогатившегося в генетическом отношении новым смешением с русской кровью.

Что касается отцовской линии Пушкиных, то при рассмотрении ее нельзя согласиться с профессором И.А.Сикорским, который в работе «Антропологическая и психологическая генеалогия Пушкина», рассуждая о предшествующих поколениях семьи поэта, приходит к заключению, что отличительной чертой их является личная и общественная добродетель.

Далее, утверждая, что среди предков Пушкина не было дегенератов и уголовных преступников, И.А.Сикорский полагает, что этот факт вместе с длительным существованием пушкинского рода указывает на его биологическую устойчивость и особенное здоровье нервной системы.

Однако, если об отдаленных предках Пушкина сохранились лишь поверхностные, порой неясные сведения, которые освещают часто лишь одну сторону их существования: их общественное положение, и не позволяют сделать каких-либо выводов об их характере и душевном здоровье, некоторые факты из жизни ближайших предков Пушкина не подтверждают заключения И.А.Сикорского. Среди них встречается достаточно лиц неуравновешенных и неполноценных, причем в отдельных случаях имеются указания на какие-то душевные заболевания. Что касается характеров ближайших предков Пушкина по отцу, то в них проявилось много сходного с материнской линией: основной чертой является повышенная сексуальность, отмечается также живость аффективной сферы, то выражающаяся в бурных взрывах аффекта, то принимающая оттенок легкомысленной неустойчивости (у деда и прадеда), с склонностью к беспечному наслаждению земными благами (у отца и дяди). Такое сочетание сходных психических факторов по обеим наследственным линиям делает понятным с точки

зрения генетики душевный склад самого Пушкина, в котором особенно резко выражаются черты чувственности, ревности, повышенной аффективности, с склонностью к кутежам и бурному веселью.

Эти наследственно-родовые «отметины» встречаются у близких родственников поэта и в следующих поколениях рода.

Современники делились впечатлениями о легкомыслии, ревности, склонности к кутежам младшего брата поэта — Льва Сергеевича, вспыльчивости племянника — Льва Николаевича Павлищева, взбаломшности дочерей Александра Сергеевича. Но эти отклонения были уже не такими манифестными. Значительно разбавленные новыми влившимися в них элементами, они все более и более стираются, аффекты бледнеют и начинают выражаться в более сложных реакциях истерического и психастенического типа. Постепенно меняется в ряду поколений психопатический склад: стенический тип необузданного и неукротимого кутилы-деспота уступает место психастенику с навязчивыми страхами и сомнениями, с склонностью к депрессии и самоубийству.

Вместе с понижением психического тонуса, что, может быть, указывает на истощение нервной системы, в ряду поколений понижается и физическая устойчивость рода Пушкиных, в частности по отношению к туберкулезу, который среди нисходящих поколений во многих случаях является причиной смерти; одновременно учащаются случаи бесплодия и сокращается численность потомства, главным образом в мужских линиях. Так, по прямой линии, происходящей от Александра Сергеевича, остается все меньше мужских представителей рода Пушкиных, тогда как по линии его брата Льва мужское потомство подверглось полному вымиранию. Таким образом, имеется достаточно оснований для суждений об истощении рода Пушкиных, на что указывает со стороны психики изменение характера психопатических проявлений в виде понижения психического тонуса, а в биологическом аспекте — сокращение мужского потомства.

Род Пушкиных, таким образом, не представляет исключения из правила, установленного Рейбмайром, который отмечает раннее вымирание потомства по мужским линиям у большинства гениальных и талантливых людей.

Еще одна особенность, бросающаяся в глаза при знакомстве с материалами по генеалогии Пушкина, — неблагоприятие в сексуальной жизни, выражающееся в обилии несчастных браков, увлечений и тяжелых драм, возникающих на этой почве, что, может быть, является косвенным указанием на повышенную возбудимость данного чувства! Так, среди 43 представителей рода Пушкиных в 10 случаях имеются указания на несчастные браки, закончившиеся в 6 случаях разводом, в 4 случаях — драмами со смертельными исходами.

Особенно демонстративной представляется в этом отношении восходящая наследственность Пушкина, где во всех трех предшествующих ему поколениях по отцу и по матери, по прямой и по боковым линиям имеются указания на всевозможные конфликты, осложняющие семейную жизнь и приводящие, в лучшем случае, к разводу, в худшем — к убийству.

Таким образом, драма с преждевременной смертью гениального поэта в ряду поколений представляется не случайностью, она является показателем места наименьшего сопротивления его пылкой неуравновешенной натуры, в которой область сексуальных переживаний играет значительную роль, а потому и представляется наиболее легко уязвимой для психических травм.

Неполнота имеющихся сведений не позволяет точно установить физический и психический тип каждого представителя генеалогии Пушкина, тем более выяснить характер имеющихся по отцовской линии душевных заболеваний.

Рассматривая все приведенные лица с точки зрения их характеров, ничего пока нельзя сказать о наличии среди них ярко выраженных шизоидов, за исключением, пожалуй, деда Пушкина по отцу — Льва, сурового деспота. Наоборот, по обеим линиям бросаются в глаза элементы, относящиеся к составу маниакально-депрессивного расположения. Так, отмеченные выше характеры с чертами аффективности, повышенной сексуальности на фоне беспечного добродушия и неустойчивости являются типичными для циклоидов Кречмера и гипоманиакальных типов Крепелина.

Далее элементы циклоидности встречаются в характере матери поэта в ее переходах от раздражительности к апатии. Ясно выраженные циклоидные характеры имеют Василий Львович (дядя) — легкомысленный, добродушный «бонвиван», и Лев Сергеевич (младший брат) — беспечный кутила, вносящий всюду веселье и доброжелательство. К циклоидам депрессивного склада можно отнести сына Александра Сергеевича — Григория, скромного, застенчивого, но уважаемого в своем кругу человека, и, безусловно — Ольгу Сергеевну (сестру) с ее созерцательной, мягкой натурой, носящей, впрочем, также ясно выраженные черты шизотимического склада. Наклонность к депрессивным состояниям, соединенная с чертами циклоидного характера, отмечается у племянника поэта — Л.Н.Павлищева, у внука Пушкина — Сергея Александровича, покончившего жизнь самоубийством, а также у некоторых лиц в потомстве Льва Сергеевича.

В этой ветви, кроме того, заслуживает внимания наклонность у целого ряда лиц к навязчивым состояниям в форме сомнений и страхов, особенно ярко выраженных у племянницы Александра Сергеевича — К.Л.Пушкиной.

На родство невроза навязчивых состояний с маниакально-депрессивным расположением указывали многие авторы (Stocker, Heibronner, Bonhoffer), часто находившие в наследственности таких больных разнообразные формы маниакально-депрессивных проявлений. Кроме того, самый периодический характер обострения навязчивых явлений вместе с сопутствующим им обычно тревожно-депрессивным настроением представляет иногда аналогию с бредовыми и навязчивыми идеями, возникающими как симптом маниакально-депрессивного психоза. В таких случаях существенным фактором образования невроза навязчивых состояний может стать эндокринно-циркулярное расположение.

Некоторые формы синдрома навязчивых состояний имеют, впрочем, и другое происхождение, часто сопутствуя шизофрении или «шизоидному неврозу», но в этих случаях навязчивые идеи носят обычно бессмысленный характер и не сопровождаются заметно выраженным аффектом тоски или страха.

Рассматривая наиболее точно известное заболевание К.Л.Пушкиной, исследователи отмечали, что симптомом его, кроме периодически обостряющихся приступов страха, связанных каждый раз с угнетенно-тревожным настроением, является также склонность к ясно выраженному переживанию тоски, под конец жизни принявшей хронический характер. Таким образом, течение этого заболевания и форма проявления, а также весь основной тон, депрессивный, но мягкий, приветливый, указывают на родство его с маниакально-депрессивным предрасположением.

Уточняя особенности проявления маниакально-депрессивного предрасположения у различных представителей в ряду поколений, можно отметить то обстоятельство, на которое указывали В.А.Гиляровский и М.М.Костюкова в работе «О взаимоотношении между предрасположением к раку и маниакально-депрессивным психозом»: преобладание в восходящих поколениях маниакальных состояний и характеров, уступающих далее все более и более место депрессии.

Таким образом, характер проявления маниакально-депрессивного предрасположения в ряду поколений истоющегося рода аналогичен течению этого заболевания у отдельного стареющего индивида. Утверждение о наличии в наследственности Пушкина маниакально-депрессивного предрасположения, конечно, не исключает примеси и других конституциональных элементов, может быть, из группы других эндогенных психозов, что наложило отпечаток на некоторые характеры.

Обращаясь к соматическим конституциональным заболеваниям, встречающимся у ближайших родственников Пушкина, можно распознать среди них многие формы, характеризующие физиологическую конституцию, сопутствующую

маниакально-депрессивному предрасположению. Особенно часто встречаются сердечно-сосудистые заболевания в различных вариантах: невроз сердца, водянка, атеросклероз, инсульт (3 случая). Нередки нарушения обмена веществ: подагра, явления артрита, болезни печени. В двух случаях описана глаукома. Кроме того, среди более отдаленных родственников в нисходящих поколениях наблюдалось 4 смертельных исхода от туберкулеза.

Изучая генеалогию Пушкина с точки зрения одаренности, многие исследователи (Филинченко, Hoffman, Lenz) убеждались в том, что гениальность никогда не появляется в семье неожиданно, а всегда представляет лишь удачную комбинацию различных факторов, составляющих ее и рассеянных в наследственности. В родословной поэта нет недостатка в лицах, одаренных в различной степени различными способностями.

Способности эти, удачно соединившись в его личности, вошли в состав могучего поэтического и художественного дарования, причем ареалом одаренности является, по-видимому, линия отца, обогатившаяся в значительной степени браками с представительницами рода Чичериных и Толстых.

Задатки литературных способностей существовали, по-видимому, и у бабки Пушкина по матери, хорошо владевшей литературным слогом, а также у его матери — Надежды Осиповны Ганнибал. И все же более определенно выражены они у его дяди — писателя, у отца, сестры, племянника и брата.

Все они писали среднего достоинства стихи и прозу, не поднимаясь в этом отношении особенно высоко. Отчасти у тех же лиц, а также у других присутствуют в различных комбинациях и другие способности, имеющие косвенное отношение к литературно-поэтическому таланту, но дополняющие гениальную одаренность Пушкина. Так, выдающейся памятью с декламаторским талантом обладали его отец и брат, живой, наследственный ум имели родители.

У сестры, двоюродной сестры и племянницы Пушкина можно отметить также художественное дарование, которым в определенной степени обладал и сам поэт (интерес представляют его оригинальные рисунки). Кроме того, в линии Ганнибалов и в потомстве Льва Сергеевича присутствует несколько лиц, одаренных в музыкальном отношении, но ввиду того, что эта способность будто угасает и появляется позднее в одной ветви, происхождение ее нужно, по-видимому, искать в женских линиях, присоединившихся позднее.

И если представить гениальную одаренность Пушкина в виде комбинации определенных генов, из которых каждый или целая группа обуславливает какую-нибудь способность, то у его родственников те же гены рассеяны в меньшем числе, обуславливая лишь отдельные, незначительные способности.

Итак, изучая генеалогию Пушкина, можно выяснить происхождение многих особенностей его темперамента, характера и гениальной одаренности; основные черты его психического склада: пылкую сексуальность, ревность, раздражительность, склонность к бурному веселью, а также депрессивные компоненты можно проследить на протяжении всей его генетической основы в восходящих и нисходящих поколениях. Отмеченный выше факт смешения рас, далеко отстоящих друг от друга, может быть, имеет значение также для понимания той двойственности его психического склада, на которую указывали его биографы, понимая под этим сочетание в личности поэта противоположных психических особенностей. Но, внося в личность Пушкина дух мятежности, нарушая равновесие его души, колеблющейся между противоположными чувствами и желаниями, может быть, этот же фактор оказался одновременно благоприятным для реализации его наследственного дарования, способствуя расширению психических возможностей личности и облегчая чувство чужой души с противоположными психическими качествами, он сообщил его творчеству невиданную разносторонность и широкое понимание жизни.

Таким образом, наследственная природа А.С.Пушкина содержала как аномальные отклонения в обеих генетических линиях, так и элементы одаренности. Вполне понятно, что такой генетический сплав стал основой неординарных характерологических проявлений, на что и указывают многие бросающиеся в глаза особенности в психической структуре личности гения.

О себе Пушкин говорил так: «Мой нрав неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и вместе с тем слабый — вот что внушает мне тягостное раздумье...» (письмо Зубкову, 1826). Племянник поэта Л.Н.Павлицев в своих воспоминаниях также отмечал повышенную нервозность своего знаменитого дяди, его «нервную восприимчивость» и неровный, мнительный характер. По словам Ольги Сергеевны (сестры), нервы брата постоянно «ходили как на шарнирах». Прочие биографии и воспоминания также рисуют Пушкина как нервного, впечатлительного, мнительного субъекта, подчеркивая особенно его раздражительность, проявлявшуюся в бурных вспышках гнева, необдуманных дуэлях, несправедливых оскорблениях и едких эпиграммах.

Эта черта, наблюдавшаяся в нем еще с детства, в Лицее, по свидетельству самого Пушкина, выражалась в припадках бешенства, вызываемых случайным первенством кого-нибудь из товарищей в спортивных и других развлечениях, и приводила к постоянным столкновениям с окружающими. Особенно резкие проявления ее отмечаются после ссылки во время пребывания Пушкина на юге,

где раздражительность, по свидетельству П.В.Анненкова, приняла болезненный, прямо-таки «сатанинский» характер, «с самого начала этого времени, — пишет он, — Пушкин становится подверженным вспышкам неудержимого гнева, которые находили на него по поводу ничтожных случаев жизни... Самолюбие его делается болезненно чутким, столкновения с людьми умножаются».

На повышенную аффективную возбудимость Пушкина, приводившую к резким выходкам, ссорам, дуэлям, указывали и другие современники Пушкина (П.И. Бартенев, И.П.Липранди). Эта черта, по свидетельству его близких и воспитателей, заметная в нем с раннего детства, проходит через всю его жизнь до самой смерти, в преждевременном наступлении которой сыграла немалую роль. Аффективность природы великого гения дополняли и усиливали повышенная сексуальность, а также ревность, принимавшая явный патологический оттенок.

Вместе с повышенной возбудимостью аффектов, быстро достигающих значительной интенсивности, психика Пушкина лишена была той цельности, гармоничности, которую приписывает ему В.Ф.Чиж. Многих из его современников поражало в нем какое-то раздвоение вследствие сочетания в его личности противоположных психических особенностей. На это раздвоение указывал П.И.Бартенев, который после описания многих фактов, характеризующих Пушкина как заносчивого, самолюбивого, взбалмошного кутилу, отмечает противоречие между его повседневной жизнью и художественным дарованием, между Пушкиным-человеком и Пушкиным-поэтом. «Это раздвоение, — пишет он, — Пушкин хорошо сознавал в себе; порой оно должно было его мучить... Он был неизмеримо выше, несравненно лучше того, чем казался и чем выражал себя в своих произведениях... Но по замечательному и в психологическом смысле весьма важному побуждению, которое могло казаться простым капризом, он вовсе не заботился о том, чтобы устранить данное противоречие, напротив, прикидывался бурным развратником, ярым вольнодумцем».

Дисгармоничность, раздвоенность природы Пушкина отмечали и другие авторы, например В.Я.Стоюнин, считавший основной причиной такой психологической особенности «примесь арабской крови», которая «нарушала мир его души, раздваивала, ставила в противоречие с самим собой». И.П.Липранди, говоря о повышенной аффективности Пушкина, удивляется сочетанию ее с хладнокровием и самообладанием в минуты опасности. «Эти две крайности, — пишет он, — запальчивость и невозмутимость, должно быть чрезвычайно редки в той мере, в какой они соединялись у Пушкина». Он же указывает на переход от едкости, подозрительности к добродушию в зависимости от обстановки:

«В небольшом кругу друзей и близких родственников они имели счастье видеть простого Пушкина, с чарующей лаской слова и обращения, с неудержимой веселостью, с честным и добродушным оттенком в каждой мысли».

Сам Пушкин в строках из «Евгения Онегина» дает свою собственную характеристику таким образом:

...Порой бывал прилежен,
Порой ленив, порой упрям,
Порой лукав, порою прям,
Порой смирен, порой мятежен,
Порой печален, молчалив,
Порой сердечно говорлив.

Это сочетание противоположных свойств в характере Пушкина: смелости и застенчивости, находчивости и неловкости, общительности и склонности к уединению, доверчивости и подозрительности и т.д. — указывает на комбинацию противоположных наследственных задатков, лежащих в основе его личности. В связи с этим нужно отметить и факт замены доминант, выразившийся в резком переломе его характера после семилетнего возраста, когда из неповоротливого, молчаливого ребенка, поражающего родителей своей вялостью, он превратился в резвого необузданного шалуна.

Все разнообразие постоянно меняющихся проявлений психической жизни Пушкина стоит в тесной связи с такой же неустойчивостью его настроения.

Многие из современников свидетельствуют о наличии у поэта элементов повышенного настроения, о его живости, подвижности, неистощимом остроумии и весельи. «Какой это был весельчак, добряк и острослов, как он звонко хохотал», — вспоминает о нем Нащекина.

Целый ряд стихотворений говорят также о его беспечности, легкомыслии. Поэзия, веселье, любовь как будто всегда являются главной потребностью его существа, чей жизненный тонус повышен; но это основное приподнятое настроение крайне неустойчиво: в лирике Пушкина очень много переходов от неукротимого веселья к меланхолическому разочарованию в жизни, что наиболее броско выражено в стихотворении «Дар напрасный, дар случайный», где в нескольких строках полно и сжато изображены все те особенности депрессивного состояния, которые так подробно описываются на страницах учебников по психиатрии: Цели нет передо мною. Пусто сердце, празден ум, И томит меня тоскою Однозвучный жизни шум.

Все оттенки смешанных состояний также находят выражение в лирике Пушкина, где часто на фоне видимой радости проступает оттенок грусти, но мягкой, сладкой, доставляющей автору своеобразное наслаждение. Такие выражения, как «сладкая меланхолия», «тихая грусть», «благодетельные слезы», в его поэзии встречаются особенно часто. Лица, знавшие Пушкина, также свидетельствуют о заметных колебаниях в его настроении. Так, Пущин отмечает в Пушкине, еще мальчике, резкие переходы от серьезного чтения и дум к припадкам бешенства.

По словам А.П.Керн, «он был очень неровен в обращении: то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен и нельзя было угадать, в каком он будет настроении через минуту».

«Переходы от порывов благодетельного веселья к припадкам подавляющей грусти, — пишет Л.Н.Павлищев, — происходили у моего дяди-поэта внезапно, как бы без промежутков». Помимо этих быстрых колебаний незначительной амплитуды, свидетельствующих о его впечатлительности и живой эмоциональности, Пушкину, по-видимому, свойственны были и более длительные периоды угнетенности, о чем он часто упоминает в своей переписке и разговоре с близкими. Эти состояния чаще всего приходили весной, которую он не любил и переживал тяжело. Свое весеннее настроение он характеризует так:

...Весной я болен.

Кровь бродит, чувства, ум тоскою стеснены.

В феврале 1829 г. Пушкин говорил сестре: «Боже мой, как мне нехорошо! Какая тоска. Кажется, совсем здоров, а нигде не нахожу места; кидаюсь и мечусь во все стороны, как угорелая кошка, чувствую: идет весна проклятая». В том же году на вопрос сестры: «Да ты болен?» поэт отвечал: «С радостью умру; Боже, какая тоска». К этому же году относится и вышеназванное стихотворение «Дар напрасный...».

М.О.Гершензон в статье, озаглавленной «Северная любовь Пушкина», описывает целый период угнетенного состояния, овладевшего Пушкиным в 1821 г. после его приезда на юг: «В нем произошла какая-то глубокая перемена, которую он сам не в силах себе уяснить. На протяжении многих месяцев после приезда на юг его стихи и письма говорят об одном: о полной апатии, об омертвелости духа, о недоступности каким бы то ни было впечатлениям». Это состояние апатии, которое М.О.Гершензон объясняет разлукой с любимой женщиной, длилось, по его словам, довольно долго и сочеталось с потерей поэтического вдохновения.

Состояния угнетенности, отчасти художественно отображенные в многочисленных элегиях Пушкина, часто представляли из себя реакцию на его неудачные любовные увлечения, но иногда наступали без ясно выраженного внешнего толчка, как это бывало обычно весной. В последние годы жизни под влиянием денежных забот и других неприятностей ощущение тоски, неудовлетворенности жизнью принимает затяжной характер и делается основным фоном его душевной жизни. Постепенно возрастая, оно достигает наибольшей остроты в 1836 г., когда, по словам Павлищева, Пушкин отличался особенно угнетенным настроением. В этот период он часто высказывал сестре «свои мрачные предчувствия, недовольство жизнью, одолевающую его тоску, которая не могла поддаваться ни ласкам сестры, ни вниманию окружавших».

При свидании с сестрой Пушкин жалуется, что жизнь ему надоела: «Тоска, все одно и то же, писать не хочется, рук не приложишь ни к чему». Помимо собственной тоски Пушкин был также подвержен переживанию скуки и так называемой хандры, на которую он часто жалуется в своих письмах.

Так, в письме П.А.Плетневу он пишет: «Если бы ты знал, как часто я бываю подвержен так называемой хандре. В эти минуты я зол на целый свет, и никакая поэзия не шевелится в моем сердце».

Противоположные состояния повышенного самочувствия наступали обычно осенью и выражались в бодром, жизнерадостном настроении и общем подъеме всех физических и психических функций. С этими периодами совпадали обычно и приливы творческого вдохновения, во время которого значительно ускорялся темп его работы и повышалось совершенство ее выполнения.

Субъективное переживание вдохновения художественно изображено Пушкиным в нескольких произведениях. Вот, например, отрывок из стихотворения «Осень» (1830):

...И пробуждается поэзия во мне,
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться, наконец, свободным проявленьем...
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо — к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.

Основной чертой пушкинского вдохновения является, таким образом, внутреннее возбуждение, сопровождаемое повышенной деятельностью фантазии,

обилием и разнообразием рождающихся мыслей и образов с склонностью быстро укладываться в рифмы.

Это состояние, вызывающее у Пушкина впечатление «пламенного недуга», близко подходит к легкому маниакальному состоянию.

Неустойчивость настроения Пушкина на фоне живого эмоционально-возбудимого склада сближает его с циклотимическими личностями в широком понимании этого термина. Если обратить внимание на другие стороны его психики, то среди них можно отметить много других черт, присущих обычно гипоманиакальным циклоидам. С этой точки зрения обращает на себя внимание прежде всего подвижный темп его психических процессов, их быстрота с широким распространением по поверхности в ущерб глубине.

Хорошим доказательством этой особенности его интеллектуальной деятельности является его переписка, в которой кратко и поверхностно затрагиваются самые разнообразные темы. Направляясь сначала по одному руслу, мысль Пушкина часто без постепенных переходов меняет свое направление, отвлекаясь новым мелькнувшим представлением. Краткие и меткие суждения по вопросам общественной жизни, литературы, текущих событий, в его письмах чередуются с красочными описаниями природы и характеристиками окружающих лиц, что свидетельствует о подвижности и разнообразии его интеллектуальной жизни.

Эта особенность интеллекта была отмечена еще во время пребывания в Лицее директором его Энгельгардом, который называет ум поэта французским, поверхностным, блестящим.

По сообщению Смирновой, в обществе Пушкин отличался необыкновенным «*mobilite d'esprit*», выразившимся в неистощимом остроумии, живой и разнообразной речи, оставляющей позади всех других собеседников.

Таким образом, характерологический спектр великого поэтического гения представляется поистине «морем без берегов». В промежуточном резюме всего изложенного здесь о личности Пушкина можно согласиться, что особенности, лежащие в основе его психики: живость эмоциональной сферы с склонностью к быстро угасающим аффектам гнева, неустойчивость настроения, подвижность психомоторных процессов, повышенная сексуальная активность — позволяют отнести его к гипоманиакальным личностям циклоидного склада.

Это определение, конечно, далеко не исчерпывает всей сложности его богато одаренной натуры, а также не исключает примеси иных элементов, свойственных больше другим разновидностям психических типов, между прочим — шизотимии, на счет которой можно было бы отнести его мнительность,

гиперестезию и некоторые другие черты. Как было отмечено Кречмером, чистые конституциональные типы вообще представляют в жизни большую редкость. Bleuler даже предлагал в каждом отдельном случае говорить лишь о преобладании в психике шизоидных или циклоидных компонентов, что не исключает вообще наличия и противоположных особенностей. Поэтому, отметив в данной характеристике основные черты психики Пушкина, которая в общем-то совпадает с циклотимической конституцией, описанной различными авторами, попробуем представить динамику отдельных его личностных проявлений.

Самые показательные черты и признаки этого плана (на что обращали внимание даже неспециалисты) — это резкая неустойчивость психики, явно выраженная цикличность смены настроений. Указанные перепады психической активности всегда далеко выходили за пределы нормальной ритмичности настроений у нормальных здоровых людей. Материалы, иллюстрирующие доподлинную (а не искусственно панегирическую) биографию Александра Сергеевича Пушкина, свидетельствуют о том, что, если бы кто-то задался целью графически изобразить все течение психической жизни поэта с ее бесконечной сменяемостью настроений, получилась бы волнистая кривая с крутыми колебаниями подъемов и спусков. Колебания бурной психики зачастую проявлялись периодами резкого возбуждения или затяжной депрессии. В такой волнообразности, правда, прослеживается известная периодичность, но она не соответствует строгой ритмичности подъемов и спусков, свойственной тем чистым формам маниакально-депрессивных состояний, где регулярно и ритмично депрессия сменяет возбуждение.

У А.С.Пушкина скорее та часть кривой, которая бы характеризовала подъемы возбуждения, будет преобладать и доминировать над той частью кривой, которая должна характеризовать депрессии. Это — первая особенность психической активности поэта. Вторая особенность, обозначившаяся через определенный жизненный временной промежуток, — это то, что в последний период жизни депрессивные приступы стали учащаться и даже, пожалуй, удлиняться. Такая психическая неустойчивость, цикличность психики резко бросались в глаза многим современникам поэта, в том числе и тем, кто никогда не задумывался об оценке его поведения с позиций психиатрии. «Случалось удивляться переходам в нем», — вспоминал Н.Н.Пущин о своем знаменитом лицейском друге.

Правда, окружающие и даже близкие родственники, не понимая тонкого психологического склада гениальной личности, часто ложно истолковывали эти резкие смены настроения, приписывая их той или иной мнимой причине, якобы

зависящей от собственной воли и желаний. Так, брат поэта, Лев Сергеевич, излагал свое мнение: «Должен заметить, что редко можно встретить человека, который бы объяснялся бы так вяло и несносно, как Пушкин, когда предмет разговора не занимал его. Но он становился блестяще красноречивым, когда дело шло о чем-нибудь близком его душе. Тогда он являлся поэтом и гораздо более вдохновенным, чем во всех своих сочинениях».

Точно так же отзывалась о Пушкине известная Анна Керн:

«Трудно было с ним сблизиться. Он был очень неровен в обращении: то шумно весел, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен, и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту. Вообще же надо сказать, что он не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренно и был неописанно хорош, когда что-либо приятно вдохновляло его. Когда же он решался быть любезным, то ничто не могло сравниться с блеском, остротой и увлекательностью его речи».

Конечно, дело тут не в том, что Пушкин «вяло и несносно» держал себя и был «томительно скучен», потому что «предмет разговора не занимал его», также и не потому он «становился блестяще красноречивым», что речь шла о чем-нибудь близком его душе, и не потому, что он «решался быть любезным», а дело тут в том, в какой фразе маниакально-депрессивного состояния находился Пушкин в данный момент — в депрессивной или маниакальной. И верно подметила А.П.Керн в Пушкине, что «он не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренно», так как он не мог скрывать эмоциональных порывов в силу конституциональных особенностей, накладывающих отпечаток на его маниакально-депрессивное состояние, а не потому, что хотел или «решался быть любезным» или «томительно скучным».

Интерес представляет иллюстрация тех моментов из биографии Пушкина, которые характеризуют вышеупомянутую кривую (график поведения) в ее подъемах и спусках. Причем следует учесть, что приводимые ниже примеры не являются исчерпывающим материалом, который бы объяснял все до конца. В сложную психику Пушкина должны входить еще и другие компоненты, помимо маниакально-депрессивного. В этой связи можно прислушаться к мнению Я.В.Минца, одного из патографов поэта: «...само собой разумеется, что, говоря о «маниакально-депрессивной конституции» Пушкина, мы этим еще не хотим сказать, что Пушкин страдал определенно выраженным маниакально-депрессивным психозом, мы хотим только указать, что в психике Пушкина были какие-то приступы маниакально-депрессивных состояний. Были ли эти маниакально-депрессивные

состояния циклотические, циклоидные или действительные приступы маниакально-депрессивного психоза — мы пока от такой точной диагностики воздерживаемся до более детальных исследований».

Уже с самого раннего детства и юношества замечается у поэта эта циклическая смена кривой, характеризующей жизненное поведение, с периодами возбуждения (подъем кривой) и депрессии (резкие спуски кривой на графике).

Так, в возрасте до 7 лет ребенок был толстым, неповоротливым, угрюмым и сосредоточенным, предпочитал уединение всем играм и шалостям. На восьмом году жизни мальчик резко переменялся: он стал резвым и шаловливым, родители даже частенько приходили в ужас от внезапно проявившейся необузданности. Испытав все меры к его «укрощению», они успокоились на мысли, что ненормальность природы их сына исправить уже нельзя.

Такие метаморфозы в самом начале жизненного пути могли основательно сотрясти цельность любой человеческой натуры. И одно время у ученых даже сложилось мнение о горестном детстве поэта. Если напрочь отбросить крайние конъюнктурные выводы о «страшном влиянии крепостничества» на неокрепшую психику гения, то все равно какое-то время многие вполне соглашались с таким вот авторитетным суждением: «Бросается в глаза, что, когда в дальнейшем Пушкин хотел оглянуться на начало своей жизни, он неизменно вспоминал только Лицей — детство он вычеркнул из своей жизни. Он был человек без детства».

Конечно, детство Пушкина не было блаженным и безоблачным, да он и сам в планах автобиографических записок наметил такие пункты, как «Первые неприятности», «Мои неприятные впечатления», а в Михайловском, слушая и записывая родные с детства сказки няни, преодолевал, по его словам, последствия «проклятого воспитания». Но ведь остались удивительные заявления поэта про то, что он ...мирных звуков наслажденье Младенцем чувствовать умел.

Слова эти можно отнести ко всем малышам, но они подрастают и забывают об этом, а Пушкин не забыл.

Поэтом он ощущал себя с младенчества, а голосом Музы стали для него рассказы бабушки и сказки няни. Они-то и были «богинями песнопения», которые

...еще в младенческую грудь

Влияли искру вдохновенья

И тайный указали путь...

«Но детских лет люблю воспоминанья»: «тихая краса минут детства». «волшебная старина», «детства милые виденья» — разве можно оспорить эти

впечатления. Следует отбросить всякие сомнения насчет искренности гения. Он сам создавал свое детство, воспринимал образы мира в раннем возрасте с тем творческим вдохновением, которое было ему присуще.

И. может быть, поэтому так разительны контрасты его характерологических проявлений, когда повседневные реалии подсознательно сравнивались с волшебным миром из невозвратного времени.

Прямо в детстве начался и творческий процесс. В раннем возрасте Пушкин стал сочинять комедии и эпиграммы, а в 12 лет его приняли в Царскосельский Лицей. Здесь он поразил воображение товарищей своим ранним развитием, раздражительностью и необузданностью, неровным характером: то расшалится без удержу, то вдруг задумается и долго сидит неподвижно.

«Пушкин с самого начала пребывания в Лицее был раздражительнее всех и потому не возбуждал общей симпатии. Видишь его поглощенным не по летам в думы и чтение, и тут же он внезапно оставляет занятия, входит в какой-то припадок бешенства из-за каких-то пустяков: из-за того, что другой перебежал его или одним ударом уронил все кегли», — рассказывал Пушкин в своих воспоминаниях.

Учился Пушкин очень небрежно, он не любил математики и немецкого языка и только благодаря хорошей памяти смог сдать хорошо большинство экзаменов.

Поэт окончил Лицей в 18 лет. По описанию друзей, он был среднего роста, широкоплечий, худощавый, имел темные курчавые волосы, светло-голубые глаза, высокий лоб, смуглое небольшое лицо и толстые губы. Во всех движениях видна была робость, но вместе с тем явственно проступала неровность в обращении: то шумливо весел, то грустен, то робок, то дерзок.

С этого периода, то есть с 1817 по 1820 год, Пушкин живет в Петербурге, где поступает на службу.

Указанный период характеризуется резкими приступами возбуждения, бурным всплеском всех жизненных проявлений, повышением психического тонуса, далеко выходящим за пределы нормального и свойственного юношам такого возраста.

Весьма характерны воспоминания современников о Пушкине постлицейского периода. Барон М.А.Корф отмечал: «Пушкин был вспыльчив до бешенства, вечно рассеянный, погруженный в мечтания, с необузданными страстями.

Характерная черта души поэта — полная неуравновешенность, готовность отдаться впечатлениям, способность глубоко, но мимолетно их переживать».

И действительно, в Петербурге он предаётся вихрю развлечений и разврата. Дни и ночи проводит в оргиях и вакханалиях. Такой разгул не раз доводил его до края могилы. О бесконечных дуэлях, странностях и выходках поэта говорил весь Петербург. Отдыхает он и предаётся серьёзному литературному творчеству только тогда, когда бывает болен венерическими болезнями.

Показательны отрывки из писем современников. Так, Тургенев пишет Вяземскому в декабре 1818 г.: «Сверчок» (псевдоним Пушкина — члена «Арзамаса») прыгает по бульвару и по б... Но при всем беспутном образе жизни его он кончает четвертую песнь поэмы. Если еще два или три ... так дело в шляпе. Первая ... болезнь была и первой кормилицей его поэмы».

«Старое пристало к новому и пришлось ему опять за поэму приниматься, — радуется Вяземский. — Венера пригвоздила его к постели».

«Пушкин простудился, дожидаясь у дверей б... которая не пускала его в дождь к себе для того, чтобы не заразить его своей болезнью. Какая борьба великодушия любви и разврата». (Тургенев, 1819).

В одной из черновых тетрадей Пушкин кается в своих грехах и их последствиях таким образом: «Я стражду восемь дней С лекарствами в желудке, С Меркурием в крови, С раскаяньем в рассудке.»

В описываемый период психическое состояние поэта как нельзя ярче характеризуется как состояние резкого возбуждения. Возбуждение это превосходит по интенсивности и, пожалуй, по творческой активности все до сих пор бывшие приступы возбуждения в юношестве. Этот период прерывается вскоре резкой депрессией.

Уже в 1819 г. наступил приступ резкой меланхолии. В письмах к друзьям Пушкин говорит о полной апатии, омертвелости духа, о недоступности каким бы то ни было впечатлениям, об утрате поэтического вдохновения.

Был ли данный приступ депрессии за петербургский (после окончания Лицея) период единственным или были еще такие состояния — неизвестно, но вскоре снова наступает фаза возбуждения. Возбуждение настолько резкое, что интересы Пушкина опять сталкиваются с интересами окружающих, затрагивают и возмущают тогдашнюю всесильную бюрократию. В связи со скандальным и вызывающим поведением (спровоцированным, несомненно, его патологически возбужденной психикой) он административно высылается из Петербурга в распоряжение генерала Инзова, в Екатеринослав.

Приблизительно к этому времени у Пушкина наступает новый, более длительный период депрессии. За это время поэт не подавал о себе никаких вестей

близким и друзьям. Пушкин, обычно любивший делиться своими впечатлениями, вдруг более полугода никому ничего не написал. Что случилось? Об этом можно судить по его письму брату Л.С.Пушкину, написанному, наконец, в сентябре 1820 г.:

«Милый брат, я виноват перед твоей дружбой, постараюсь изгладить вину мою длинным письмом и подробными рассказами. Начинаю с яиц Леды. Приехав в Екатеринослав, я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку по обыкновению. Генерал Раевский, который ехал на Кавказ с сыном и двумя дочерьми, нашел меня в жидовской хате, в бреду, без лекаря, за кружкой оледенелого лимонада. Сын его (ты знаешь нашу тесную связь и важные услуги, для меня вечно не забытые) предложил мне путешествие к Кавказским водам; лекарь, который с ним ехал, обещал меня в дороге не уморить. Инзов благословил меня в счастливый путь. Я лег в коляску больной, через неделю вылечился. Два месяца жил на Кавказе; воды были мне очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно серные горячие...»

В другом письме к барону Дельвигу (1824), описывая свое путешествие на юг, Пушкин пишет: «В Бахчисарай приехал я больной... но не тем. В то время сердце мое полно было — лихорадка меня мучила...»

Итак, эту «горячку» («лихорадку») поэт «схватил по обыкновению», как он выражается в письме к брату. Хотя известно, что ранее, будучи в Петербурге, никакой лихорадки в виде периодических приступов малярии или какой-либо другой инфекционной болезни у него не было. Наоборот, до высылки из столицы молодой гений был в сильнейшем нервном перевозбуждении: вел разгульный образ жизни, натворил величайшие безумства и все его поведение вообще указывает на ненормальное состояние, соответствующее маниакальному или гипоманиакальному.

По-видимому, эта патологическая активация сменяется ко времени высылки депрессией, с последующими приступами возбуждения, которые Пушкин и называет «горячкой» или «лихорадкой». Период депрессии, сопровождаемый глубоким упадком телесных и духовных сил, а затем возбуждением, он, по всей вероятности, переживает не впервые, ибо сам отмечает, что все это наступило у него «по обыкновению».

В пору депрессии творчество Пушкина «замирает» и становится вдруг ему недоступно, замечается резкий упадок творческих сил (подобные приступы случались неоднократно). Им овладевает то нравственное омертвление, которое свойственно состоянию полужизненного психического тонуса.

На южное великолепие картин природы он взирает со странным равнодушием, чему и сам впоследствии удивляется.

За четыре месяца периода май-август 1820 года им написаны лишь две коротенькие элегии, носящие имя «Дориды», неоконченный отрывок «Мне бой знаком, люблю я звук мечей. . . « да еще эпиграммы на Аракчеева.

Также во время пребывания на Кавказе в этот период написаны эпилог к поэме «Руслан и Людмила» и горькое поэтическое признание о творческом бессилии:

На скате каменных стремнин
Питаюсь чувствами немymi
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой;
Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой.
Но огонь поэзии угас.
Ищу напрасно впечатлений,
Она прошла, пора стихов.
Пора любви, веселых снов,
Пора сердечных вдохновений.
Восторгов каждый день протек
И скрылось от меня навек
Богиня тихих песнопений...

Позже, когда поэт стал выздоравливать, обозначились его сокровенные желания как признак намечающегося творческого оживления:

И ты, моя задумчивая лира.
Найдешь ли вновь утраченные звуки.
(«Желание», 1821).

Этот сложный период заметен в ряде произведений того периода, например в первой песне «Евгения Онегина»:

Адриатические волны
О, Брента! Нет, увижу вас
И вдохновенья снова полный
Услышу Ваш волшебный глас.

Напрасно некоторые авторы выискивают причину творческой апатии в какой-то затаенной любви.

Те же черты необузданности, приступов возбуждения наблюдаются в период изгнания в Кишиневе и Одессе.

Бартенев так описывает будни поэта в Кишиневе: «...у Пушкина отмечают частые вспышки неудержимого гнева, которые находили на него по поводу ничтожнейших случаев жизни. Резко обозначалось противоречие между его повседневной жизнью и художественным служением; в нем были два Пушкина: Пушкин-человек, Пушкин-поэт».

Начальник его в Кишиневе получал бесконечное число жалоб на «шалости и проказы» поэта; драки, дуэли, бесчисленные похождения становились темой постоянных толков.

Этот период наиболее выраженный в патологическом отношении. Пребывание в Кишиневе напоминает скандальную хронику, и недаром биографы обозначают ее как момент «сатанизма».

П.В.Анненков, касаясь найденной тетради поэта с изображением чертей и «разных гадостей», отмечал: «Надо быть в патологическом состоянии, чтобы подолгу останавливаться на производстве такого цинизма» и относил эти «художества» прямо к душевной болезни Пушкина («Вестник Европы», 1873-1874. «О Пушкине по новым Документам»).

В свое время это заключение исследователя вызвало резкое недовольство и протесты поклонников Пушкина. Однако еще до Анненкова многие из петербургских журналистов высказывали мнение, что ряд эскизов поэта изобличают такую «дикую изобретательность, такое горячее и свирепое состояние фантазии», что приобретает уже значение симптома психического заболевания.

В том, что психика Пушкина была серьезно расстроена, пожалуй, никто из современников кишиневского периода не сомневался, настолько сильны были приступы возбуждения, сопровождавшиеся проявлением грубого цинизма, увлечением порнографией, склонностью к авантюризму, скандалам, дракам, дуэлям, любовным приключениям.

Вот примеры амурных «водоворотов», увлекавших с головой гениального повесу. Пушкин был в интимной связи с женой помещика Инглези. Муж, узнав об этом, запер ее в чулан, а поэт вызвал на дуэль. За этот скандал Пушкин был посажен Инзовым на 10 дней на гауптвахту. Жена кишиневского нотабля Аника Сандулаки также стала возлюбленной Пушкина. Одновременно он поддерживал связь с Мариолой Баят, молодой супругой члена верховного совета города

Гондараки Баята. Красавица Мариола преследовала своего возлюбленного обидными намеками до тех пор, пока он не вызвал на дуэль и не набил физиономию ее мужу — почтенному пожилому боярину, за что в который раз угодил под арест.

Приступы возбуждения психики кишиневского периода можно считать одними из наиболее сильных.

Кроме того, в это же время (а может, и несколько раньше) к привычным расстройствам примешивается и новый психопатологический компонент, отчетливо маниакально-депрессивные состояния получают иной колорит: с оттенком шизоидного сдвига.

Тот «сатанизм», о котором упоминают самые различные литературные историки и критики, точно так же как и «байронизм» пушкинской эпохи, есть результат проявившегося в психике Пушкина шизоидного начала.

Это осложнение, развиваясь на фоне маниакально-депрессивного статуса, в дальнейшем изменит ту более упорядоченную смену возбуждения и депрессии, которая была характерна для первого периода творчества поэта — периода репрессий и ссылок.

В дальнейшем характер маниакально-депрессивных состояний благодаря шизоидному компоненту меняется. Приступы возбуждения протекают не так ярко и резко, зато наплывы депрессии делаются как будто длительнее и чаще.

Тут, конечно, необходимы более детальные исследования, чтобы определеннее осветить наметившуюся тенденцию.

Краткий одесский период также почти похож по психонапряженности на предыдущие: возбуждение, ажитация, повышенная сексуальность и связанное с этим агрессивное поведение, авантюрные выходки, скандалы.

Все это привело к высылке из Одессы в одну из родовых вотчин — село Михайловское.

Михайловская ссылка длилась несколько лет. В 1825 г. отмечается снова резко угнетенное настроение, тоска, апатия. Поэт разорвал почти все отношения с родными и окружающим. «Я не могу больше работать, пишет он, — здесь на берегу реки я хотел бы построить себе хижину и сделаться отшельником». Вообще, как уже выше было сказано, в эту эпоху жизни и в последующие годы приступы возбуждения менее бросаются в глаза, чаще наступает депрессия.

В 1827 г. Пушкин стал избегать людей. В обществе бывал редко, а если и бывал, то бросались в глаза его скука, придирчивость, озлобленность и неприязнность. По свидетельству А.П.Керн, поэт в эту зиму часто казался мрачным,

рассеянным и апатичным. В нем резко проявилось недовольство самим собой и другими. Под влиянием какой-то безотчетной тоски Пушкин едет то в Москву, то в Петербург. К концу года это состояние временно проходит, но затем опять начинается «хандра». В это время он пишет:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты нам дана?

Тоска все более пожирала поэта, несмотря на растущую славу.

Наблюдатель, видевший Пушкина в Москве в начале 1827 г., очень тонко подметил моменты тяжелых приступов депрессии:

«Судя по всему, что я здесь слышал и видел, Пушкин здесь на розах. Его знает весь город, все им интересуются, отличнейшая молодежь собирается к нему, как древле к великому Ларуэту собирались все, имевшие хоть немного здравого смысла в голове. Со всем тем Пушкин скучает. Так он мне сам сказал... Пушкин очень переменился наружностью, страшные черные бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выражение, впрочем, он все тот же — так же жив, скор и по-прежнему в одну минуту переходит от веселого смеха к задумчивости и размышлению». (Цит. по ст. Тернера).

Из последующей эпохи жизни к его вечно возбужденному состоянию при­мешивается возрастающее чувство ревности, пожиравшее душевно и телесно и ухудшавшее самочувствие все сильнее и сильнее, несмотря на то, что приступы возбуждения как будто и ослабли.

Таково было его состояние во время женитьбы и в последующей брачной жизни. Здесь ревность уже превращается в нечто бредовое, шизоидные элементы сказываются все более и более.

Тоска, скука, замкнутость настолько начинают доминировать, что в 1835 г. стали замечать значительные изменения в характере Пушкина.

Он стал желчным, обозленным, подозрительным. Все окружающие кажутся ему врагами, в каждом слове чудится намек или оскорбление. В 1837 г. все стали замечать, что Пушкин сделался прямо каким-то ненормальным.

По-видимому, в одном из депрессивных состояний он добивался той роковой дуэли, во время которой прервалась его жизнь.

В связи с приступами маниакально-депрессивного состояния у Пушкина следует обратить внимание на еще одну специфическую особенность его психики. А именно: его резко патологическую сексуальность, выражавшуюся в чрезмерной похотливости, циничности, склонности к извращениям.

По интенсивности вызываемых переживаний и влиянию на всю его психическую жизнь это чувство намного превышало средний уровень.

Пробудившись в возрасте 6-8 лет, оно сообщает особый своеобразный отпечаток всей его жизни, пестрящей разнообразными увлечениями: число имен возлюбленных Пушкина, занесенных им самим в особый так называемый донжуанский список, достигает 113.

Объектами его любви являются женщины самые разные по внешности, психическому складу и возрасту (в одном случае фигурирует даже двенадцатилетняя девочка), что свидетельствует о легкой возбудимости сексуального чувства, лишённого избирательности и готового воспламениться под влиянием минутного впечатления.

Любовь Пушкина в большинстве случаев носит чувственный характер, нарастая в своем напряжении от внешних задержек осуществления конечной цели — обладания любимой женщиной.

По словам А.А.Губера, «...когда ему не удавалось удержать нарождающееся чувство в должных границах, когда любовь приходила не на шутку, она обычно протекала как тяжелая болезнь, сопровождаемая бурными пароксизмами.

Ему нужно было физическое обладание, и он готов был сойти с ума, когда женщина оставалась недоступной».

О своей патологической сексуальности сам Пушкин в послании к Ф.Ф. Юрьеву написал такие строки:

А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Взращенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний...

«Бешенство желания» несло в себе прямо-таки резко патологическую стихию похотливости, о чем ярко свидетельствуют современники. Лицейский товарищ поэта Комовский характеризует это состояние таким образом: «Пушкин любил приносить жертвы Бахусу и волочиться за хорошенькими актрисами... причем проявлялись в нем вся пылкость и сладострастие африканской породы. Пушкин был до того женолобив, что будучи еще пятнадцати или шестнадцати

лет, от одного прикосновения к руке танцующей, во время лицейских балов, взор его пылал, и он пылал, и он пылал, и он пылал, сопел, как ретивый конь среди молодого табуна».

Другой лицейский товарищ, барон М.А.Корф, вспоминал: «В Лицее он превосходил всех чувственностью, а после, в свете, предался распутствам всех родов, проводя дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий. Должно дивиться, как здоровье и талант его выдержали такой образ жизни, с которым, естественно, сопрягались и частые гнусные болезни, выведившие его часто на край могилы.

Пушкин не был создан ни для света, ни для общественных обязанностей, ни даже, думаю, для высшей любви или истинной дружбы.

У него господствовали только две стихии: удовлетворение чувственных страстей и поэзия; в обеих он ушел далеко. В нем не было ни внешней, ни внутренней религии, ни высших нравственных чувств, и он полагал даже какое-то хвастовство в отъявленном цинизме по этой части.

Злые насмешки часто в самых отвратительных картинах над всеми религиозными верованиями и обрядами, над уважением к родителям, над нравственными привязанностями, над всеми отношениями общественными и семейными — это было ему нипочем, и я не сомневаюсь, что для едкого слова он иногда говорил более и хуже, нежели в самом деле думал и чувствовал.

Вечно без копейки, вечно в долгах, иногда почти без порядочного фрака, с беспрестанными историями, частыми дуэлями, в близком знакомстве со всеми трактирщиками, непотребными домами и прелестницами петербургскими, Пушкин представлял тип самого грязного разврата».

И действительно, цинизм, утонченный разврат, стратегия сластолюбца-соблазнителя заполняли другую часть содержания жизни Пушкина и, что замечательно, когда он заболел венерической болезнью, друзья его радовались: наконец-то он, прикованный к постели, напишет в уединении большое произведение.

При встречах с женщинами гений мгновенно загорался, стремительно и бурно налетала на него любовь и так же скоро угасала. «Натали (жена поэта) — моя сто тринадцатая любовь», — признавался он княгине Вяземской.

«Более или менее я был влюблен во всех хорошеньких женщин, которых знал, — откровенничал великий человек в другом месте. — Все они изрядно надо мною посмеялись, все, за одним единственным исключением, кокетничали со мной».

Из этого многие делали вывод, что серьезно и глубоко любить Пушкин не был способен, что вся его натура была слишком поверхностной, чтобы осознать такое истинное чувство как любовь.

Ему желалось легкого отношения к женщинам. Если же женщина оказывалась недоступной в смысле физического обладания, то он буквально готов был сойти с ума и нарастающее чувство обычно протекало, как тяжелая болезнь, сопровождаемая бурными пароксизмами.

Еще более примечательно, что даже известная содержательница публично-го дома в Петербурге Софья Астафьева жаловалась полиции на «безнравственность» Пушкина, который «развращает ее овечек». Отсюда понятно, почему в тогдашних светских и бюрократических кругах общества, где бывал молодой талант, его боялись как развратника настолько, что в результате правительству приходилось ссылать противонравственного «вольномысленника» куда-нибудь. За Кишиневом следовала Одесса, здесь поведение возмутителя спокойствия принимало тот же характер — и его выслали в другое место.

О том, как боялись цинизма и развратных проступков Пушкина, свидетельствует отрывок из дневника его соседа по имению Михайловское А.Н.Вульфа: «Я видел Пушкина, который хочет ехать с матерью в Малинники. Мне это весьма неприятно, ибо от того пострадает доброе имя сестры и матери, а сестре и других ради причин это вредно».

Как все патологические эротоманы, Пушкин был фетишист: образ женской ножки всего ярче зажигал его эротическую фантазию. Это общеизвестно, об этом свидетельствуют многочисленные стихи и рисунки, набросанные в черновых его рукописях.

Ученый-пушкиновед профессор Сумцов написал даже специальное исследование о роли женской ножки в поэзии Пушкина.

Если о фетишизме поэта удалось сотворить значительную научную работу, то тем более невозможно и представить объем исследовательского труда (скорее всего получился бы многотомник) о патологической ревности Пушкина, которая очень часто принимала фантастические размеры и всегда была злокачественным осложнением ненормальной сексуальности. Ревность поедом ела знаменитого донжуана в продолжении всей его жизни: по всякому ничтожному поводу и вылилась в конце концов в грандиозную катастрофу семейно-всемирного масштаба.

Сестра Пушкина — Ольга Сергеевна Павлицева, в одном из писем так характеризовала страдания брата в начале 30-х годов: «Брат говорил мне, что

иногда чувствует себя самым несчастным существом, близким к сумасшествию, когда видит свою жену разговаривающей и танцующей на балах с красивыми молодыми людьми: уже одно прикосновение чужих мужских рук к ее руке причиняет ему приливы крови к голове, и тогда на него находят мысли, не дающие ему покоя, что жена его, оставаясь ему верной, может изменять мысленно.

Александр мне сказал о возможности не физического предпочтения его, которое по благочестию и благородству Натали предполагать в ней просто грешно, но о возможности предпочтения мысленно других перед ним».

Интенсивность переживания Пушкина во время проявления аффекта ревности невозможно было ни с чем сравнить.

Причем интересно, что подобные переживания неизменно сопутствовали всем его наиболее серьезным увлечениям, часто приводя к непредсказуемым последствиям — безрассудным поступкам и столкновениям с людьми.

Так, по рассказу своего брата. однажды в бешенстве ревности Пушкин пробежал пять верст с обнаженной головой под палящим солнцем при тридцатипятиградусной жаре.

После женитьбы ревность Пушкина приняла характер навязчивости и ощущалась им самим как род душевной болезни.

По собственному признанию, он «...во время каждого бала делается мучеником, а затем проводит от гнетущей его тяжелой мысли бессонные ночи.

В ненапечатанном отрывке из «Евгения Онегина», имеющем, по свидетельству Павлищева, автобиографическое значение, Пушкин оставил нам прекрасный психопатологический документ с описанием подобного переживания :

Да, да, ведь ревности припадки —
Болезнь так точно, как чума,
Как черный сплин, как лихорадка,
Как повреждение ума.
Она горячкой пламенеет,
Она свой жар, свой бред имеет,
Сны злые, призраки свои.
Помилуй Бог, друзья мои!
Мучительней нет в мире казни
Ее терзаний роковых...

Вообще вся семейная драма Пушкина, приведшая к роковому концу, разыгралась на почве этой патологической ревности.

Пушкин, видя в женщине предмет чувственного обожания, в то же самое время если не вполне ненавидел женщину, то, по крайней мере, ее очень и очень низко ставил: он считал ее существом низшего порядка, лживым, злым, коварным и душевно грубым. В эстетическую чуткость женщины он совершенно не верил, он говорил: «Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью, самую раздражительность едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии.»

Тут напрашивается невольный один вопрос, как Пушкин, певший столько дифирамбов женской ножке, любви, автор страстных элегий, комплиментов, признаний, пестрящих в букете его творчества, в то же самое время дает такой отзыв о женщине и высказывает такое отношение к ней.

Здесь больше всего сказывается патологическая сексуальность, которая служила своеобразной основой возбуждения, в самом грубом смысле этого слова, для творчества поэта так же, как водка для алкоголика, который, презирая в душе пьянство, не может никак с ним покончить.

Подобное отношение к женщине в одну из трезвых своих минут Пушкин высказал в стихотворении:

Стон лиры верной не коснется
Их легкой ветреной души.
Нечисто их воображенье
Не понимают нас они,
И признак Бога — вдохновенье
Для них и чуждо и смешно.
Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих
Я содрогаюсь сразу больно,
Мне стыдно идолов моих.
К чему несчастный я стремился?
Пред кем унижил гордый ум?
Кого восторгов чистых дум
Боготворить не устыдился?

Так раскаивается и стыдится Пушкин за свою патологическую эротоманию, как алкоголик в минуту трезвости, ибо у трезвого Пушкина женский вопрос решается просто:

Умна восточная система
И прав обычай стариков –
Оне родились для гарема
Иль для неволи теремов.

Тем более надо бы добавить к этому четверостишию, что для мученика-ревнивца подобная восточная система является единственной гарантией спокойствия.

Итак, в жизни Пушкина довольно отчетливо прослеживаются циклические смены периодов возбуждения и депрессии. Первая резкая перемена, как уже отмечалось, обозначилась в семилетнем возрасте: угрюмый, сосредоточенный в себе ребенок вдруг сделался резвым и шаловливым, чем привел в ужас родителей. К счастью, оживление умственных процессов приняло творческую направленность и детские литературные забавы (сочинение комедий, эпиграмм) дали толчок развитию большого таланта.

В возрасте 12 лет, в Лицее, периодическая смена настроения не обходится уже без проявления психической неустойчивости: поэт то необузданно раздражителен до приступов бешенства из-за пустяков или шумно и неестественно весел, то чересчур грустен, тосклив и депрессивен.

По окончании Лицея (петербургский период — 1819-1820) размах психического возбуждения все более нарастает.

Здесь с крайней степенью возбуждения связываются самый разнузданный разгул, разврат, циническая и извращенная гиперсексуальность, агрессивное поведение и столкновения с окружающими. За наивысшим подъемом возбуждения следует сильнейший приступ депрессии (1820), который длится полгода и характеризуется творческой бесплодностью.

Затем наступает клинический период с новым всплеском возбуждения, достигающим самого высокого предела. Разгул, разврат, драки, скандалы, агрессивность, дуэли, повышенная и извращенная гиперсексуальность питают и поддерживают пролонгированное буйство еще не устоявшейся натуры.

С этого момента начинают разворачиваться новые элементы шизоидного характера, бывшие до сих пор не так выраженными. Все ярче и ярче проявляются «сатанизм» и «байронизм» как результат пробудившегося шизоидного начала.

В 1825 г. поэт переживает резкое угнетение настроения, тоску, он порывает свои связи с высшим светом. С каждым годом приступы меланхолии делаются чаще и чаще, но в то же время они теряют характер чисто эмоциональных депрессий, принимая скорей окраску шизоидной скуки и замкнутости.

В 1827 г. Пушкин уже прямо избегает людей, в обществе бывает редко. В состоянии жуткой тоски и меланхолии он переезжает из одного города в другой. Приступы возбуждения уже не имеют признаков, свойственных периоду ссылок.

Не улучшила состояния поэта и женитьба, а начиная с 1835 г. характер его вообще очень резко меняется, в нем катастрофически нарастают подозрительность и желчность. Вскоре все стали замечать, что гений сделался каким-то ненормальным.

Все эти приступы периодических возбуждений и депрессий, как уже отмечалось, нельзя характеризовать в качестве чистых форм маниакально-депрессивных состояний, ибо здесь примешивается целый ряд особенностей в психике Пушкина, заслоняющих или, вернее, изменяющих картину чистой формы маниакально-депрессивного состояния настолько, что невольно можно думать о другой диагностике.

Помимо шизоидного компонента, развивающегося на фоне маниакально-депрессивных состояний, не следует исключать еще и такой возможный психопатологический элемент, как аффект-эпилептический компонент в психике Пушкина. Он-то и дает исключительную аффективную вспыльчивость и агрессивность, ревность и чрезвычайно резкие смены настроения в максимально короткие промежутки времени. Это тем более необходимо подчеркнуть, если вспомнить необузданную аффект-эпилептическую психику африканских предков великого таланта по линии матери.

Что же касается шизоидного компонента, то под его влиянием эмоционально выраженная острота маниакально-депрессивных приступов после крутых поворотных для психической активности кавказского и кишиневского периодов жизни постепенно теряет резкость, как бы притупляется.

Возбуждение утрачивает свой многозарядный потенциал, интенсивность его спадает, напряженные моменты возникают все реже и реже.

Депрессия, хотя и делается все чаще и даже удлиняется, теряет свою меланхолично-эмоциональную окраску «чистых» депрессий. Шизоидный элемент эту эмоциональную меланхолию превращает все более и более в шизоидную скуку, вялость, тоску, апатическую «деревянность» и безразличие.

Извращается жизненный тонус, развивается желчность, возрастает ревность, принимающая характер бредового состояния. Точно так же растет подозрительность, перерастая в бредовую идею.

По-видимому, если бы не случайная смерть поэта, шизоидная патология всецело бы изуродовала психику Пушкина, ибо такова была тенденция развития шизоидного компонента в последние годы его жизни.

Патографические сведения о характерологических особенностях Пушкина и динамике их проявления реально отражают всю сложность системы генерации его творческой продуктивности. Когда на состояние психической сферы влияет активность столь разнородных элементов и процессов, то вполне естественно, что со временем обозначаются тенденции развития и патопсихических компонентов. Многомерность этого явления позволяет даже прогнозировать определенный клинический вариант. Однако патографическая «летопись» не акцентирует внимания на проблемах исхода конкретной патологии, она имеет другую задачу — ориентировать исследователя на оценку стимулирующего эвроактивного влияния любого психического фактора, в том числе и далекого от общепринятой нормы.

Ведь вполне возможно, что подобный фактор в какой-то момент сыграет особую роль и гений подарит нам новое эффектное открытие. А эмоциональный разряд и всплеск жизненной энергии не просто как-то благотворно уравновесят организм, они обеспечат качественно новое наполнение духовного мира великого человека.

На примере А.С.Пушкина интересно также рассмотреть отношение гениальной личности к внешнему миру. Известно, что поэт не принадлежит к числу людей, у которых внешние впечатления подвергаются длительной переработке, чтобы дать впоследствии самую неожиданную реакцию, а творчество служит лишь способом для выявления всех глубин собственного «Я». Ему чужд мучительный самоанализ, копание в собственной душе, оторванные от мира фантазии, питающиеся эгоцентрическими переживаниями. Он живет живыми впечатлениями окружающей жизни и откликается на них живо и непосредственно.

Все идейные течения своего времени были им пережиты и нашли выражение в его творчестве.

По словам Пушкина, не было явления во внешнем мире, которое прошло бы мимо него, не найдя отклика. Известный отечественный психолог профессор Д.Н.Овсяннико-Куликовский, отмечая его неэгоцентрический уклад, между прочим говорит: «Для него самым удобным пунктом созерцания был тот, где

устранено давление личного «Я», где неприемлема формула «Я» и все прочее, и человеку открывается радостная возможность забыть о себе и как бы раствориться в окружающем мире».

Эта прочная связь Пушкина с внешним миром совершенно ясна из его творчества, которое очень полно отражает его интересы и эмоциональную жизнь. Интересы почти целиком принадлежат живой реальной жизни, не выходя за пределы земного существования. Сначала — это веселье в кругу друзей, вино, любовь. Далее — вопросы, типы современности или истории, общественные события, литература, искусство. Его герои большею частью реальные живые люди, и если они начинают по временам уклоняться в сторону утонченности или чуждества, то вызывают легкую насмешку автора.

Все отвлеченное, глубокомысленное, гуманное, по-видимому, мало занимало Пушкина и почти не находит выражения в его творчестве, которое понятно и реалистично. Так, в религии он интересовался не субъективно-мистической стороной, а ее историческим и культурным значением; премудрости отвлеченных наук — логики, математики, философии — также не находили места в его голове для содержательного осмысления.

По словам Белинского, созерцая удивительно верно и живо природу, он не углублялся в ее тайный язык. Он рисует ее, но не мыслит о ней.

То же можно сказать и обо всем остальном творчестве Пушкина, которое за немногими исключениями является верной художественной передачей жизненных явлений без попытки углубить их и выйти в их понимании за пределы пространства и времени. Догматы, теории, сложные построения — все это не в натуре Пушкина. В своих убеждениях он неустойчив, у него никогда не было цельного мировоззрения, так как все события затрагивают его просто и непосредственно в каждый данный момент.

Под влиянием приятелей-революционеров он пишет либеральные стихи, во время войны бурно проявляет свои патриотические чувства, под впечатлением свидания с царем склоняется к монархизму. Все это — от повышенной внушаемости, от способности в каждый данный момент отдаваться впечатлению живой реальной жизни. Поэтому у него нет и не может быть фанатического честолюбия Байрона или мистического мировоззрения Гоголя. Он часто повторяет в своих лирических стихотворениях, что свобода и покой ему дороже всяких честолюбивых притязаний. Он любит конкретные земные радости: вино, веселье, любовь.

Удаляясь иногда от шума жизни в периоды творческого вдохновения, он все же не может существовать вне ее, так как она дает ему все его содержание.

По словам И.П.Липранди, «...во всем он увлекался своей пылкостью: там, где танцевали, он от всей души отдавался пляске, где был легкий разговор, он был неистощим в остротах, с жаром вступал в разговор». Он должен постоянно видеть, слышать, чувствовать, чтобы тотчас же отдавать воспринятое наружу, реагировать в форме бурной вспышки гнева или художественного произведения. Ему необходимы живые, новые впечатления, которые должны дать пищу его внутренней жизни: перемена места, опасности, путешествия; его тяготит однообразие: «Меня что-то давит, душит, когда я засиживаюсь на одном месте, ездить хочу, менять места» (А.С.Пушкин).

Усидчивость, кропотливая работа, длительное уединение были не в натуре Пушкина. Несмотря на постоянные столкновения с людьми, он общителен; ему необходимы люди как товарищи часов веселья, как собеседники, которым он мог бы поверить свои чувства и мысли, постоянно рвущиеся наружу. С людьми он не ладит из-за своей раздражительности, но не отгораживается от них как существо иного порядка. По своим жизненным потребностям он такой же человек, как другие; так же любит выпить, прихвастнуть, завести интрижку...Его сексуальное чувство повышено количественно, но качественно нормально. Это — чувственность, лишенная излишнего платонизма и какого-либо уклонения в сторону от осуществления биологических функций.

Пушкин вкладывает в свои увлечения много жара, страсти, ревности, но в них отсутствует надрыв, раздвоение, свойственные обычно шизоидным личностям. Его любовь понятна, она окутана, правда, иногда поэтической дымкой сладкой меланхолии, так характерной для него, но не туманом мистицизма или пафосом преувеличенного идеализма. Элемент меланхолии в его любви исходит из того уголка грусти, которую, по словам Кречмера, находят даже у гипоманиакальных циклоидов, но никогда не доходит до пессимистического пафоса Байрона. Пережив в юности период увлечения Байроном, Пушкин далее расходится с ним навсегда, чуждый его безотрадному мирозерцанию. Впоследствии он даже иронизирует над эгоцентрическим стремлением Байрона наделять своих героев собственными чертами характера. По словам Белинского, трудно найти двух поэтов, столь противоположных друг другу, чем Пушкин и Байрон. Грусть Пушкина «...несмотря на ее глубину, как-то необыкновенно светла и прозрачна, она умеряет муки души и целит раны сердца».

Характер творчества Пушкина, вообще отражающий вполне склад его личности, носит много особенностей, отмеченных Кречмером в творчестве циклоидных гениев: оно реалистично, поражает богатством и красочностью материала, часто в ущерб системе, содержит много добродушного юмора и отличается

полным отсутствием всякой вычурности, тумана, пафоса. Сюда же относится его неспособность к общественной сатире, требующей, в противоположность краткой эпиграмме, вырывающейся по непосредственным, живым впечатлениям аффекта, длительной враждебной установки против окружающего общества.

Возвращаясь к патографической фактологии о психическом складе гениального поэта, можно предположить, что многие особенности его личности, выделяющие ее из рамок средней нормы, в стороны психопатии, может быть, являлись даже благоприятными факторами для реализации творческих способностей.

Одним из таких факторов была, несомненно, его сексуальность, превышавшая значительно средний уровень. Постоянные увлечения Пушкина, вызывая общий подъем психических функций, служили источником вдохновения не только для его общего лирического настроения, но и при создании многих крупных произведений. В подобные моменты сексуальные переживания подсознательно могли приобретать роль скрытых замаскированных стимулов, расшифровать которые до сих пор пытаются многие психоаналитики.

Бурные вспышки аффекта гнева вследствие повышенной чувствительности к жизненным неприятностям, не нарушающим равновесия среднего человека, являлись обратной стороной проявления его чуткой восприимчивости, другим типом реакции которой являлось его разностороннее творчество.

Наконец, неустойчивость настроения, приступы хандры, скуки, тоски, угнетавшие его весной, сменяясь осенью обратным состоянием подъема, оказывались благоприятными для осуществления его наследственных, дарований в продуктах гениального творчества, которые, может быть, не были бы созданы при полном душевном равновесии.

Итак, не стоит сожалеть о том, что Пушкин в действительности был далек от того идеального душевного здоровья, которое пытаются приписать ему некоторые исследователи. Понимая в настоящее время всю условность и ненужность разграничения понятия нормы от душевной болезни, если речь идет не об органических нарушениях целостности интеллекта, и зная, какую редкость составляет идеальное душевное здоровье, особенно в сочетании с выдающейся одаренностью, не стоит бесполезно разыскивать эту синюю птицу среди великих людей и, предоставив ее в удел посредственности, следует объективно изучать вершины человеческого духа без предвзятости оценочных идей и предрассудков.

М.Ю.ЛЕРМОНТОВ

Имеющиеся немногочисленные патографические материалы о великом русском поэте Михаиле Юрьевиче Лермонтове, его наследственности, некоторых периодах жизни являются весьма ценными, так как позволяют более широко осмыслить те факты бытия гения, которые в их психологической причинности представляются непонятными для его биографов и историков литературы.

О наследственности со стороны отцовской линии почти ничего не известно. Сохранились лишь кое-какие данные, касающиеся только самого отца.

Известно, что Юрий Петрович — отец Лермонтова — был человек вспыльчивый, подчас грубый, самодур. Вспыльчивость давала повод к весьма грубым и диким выходкам, а в одну из поездок он даже поднял руку на свою жену. Немногие, помнящие Юрия Петровича, называли его красавцем-блондином, сильно нравящимся женщинам, привлекательным в обществе, веселым собеседником. «Бонвиваном» называл его воспитатель сына Зиновьев.

Мать поэта, Мария Михайловна, происходила из рода Строгановых, отличавшихся строгим выполнением принятых на себя обязательств, рыцарским чувством, чрезвычайной выдержкой, правдивостью, но вместе с тем и такими отрицательными чертами, как немотивированная вспыльчивость, упрямство и самодурство.

Бабушка Лермонтова — Елизавета Алексеевна Арсеньева, урожденная Столыпина, — дочь пензенского помещика А.Е.Столыпина — человека для своего времени весьма образованного и развитого, увлекавшегося театром, охотника до кулачных боев и побед, давшего своему многочисленному семейству отличное воспитание. Многие из членов этой семьи имели недюжинный характер, проявили даровитость и самостоятельность. Старший брат Елизаветы Алексеевны — Александр Алексеевич — адъютант Суворова, другие братья: Дмитрий Алексеевич — генерал-лейтенант, Алексей Алексеевич — обер-прокурор Сена-та, с ним вел деятельную переписку Сперанский.

Одна из сестер, Екатерина Алексеевна, отличалась «неустрасимым характером». Живя близ Пятигорска в своем имении, часто подвергавшемся нападению горцев, она мало обращала внимания на опасности. Если тревога пробуждала ее от ночного сна, она спрашивала о причине звуков набата, не пожар ли? Когда ей докладывали, что это не пожар, а набег, то она спокойно поворачивалась на другой бок и продолжала прерванный сон. Бесстрашие оправдывало ее прозвище «авангардной помещицы».

Сама Елизавета Алексеевна была среднего роста, стройна, со строгими и решительными, но весьма симпатичными чертами лица. Держалась она прямо, всем говорила «ты», никогда не стеснялась высказать то, что считала справедливым. Настойчивый и решительный характер ее в молодые годы носил на себе печать повелительницы и, может быть, отчасти деспотизма. Товарищи Михаила Юрьевича по юнкерской школе называли ее «Марфа-посадница».

Дед поэта (по матери) — Михаил Васильевич Арсеньев — отравился. Будучи влюблен в княжну, жившую по соседству с их имением, он на одном из балов, устроенных в своем родовом доме, тщетно ожидал ее прибытия. Елизавета Алексеевна выслала навстречу княжне слуг с отказом. Княжна разгневанная вернулась домой, написала своему обожателю оскорбительную записку, получив которую он принял яд и умер в возрасте 42 лет.

От этого брака осталась единственная дочь — Мария Михайловна — будущая мать поэта. Мария Михайловна была слабым и болезненным ребенком.

Став взрослой, она продолжала выглядеть хрупким, нервным созданием. Сентиментальная и мечтательная барышня отличалась исключительной добротой: тяжело больная, в злой чахотке, молодая аристократка сама обходила нуждающихся крестьян, лечила их, помогала б беде. В Тарханах долго помнили, как тихая, бледная барыня, сопровождаемая мальчиком-служгой, носившем за нею лекарственные снадобья, переходила от одного крестьянского двора к другому с утешением и помощью, помнили, как возилась она и с болезненным сыном.

Мария Михайловна была музыкально одаренной натурой. Посадив своего ребенка к себе на колени, она подолгу играла на фортепьяно, пела ему, а он, прильнув к ней своей головкой, сидел неподвижно. Звуки мелодии как бы потрясали его душу, и слезы катились по миловидному личику.

Мать передала сыну необычайную свою нервность. Всегда они были вместе — эта тоскующая мать и ребенок. Она писала в альбом стихи, а мальчик тут же набрасывал свои первые детские рисунки.

С мужем у Марии Михайловны отношения нормально не сложились, вскоре после свадьбы вышли недобрые столкновения из-за проживавшей у Юрия Петровича особы, занявшей место, на которое имела право только жена.

На 22-м году жизни Мария Михайловна скончалась от туберкулеза.

Из этих немногочисленных данных о родословной поэта вырисовывается характер наследственности Лермонтова. Некоторых из его родственников можно определенно отнести к шизоидам и шизотимикам. Так, одна из сестер бабушки (по материнской линии) отличалась, как уже сказано, «неустрасимостью».

Сама бабушка («Марфа-посадница») по резкости, решительности, настойчивости и деспотичности не уступала мужчинам. Подобные черты характерны для шизотимиков.

Дедушка-самоубийца, нервная и мечтательная мать тоже могут быть отнесены к шизоидам. Отец — резко патологический самодур, кутила, «легкомысленный в своем поведении» — своеобразно дополняет этот родственный шизотимический ряд.

Перейдем теперь к личности самого поэта.

Родился Лермонтов со 2 на 3 октября 1814 г. со всеми признаками тяжелой физической наследственности — упорной золотухой, рахитом, повышенной нервностью. Развитие характера мальчика описано в отрывке повести, не оконченной поэтом.

Саша Арбенин живет в деревне, окруженный женской аурой, первичным воспитанием занимается в основном няня: с нею Саша странствует по девичьим или же девушки приходят в детскую. Саше было с ними очень весело. Они его ласкали, целовали наперерыв, рассказывали сказки про волжских разбойников, и его воображение наполнялось самыми разнообразными видениями — от проявлений чудес храбрости до картин мрачных, несущих печать противообщественных понятий. Он разлюбил игрушки и начал мечтать. Шести лет он уже заглядывался на закат, усеянный румяными облаками, и непонятное сладостное чувство волновало его душу, когда полный месяц светил в окно на детскую кроватку.

Саша был преизбалованный, пресвоевольный ребенок. В семь лет он уже умел прикрикнуть на непослушного лакея, умел с презрительным видом улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы.

Между тем природная склонность к разрушению развивалась в нем необыкновенно, в саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие цветы, усыпая ими дорожки. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху, радовался, когда брошенный камень сбивал с ног бедную курицу.

В этот период он заболевает корью, которая осложняется какой-то новой тяжелой болезнью.

Характер ее неизвестен, но мальчик даже был при смерти, и тяжелый недуг оставил его в совершенном расслаблении; он не мог ходить, не мог приподнять ножки. Целые три года оставался ребенок в самом жалком положении.

Болезнь имела влияние на характер Саши: он выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, он начал искать их в самом себе, начал замыкаться. Воображение стало для него новой игрушкой.

В продолжении долгих мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он привыкал уже побеждать страдания тела, отдаваясь аутистическим переживаниям. Мальчик воображал себя волжским разбойником, среди синих и студеной волн, среди дремучих лесов, в шуме битв, в ночных наездах, при звуках песен под свист волжской бури.

Как и Саша Арбенин, Лермонтов перенес тяжелую продолжительную болезнь. Как и Саша, он был порой жесток, порой же очень мягок и отзывчив, вступался за крепостных и просил прощения у обиженного.

Десятилетним мальчиком бабушка везет Лермонтова для поправления здоровья на Кавказ. К этому возрасту относится и его первая любовь. Вторично поэт влюбляется в возрасте 12 лет, а еще через год бабушка отдает его в московский пансион.

Из всех этих данных видно, что дефекты генетической основы и физическая слабость в детском возрасте оказали определенное влияние на формирование психического статуса. С самого раннего детства у Лермонтова уже проявлялись черты шизоидной натуры: жестокость и наряду с этим необыкновенная доброта и чувство справедливости, страсть к разрушению, раздражительность, капризность, упрямство, склонность к чрезмерному фантазированию, ранняя влюбленность, аутистическая замкнутость, болезненная чуткость и сознание собственного превосходства.

Согласно уговору с отцом, мальчик до 16 лет должен был жить у бабушки. Но вот ему исполнилось шестнадцать. Лермонтов в это время перенес страшные мучения, которые чуть было не довели его до самоубийства.

Мысль о самоубийстве встречается в произведениях «Люди и страсти». «Станный человек» и в ряде стихов. Вся борьба между отцом и бабушкой — существами, которых юноша очень любил, сосредоточилась на нем.

Сначала Лермонтов хотел уехать к отцу, но слезы и скорбь бабушки сделали то, что не смогли сделать упреки и угрозы отца. Отец уехал и вскоре скончался. Смерть отца вызвала у сына настолько чрезвычайную и сильную реакцию, что повергла его в состояние тяжелой скорби. Он уходил в уединенные места, в лес, поле, на кладбище или проводил бессонные ночи, глядя сквозь окна в ночную тьму, а в голове стучала безысходная мысль о решимости покончить о собой. Покой могилы манил его.

С такими мрачными думами Лермонтов сидел у окна своего дома в Середникове, когда написал произведение «Завещание». Висковатый об этом периоде говорит следующее: «Постигшее горе не могло не оставить глубокого следа

в характере поэта. Он, что называется, ушел в себя, явилось в нем что-то надломленное. С одной стороны, жажда любви, сочувствия, с другой — недоверие к людям и счастью. Он еще более ушел в природу и в ней отдыхал, искал облегчения раненой душе своей; не тогда ли в нем родилось обыкновение скрывать от всех все, что было ему особенно близко и свято. Он весь уходит в аутистическое состояние. Он выказывал людям только внешнюю разгульную сторону свою. Это шутки и юмор человека, идущего на смерть и не желающего, чтобы видели, что душа его смертельно поражена. Свое горе по отцу он вверял лишь бумаге».

Шестнадцатилетним юношей Лермонтов поступает в Московский университет. Появление в аудитории мрачного необщительного лица поразило его новых товарищей. Вистенгоф передает весьма характерный рассказ о том, как держал себя Лермонтов в первое время пребывания в университете и какое он производил впечатление на студентов. Тут Лермонтов резко выделяется своей замкнутой и эксцентрической натурой:

«Мы стали замечать, что в среде нашей аудитории, между всеми нами один только человек как-то рельефно отличался от других: он заставил нас обратить на себя особенное внимание. Этот человек, казалось, сам никем не интересовался, избегал всякого сближения с товарищами, ни с кем не говорил, держал себя совершенно замкнуто и в стороне от нас, даже и садился он постоянно на одно место всегда отдельно в углу аудитории, у окна; по обыкновению, подпершись локтем, он читал с напряжением, сосредоточенным вниманием, не слушая преподавания профессоров.

Вся фигура этого человека возбуждала интерес и внимание, привлекала и отталкивала. Мы знали только, что фамилия его Лермонтов.

Прошло около двух месяцев, а он неизменно оставался с нами в тех же неприступных отношениях. Студенты не выдержали. Такое обособленное, исключительное поведение одного из среды нашей возбуждало толки.

Одних подстрекало любопытство, некоторых сердило. Каждому хотелось ближе узнать этого человека, снять маску, скрывавшую затаенные его мысли, и заставить высказаться.

Однажды студенты, близко ко мне стоявшие, считая меня за более смелого, обратились ко мне с предложением отыскать какой-нибудь предлог для начала разговора с Лермонтовым: «Вы подойдите, Вистенгоф, к Лермонтову и спросите, какую это он читает книгу с таким постоянным напряженным вниманием».

Недолго думая, я отправился. «Позвольте спросить Вас, Лермонтов, какую это книгу Вы читаете. Без сомнения, очень интересную, судя по тому, как Вы

в нее углубились. Нельзя ли ею поделиться и с нами?» Взглянув на книгу, я успел только распознать, что она была английская.

Он мгновенно оторвался от чтения. Как удар молнии сверкнули его глаза, трудно было выдержать этот насквозь пронизывающий неприветливый взгляд. «Для чего это Вам хочется знать? Будет бесполезно, если я удовлетворю Вашему любопытству. Содержание этой книги Вас нисколько не может интересовать, потому что Вы не поймете тут ничего, если я даже к сообщу Вам содержание ее», — ответил он резко, приняв прежнюю позу и продолжая читать.

Как бы ужаленный бросился я от него. Лермонтов и далее продолжал держать себя по-прежнему».

А вот еще одно наблюдение Вистенгофа:

«Видимо было, что Лермонтов имел грубый, дерзкий, заносчивый характер, смотрел с пренебрежением на окружающих, считал их всех ниже себя. Хотя все от него отшатнулись, а между прочим, странное дело, какое-то непонятное, таинственное настроение влекло к нему и заставляло вести себя сдержанно в отношении к нему, в то же время завидуя стойкости его угрюмого нрава.

Вне стен Университета Лермонтов точно так же чуждался нас. Он посещал великолепные балы тогдашнего благородного собрания, являлся на них изысканно одетым, в сообществе прекрасных светских барышень, к коим относился так же фамильярно, как и к почтенным влиятельным лицам. При встрече с нами он делал вид, что будто не знает нас. Большинство чувствовало существование какой-то преграды между собою и Лермонтовым, преграды, не позволявшей близко с ним сходиться».

В автобиографической драме «Странный человек» Лермонтов дает отдельную сцену, где говорится об отсутствующем лице — Владимире Арбенине, под именем которого Лермонтов, в некоторой степени, рисовал самого себя. Арбенин — странный человек: то шутит и хохочет, то вдруг замолчит и делается подобен истукану, или вдруг вскочит, убежит, как будто потолок провалился над ним. Как видим, между героем драмы и прототипом сходство весьма ощутимое.

Ни в один из существовавших в обществе кружков по интересам Лермонтов не входил. С профессорами у него были и столкновения. Так, профессору Победоносцеву на его замечание, чтобы Лермонтов свои ответы строил строго в соответствии с материалами лектора и не использовал для этих целей другие книги, поэт ответил: «Это правда, господин профессор. Вы нам этого, что я сейчас говорил, не читали и не могли читать, потому что это слишком ново и до Вас еще не дошло. Я пользуюсь научными пособиями из своей собственной библиотеки,

содержащей все вновь входящее на иностранных языках». Подобный же ответ был дан профессору Гастену.

Может быть, вследствие такого столкновения, может быть, вследствие неудачного экзамена, но продолжать курс в Московском университете оказалось неудобным. Он решил перейти в Петербургский, но там отказались зачесть пройденный курс. Тогда Лермонтов решил поступить юнкером в полк и училище, откуда мог выйти уже в 1834 г. и, следовательно, выиграть два года.

Своей подруге он пишет, что сами обстоятельства наталкивают его на путь, в душе ему не совсем чуждый.

Вот письмо к В.А.Лопухиной: «Не могу представить себе, какое действие произведет на Вас моя великая новость, — до сих пор я жил для поприща литературного, принес столько жертв своему неблагоприятному идолу и вот теперь я — воин. Быть может, тут есть особая воля Провидения, быть может, этот путь короче всех и, если он не ведет к моей первой цели, может быть, по нем дойду до последней цели всего существующего; ведь лучше умереть с свинцом в груди, чем от медленного старческого истощения».

По поводу перехода Лермонтова в школу юнкеров Висковатый приводит следующее: «Часто приходится слышать недоумение или порицание тому, что Лермонтов мог перейти из университета в военную школу, которая представляла своим строем и программой воспитательное заведение, стоящее несравненно ниже университета. Кажется непонятным, как развитой студент Московского университета мог решиться на такую перемену и не только вступить, но и окончить воспитание в школе».

Петербург и общество сразу не понравились Лермонтову. Он отстранился от всех и ушел в самого себя. По приезде в столицу в 1832 г. поэт пишет своей приятельнице: «Вы просите назвать всех, у кого я бываю: из всех лиц, с которыми я бываю, приятнейшее общение — это я сам».

Теперь он еще более уходит в себя, еще более скрывает от товарищей свой внутренний мир, высказывает только одну сторону — отзыв на их затеи, или же в сердечной скорби глумится над собой и окружающими.

Он сразу получил репутацию лихого юнкера. Желание первенствовать было причиной случая, едва не имевшего весьма печальных последствий. Раз, после езды в манеже, будучи еще, по школьному выражению, новичком, подстрекаемый старшими товарищами, он, чтобы показать свое знание в езде, силу и смелость, сел на молодую лошадь, еще не выезженную, которая начала беситься и вертеться около других лошадей. Одна из них ударила Лермонтова в ногу

и расшибла ее до кости. Лермонтов проболел несколько месяцев, всю жизнь после этого он слегка прихрамывал.

От товарищей поэт любил удаляться. По вечерам, после учебных занятий, часто уходил в отдаленные классные комнаты, стараясь пробраться туда незамеченным, и там один просиживал долго и писал до поздней ночи.

В 1834 г. юнкера издавали журнал «Школьная Заря». Тут Лермонтов поместил ряд своих поэм, создавших ему известность «нового Баркова». Произведения эти отличались жаркой фантазией и подчас прекрасным стихом, но отталкивали своим цинизмом и грязью. В это время он пользовался репутацией эротического поэта. Бывали случаи, что сестрам и женам офицеров запрещали говорить о том, что они читали произведения Лермонтова, — это считалось компрометирующим. Пынин делает такое заключение о влиянии на Лермонтова лет, проведенных в юнкерской школе: «Лермонтов, в детстве мало общительный, не был общителен и в школе. Он представлял товарищам своим шуточные стихотворения, но не делился с ними тем, что выказывало его задушевные мысли и мечты. Только немногим ближайшим друзьям он доверял свои серьезные работы. У него было два рода серьезных интересов, две среды, в которых он жил, очень непохожие одна на другую, и если он старательно скрывал лучшую сторону своих интересов, в нем, конечно, говорило осознание этой противоположности. Его внутренняя жизнь была разделена и беспокойна. Его товарищи, рассказывающие о нем, ничего не могли рассказать, кроме анекдотов и внешних случайностей его жизни».

Два года, проведенные в школе, Лермонтов считает страшными годами. Известно, что за разные «шалости» и мелкие проступки молодой юнкер очень часто сидел на гауптвахте. То он являлся на развод с маленькой, чуть ли не детской игрушечной саблей, то, отсидев за это, завел саблю больших размеров, которая при его малом росте казалась еще громаднее и, стуча о панель или мостовую, производила ужасный шум.

По свидетельству Ростопчиной, проказы, шалости и шутки всякого рода, после пребывания Лермонтова в школе гвардейских прапорщиков, сделались его любимым занятием. Насмешливый, едкий, ловкий, вместе с тем полный ума, самого блестящего, богатый, независимый, он сделался душою общества молодых людей высшего круга, был запевалой в беседах, кутежах, словом во всем, что предоставляла ему жизнь в эти годы.

К этому же периоду относится и встреча поэта с Е.А.Хвостовой, отвергнувшей его любовь в 15 лет. Он снова стал ухаживать за ней, но уже из расчета,

в чем и сознается в письме к Верещагиной. В основе отношений лежала месть за прошлое и желание скомпрометировать девушку перед светом. Когда ее родители считали его уже женихом, он пишет анонимное письмо, в котором уговаривает изгнать Лермонтова из дома, описывая при этом про себя всякие ужасы.

В 1837 г., узнав о смерти А.С.Пушкина, Михаил Юрьевич мгновенно отреагировал на это печальное событие: написав стихи на смерть гениального поэта, он слег в сильнейшем нервном расстройстве. Узнав подробности от пришедшего к нему Столыпина, Лермонтов вступил с последним в горячий спор. Запальчивость поэта вызвала смех у Столыпина, который тут же заметил, что у Мишеля слишком раздражены нервы. Но тот был уже я полной ярости, не слушал собеседника и, схватив лист бумаги, сердито поглядывая на своего визави, что-то быстро чертил, ломая карандаши по обыкновению один за другим. Наконец раздраженный ревнитель чести напустился на оппонента, назвал его врагом Пушкина и закричал, чтобы тот сию же минуту убирался, иначе он за себя не отвечает. Столыпин вышел со словами: «Но он совсем сумасшедший». Через четверть часа Лермонтов, переломав с полдюжины карандашей, прочел Юрьеву заключительные шестнадцать строк своего гениального произведения — стихотворения «На смерть поэта».

За эти стихи он был 26 февраля 1837 г. переведен в Нижегородский гусарский полк на Кавказ, откуда возвратился вновь в Петербург только в 1838 г., как говорит Висковатый, совсем другим человеком.

Юношеская веселость стала уступать все чаще припадкам меланхолии. Сам поэт говорит о себе: «Я здесь по-прежнему скучаю». В 1840 г. состоялась дуэль между де Барантом и Лермонтовым. Причиной поединка большинство окружающих считали четверостишие, в котором поэт, оскорбленный предпочтением, с цинизмом отозвался о предмете страсти сына французского дипломата.

Лермонтова снова выслали на Кавказ.

Барон Россильон — старший офицер в отряде генерала Галафеева, куда прибыл Лермонтов, сообщает такие подробности: «Лермонтов был неприятный насмешливый человек и хотел казаться кем-то особенным. Он хвастал своей храбростью, как будто на Кавказе, где все были храбры, можно было кого-либо удивить ею. Лермонтов собрал какую-то шайку головорезов. Они не признавали огнестрельного оружия, врезывались в неприятельские аулы, вели партизанскую войну и именовались громким именем «Лермонтовского отряда». Длилось это недолго, впрочем, потому что Лермонтов нигде не мог усидеть, вечно рвался куда-то и ничего не доводил до конца. Когда я его видел на Сулане, он был мне

противен необычайной своей неприятностью, он носил красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и выглядела почерневшею из-под вечно расстегнутого сюртука поэта. Гарцевал Лермонтов на белом, как снег, коне, на котором, молодецки заломив белую холщевую шапку, бросался на чеченские завалы. Чистое молодечество, ибо кто же кидался на завалы верхом. Мы над ним за это смеялись».

Ходил Лермонтов всегда небритым. В походе он отпустил баки и дал волю растительности на подбородке — это было против правил формы, но растительность на лице была так бедна, что не могла возбудить серьезного внимания строгих блюстителей устава. Боевая жизнь Лермонтову нравилась. Ему доставляло как будто особенное удовольствие испытывать судьбу. Опасность или возможность смерти делали его остроумным, разговорчивым, веселым. Весельчак часто переступал установленные служебные правила, очень любил «шалости» и всевозможные выходки, за что Краевский называет его «странным».

Князь Васильчиков о «шалостях» Лермонтова вспоминал так: «Лермонтов был шалун в полном ребяческом смысле слова, и день его разделялся на две половины между серьезными занятиями, чтением и такими шалостями, какие могут прийти в голову разве только пятнадцатилетнему мальчику, например: когда к обеду подавали блюдо, то он с громким смехом бросался на него, вонзал свою вилку в лучшие куски, опустошал все кушанья и часто оставлял всех без обеда. Чем больше и серьезнее он работал, тем, казалось, чувствовал большую необходимость дурачиться и выкидывать разные чудачества».

В Пятигорске многие называли Лермонтова выскочкой, задирой, ожидали случая, когда кто-нибудь, выведенный им из терпения, проучит «ядовитую гадину». И вот на одном из вечеров 13 июля 1841 г. Лермонтов обронил своей даме остроту о присутствовавшем там же майоре Мартынове. По мнению последнего, это было оскорбление, которое к тому же прозвучало слишком громко.

Последовал вызов, и через день, 15 июля 1841 г., величайший русский поэт погиб на дуэли.

Любовь, играя важную роль в жизни каждого человека, особенно знаменательна в судьбе Лермонтова. Первое его чувственное увлечение относится, как было сказано, к 10 годам, затем он влюбляется в возрасте 12, 15 лет и далее. Иногда было достаточно мимолетной встречи, чтобы сердцем овладело бесплотное видение и заставило его заботиться неясным трепетом. Среди многих мимолетных привязанностей как всеми биографами, так и критиками признавалась глубокая и искренняя любовь к В.А.Лопухиной. Интересно проследить развитие отношений поэта к предмету обожания.

Любовь их имела характер неясный, колеблясь между братским чувством и влюбленностью. Варенька ему казалась изменчивой, не понимающей его, в стихотворениях к ней отразились все колебания чувства — от нежнейших привязанностей до горьких упреков, выражения ревности, негодования, вспышек ненависти, хотя и окрашенных непритворным душевным страданием. Лермонтов и сам не мог дать ясного отчета в своем состоянии: то полный восторженной радости, то в мрачном отчаянии, ревности или с презрением, он и отходил, и вновь возвращался к любимому существу, сгорая от стыда и отчаяния. Уехав в Петербург, он хранит упорное молчание, хохочет, когда ему говорят о ней, увлекается другими.

Но вот она выходит замуж за Бахметьева. Одно известие о свадьбе возмущает Лермонтова, в нем опять пробуждается чувство, он не находит себе места. «Мы играем с Мишелем в шахматы. — рассказывает Шан-Гирей, человек подал письмо; Мишель начал его читать, но вдруг изменился в лице и побледнел. Я испугался и хотел спросить, что такое, но он, подавая мне письмо, сказал: «Вот новость, прочти», и вышел из комнаты. Это было известие о предстоящем замужестве Лопухиной». По выходе Лопухиной замуж Лермонтов всю жизнь мстит ей, осмеивая Бахметьева.

А вот как отзывался о чувствах поэта Котляровский: «Лермонтов был великий мастер любовной песни во всех ее отношениях, конечно, потому, что умел любить: любил он часто и глубоко, и мимолетно, и несомненно, что этот порядок чувств был одним из тех, с которыми ужиться ему было всего легче».

Андреевский, характеризуя Лермонтова, высказывает следующее: «Любовь дразнила Лермонтова своим неизменно повторяющимся и каждый раз исчезающим подобием счастья. Он любил мстить женщинам за это постоянное раздражение. Едва ли не отсюда произошло его злобное донжуанство, холодное кокетство с женщинами, вызывавшее столько нареканий на его память. Печорин сам презирает в себе эту недостойную игру с женщинами, но сознается, что никак не может отстать от нее: «Я только удовлетворяю странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радость и страдания, и никогда не мог насытиться; нехстати было бы мне говорить о них с такой злостью, мне, который кроме них ничего на свете не любил, мне, который всегда готов им жертвовать спокойствием, честолюбием, жизнью. Но я не в припадке досады и оскорбленного самолюбия стараюсь сдернуть с них то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взор проникает. Нет, все, что я говорю о них — есть следствие «ума холодных наблюдений и сердца горестный

полет». Первое страдание даст удовольствие мучить другого... Я был готов любить весь мир, меня никто не понял, и я выучился ненавидеть».

А вот откровенные слова самого Лермонтова о любви и дружбе: «Есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распутившейся душой.

Она, как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца, его надо сорвать в эти минуты и, подышав им досыта, бросить на дороге, авось кто-нибудь поднимет. Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на пути, я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы. Сам я больше не способен безумствовать под влиянием страсти; честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде: ибо честолюбие есть ничто иное, как жажда власти, а первое мое удовольствие — подчинять моей воле все, что меня окружает. Возбуждать в себе чувство любви, преданности и страха не есть ли первый признак и величайшее торжество власти... Есть минуты, когда я понимаю вампира, а еще слышу добрым малым и добиваюсь этого названия».

Часто посещали Лермонтова мысли о смерти, нередко он испытывал власть судьбы. В одном из стихотворений читаем следующее:

Я предузнал мой жребий, мой конец.
И грусти ранняя на мне печать.
И как я мучаюсь, знает лишь Творец,
Но равнодушный мир не должен знать и далее.
На месте казни гордый, хоть презренный,
Я кончу жизнь свою.

В «Герое нашего времени» есть также трагически звучащая нота: «...быть может завтра я умру...» А вот что рассказывал его товарищ Гвоздев: «...восьмого июля встретился с поэтом довольно поздно на Пятигорском бульваре. Лермонтов был в страшном расположении духа: то грустен, то вдруг становился желчным и с сарказмом отзывался с жизни и обо всем его окружавшем. Между прочим в разговоре он сказал: «Чувствую, мне очень мало осталось жить».

Как и у всех психопатических личностей, сновидения играют огромную роль в жизни Лермонтова. После одного из «вещих снов» он через неделю дрался на дуэли. Сны производили сильное воздействие на впечатлительную натуру. Так, один из снов, увиденных в восьмилетнем возрасте, настолько потряс воображение, что через восемь лет поэт вспомнил о нем в одном из своих стихотворений. И вообще Лермонтов упоминает о «вещих снах» неоднократно. «Странная вещь эти сны», — писал он в письме Лопухиной.

Психопатическое состояние Лермонтова так ярко бросалось в глаза окружающим, что не нужно было обязательно быть специалистом по психиатрии, чтобы это заметить. Все литературные критики того времени, признавая глубоко субъективный и автобиографический характер лермонтовской поэзии, отмечают, прямо или косвенно, ту или иную психопатическую черту гениальной личности. А некоторые прямо говорят о болезненности душевного склада.

Так, профессор Петухов давал такую оценку: «В своих произведениях Лермонтов отразил собственную личность. Окруженный материальным довольством, родственной любовью и заботами, он, однако же, тяготится жизнью, ищет забвения, тоскует. Он презирает судьбу и мир, живет без веры, жалуется на старость «без седин», чувствует усталость, грустит, оплакивает свою жизнь, все проклинает, как лживый сон, как обманчивую мечту. Наконец, главным источником его страданий является неразделенная погибшая любовь».

Оценивая Лермонтова как лирика, профессор далее уточняет: «...поэт сперва инстинктивно, затем сознательно приходит к мысли, что гласным источником поэтического вдохновения является не внешний мир со всем разнообразием его красок и звуков, а внутренний мир поэта, его страдающая и томящаяся душа. Его призвание — поведать людям тайну своих душевных мук. Ему нужно беспокойство, страсти, душевные бури («А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой»). Стихотворение «Не верь себе» имеет характерный для субъективного поэта эпиграф: ... В произведениях, которые считаются особенно «лермонтовскими», поэт выразил тревогу души своей, глубокую грусть, тоску бытия, разочарование. В основе таких безотрадных чувств лежала другая психологическая антитеза, столь же субъективная; она сводилась к противопоставлению чувств и понятий, выражаемых терминами: очарование-разочарование, кипучая игра душевных сил и их увядание, расцвет души и ее преждевременная старость, жизнь и смерть».

Подобные суждения высказывали и другие очевидцы и исследователи. «Все, все в поэзии Лермонтова: и рай, и ад» (Белинский). «Произведения Лермонтова так тесно связаны с его личной судьбою, что кажутся мне особенно замечательными в одном отношении. Я вижу в Лермонтове прямого родоначальника того духовного настроения и того направления чувств и мыслей, а отчасти и действий, которые для краткости можно назвать ницшеанством. . .

Первая и основная особенность лермонтовского гения — страшная напряженность и сосредоточенность на себе, на своем «Я», страшная сила личного чувства: не ищите у Лермонтова той прямой открытости всему задушевному,

которая так чарует в поэзии Пушкина. Пушкин, когда и о себе говорит, то как будто о другом, Лермонтов же, когда и о другом говорит, то чувствуется, что его мысль из бесконечной дали стремится вернуться к себе, в глубине занята собою, обращается на себя. Нет надобности приводить этому примеры из произведений Лермонтова, потому что из них немного можно было бы найти таких, где бы этого не было. Ни у одного из русских поэтов нет такой силы личного самочувствия, как у Лермонтова» (Владимир Соловьев).

«В поэзии Лермонтова мы видим пламя ночного пожара, недолгое, неровное, но исключительно яркое, мы видим болезненное умирание погребального факела, подавленный трепет могучей личности, не нашедшей себе места в окружающей обстановке» (К.Бальмонт).

«В том виде, в каком поэзия Лермонтова перед нами — она неразрешимый диссонанс» (Котляровский).

Спасович, Мережковский и другие указывают на процесс деятельности ума Лермонтова, имевшего метафизический склад. В частности, Спасович отмечает: «...склонности к мистицизму у Лермонтова не было, но всеми своими помышлениями он стремился к сверхчувственному, к недоступному для нашего ума и больше жил в этой угадываемой области, нежели в мире действительном.

Беру поэтическую автобиографию его «11 июня 1831 года»:

Моя душа, я помню, с детства чудесного искала,
Я любил все обольщенья света.
Но не свет, в котором я минутами лишь жил —
И те минуты были мук полны.
И поселял таинственные сны я этими мгновеньями...
Все образы мои не походили на существ земных.
О, нет, все было ад иль небо в них.

Желания этой души необъятны, они направлены к чудесному, к тому, чего никогда не может земная жизнь, реальное бытие. Ей кажется, что она достигает подобия желаемого состояния в редкие моменты наисильнейшей страсти».

Личность Лермонтова чрезвычайно ярко выступает в лице Печорина («Герой нашего времени»).

«Печорин — автопортрет Лермонтова. В нем воспроизведены важнейшие стороны натуры Лермонтова, склад ума его, его психологическое отношение к людям, его социальное самочувствие. Печорин — натура эгоцентрическая, осложненная сознанием своего превосходства перед другими людьми».

(Д.Н.Овсяннико-Куликовский).

Д.Н.Овсяннико-Куликовский считает Печорина, несомненно, нравственным калекой в том смысле, что одна половина его души, именно лучшая, погружена в род летаргии, не обнаруживается, не функционирует, а проявляется и действует только другая, показная, та, которая могла проложить ему дорогу в свете.

Далее он указывает, что Печорин близок к душевному извращению и некоторому моральному недугу, что в человеке, которому от роду 25-26 лет, предающемуся столь интенсивному самоанализу, думающему, что он достиг высшего самопознания, — мы вправе видеть в нем симптом болезненного развития души.

«Вспомните «Героя нашего времени», вспомните Печорина, этого странно-го человека, который, с одной стороны, томится жизнью, презирает ее и самого себя, не верит ни в нее, ни в самого себя, носит в себе какую-то бездонную пропасть желаний и страстей, ничем ненасытимого, а с другой — гонится за жизнью, жадно ловит ее впечатления, безумно упивается ее обаянием. Вспомните его любовь к Бэле, к Вере, к княжне Мэри и потом поймите эти стихи:

Любить, но кого же?
На время не стоит труда,
А вечно любить невозможно...»
(В.Г.Белинский)

«Печорин — существо совершенно двойственное, человек, смотрящийся в зеркало перед дуэлью с Грушницким и рыдающий, почти грызущий землю, как зверенок Мцыри, после тщетной погони за Верой. Что такое Печорин? Поставленное на ходули бессилие личного произвола». (Аполлон Григорьев).

«В последнем очерке Демон является лицом двойственным. Тамара не понимает, что он такое, добро или зло в нем.

То не был ангел-небожитель
Ее божественный хранитель.
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный
.....
Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет...

Двойственность характерна для всей поэмы «Демон».

Лермонтову сродни созданный им образ Демона, «чей взор надежду губит, едва надежда расцветет».

В стихотворении «11 июня 1831 года» поэт говорит, что привык к этому состоянию, но выразить его не мог бы ни ангельский, ни демонский язык, ангел и демон таких тревог не ведают, в одном все чисто, в другом все зло и только у человека можно встретить такое сочетание священного с порочным». (Невеленов).

Овсяннико-Куликовский дает такое заключение: «Меланхолик по унаследованному укладу психики, Лермонтов, бесспорно, принадлежал к тому типу неуравновешенных, который характеризуется тем, что впечатления от внешнего и внутреннего мира в большинстве окрашиваются мрачным колоритом, радости быстро увядают, тоскливое настроение становится затяжным, жизнь обесценивается, ни в чем человек не находит ни отрады, ни утешения, и слишком назойливо навязывается ему мысль о смерти».

«Лермонтов был прежде всего человек с природным меланхолическим складом души. . . Откуда взялась эта меланхолия — вопрос неразрешимый. . . Из этой меланхолии вытекала и ранняя серьезность. Всякий. . . вопрос жизни принимал в глазах поэта преувеличенные размеры. Вторым прирожденным даром была сила фантазии. Эта живость мечты находилась также в прямой связи с меланхолическим темпераментом поэта и его замкнутой жизнью». (Котляровский).

Таким образом, наблюдения людей, многие из которых вовсе не имели специальных познаний в психиатрии, характеризуют психику Лермонтова как болезненную и очень образно представляют этот исключительный феномен: «страдающая, разочарованная душа», «эгоцентрическая натура», «странный человек», «нравственный калека», «близкий к душевному извращению и моральному недугу», «болезненная душа», «меланхолик», «неуравновешенный человек» и т. п.

Оценки личности Лермонтова специалистами различных психиатрических школ наряду с подтверждением высших психических способностей не оставляют сомнений о наличии симптомов пограничного состояния его психики.

Представляет интерес патографическое исследование жизни и творчества поэта, выполненное в двадцатых годах нашего века авторами (Соловьева М., Потанин М.П., Сегалин Г.В.), сторонниками учения Кречмера. Поскольку в нем анализ психопатологических проявлений дается в широком биографическом контексте с уже упоминавшейся фактологией, целесообразно изложить исследовательские материалы конспективно. Следует оговориться, что современные научные статьи открывают всегда нечто новое в данном вопросе, но отдельные публикации касаются отдельных сторон темы.

В данном же варианте прослеживается целенаправленное стремление «объять необъятное», т.е. обосновать диагностику отклонениями в поведении во все периоды жизни и творчества. В связи с тем что профессиональное подтверждение шизоидного компонента в психике Лермонтова отмечается всеми специалистами, можно не углубляться в чисто специальную трактовку терминов и понятий, а сосредоточиться на методических приемах авторов, убеждающих всех в своей правоте.

Интересно, например, как исследователи принимают во внимание все признаки, даже очень общие. По их мнению, признание Лермонтова поэтом-лириком уже предопределяет его положение в группе шизотимиков. Кречмер отмечал: «Как у циклотимиков преобладает объективное, так у шизотимиков решительно преобладает лирическое и драматическое. Это необычайно важная черта, которая характеризует произведения таких поэтов с объективностью документа или естественнонаучного эксперимента».

Однако возможность остановиться на этом определении серьезно не рассматривается. Наоборот, делается новый шаг, и он уже ведет в ту область пограничных состояний, которая носит название шизоидии и патологических личностей. Далее патография жизни и творчества гениального поэта конструируется с позиций учения Кречмера.

Вот конспективные положения и выводы этой работы.

По тем немногим сведениям, которые сохранились о родственниках Лермонтова, можно охарактеризовать их как лиц с патологическими отклонениями в психике, относящихся к шизотимикам и шизоидам. Таковы со стороны матери бабушка («Марфа-Посадница»), сестра бабушки («авангардная дама»), дедушка-самоубийца, чьи характеры носили черты шизотимиков, а также сама мечтательная, нервная, больная туберкулезом мать и самодур отец — ярко выраженные шизоиды. Подобная наследственность (шизотимики и шизоиды среди близких родственников) наиболее часто обуславливает появление в потомстве аномальных личностей и больных шизофренией.

Родился Лермонтов рахитичным и золотушным, в течение многих лет оставался болезненным, слабым ребенком.

С самого раннего детства в нем проявляются черты, которые считаются наиболее характерными при развитии шизоидной личности: жестокость (он нередко был груб, любил мучить животных), наряду с этим необычайная доброта и чувство справедливости, страсть к разрушению, раздражительность, капризность, упрямство, гиперфантазирование, раннее развитие и болезненная чуткость души.

Несмотря на то, что детство Лермонтова протекало в благоприятных условиях, в нем рано пробуждается недовольство жизнью, склонность к уединению, чувство одиночества, сознание собственного превосходства и отчужденности.

С другой стороны, окружающая обстановка: чрезмерная любовь бабушки, богатство, потворство всяким капризам — способствовали еще большему развитию указанных выше черт.

Жизнь в себе, аутизм — основные черты шизоидов — у Лермонтова ярко бросаются в глаза чуть ли не с колыбельного периода. Первый конфликт с жизнью (раздоры между бабушкой и отцом, смерть отца), совпавший с периодом полового созревания, послужил толчком к тому, что Лермонтов окончательно замкнулся в себе и стал для окружающих человеком непонятным, таинственным, странным, эксцентричным, оставаясь таковым до смерти.

Товарищи и Лермонтов чувствуют между собой существование какой-то преграды, не позволяющей им сходиться. Искренним и простым он был лишь с немногими избранными, в которых был уверен (то, что Кречмер называет избирательной средой).

Графиня Ростопчина так рисует его по отношению к кругу друзей:

Но лишь для нас, лишь в тесном круге нашем
Самим собой, веселым, остроумным,
Мечтательным и искренним он был.
Лишь нам одним он речью, чувства полный,
Передавал всю бешенную повесть
Младых годов, ряд пестрых приключений...

Во время пребывания в школе юнкеров он лишь поверхностно общителен, без более глубокого контакта с окружающим миром. В нем очень отчетливо проявлялись эта поверхностность (в отношении к людям) и бездонная глубина, т.е. жизнь в самом себе, куда доступ другим строго заказан. Лермонтов никогда не растворяется в среде, для него существует «Я» и внешний мир, в свое «Я» он никого не пускает, боясь, что его не поймут или заденут.

Он невыразимо страдал от всякого неловкого прикосновения. Чем старше поэт становился, тем труднее допускал кого-либо в святая-святых своего «Я», напротив, старался стать к человеку такой стороной, чтобы всякое случайное задевание его чутких струн становилось затруднительным. Между ним и окружающими происходили постоянные конфликты (в пансионе, в университете, в школе прапорщиков, на военной службе).

Сам поэт полон капризов и неожиданностей, впрочем, как и его герои.

Так, Печорин в дождь и холод бывал целый день на охоте; «... все иззябнут, устанут, а ему ничего: а другой раз сядет у себя в комнате — ветер пахнет, уверяет, что простудился, ставень стукнет — он вздрогнет и побледнеет, а ходил на кабана один на один; бывало по целым часам слова не добыешься, зато уж иногда начнет рассказывать, так животики надорвешь от смеха».

Знавшие Лермонтова отмечали в этих строках портретное сходство автора романа с главным героем.

Характерна, как для шизоида, быстрая смена настроения Лермонтова: с Кавказа поэт летел в Петербург, из Петербурга вновь на Кавказ, веселился в обществе и возвращался домой печальный, был печален в обществе и ехал веселиться за город, проказничал, как школьник, и вдруг становился угрюм и серьезен.

В жизни и творчестве Лермонтова явственно присутствует элемент амбивалентности: в нем уживаются одновременно глубокая и искренняя любовь с кокетством и издевательством, глубокая грусть с постоянной жаждой выставить себя напоказ и рисоваться. Одновременно очарование всем прекрасным и разочарование во всем, что дало повод критикам называть его очарованным — одним, и разочарованным — другим.

Для Лермонтова, как и для шизоида или шизофреника, существуют только крайности: Бог или черт, ад или рай.

Но все образы мои, Предмет мнимой злобы и любви, Не походили на существ земных. О, нет, все было ад иль небо в них.

Не менее показательна и любовь гения к противоречиям.

Вспомним Печорина: «Вся жизнь моя была цепь грустных противоречий».

Любовь занимает первейшее место в жизни Михаила Юрьевича, приносит ему немало страданий. Как у большинства шизоидов, у него наблюдалось преждевременное пробуждение сексуального чувства. В любви Лермонтов тот же, что и в жизни: то он неожиданно озлобляется, то внезапно остывает, уходит сам, потом любит снова. В злом отношении к женщине особую роль играет то, что встречается часто, по мнению Кречмера, у шизоидов — комплекс наружности. Как и Байрон, он болезненно преувеличивал свои физические недостатки, не верил в искренние чувства женщины. Молитва и преступление, любовь и ненависть находят себе союз, по-видимому, странный и в то же время неразлучный, как это было и в его собственной душе «...где так безумно, так напрасно, с враждой боролась любовь».

Ранняя любовь, не понимаемая и оскорбляемая, заставила его чуткую душу болезненно воспринимать и корчиться от того, что почти незаметно пережить было бы другим, он же бросился в крайность.

В основе всей личности Лермонтова лежит дисгармония его душевной деятельности, разлад между чувством и умом. Печорин также умен и в нем есть чувство, но в душе его нет согласия между умом и сердцем; холодный анализ убивает порывы чувства, сомнения подрывают веру. «Во мне два человека, — пишет Печорин в дневнике, — один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит, судит его. Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти, поступки со строгим любопытством, но без участия». В душе Печорина пылкость сердца соединяется с холодом скептицизма, разочарования, почти как у героя другой лермонтовской драмы «Странный человек».

Будучи всегда занят собою, Лермонтов и в своих произведениях эгоцентричен. Вся его поэзия имеет автобиографическое выражение и выражает все шизоидные черты его характера.

Кречмер считал, что существует тесная связь между строением тела и характером. Возможно ли установить таковую в данном конкретном случае?

Лермонтов был среднего или даже низкого роста, с непомерно широким туловищем, с большой головой, сутуловат, немного кривоног, с нежными выхоленными руками; лицо бледное, с весьма слабой растительностью; темные волосы с светлым белокурым клочком чуть повыше лба окаймляли хорошо развитый лоб, большие темные глаза, казалось, вовсе не участвовали в насмешливой улыбке на красиво очерченных губах. Он обладал большой физической силой, был ловок, смех его был неприятен и резок. Дисгармония психики отражалась и в его наружности.

По имеющимся данным его можно причислить предположительно к типу диспластиков, среди которых часто встречаются шизоиды и шизофреники.

Таким образом, согласно учению Кречмера, Лермонтова следует отнести к группе гениальных психопатов-шизоидов.

К материалам исследования не стоит добавлять дискуссионных заметок.

О природе гения, необходимости (или особой роли) патологической «присадки» для активации творческого процесса уже говорилось. Можно лишь отметить, что прояснить все загадки, связанные с личностью великого русского поэта, еще предстоит в дальнейшем.

Л.Н.ТОЛСТОЙ

В мировой литературе творчество гениального русского писателя Льва Николаевича Толстого получило всеобщее признание. Он по праву своего могучего таланта занял достойное место среди художников слова, которых больше всего читают и цитируют.

Яркие и впечатляющие образы героев его романов, мудрая философия, тонкий психологический анализ, социологические воззрения и моральные установки, выразившие жизненное кредо автора, стали непреходящими ценностями человеческой цивилизации.

Естественно, что масштабной и выдающейся натуре должен соответствовать сложный и своеобразный психологический склад. Патографические материалы с фактами генеалогических, характерологических, психодинамических особенностей великого человека подтверждают это.

Поскольку не существует сомнений, что процесс психической активности гения является нелинейным, исследовательский интерес зачастую концентрировался на моментах неустойчивости в этом процессе. Момент неустойчивости (психогенные припадки у Л.Н.Толстого) настолько явственно проявился в личности самого писателя, что с его обсуждения начинали свои патографические заметки многие авторы (Сегалин Г.В., Сергеенко А.П., Гольденвейзер). Такой подход принят и в настоящей патографии: вначале показаны манифестные формы психических отклонений, а их генетические истоки и дальнейшие жизненные последствия наряду с факторами других психопатологических предрасположений представлены далее в привычном русле «бытописательского плана».

О том, что Лев Толстой страдал какими-то припадками, было известно давно. Еще Ломброзо определял эти припадки как эпилептические и утверждал, что они сопровождались галлюцинациями, а также считал их наследственными.

Ряд литературных документов, касающихся писателя, содержит подтверждение, что припадками гений действительно страдал. Так, в дневнике одного из близких друзей Л.Н.Толстого — Гольденвейзера («Вблизи Толстого») можно прочитать: «Из письма О.К.Толстой от 4 октября 1910 г —... Узнала, что вчера Л.Н. был болен, обморок, — и что вызывали доктора. ..».

Письмо А.К.Чертковой: «1 1/2 часа ночи 4 октября 1910 г. Ясенки Тульской губ. — Дорогие друзья. Пишу ночью. Вечером прислали из Ясной (от Саши), «Л.Н. очень плохо... Обмороки...», Владимир Григорьевич поехал туда и просидел от 7 час. до 1 часу ночи в комнате Душана. Сейчас Владимир Григорьевич

вернулся домой. Л.Н-чу лучше, пульс восстановлен, и заснул. Но видется не пришлось: он очень слаб, все в забытьи. Оказывается, что утром было тяжелое объяснение у Л.Н-ча с Софьей Андреевной в связи с уходом из дома дочери и ее письма к Варваре Михайловне.

Дай Бог, чтоб эта болезнь Л.Н-ча пробудила бы совесть у Софьи Андреевны и послужила бы ей уроком на будущее». Письмо А.К.Чертковой к нам: «8 октября 1910 г. Ясенки Тульской губ. Л.Н. еще слаб, но уже выезжал верхом...

Нам рассказывали, что его обмороки (о которых я сообщала) сопровождались ужасными конвульсиями, особенно в ночах.. Говорят, вид припадка был ужасный и повторился пять раз в продолжении от 6 до 12 час. ночи.

В дневнике В.Ф.Булгакова (секретаря Л.Н.Толстого) на странице с пометкой «3 октября» имеется такая запись:

«...Писал сегодня Л.Н. статью о социализме, начатую по совету Душана для журнала чешских анархистов. Меня он просил не переписывать ее, а оставить до приезда Ал.Л-ны, зная, что ей эта лишняя работа будет приятна.

Ездил верхом с Душаном. Вернувшись с прогулки, проходил через «ремингтонную».

— Хорошо съездили, без приключений, — улыбнулся он и забрал с собой со стола полученную на его имя с сегодняшней почтой книгу.

И ни он, ни я никак не предполагали того, что должно было случиться сегодня. Случилось это вечером.

Л.Н. заспался и, прождав его до 7 часов, сели обедать без него. Разлив суп, С.А-на встала и еще раз пошла послушать, не встает ли Л.Н. Вернувшись, она сообщила, что в тот момент, как она подошла к двери спальни, она услышала чирканье о коробку зажигаемой спички. Входила ко Л.Н-чу. Он сидел на кровати. Спросил, который час и обедают ли. Но Софье Андреевне почудилось что-то недоброе: глаза Л.Н-ча показались ей странными.

— ... Это — перед припадком... Я уж знаю. У него всегда перед припадком такие глаза бывают.

Она немного поела супу. Потом, шурша платьем, отодвинула стул, поднялась и снова пошла в кабинет.

Дети — Сергей Львович и Татьяна Львовна — недовольно переглянулись: зачем она беспокоит отца?

Но на вернувшейся С.А. лица не было.

— Душан Петрович, подите скорее к нему! Он впал в беспамятство, опять лежит и что-то такое бормочет... Бог знает, что такое!

Все вскочили, точно под действием электрической искры. Душан, за ним остальные побежали через гостиную и кабинет в спальню.

Там — темнота. Л.Н. лежал в постели. Он шевелил челюстями и издавал странные, негромкие, похожие на мычание звуки.

Отчаяние и ужас прокрались в эту комнату.

На столике у изголовья зажгли свечу. Сняли со Л.Н-ча сапоги и накрыли его одеялом.

Лежа на спине, сжав пальцы правой руки так, как будто он держал ими перо, Л.Н. слабо стал водить рукой по одеялу. Глаза его были закрыты, брови насуплены, губы шевелились, точно он что-то пережевывал во рту.

Душан всех выслал из комнаты. Только П.И.Бирюков остался там, присев в кресло в противоположном от постели углу. Софья Андреевна, Сергей Львович, я, Татьяна Львовна и Душан, подавленные, вернулись в столовую и принялись за прерванный обед,..

Только что разнесли сладкое, прибежал Павел Иванович.

— Душан Петрович, у Л.Н-ча судороги!

Снова бросились все в спальню. Обед велено было совсем убрать. Когда мы пришли, Л.Н. уже успокоился. Бирюков рассказывал, что ноги больного вдруг начали двигаться. Он подумал, Л.Н-чу хочется почесать ногу, но, подошедши к кровати, увидел, что и лицо его перекошено судорогой.

— Бегите вниз. Несите бутылки с горячей водой к ногам. Горчичники нужно на икры. Кофею, кофею горячего!

Кто-то отдавал приказания, кажется, Душан и С.А-на вместе. Остальные повиновались и вместе с приказаниями делали все, что нужно. Сухонький Душан бесшумно, как тень, скользил по всем направлениям комнаты.

Лицо С.А-ны было бледно, брови насуплены, глаза полузакрыты, точно веки опухли... Нельзя было без боли в сердце видеть лицо этой несчастной женщины. Бог знает, что в это время было у нее на душе, но практически она не потерялась: уложила бутылки вокруг ног, сошла вниз и сама приготовила раствор для клистира... На голову больного, после спора с Душаном, наложила компресс.

Л.Н. был, однако, еще не раздет. Потом Сергей Львович (или Бирюков) и Душан раздели его: мы с С.Л-чем (или Бирюковым — даже не заметил) подерживали Л.Н-ча. а Душан заботливо, осторожно, с нежными уговариваниями больного, хотя тот все время находился в бессознательном состоянии, снимал с него платье...

Наконец, его покойно уложили.

— Общество... общество насчет трех... общество насчет трех... Л. Н. бредил.

— Записать, — попросил он.

Бирюков подал ему карандаш и блокнот. Л.Н. накрыл блокнот носовым платком и по платку водил карандашом. Лицо его по-прежнему было мрачно.

— Надо прочитать, — сказал он и несколько раз повторил: «...разумность... разумность...».

Было тяжело, непривычно видеть в этом положении обладателя светлого, высокого разума Льва Николаевича.

— Левочка, перестань, милый, ну что ты напишешь? Ведь это платок, отдай мне его, — просила больного С.А-на, пытаюсь взять у него из рук блокнот. Но Л.Н., молча, отрицательно мотал головой и продолжал упорно двигать рукой с карандашом по платку...

Потом... Потом начались один за другим страшные припадки судорог, от которых все тело человека, беспомощно лежавшего в постели, билось и трепетало. Выкидывало с силой ноги. С трудом можно было удержать их. Душан обнимал Л.Н-ча за плечи, я и Бирюков растирали ноги. Всех припадков было пять. Особенной силой отличался четвертый, когда тело Л.Н-ча перекинулось почти совсем поперек кровати, голова скатилась с подушки, ноги свесились по другую сторону.

С.А-на кинулась на колени, обняла эти ноги, припала к ним головой и долго была в таком положении, пока мы не уложили вновь Льва Николаевича как следует на кровати.

Вообще, С.А-на производила страшно жалкое впечатление. Она подняла кверху глаза, торопливо крестилась мелкими крестами и шептала: «Господи! Только бы не на этот раз, только бы не на этот раз...» И она делала это не перед другими: случайно войдя в «ремингтонную», я застал ее за этой молитвой.

Александре Львовне, вызванной мною запиской, она говорила: «Я больше тебя страдаю: ты теряешь отца, а я теряю мужа, в смерти которого я виновата!»

Александра Львовна внешне казалась спокойной и только говорила, что у нее страшно бьется сердце. Бледные тонкие губы ее были решительно сжаты.

После пятого припадка Л.Н. успокоился, но все-таки бредил. — 4, 60, 37, 38, 39, 70, — считал он.

Поздно вечером пришел он в сознание.

— Как вы сюда попали? — обратился он к Душану и удивился, что он болен.

— Ставили клистир? Ничего не помню. Теперь я постараюсь заснуть.

Через некоторое время С.А-на вошла в спальню, стала что-то искать на столике около кровати и нечаянно уронила стакан.

— Кто это? — спросил Л.Н.

— Это я, Левочка.

— Ты откуда здесь?

— Пришла тебя навестить.

— А!...

Он успокоился. Видимо, он продолжал находиться в сознании.

Болезнь Л.Н-ча произвела на меня сильное впечатление. Куда бы я в тот вечер ни пошел, везде передо мной, в моем воображении, вставало это страшное, мертвенно-бледное, насупившееся, с каким-то упрямым, решительным выражением лицо. Стоя у постели Л.Н-ча, я боялся смотреть на это лицо: слишком выразительны были его черты. Смысл же этого выражения был ясен, и мысль о том резала сердце. Когда я не смотрел на него, то видел только тело, жалкое, умирающее. Мне не было страшно, даже когда оно билось в конвульсиях — передо мной было только животное. Если же я глядел на лицо, мне становилось невыносимо страшно: на нем отпечатлевалась тайна, тайна великого действия, великой борьбы, когда, по народному выражению, «душа о телом расстается».

Видно еще мала моя вера, если я так боялся.

Поздно ночью приехал из Тулы доктор... Но он уже не видал Л.Н-ча. Душан объяснил ему болезнь, как отравление мозга... На вопрос о причине судорог... доктор отвечал, что они могли быть обусловлены нервным состоянием, в котором Л.Н-ч находился последнее время, в связи с наличием у него артериосклероза.

Легли спать во втором часу ночи. Я и Душан расположились поблизости от спальни. Бирюков просидел в спальне до третьего часа ночи.

Во все время болезненного припадка, внизу в комнате Душана, сидел вызванный тайно... Александрой Львовной ближайший друг больного В.Г.Чертков, вход которому наверх был воспрещен. Беленький доставлял ему сведения о состоянии Льва Николаевича.

4 октября.

Все миновало. Ночью Л.Н. спал. Утром проснулся в сознании. Когда Бирюков рассказал ему содержание его бреда, слова: «душа», «разумность». «государственность» — он был доволен, по словам Бирюкова и А. Л-ны. . . ».

Итак, из всех этих данных видно, что Лев Толстой был подвержен судорожным припадкам, трактуемым близкими, как «обмороки», «забытье». Припадки сопровождались полной потерей сознания, а также судорожным компонентом.

Характерны также и полные амнезии всего происшедшего после припадков. Это состояние отмечает также и сын писателя — Илья Львович:

«...Несколько раз с ним (Л.Н.Толстым) делались какие-то необъяснимые внезапные обмороки, после которых он на другой день оправлялся, но временно совершенно терял память...

Видя в зале детей брата Андрея, которые в это время жили в Ясной (Поляне), он удивленно спрашивал: «Чьи это дети?». Встретив мою жену, он сказал ей: «Ты не обидься, я тебя очень люблю, но кто ты, я забыл», и, наконец, войдя раз после такого обморока в залу, он удивленно оглянулся и спросил: «А где же брат Мишенька?» (Умер 50 лет тому назад).

На другой день следы болезни исчезали совершенно».

На основании приведенных описаний можно достоверно утверждать, что Лев Толстой страдал эпилептическими припадками с потерей сознания, с эпилептическими судорогами, с бредом во время припадков и с последующей полной амнезией после всего происшедшего.

Другой вопрос — был ли описанный припадок единичным жизненным эпизодом у великого писателя?

Помимо свидетельства Ломброзо имеется много воспоминаний близких Льву Толстому лиц о том, что припадкам он был подвержен неоднократно. Причем такие припадки рассматривались, как свойственная ему привычная болезнь, к которой родные и окружающие настолько привыкли и так ее изучили, что уже по продромальным синдромам узнавали, когда будет припадок.

Из приведенных ранее заметок секретаря писателя В.Ф.Булгакова следует, что Софья Андреевна видела достаточно много припадков, что она, не будучи медиком, но как наблюдательный человек, узнавала привычные и знакомые припадки, предшествующие припадку, картина которого была ей хорошо известна.

О том, что припадки случались нередко, явствует также из целого ряда других литературных документов. В воспоминаниях дочери писателя А.Толстой («Об уходе и смерти Л.Н.Толстого») имеется такое место:

«Когда он (Л.Н.Толстой) заговорил, я поняла, что у него начинается обморочное состояние, которое бывало и прежде. В такие минуты он терял память, заговаривался, произносил какие-то непонятные слова...

Мы поняли, что положение очень серьезно, и, что, как это бывало и прежде, он мог каждую минуту впасть в беспамятство. Душан Петрович, В.М. и я стали понемногу раздевать его, не спрашивая его более, и почти перенесли в кровать.

Я села подле него, и не прошло и пятнадцати минут, как я заметила, что левая рука его и левая нога стали судорожно дергаться. То же самое появлялось временами и в левой половине лица...

Мы попросили начальника станции послать за станционным доктором, который бы мог в случае нужды помочь Душану Петровичу. Дали отцу крепкого вина, стали ставить клизму. Он ничего не говорил, но стонал, лицо было бледно, и судороги, хотя и слабые, продолжались.

Часам к девяти стало лучше. Отец тихо стонал. Дыхание было ровное, спокойное. ...»

Будь этот припадок как единичный случай или как нечто редкое, вызываемое исключительным состоянием, дочь и близкие не могли бы по предшествовавшим признакам распознать начинающийся припадок. Настолько резко и характерно было это состояние перед припадком, о чем хорошо знали родные и близкие, видно из следующего описания.

Гольденвейзер в своем дневнике, цитируя записки А. П. Сергеевко, упоминает о самочувствии Л.Н.Толстого, когда он был подвержен целому ряду припадков в связи с неприятными переживаниями, таким образом:

«...Душан Петрович рассказывал, что 14-го, в тот день, когда Софья Андреевна написала Л.Н-чу свое письмо, он ожидал, что у Л.Н-ча будет вечером опять припадок. Л.Н. с утра был слабый, голос у него был вялый, и, когда он говорил, губы у него слабо двигались, рот едва открывался. Все это, особенно то, что слабо двигались губы, было для Душана Петровича нехорошим признаком.

Но, несмотря на свою слабость, Л.Н. все-таки решил после завтрака поехать на прогулку. Душан Петрович пробовал было его отговорить, предлагал ему поехать в экипаже, но Л.Н. сказал, что поедет верхом потихонечку, что он чувствует, что ему будет лучше от прогулки. Душан Петрович не мог больше отговаривать Л.Н., и они поехали. Отъехали они шагом, Л.Н. ехал впереди. Душан Петрович тревожился за него: он был слишком слаб. Но, проехав шагом некоторое расстояние, Л.Н. припустил лошадь, а затем остановил ее и подозвал к себе Душана Петровича, и Душан Петрович не поверил глазам своим — это был совсем другой Л.Н., чем четверть часа тому назад: лицо оживленное, свежее, голос громкий и губы, по словам Душана Петровича, совершенно «жизненные».

Поскольку эпилептический характер припадков не вызывал сомнений у психиатров начала века, предметом дискуссии стал вопрос о форме эпилепсии, которой страдал гениальный писатель. Из имеющихся патографических материалов следует, что при тщательном анализе и дифференциальной диагностике были исключены органическая, генуинная, старческая эпилепсия, а также артериосклероз как причина припадков в связи с тем, что в данном случае не наступило эпилептического изменения личности с присущим ему эпилептическим слабоумием. Припадки у Л.Н.Толстого были квалифицированы по принадлежности к аффективной эпилепсии в смысле Bratza и Крепелина).

Bratz в 1911 г. выделил аффективную эпилепсию как особую форму, при которой припадки начинаются преимущественно после душевных волнений. Далее при этой форме заболевания бывают припадки типа *petit mal*, головокружения, обмороки, психические эквиваленты, патологические изменения настроения, состояние спутанности сознания. Характерным также при этой форме эпилепсии является то обстоятельство, что припадки эти идут на убыль, как только больной оказывается в условиях спокойной обстановки, где нет причин для аффекта. Особым признаком этого заболевания является, как уже отмечалось, отсутствие эпилептического изменения личности в смысле развития слабоумия.

Кроме того, Крепелин отмечал еще и следующие психические симптомы, свойственные аффективной эпилепсии: чрезвычайно сильная раздражительность, патологические изменения настроения, приступы патологического страха, состояние затемнения сознания с самообвинениями, а иногда даже с галлюцинациями. Бросается также в глаза и то, что в данном симптомокомплексе содержатся перемешанные между собой признаки эпилептического и истерического содержания и что такая патология свойственна более мужчинам, чем женщинам.

На основании клинического течения Крепелин ставил это заболевание все-таки ближе к эпилептическому, нежели к истерическому. Он же считал необходимым условием для проявления аффективной эпилепсии наличие психопатической предрасположенности.

Имеется ли такая предрасположенность у Л.Н.Толстого?

О психопатической предрасположенности у Льва Николаевича собрано столько данных, что они могут составить не один научный фолиант.

Достаточно привести для характеристики отягченной наследственности писателя слова одного из представителей рода Толстых — М.Г.Назимовой из ее «Семейной хроники» о том, что «...в каждой семье каждого поколения Толстых

имеется душевнобольной». И это действительно можно отметить в генеалогии Толстых. Помимо душевнобольных, еще больше среди Толстых имеется лиц с психопатическим характером, в том числе препсихотиков с шизоидными чертами психики.

Замкнутые, эксцентричные, вспыльчивые, взбалмошные, странные чудачки, авантюристы, юродствующие и склонные к крайнему религиозному мистицизму, ханжи, крайние эгоисты, сенситивные и прочие — нескончаемая череда этих типов толстовской генеалогии. К ним, между прочим, принадлежит один из двоюродных дядей гения, известный под именем «Американец».

Что касается прямой отягченности, то можно отметить некоторые данные о близких членах семьи Льва Николаевича.

Дед писателя по отцу — Илья Андреевич — представляет собой патологический тип. Сам Л.Толстой упоминает о нем, как об ограниченном человеке в умственном отношении. Он был очень веселым человеком, но его веселье носило патологическую окраску.

В имени его, Полянах (не Ясная Поляна) в Белевском уезде, царил вечный праздник. Бесперывные пиршества, балы, торжественные обеды, театры, катания, кутежи были совершенно не по его средствам.

Кроме того, его страсть к картежной игре, причем он совершенно не разбирался в картах, большие суммы ставок, страсть к различным спекуляциям и денежным аферам довели незадачливого кутилу до полного разорения. Если к этому бестолковому и бессмысленному мотовству прибавить еще то, что он совершенно безрассудно отдавал деньги всякому, кто просил, то неудивительно, что этот ненормальный человек дошел до полного разорения. Запутавшись в долгах, он заложил имение, семье не на что стало жить.

Илья Андреевич принужден был искать место на государственной службе что, впрочем, при его связях не являлось проблемой, и стал казанским губернатором. Предполагают, что он окончил самоубийством.

Таков был дед.

Бабушка Льва Николаевича также была особа ненормальная и, по-видимому, еще более ненормальная, чем дед.

Дочь самого князя Горчакова, она, по словам своего гениального внука, была особой, недалекой в умственном отношении. Известно также, что она как очень неуравновешенная и взбалмошная женщина отличалась всякими причудами и самодурствами, мучила своих приближенных и слуг, досаждала родным.

За ней замечали и такой порок, как взяточничество.

Страдала галлюцинациями. Однажды она велела отворить дверь в соседнюю комнату, где якобы увидела своего сына (тогда уже покойного) и заговорила с ним.

Вот судьба детей этой четы.

Сын — Илья Ильич (младший брат отца писателя) — был замкнутым и странным, имел физический недостаток (горб), умер в детстве.

Дочь — Александра Ильинична — отличалась мистическими склонностями, жила в монастыре, проявляла себя, как юродивая, была очень неряшлива (речь идет даже о патологической неряшливости).

Другая дочь — Пелагея Ильинична — также, по-видимому, умственно отсталая, юродивая, мистически настроенная, с тяжелым неуживчивым характером. Ее религиозность перешла в ханжество. В конце концов она порвала все связи с миром, удалилась в монастырь и впала в старческое слабоумие.

Отец гения — Николай Ильич — был также человек недалекий. В 16 лет заболел какой-то нервной или душевной болезнью, затем «для поправления здоровья» был соединен в незаконном браке с дворовой девушкой.

Из всех сыновей его (братьев Льва Николаевича) один был определенно психически больным.

Речь идет о Дмитрие Николаевиче, в детстве приступы капризности его были до того сильны, что мать и няня «мучились» с ним. Позже, став взрослым, он продолжал держаться замкнуто, даже с братьями. Задумчивый, склонный к мистическому и религиозному юродству, не обращая внимания на окружающих, он совершал странные выходки, выказывал необычные вкусы, из-за чего был объектом насмешек. Неряшливый и грязный, без натальной рубахи, в накинутом на голое тело пальто, он в таком виде мог явиться с визитом к высокопоставленным лицам. Юродство и религиозность периодически сменялись развратным поведением. Он часто делался импульсивным, вспыльчивым, агрессивным, жестоким и драчливым, дурно обращался со своим слугой, бил его. Страдал смолоду тиком (подергивал головой, как бы освобождаясь от узости галстука). Умер, как и большинство душевнобольных, от чахотки.

Другой брат писателя — Сергей Николаевич — отличался также эксцентричностью и явно патологическими странностями психики. Так, по словам старшего сына Л.Н.Толстого (Льва Львовича), он был «эгоистичный» и «несчастный» человек, малоразговорчивый и чрезвычайно замкнутый. Его одиночество могло длиться месяцами. Часто на весь дом раздавалось его «оханье и аханье». Держал себя всегда странным образом и оригиналом. Разъезжал на четверке

лошадей, был чрезвычайно горд и к крестьянам относился с презрением. Страдал в течение пяти лет какой-то «нервной» болезнью, так что был освобожден от воинской повинности, и оправился будто бы от этого недуга, когда женился.

Таким образом, в психопатической предрасположенности великого писателя нет никаких сомнений. Отсюда, по-видимому, и бросающаяся в глаза слабость его эмотивной сферы, легкая душевная ранимость, аффективность переживаний, доводящая до припадков.

Описываемые выше припадки с конвульсиями относятся к тому тяжелому периоду, когда конфликт у Льва Николаевича с Софьей Андреевной дошел до высшей точки, так что он решился на бегство из дома. Припадки происходили и во время бурных объяснений по поводу ссоры его дочери с матерью. О том, что припадкам всегда предшествовали аффективные состояния, видно из письма Черткова к Лосеву от 19 октября 1910 г.:

«В июле 1908 г. Л.Н. переживал один из тех вызванных Софьей Андреевной мучительных душевных кризисов, которые у него всегда оканчиваются серьезной болезнью. Так было и в этот раз: он тотчас после этого заболел и некоторое время находился почти при смерти».

Отмеченные ранее симптомы аффективной эпилепсии: обмороки, головокружения, приступы *petit mal*, спутанность сознания, патологические изменения настроения — все это можно в избытке найти у Л.Н.Толстого.

Приступы головокружения у него были столь интенсивны, что он мог терять равновесие и падать на землю. Об этом свидетельствует литературный документ «Записки Маковицкого»:

«17 октября 1905 г.

Сегодня утром Л.Н-ч после того, как вынес ведро и возвращался к себе, упал в первой кухонной двери, ведро выскочило у него из рук. Его увидел лакей Ваня, когда он уже поднимался. Сам встал, взял ведро, пришел к себе и прилег на диван. Был очень бледен. Пульс слабый, губы бледные, уши прозрачные. Когда поднял голову и хотел сесть, почувствовал головокружение. Потом голове стало легче. Полежал спокойно около часа и начал было заниматься, но потом опять прилег и подремал от 10 до 12 и от часу до 6. Вечером говорил, что это с ним уже бывало:

— Помню, с Гротом шел по Пречистенке, шатался. Пошатнулся, прислонился к стене и постоял. Теперь уже 4 дня шатало меня...»

Точно так же Лев Николаевич был подвержен обморокам. Как пример, следует рассмотреть следующий отрывок из дневника Гольденвейзера:

«4 августа...

Софья Андреевна стала читать Л.Н. в столовой все ту же страничку из дневника со своими комментариями. Среди чтения Л.Н. встал и прямой, быстрой походкой, заложив руки за ремешок и со словами: «Какая гадость, какая грязь», прошел через площадку в маленькую дверь к себе. Софья Андреевна за ним. Л.Н. запер дверь на ключ. Она прошла на балкон и через сетчатую дверь стала говорить ему: «Прости меня, Левочка, я сумасшедшая». Л.Н. ни слова не ответил, а немного погодя, страшно бледный, прибежал к Александре Львовне и упал в кресло. А.Л. взяла его пульс — больше ста и сильные перебои».

О затемнении сознания с состоянием спутанности перед припадком у Льва Николаевича вспоминает его дочь Александра Львовна:

«В такие минуты он терял память, заговаривался, произнося какие-то непонятные слова. Ему, очевидно, казалось, что он дома, и он был удивлен, что все было не в порядке, не так, как он привык.

— Я не могу еще лечь, — говорил он. — Сделайте так, как всегда. Поставьте ночной столик у постели, стул.

Когда это было сделано, он стал просить, чтобы на столике была поставлена свеча, лежали спички, записная книжка, фонарик и все, как бывало дома. Когда сделали и это, мы снова стали просить его лечь, но он все отказывался».

Есть даже свидетельства о том, что у Л.Н.Толстого бывали галлюцинации. На это определенно указывает заметка в дневнике Гольденвейзера:

«В дневнике Л.Н. есть запись, указывающая, что ему послышался как бы какой-то голос, назвавший, не помню, какое число, кажется, марта.

Л.Н. казалось, что он должен в это число умереть...».

Что касается раздражительности и аффективности как броской черты в характере Л.Н.Толстого, то эта сторона психики писателя показательно представлена в воспоминаниях его сына — Льва Львовича:

«Если он хорошо работал, все весь день шло хорошо, все в семье были веселы и счастливы, если нет, то темное облако покрывало нашу жизнь...

...Я вспоминаю, что каждый вечер управляющий приходил к нему, разговаривал с ним о делах, и часто мой отец так сердился, что бедный управляющий не знал, что сказать, и уходил, покачивая головой...

...Почти каждый год приезжал Фет в Ясную. Отец был рад его видеть. Фет говорил мало и даже как-то трудно. Иногда, прежде чем произнести слово, он долго мычал, что было забавно для нас, детей, но мой отец слушал его

с живым интересом, хотя редко, даже почти никогда, не обходилось без ссоры между ними...

...Однажды отец в порыве ярости кричал на него (воспитателя, швейцара): «Я вас выброшу из окна, если вы будете вести себя подобным образом».

...Отец любил сам давать уроки математики. Он задавал нам задачи, и горе нам, если мы их не понимали. Тогда он сердился, кричал на нас. Его крик сбивал нас с толку, и мы уже больше ничего не понимали...

...Ссоры между родителями всегда были мне неприятными...

...Я вспоминаю довольно серьезную ссору между отцом и матерью. Я тогда примирил их. Что же было причиной ссоры? Я не знаю, быть может, отец был недоволен чем-нибудь, что сказала мать, быть может, просто рассердился он на нее, чтоб дать выход своему плохому настроению, он был очень сердит и кричал своим громким неприятным голосом. Еще ребенком питал я отвращение к этому голосу. Мать, плача, защищалась. Я не любил его, когда он ссорился с мамой...

...Серьезный, всегда задумчивый, сердитый всегда и ищущий новых мыслей и определений — так он жил между нами, уединенный со своей громадной работой...

...С детства привык к уважению и страху перед ним».

Эта аффективность и вспыльчивость преобладали в психике Л.Н.Толстого особенно в ту эпоху его жизни (70-80-е годы XIX века), когда писателя еще не охватили религиозно-мистические идеи и настроения. Потом наступил известный перелом с усилением сенситивности и эмотивности. Считают, что предтечей характерологических изменений стали тяжелые приступы страха. В связи с этим уместно будет вспомнить, что Крепелин рассматривал приступы патологического страха смерти как симптом, свойственный аффективной эпилепсии.

Отметим один из наиболее ярких приступов у писателя, с которого, по-видимому, и началась череда подобных состояний.

В 1869 г., при поездке в Пензенскую губернию для выгодной покупки нового имения, Лев Толстой остановился в Арзамасе, где пережил приступ болезненного страха смерти и беспричинной тоски. В письме к Софье Андреевне (сентябрь 1869 г.) он так описал это переживание:

«Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе и со мною было что-то необыкновенное. Было два часа ночи; я устал, страшно хотелось спать, и ничего не болело. Но вдруг на меня напала тоска, страх и ужас, такие, каких я никогда не испытывал».

Сын писателя — Сергей Львович — в своих воспоминаниях также говорит об этом приступе:

«В одиночестве, в грязном номере гостиницы он в первый раз испытал приступ неотразимой, беспричинной тоски, страха смерти; такие минуты затем повторялись, он их называл «арзамасской тоской».

Повестью о паломничествах Льва Николаевича в монастырь «Оптина Пустынь» (1877, 1881, 1889, 1910), Софья Андреевна замечает:

«Сколько напрасных тяжелых ожиданий смерти и мрачных мыслей о ней пережил Л.Н. во время своей долголетней жизни. Трудно перенести это чувство вечного страха смерти».

Да, эти приступы страха перевернули все существо Льва Николаевича.

Вся его мистика, вся его добродетельность, восприятие жизни, отказ от барских привычек, его мораль и проповеди объясняются следствием мучительных психических переживаний фобийного содержания. Отсюда же крайняя чувствительность и эмотивность гения.

Как известно, Л.Н.Толстой реагировал чрезвычайно чувствительно на всякую несправедливость, на всякое зло. Современники удивлялись его необычной слезливости. Л.Н. был склонен проливать слезы при всякого рода эмоциональных переживаниях. Это подтверждается наблюдениями Гольденвейзера, в дневнике которого имеется такая запись:

«Плакал Лев Николаевич легко, больше не от горя, а когда рассказывал, слушал или читал что-нибудь, трогавшее его. Часто плакал, слушая музыку».

Сам писатель в своем дневнике неоднократно упоминает об этой собственной слабости, сознавая ее причины:

«Я хотел продолжать разговор, но к горлу что-то подступило. Я очень слаб был на слезы. Не мог больше говорить, простился с ним и с радостным, умиленным чувством, глотая слезы, ушел...»

... От радости, или от болезни, или от того и другого вместе я стал слаб на слезы умиления, радости. Простые слова этого милого, твердого, сильного человека, такого, очевидно, готового на все доброе и такого одинокого, так тронули меня (речь идет о случайной встрече с крестьянином), что рыдания подступили мне к горлу, и я отошел от него. не в силах выговорить ни слова».

Яркие примеры такой чувствительности Л.Н.Толстой приводит в своем очерке «Записки сумасшедшего», а также в других произведениях и письмах. После душевного перелома слезливость заметно увеличилась, особой выраженности она достигла под старость.

Несомненно, что повышенная эмотивность, слезливость, своеобразное восприятие жизни, — часть симптомокомплекса аффект-эпилептической психики. Если в первый период жизни Л.Н.Толстого до «арзамасского страха» проявлялся и доминировал вспльчиво-аффективный полюс аффект-эпилептической психики, то во второй период, после перелома, наметилось преобладание аффективно-сенситивной полярности. Как в тот, так и в другой период приступы эмотивности разрешались припадками.

Между прочим, сам Лев Николаевич довольно образно охарактеризовал свою аффективно-раздражительную натуру с ее переходами в сенситивную слезливость в одном полушуточном произведении под названием «Скорбный лист душевнобольных яснополянского госпиталя», где в шуточной форме дается история болезни всех обитателей Ясной Поляны. Начинает писатель характеристикой собственной персоны:

«#1 (Лев Николаевич). Сангвинического свойства, принадлежит к отделению мирных. Больной одержим манией, называемой немецкими психиатрами «Weltverbesserung wahn». Пункт помешательства в том, что больной считает возможным изменить жизнь других людей словами.

Признаки общие: недовольство всем существующим порядком, осуждение всех, кроме себя, и раздражительная многоречивость без обращения внимания на слушателей, частые переходы от злости и раздражительности к ненатуральной слезливой чувствительности».

Таким образом, нервно-психическая структура гения в значительной мере формировалась на почве эпилептической конституции. С возрастом в этом процессе сыграл свою роль и артериосклероз, но его можно отнести к вторичным факторам. Состояние нервно-психической структуры, несомненно, в какой-то момент отразилось на творческих тенденциях. И этот момент стал поворотным в дальнейшей литературной судьбе классика.

После описанного выше критического периода с резкой активизацией сенситивно-эмотивного компонента в психической сфере Л.Н.Толстой, будучи «великим писателем земли русской» (так его охарактеризовал И.С.Тургенев), вдруг переживает такой резкий жизненный перелом, что его писательское творчество отходит на второй план, и он превращается в мистического проповедника-обличителя, создает «толстовщину» и делается убежденным «толстовцем».

Время «перемен» нашло отражение в ряде авторских произведений.

Совершенно правы исследователи (Руднев В.И., Сегалин Г.В.), которые, например, указывают на рассказ Л.Н.Толстого «Записки сумасшедшего», как

на автобиографический документ, как на историю болезни писателя. Лев Николаевич принадлежит к тем великим писателям, которые в самоанализе своих личных и болезненных переживаний доходили до крайности, до фанатизма.

Раскрывать самые сокровенные закоулки своего «нутра» доставляло ему высшее моральное удовлетворение. Писать что-либо надуманное, не пережитое Л.Н.Толстой органически не мог. В основу всего, что написано, им было положено лично пережитое и испытанное. Лучшим доказательством этого положения является то, что все даты, указанные в «Записках сумасшедшего», совпадают с теми же датами истории болезни Льва Николаевича.

Интуиция художника позволяет ему удивительным образом раскрыть ту сущность, которая лежит в основе всех его патологических переживаний — аффективную основу болезни. С этого он и начинается: «1883 г. 20 октября. Сегодня возили меня свидетельствовать... и мнения разделились...

Они признали меня подверженным аффектам и еще что-то такое, но в здравом уме. Они признали, но я-то знаю, что я сумасшедший». Аффективность, действительно, основной фон его беспокойной природы — с ней связываются все его переживания.

Здесь, в «Записках сумасшедшего», как сам Л.Н.Толстой об этом повествует, в центре внимания у него те тяжелые переживания, которые сами по себе долгие годы могут предшествовать судорожным припадкам: тяжелые приступы страха смерти (вспомним «арзамасский страх»). Об этом он говорит таким образом: «...Доктор меня лечил, уверяя меня, что если я буду строго следовать его предписаниям, то это пройдет. Все, что беспокоит меня, пройдет. О, что бы я дал, чтобы это прошло. Слишком мучительно. Расскажу по порядку, как и отчего взялось это освидетельствование, как я сошел с ума...»

И Л.Н.Толстой сам рассказывает свою историю болезни:

«До 35 лет я жил, и ничего за мной заметно не было. Нечто только в первом детстве, до 10 лет, было со мной что-то похожее на теперешнее состояние, но и то только припадками, а не так, как теперь, постоянно. В детстве находило оно на меня немножко иначе. А именно, вот так...»

Здесь он описывает все, что предшествовало припадку, а затем самый припадок, с предшествующим приступом страха, в таких выражениях:

«...Мне становилось больно и страшно, и непонятно, и ужас, холодный ужас, находит на меня...»

А в другой раз: «...и тут на меня нашло. Я стал рыдать и долго никто не мог меня успокоить. Вот эти-то рыдания, это отчаяние было первым припадком моего теперешнего сумасшествия».

Психогенность припадков у писателя можно было бы связать со сведениями о детских припадках, но об аналогиях материалов художественного произведения с жизненными реалиями следует, конечно, упоминать в гипотетическом плане. Однако если эти факты взяты писателем действительно из собственной жизни, то следует сразу же исключить органические причины припадков, например, артериосклероз.

Интересно, что отдельные симптомы или, вернее, отдельные комплексы симптомов из своей истории болезни Лев Николаевич описал и в других произведениях. Так, например, личные переживания аффективности и связанные с ними болезненные переживания в отношении жены (аффекты патологической ревности) он положил в основу «Крейцеровой сонаты».

Отчасти эти же переживания имеются и в других его работах. В «Смерти Ивана Ильича» он художественно излагает свои, лично им пережитые впечатления от приступа «арзамасского страха». Эти приступы вполне аналогичны тем, которые наблюдаются как предсмертные переживания страха смерти у некоторых тяжелобольных. Он сам испытал такие приступы перед припадками, потому сумел так тонко их проанализировать.

Симптомом аффективной эпилепсии считают также те патологические изменения настроения, да и самой личности, которые бывают при постэпилептических, а также других состояниях (Крепелин, Bratz). Как известно, такие лица после припадка переживают какое-то своеобразное чувство облегчения и даже своеобразное повышенное состояние всего психического тонуса, делающее их нередко экстастиками. В состоянии экстаза помимо своеобразного чувства счастья они переживают ту необыкновенную «ясность мысли», ту необыкновенную легкость и обостренность восприятия внешнего мира, о которой каждый такой субъект хорошо знает.

Такие, несомненно, патологические переживания имел и Л.Н.Толстой.

После одного из припадков он отмечал:

«...Мне сегодня так хорошо думалось. В болезни, в страданиях отпадает суеверие материальной жизни и появляется сознание реальной духовной жизни, чтоб здесь, сейчас исполнять волю Бога, а учение материалистов утверждает как раз противоположное: они суеверием считают духовную жизнь. Мне стало ясно, почему легко умирают и самые эгоистичные люди: потому, что суеверие материальной жизни отпадает».

В этом отрывке сказался весь Л.Н.Толстой с его аффект-эпилептической психикой, когда он переживает то своеобразное постэпилептическое состояние,

когда мысли бывают «необыкновенно ясны». Тут он сам определенно указывает на источник, откуда возникла его мистическая концепция учения о духовной жизни, его «толстовства» со всеми логическими выводами и последствиями.

В свете изложенного необходимо отметить и следующее обстоятельство: Лев Толстой после многолетней барской и эпикурейской жизни со всеми материальными благами мира сего вдруг, однажды, переживает болезненный приступ «карзамасского страха» смерти. Эти приступы ужаса повторялись затем много лет. «Трудно перенестись в это чувство вечного страха смерти», — говорила С.А.Толстая.

Эти припадки привели его к такому отчаянию, что он готов был повеситься на перекладине у себя в комнате. И несчастный страдалец бы это сделал, если бы не проявились другие влияния на перенапряженную психику. В результате энергии психического аффективного заряда была направлена в новое русло и получила свой естественный исход в мистическое.

Сложилась парадоксальная ситуация. Наряду с непрекращающимися приступами смертельного страха и ужаса стали возникать совершенно противоположного характера переживания экстаза, нахлынули волны вдохновенной экзальтации и счастья. Мысль становилась необыкновенно ясной, все легко решалось, космос стал доступен для восприятия, и на фоне его кристальной чистоты вся сущность материального мира (эпикурейство, барская жизнь, тело со всеми неудобствами и недугами) предстала нелепостью и предрассудком.

Поэтому можно понять Л.Н.Толстого, когда он говорит после приступа, что «в болезни, в страданиях (т.е. после припадка) отпадает суеверие материальной жизни и появляется сознание реальной духовной жизни, чтоб здесь, сейчас исполнить волю Бога».

Здесь наилучшим образом Л.Н.Толстым сформулировано то специфическое чувство, присущее только эпилептикам в их переживаниях, когда тело вот-вот уходит от них, а что-то «духовное» они ощущают как-то необыкновенно «остро», «ясно» и появляется какое-то обостренное «сознание реальной духовной жизни» (как он говорит), а потому также ему становится ясно, почему легко умирают эгоисты (суеверие материальной жизни отпадает в такой момент).

Вот тут-то, в этих переживаниях выстраданный аффект-эпилептик находит свой якорь спасения, свою соломинку, за которую можно ухватиться в несчастье: необыкновенно «остро» и «ясно» восприняв «сознание реальной духовной жизни», здесь, сейчас же начинать исполнять волю Бога. И далее, наступает время эффектного разворота духовно-мистической концепции Льва Николаевича:

исполнять волю Бога, как новое «откровение», как наказ, лично им воспринятый в страшных страданиях, как «спасение» от этих страданий. Этим переживаниям придается исключительное значение. Необычайные переживания делают и его самознание необычным, и в психике его происходит тот переворот, который всех так поразил. Из аффективно вспылчивого, угрюмого, сурового, замкнутого, вечно ссорившегося со всеми барина-эпикурейца он превращается в нечто противоположное: в «святого» подвижника, в чрезвычайно добродетельного и сенситивного проповедника «любви братской», «непротivления злу» и «толстовства» со всеми его атрибутами оздоровления жизни, отказа от барства и прочая, и прочая. Психический облик его благодаря этому настолько меняется, что родной брат писателя — Сергей Николаевич, поражаясь этой перемене, говорил о нем Льву Львовичу (сыну Л.Н.Толстого):

«Ты знаешь, я не разделяю взглядов твоего отца, но я не могу отказать в справедливости в отношении всего того, что касается его личности. Посмотри только, как он изменился, каким он стал мягким и хорошим».

И действительно, Л.Н.Толстой стал не только «мягким и хорошим». но и чрезвычайно сенситивным на всякую несправедливость, на всякое зло. У него теперь необычайная жажда «просветить всех других от этого зла», он становится неистовым проповедником всего, что он воспринял в экстазе с «необычайной ясностью».

Он перевоплощается в пророка, основателя нового учения. Вот таким образом произошел в нем тот переворот, о котором была речь выше.

Каждое слово гениального писателя всегда встречало отклик в самой широкой читательской аудитории. Не стали исключением и его философско-моралистические труды. Они оказали довольно сильное влияние на современников, в числе которых были и зарубежные его почитатели. В итоге сложилось не просто эстетическое нравоучение, а особое мировоззрение, так называемая «толстовщина», с воздействием на мысли и чувства массы читателей (а не замкнутые кружки литераторов-карьеристов, высматривающих вождя). Сила эффекта этого нравственного «излучения» во многом была обусловлена значительностью личности Л.Н.Толстого.

Он в одно и то же время был признанным художником очень высокого уровня и философом в самом обширном значении этого слова, т.е. богословом, моралистом и социологом. Поэтому чрезвычайно интересно проследить, как этот могучий творческий потенциал соприкасался с идеями психопата-мистика, которые в «просветительском» периоде генерировал гениальный писатель.

Известно, что особенность мистического мышления заключается в недостатке внимания.

Между тем именно внимание вносит порядок в хаос явлений и группирует их так, что они уясняют нам мысль, преобладающую в уме наблюдателя. Когда внимание отсутствует, мировая картина представляется наблюдателю однообразным сцеплением загадочных явлений, то возникающих, то исчезающих, ничего не говоря ни уму, ни сознанию. Необходимо постоянно иметь в виду этот основной факт душевной жизни. Возбуждаемость, достигающая патологического уровня, заставляет мистически ориентированного субъекта также делать выбор между явлениями, но руководствуется он при этом не сознательным вниманием, а влечениями бессознательной возбуждаемости. Он воспринимает только то, что согласуется с его настроением; наоборот, то, что не согласуется с его настроением, для него вовсе не существует.

Таким методом и руководствовался Л.Н.Толстой. В его романах видно, как автор однообразно воспринимает частности и нанизывает их, руководствуясь не их значением для основной мысли, а их соответствием с собственным настроением. Основная мысль неясна или вовсе не существует, и читателю приходится самому вносить ее в роман.

Роман пишется только потому, что автор вынес известные впечатления, усиленные той или иной чертой развернувшейся перед ним мировой картины.

При этом в силу странного, но часто встречающегося противоречия этот мутный и неустойчивый ум, объятый туманами нигилизма, одарен несравненной ясностью и победоносной силой, когда научно анализирует жизненные явления. Он так быстро и ясно схватывает все, что существует на земле, как будто в нем соединяется ум европейского ученого с душой потомственного буддиста. И это не случайно, ибо мистическое мышление, мышление легко возбуждаемых натур, лишенных способности быть внимательными, позволяет им иногда схватить очень ясно тот или другой образ, находящийся в связи с их возбуждением, но не позволяет им уяснить себе разумную связь между отдельными образами именно потому, что необходимое для этого внимание у них отсутствует.

Размышления Л.Н. Толстого на склоне лет действительно обогатили многие нравственные проблемы за счет нетривиальных подходов к поиску их смысла. Интерес к творчеству Толстого-мыслителя распространился на его личность и судьбу, сделал его одним из главных представителей истекающего столетия. И это даже несмотря на то, что отдельные его смысловые сочинения, например «Крейцерова соната», в художественном отношении уступали таким замечатель-

ным, наполненным поэтическим содержанием произведениям, как «Война и мир», «Анна Каренина», «Казачи».

Толстой-мыслитель составил себе взгляд на роль человека в мире, на отношения его к человечеству и на цель жизни и систематически изложил все это в ряде теоретических трудов («Исповедь», «В чем моя вера», «Краткое изложение Евангелия», «О жизни»). Взгляд этот довольно прост и может быть выражен следующим образом: отдельный человек ничего не значит, все дело в совокупности людей; индивид живет, чтобы делать другим добро; все зло — в мышлении и анализе; наука ведет к гибели, в вере — спасение.

Как он пришел к этим выводам, он рассказывает в «Исповеди»:

«Сообщенное мне с детства вероучение исчезло во мне так же, как в других, с тою только разницей, что так как я с 15 лет стал читать философские сочинения, то мое отречение от вероучения очень рано стало сознательным... Так прошло еще 15 лет. Несмотря на то, что я считал писательство пустяками в продолжение этих 15 лет, я все-таки продолжал писать... Так я жил, но пять лет тому назад со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты недоумения, остановки жизни... Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: зачем? Ну, а потом? Я искал объяснения на мои вопросы во всех знаниях, которые приобрели люди... и ничего не нашел...

Вопрос мой, тот, который в 50 лет привел меня к самоубийству, был самый простой вопрос... «Зачем мне жить, зачем что-нибудь желать, зачем что-нибудь делать»... Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл... Все наши действия, рассуждения, наука, искусство — все это предстало мне в новом значении. Я понял, что все это — баловство, что искать смысла в этом нельзя. Жизнь же всего трудящегося народа, всего человечества, творящего жизнь, представилась мне в ее настоящем значении. Я понял, что это — сама жизнь, и что смысл, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принял его... Я вернулся к вере... Я стал вглядываться в жизнь и верования этих людей, и чем больше я вглядывался, тем больше убеждался, что у них есть настоящая вера».

Если серьезно вникнуть в эти соображения, то можно тотчас же убедиться, что они неверны. Вопрос «Зачем я живу?» содержит в себе ошибку и принадлежит к числу поверхностных. Он предполагает, что в природе есть определенная цель, а именно это предположение и подлежит еще критике. В обычной жизни такой вопрос постоянно решается в удовлетворительном смысле. Так, верующий человек, предполагающий, что его жизнь должна иметь цель, будет жить

в соответствии со своими силами и согласно своим наклонностям и скажет себе, что он совершит указанную ему работу в общем мировом плане, хотя и не знает конечных его целей, как и солдат охотно исполняет свой долг на войне, хотя и не знает плана сражения.

Неверующий, убежденный, что его жизнь представляет лишь единичный случай в мировой жизни природы, что его личность возникла под неизбежным закономерным действием вечных органических сил, очень хорошо знает не только отчего, но и зачем он живет: он жив потому, что и пока жизнь служит ему источником удовлетворения, т.е. довольства и счастья.

Л.Н.Толстой в поисках решения жизненной загадки пришел, как он думал, к христианской вере народной массы. На самом деле он дошел в конце концов до отрицания этой веры, фактически — до кантеизма.

Ответ «мудрецов», что человек является «случайным сцеплением частиц» и что «смысла в жизни нет», почти привел его к самоубийству, но в то же время он совершенно успокоился, когда понял, что истинная жизнь не та, которая была и будет, а та, которая есть и раскрывается человеку в данную минуту (даже если он питается мякиной или живет вместе со скотиной в курной избе, чего Лев Николаевич как-то не учел).

Миросозерцание, предлагаемое «толстовством», — плод отчаянных усилий всей жизни великого писателя — не что иное, как туман, непонимание собственных вопросов и ответов, поток пустословия.

Его этика, на которую сам Лев Николаевич больше напирал, чем на свою философию, немногим лучше.

Пять основных ее заповедей (не противься злу, не суди, не убивай, терпи несправедливость, делай больше, чем люди требуют) давно доказали свою несостоятельность.

А проповедываемая любовь к ближнему, проявляющаяся в подачке или в братском дележе, вовсе не является любовью к ближнему, если к ней внимательно присмотреться.

Один из этических тезисов впечатлительного мистика — умерщвление плоти. Всякое общение с женщиной, по его мнению, безнравственно; брак точно так же нечестив, как и свободные половые отношения.

«Крейцерова соната» является полным и знаменитым воплощением этой установки.

Один из персонажей этого произведения, убийца Позднышев, так излагает бредоподобную теорию о законе жизни: «Если цель человечества — благо,

добро, любовь, как хотите, ... то ведь достижению этой цели мешает что? Мешают страсти. Из страстей самая сильная и злая, и упорная — половая, плотская любовь, и потому, если уничтожатся страсти ... то пророчество исполнится, люди соединятся воедино, цель человечества будет достигнута, и ему незачем будет жить».

Л.Н.Толстой, в котором, как и во всяком пресихотическом субъекте, уживаются два разных человека (причем один замечает и осуждает сумасбродства другого), доказал, что он сознает нелепость своей теории, влагая в уста ее провозвестника Позднышева слова: «Ведь я вроде сумасшедшего». Но «Краткое изложение Евангелия» — то же самое учение, но уже от своего имени (загадка гения!?).

Было бы совершенно излишне разбирать здесь теорию, которая идет вразрез с вековым опытом, со знанием человеческой природы, с исторически сложившимися установлениями и законами и сознательно стремится к уничтожению рода человеческого. Всякий здравомыслящий человек, познакомившийся с нею, сразу усмотрит, что она не более как безумие.

Злейшим врагом престарелого пророка предстала в его учении и наука. В «Исповеди» он то и дело жалуется на нее и поднимает на смех. Она, мол, служит не народу, а правящим классам и капиталистам. Она занимается такими вздорными и пустыми вещами, как протоплазма и спектральный анализ, но еще никогда не думала ни о чем полезном, например о том, как лучше изготовлять топор, пилу или печь хлеба...

Подчиняясь художественным своим наклонностям, Лев Николаевич написал комедию «Плоды просвещения». Над чем же он издевается в этой пьесе? Над несчастными тупицами, верящими в чертовщину и с ужасом отыскивающими бактерий.

Спиритизм и почерпнутые невежественными аристократами сведения из газет о болезнетворных микроорганизмах — вот что понимает Л.Н.Толстой под наукой, и вот против какой науки он направляет свои стрелы.

Наука в истинном значении этого слова не нуждается в защите против нападков такого рода.

И хотя Лев Николаевич, которого невозможно упрекнуть в нечестности, очень искренен в своих рассуждениях, его упреки и насмешки в отношении науки действительно детски наивны. Он толкует о науке, как слепой о цветах. Он, очевидно, не имеет никакого понятия об ее сущности, задачах, методах и предметах, которыми она занимается.

Л.Н.Толстой видит путь к счастью в отречении от науки и от рассудка и в возврате к «естественной» жизни, т.е. к земледелию. В своей статье «Так что же нам делать?» он советует бросить города, распустить фабричных рабочих, рекомендует ручной труд, потому что жизненная цель человека заключается не в том, чтобы самому удовлетворять все свои потребности.

Какое страшное сочетание здравого смысла и неразумия представляет это экономическое требование. Писатель совершенно правильно указывает на зло, которое происходит от того, что народ бросает кормилицу-землю и, устремляясь в большие города в поисках заработка, увеличивает собой пролетариат.

Но разве из этого следует, что промышленность должна прекратить свое существование? Не значит ли это разрушать самую цивилизацию? Однако у Л.Н.Толстого нет ни малейшего намека на такое решение вопроса. Он ограничивается бесплодными бреднями о жизни в деревне, о возвращении к природе, которое в устах Горация еще звучало хорошо, но уже у Руссо казалось смешным и раздражало.

Таковы отдельные мысли, которые в общем и составляют «толстовщину». Как философское учение она разрешает мировую загадку жизни несколькими бессмысленными и противоречивыми толкованиями умышленно искаженных мест Священного Писания. Как этическое учение — она предписывает непротавление злу и пороку, уравниловку в распределении имущества. Уничтожение рода человеческого вообще путем полного воздержания от брака.

Учение выявило еще одну болезненную наклонность гения — страсть к противоречиям, экстравагантным взглядам, неприятие общепризнанного только потому, что оно всеми признавалось. Так, он назвал ... Шекспира заурядным писакой и утверждал, что восторг ... вызываемый великим англичанином ... обуславливается только привычкой повторять чужое мнение. В заключение уместно добавить и то общеизвестное обстоятельство, что «толстовщина» всегда находила отклик там, где была широко распространена истерия, обусловленная истощением.

Таким образом, с великим гением произошло в конце концов то, что происходило со всеми пророками-эпилептиками. Таков был Магомет, таков был Ф.М.Достоевский в своих мистических переживаниях, таков и Лев Толстой.

Он, как и они, был подвержен аффективным страданиям эпилептической, а возможно, и своеобразной истерической окраски, и его патопсихическая сущность во многом определила такой заумный генезис авторской мистической концепции внешнего мира.

М.ГОРЬКИЙ

Максим Горький (псевдоним Пешкова Алексея Максимовича) — великий русский писатель. Как художник, он завершил развитие русской классической литературы XIX века и явился подлинным родоначальником литературы советского периода.

Величие М.Горького в том, что его светлый ум, близость к народу и самоотверженный гигантский труд позволили глубоко реалистично изобразить жизнь различных слоев русского общества в период эпохальных социальных сдвигов. В процессе творчества писатель сумел подняться из самых низов трудовой России до вершин человеческой культуры.

Его жизнь описана им в автобиографических повестях «Детство». «В людях», «Мои университеты», которые имеют не только художественное значение, но и могут быть источником патографических сведений.

В патографических описаниях, касающихся генеалогии, ранних переживаний детства, характерологических особенностей личности, бросается в глаза то поистине неземное психологическое напряжение, которое всю жизнь сопутствовало гениальному мастеру.

Неоднократные психические срывы наглядно указывают на это напряжение, да и смертельный исход у писателя, чей организм был поражен многолетним туберкулезом. — следствие непосильных жизненных затрат. Ценой подобных усилий создавались непреходящие литературные ценности.

О мастерстве М.Горького, своеобразном и неповторимом, о его умении показать такую реальность, где обязательно откроется нечто парадоксальное и необычное, можно судить по отрывку из повести «Детство»:

«Долго спустя, я понял, что русские люди, по нищете и скудости своей вообще любят забавляться горем, играют им, как дети, и редко стыдятся быть несчастными.

В беспокойных буднях и горе — праздник, и пожар — забава, на пустом лице и царапина — украшение...»

Поставив в преамбуле генеалогических материалов, характеризующих родословную гения, эти слова, можно в какой-то мере осознать атмосферу той среды, в которой жил и воспитывался будущий великий писатель. Люди — его родоначальники, до того невыразимо странно и страшно устраивали свою жизнь, что Горький решил поделиться об этом со всем необъятным читательским миром. В повести «Детство» он так описывает окружающую жизнь:

«Она вспоминается мне как суровая сказка, хорошо рассказанная добрым, но мучительно правдивым гением. Теперь, оживляя прошлое, я сам порою с трудом верю, что все было именно так, как было, и многое хочется оспорить, отвергнуть — слишком обильна жестокостью темная жизнь «неумного племени».

Жестокость жизни того вертепа страстей, в котором рос юноша, поражавшая необычным обилием злых изощренностей ум М.Горького даже в годы его зрелости, становится понятной при более близком знакомстве с наследственной основой знаменитого человека.

Жестокость была основной характерологической чертой большинства представителей тех двух семей, Кашириных (со стороны матери) и Пешковых (со стороны отца), которым М.Горький обязан своей жизнью и немалой долей тех психических особенностей, что составили духовный его облик, его психоконституцию.

Особенной жестокостью отличался дед писателя со стороны отца — Савватей Пешков. Он был очевидно одаренным человеком, ибо, будучи в свое время простым солдатом, дослужился до офицерского звания. Но в новых чинах он оказался до того жестоким в обращении с подчиненными, что был сослан в Сибирь! Факт сам по себе необычайный для времен царствования Николая I, когда в армии существовала железная дисциплина и избиение солдат считалось заурядным событием.

Трудно поэтому даже мысленно представить образ этого «чудовища».

Ссылка в Сибирь не помогла исправить нравы закоренелого насильника, и он распоясался уже в семье, вымещал злобу на своем сыне Максиме, который вынужден был часто убегать из дома. Отец искал сына с собаками, травил его, как зайца, и однажды во время очередной поимки избил родное дитя так, что соседи вынуждены были отнять ребенка и долго у себя прятать.

Относительно бабушки Пешковой ничего не известно, кроме того, что она умерла еще в молодости. Вполне возможно, что и ее замучил жестокий муж.

Сам дедушка умер, когда его сыну исполнилось 9 лет, и Максим Савватеевич Пешков (отец писателя) остался на десятом году жизни круглым сиротой.

Максим Савватеевич не отличался такой жестокостью, как его отец, но у него отмечались вполне выраженные психопатические черты характера. После смерти отца Максима взял на воспитание его крестный отец — столяр. Однако мальчик не оставался долго у своего крестного, он сбежал без видимой причины и долгое время бродяжничал со слепыми по ярмаркам. В шестнадцать лет Максим Пешков перешел к оседлой жизни, остался жить в Нижнем Новгороде, где стал

хорошим краснодеревщиком, обойщиком и драпировщиком. Там он тайно обвенчался с дочерью Василия Васильевича Каширина, местного богача, владельца четырех домов и бессменного цехового старшины городских предпринимателей. Василий Васильевич очень гордился своим положением и мечтал выдать дочь замуж за дворянина, он ни за что не согласился бы на брак своей дочери со столярным подмастерьем.

Узнав о тайном венчании, Василий Васильевич отрекся от дочери, лишил ее наследства и несколько месяцев ничего не хотел о ней знать. Потом родительские чувства взяли верх, обманутый старшина примирился с новобрачными и пригласил их даже жить в своем доме. Вскоре после этого у Варвары и Максима Пешковых родился сын Алексей — будущий великий писатель.

Всё было бы хорошо, но вдруг у Максима Пешкова начались психические отклонения. Хотя он и не был наделен отцовской жестокостью, однако у него проявилась одержимость в виде утонченного садизма. Ему было приятно наслаждаться страхом, который он намеренно сеял среди окружающих.

Пользуясь суеверием людей и другими их слабостями, он выдумывал различные способы доводить обывателей до смертельного страха. При этом Максим ощущал необычайную радость, доходящую до сладострастия. Вот что рассказывает Акулина Ивановна Каширина (бабушка писателя по матери) о садистических упражнениях своего зятя:

«Как-то о великом poste заиграл ветер и вдруг по всему дому запело, загудело страшно — все обомлели, что за наваждение? Дедушка совсем струхнул, велел везде лампадки зажечь, бегают, кричит: «Молебен надо отслужить!»

И вдруг все прекратилось; еще хуже испугались все. Дядя Яков догадался, — это, говорит, наверное, Максимом сделано! После он сам сказал, что наставил в слуховом окне бутылок разных да склянок, — ветер в горлышки дует, а они и гудут, всякая по-своему. Дед пригрозил ему: «Как бы за эти шутки опять в Сибирь тебя не воротили, Максим»

Один год сильно морозен был, и стали в город заходить волки с поля: то собаку зарежут, то лошадь испугают, пьяного караульщика заели, много суматохи было от них! А отец твой возьмет ружье, лыжи наденет, да ночью в поле, глядишь — волка притащит, а то и двух. Шкуры снимет, головы вышелушит, вставит стеклянные глаза — хорошо выходило!

Вот и пошел дядя Михайло в сени за нужным делом, вдруг — бежит назад, волосы дыбом, глаза выкатились, горло перехвачено — ничего не может сказать. Штаны у него свалились, запутался он в них, упал, шепчет: «Волк!»

Все схватили, кто что успел, бросились в сени с огнем, — глядят, а из рундука и впрямь волк голову высунул! Его бить, его стрелять, а он хоть бы что! Пригляделись — одна шкура, да пустая голова, а передние ноги гвоздями прибиты к рундуку!»

Обидчивый и злопамятный Михайло не мог простить Максиму историю с волком и, сговорившись с братом Яковом, чуть не утопил его в проруби.

После этого случая Максим не захотел больше жить с Каширинными и отправился с женой и ребенком в Астрахань, где вскоре умер.

Таковы сведения о предках М.Горького по линии отца. Можно добавить, что это были в общем-то здоровые, крепкие, хорошо сложенные люди. Что касается их психики, то при наличии некоторой одаренности они все же проявляли себя как психопаты. Дед был тяжелым садистом, отец — бродягой и с садистскими наклонностями. Несмотря на веселый и приветливый нрав, Максим Пешков мог при определенных обстоятельствах сделаться неприятным, неугомонным, патологически упрямым и своенравным субъектом.

Что же представляли из себя предки М.Горького по линии матери?

О прадедушке — Василии Каширине — известно очень мало. Сохранилось семейное предание, что «однажды приехали в Балахну разбойники грабить купца Зуева. Дедов отец бросился на колокольню бить в набат, а разбойники настигли его, порубили саблями и сбросили вниз».

Судя по этому рассказу, прадед был энергичным, бесстрашным, преданным своему делу и долгу человеком и умер он, как герой.

Что касается прабабушки, жены Василия Каширина, то она была добрая, жалостливая женщина: «Бывало матери-то кричат: мадама, мадама, — это, стало быть, моя дама, барыня моя, а барыня-то из лабаза на себе мешок муки носила по пяти пудов весу... Пленным французам, при всей своей враждебности к ним, она дарила калачи».

Дедушку — Василия Васильевича Каширина — М.Горький рисует как небольшого, сухонького старичка в черном длинном одеянии, с рыжей, как золото, бородкой, с птичьим носом и зелеными глазками, с «лицом хорька». Писатель уверял, что дедушка не был злым и страшным, хотя он однажды чуть насмерть не засек внука. Дедушка Каширин вообще был очень вспыльчивым, из-за пустяков бил до крови свою жену, так что Алексей не раз обещал отстричь дедушке бороду, если он не перестанет бить бабушку.

Хотя Василий Васильевич был ловок в деле, нажил капиталец и пользовался в городе почетом, однако он был слабохарактерным отцом, не сумел своим

детям внушить уважение к себе и не мог поддержать свой авторитет. Он стал впоследствии бестолковым стариком, растратил в короткое время все состояние, а в глубокой старости лишился ума, заболев, очевидно, старческим слабоумием. М.Горький рассказывал: «Он (старик Каширин) окончательно заболел скупостью и потерял стыд: стал ходить по старым знакомым, бывшим сослуживцам своим в ремесленной управе, по богатым купцам и, жалуясь, что разорен детьми, выпрашивал у них денег на бедность».

Чудовищная по своей болезненности скупость старичка Каширина лишила его всякого человеческого облика. Он потерял всю свою способность мышления и сообразительность. В этом состоянии с типичной для старческого слабоумия особенностью проявилась и лабильность аффектов на фоне прогрессивной потери умственных способностей. Из всего духовного богатства осталось в конце концов у дедушки Каширина одно только полнее скорби и как бы покровительственной жалости восклицание: «Эх, вы-и!..», — которым он постоянно любил украшать свою речь.

Морально В.В.Каширин не был безупречен. Он поощрял воровство своего приемыша Цыганка, которого посылал на базар. Цыганок обычно возвращался с полным возом наворованного добра, за что и пользовался особенным расположением старика. И такое было еще в годы материального благополучия.

Умер дедушка Каширин, потеряв не только все свое добро, но и совершенно лишившись ума.

Бабушка (по матери) — Акулина Ивановна Каширина — была замечательной личностью, олицетворяла собой прекрасный тип русской женщины.

Выросла она в неблагоприятных условиях, рано лишилась отца и совершенно его не помнила. Со своей матерью она была вынуждена нищенствовать, чтобы прокормиться. Затем, перестав ходить по миру (они побывали в Муроме, Юрьеве, ходили вверх по Волге и Оке), мать и дочь осели в Балахне, где девочка выучилась ремеслу кружевницы. Четырнадцати лет от роду Акулина Ивановна вышла замуж за В.В. Каширина и на 15-м году уже родила. Из 18 ее детей в живых осталось трое, в том числе и дочь Варвара, мать будущего писателя.

Акулина Ивановна была большая, крепкая, хорошо сложенная женщина, с пышными черными волосами. Огромная и лохматая, она была похожа на медведицу. Оттого наблюдательный внучек Ленька (М.Горький) не мог понять, почему бабушка, не в пример более сильная, по его мнению, чем маленький, сухонький дедушка, допускала, чтобы он ее безжалостно бил. Однако у Акулины Ивановны были свои взгляды на супружество, и она как бы признавала право мужа бить

жену. Говорил же Василий Васильевич: «Ты знай: когда свой родной бьет, — это не обида, а наука!»

Акулина Ивановна была умная и очень добрая женщина. Лозунг ее жизни был: «Господи, Господи! Как хорошо все!» Находя все в жизни одинаково хорошим, Акулина Ивановна не могла себя чувствовать несчастной. Не могла быть злой, не могла ни на кого обижаться. Глубоко религиозная душа, одаренная богатой фантазией, она себя чувствовала в постоянной связи с Богом и добрыми гениями. Однако она из-за этого не была оторвана от жизни, и усвоила житейскую мудрость лучше любой другой «земной человеческой твари». Достаточно выслушать одно из поучений бабушки Акулины своему внуку:

«Вот что, Ленька, голуба-душа, ты закажи себе это: в дела взрослых не путайся! Взрослые — люди порченые; они Богом испытаны, а ты еще нет, — и живи детским разумом. Жди, когда Господь твоего сердца коснется, дело твое тебе укажет, на тропу твою приведет. Понял? А кто в чем виноват, — это дело не твое. Господу судить и наказывать. Ему, а не нам!»

Акулина Ивановна была не только религиозной, но и имела от природы поэтическую душу. Говорила нараспев, и самая обычная ее речь была настоящей музыкой. Бабушка Акулина обладала неисчерпаемым источником народных песен, былин и сказок, которые она умела до того наивно и убедительно рассказывать, что они получали в ее устах характер неопровергаемой действительности.

Какой-то чужак по прозвищу «Хорошее дело», который для М.Горького был «первым человеком из бесконечного ряда чужих людей в родной своей стране, — лучших людей ее», выслушав однажды рассказ бабушки Акулины про Ивана-воина и Мирона-отшельника, до того растрогался, что заплакал: «Знаете, это удивительно, это надо записать непременно! Это страшно верное, наше...»

Сказывала бабушка стихи о том, как Богородица ходила по мукам земным, как она увещевала разбойницу «князь-барыню Енгальчеву» не бить, не грабить русских людей; стихи про Алексея — Божия человека, про Ивана-воина; сказки о премудрой Василисе, о Попе-козле и Божьем Крестнике; страшные были о Марфе Посаднице, о Бабе Усте, атамане разбойников, о Марии, грешнице Египетской... Сказок, былей и стихов она знала бесчисленное множество.

Однако бабушка Акулина не лишена была некоторых странностей. Так, она до ужаса боялась черных тараканов, чувствовала их даже на большом расстоянии от себя. Впрочем, несмотря на повышенную чувствительность и чуткость к мелочам жизни. Акулина Ивановна не размякла, не выказывала никаких симптомов нервозности, отличалась необыкновенной работоспособностью

и энергией. Несмотря на то, что она всю жизнь оставалась неграмотной, ум ее был более просветлен, чем у многих высокообразованных людей.

Акулина Ивановна — единственная светлая фигура среди предков М.Горького. Если великий писатель и обязан кому-то из родственников своим гением, то это только своей бабушке А.И.Кашириной.

Мать М.Горького — Варвара Васильевна Каширина — была самая обыкновенная, заурядная женщина и не без заметной примеси психопатических черт.

В молодости она была веселой, жизнерадостной, потом, в замужестве, ее характер резко изменился, а после смерти первого мужа (отца М.Горького) она сделалась совершенно замкнутой, печальной, молчаливой и наводила на всех уныние. Ее, видимо, считали больной и относились к ней поэтому снисходительно. Бабушка Акулина молилась о ней Богу: «Варваре-то улыбнулся бы радостью какой! Чем она Тебя прогневала, чем грешней других? Что это: женщина молодая, здоровая, а в печали живет».

Особенной привязанности к своему сыну Алексею (М.Горькому) Варвара Васильевна, очевидно, не испытывала, и скоро после смерти мужа она оставила ребенка, родительский дом и уехала на чужбину. Не могла Варвара сжиться с родителями, может быть, из-за дикости и жестокости жизни в этой семье, а может быть, воспоминание о том, как братья хотели известить ее мужа, изгнало ее из родительского дома. На чужбине она прижила ребенка, оставила его неизвестно где и опять вернулась к родителям. Потом было вновь неудачное замужество, разорение и, наконец, смерть в страшной бедности.

Закончила Варвара свой жизненный путь изумившим всех психическим аффектом. Взволновавшись, что Алексей (М.Горький) не выполнил ее приказа позвать отца, обезумевшая мать ухватила его за волосы, взяла в другую руку гибкий нож, сделанный из пилы, и с размаха несколько раз ударила сына плашмя. Изнеможенная, она легла в постель и умерла.

Дяди М.Горького (материнская линия) — Михайло и Яков Каширины — которые хотели утопить его отца, были отчаянные алкоголики. Убить человека — было им нипочем. Яков отличался наклонностями жестокого садиста. Он зверски избивал жену и в одной из драк убил ее прямо в постели. Михайло в пьяном виде почти всегда отправлялся разбираться с отцом, осаждал его дом, бил стекла, проламывал двери, набрасывался на родителей с кулаками. Так продолжалось, пока семья окончательно не разорилась.

Такая отягченная наследственность, естественно, не могла не отразиться на знаменитом потомке пешковской и каширинской фамилий.

Два ряда явлений: внутренние, эндогенные, большею частью наследственного характера, и внешние, экзогенные, принимают участие в формировании личности, причем из экзогенных моментов очень существенными являются переживания детства.

Никогда человеческая душа не бывает столь доступна воздействиям со стороны внешнего мира, как именно в детстве, никакой более старший возраст не сравнить с детством по восприимчивости, яркие впечатления детства остаются у человека на всю жизнь. Привычки, приобретенные в детстве, особенно трудно искореняются, а взгляды, мысли и чувства, поведение окружающих людей зачастую очень причудливо трансформируются в сознании ребенка в оригинальные образы собственного мировоззрения.

Детство М.Горького было самое бурное, богатое разнообразными событиями, оно оставило глубокий след, настоящую колею, на пути развития гениальной личности.

Изучение этого периода жизни великого писателя крайне важно для понимания его духовного мира.

Начинается и заканчивается детство М.Горького печальными событиями, связанными со смертью родителей. Первое воспоминание великого человека — смерть отца: «В полутемной тесной комнате, на полу под окном, лежит мой отец, одетый в белое и необыкновенно длинный; пальцы его босых ног странно растопырены, пальцы ласковых рук, смиренно положенных на грудь, тоже кривые; его веселые глаза плотно прикрыты черными кружками медных монет, доброе лицо темно и пугает меня нехорошо оскаленными зубами».

А когда умерла мать, дедушка сказал мальчику: «Ну, Лексей, ты — не медаль, на шее у меня — не место тебе, а иди-ка ты в люди». Так кончилось детство М.Горького.

Между этими двумя смертями, очерчивающими черным кругом детство писателя, течет жизнь дитятки Алеши в мире моральной грязи, в потоках слез, крови, в шуме пьяных криков, брани, при свисте розг, в смешанном хоре шлепающих, глухих и звонких побоев, стонов, сердце раздирающих криков, плача, рыданий, в омуте мук и страданий.

Сам Алеша был не просто зрителем этой ужасающей драмы, он был активным лицом в ней, привнося и свою лепту страданий.

Будучи, как всякий здоровый подрастающий ребенок, очень любопытным, беспокойным, деятельным, и, желая подражать взрослым, он легко, отчасти сознательно, отчасти вследствие своей неопытности и непонимания, преступал границы дозволенного и подвергался строгим наказаниям дедушки.

Однако «штатные» наказания розгой невозможно и сравнить с теми телесными травмами, которые наносили ребенку другие родственники. Вот пример:

«Дядя Михайло сидел на полу, растопылив ноги, и плевал перед собою, шлепая ладонями по полу. На печи стало нестерпимо жарко, я слез, но, когда поровнялся с дядей, он поймал меня за ногу, дернул, и я упал, ударившись затылком.

— Дурак, — сказал я ему.

Он вскочил на ноги, снова схватил меня и взревел, размахнувшись мной:

— Расшибу об печку...

Очнулся я в парадной комнате, в углу, под образами, на коленях у деда, он покачивал меня и говорил негромко:

— Оправдания же нам нет никому».

Одну из тяжелых телесных травм причинил себе Алеша сам, когда, болея оспой, увидел вдруг ужасную галлюцинацию:

«Однажды вечером, когда я уже выздоравливал и лежал развязанный, — только пальцы были забинтованы в рукавички, чтоб я не мог царапать лица, — бабушка почему-то запоздала прийти в обычное время, это вызвало у меня тревогу, и вдруг я увидал ее: она лежала за дверью на пыльном помосте чердака, вниз лицом, раскинув руки, шея у нее была наполовину перерезана, как у дяди Петра; из угла из пыльного сумрака к ней подвигалась большая кошка, жадно вытаращив зеленые глаза.

Я вскочил с постели, вышиб ногами и плечами обе рамы окна и выкинулся на двор, в сугроб снега. В тот вечер у матери были гости, никто не слышал, как я бил стекла и ломал рамы, мне пришлось пролежать в снегу довольно долго. Я ничего не сломал себе, только вывихнул руку из плеча, да сильно изрезался стеклами, но у меня отнялись ноги, и месяца три я лежал, совершенно не владея ими: лежал и слушал, как все более шумно живет дом, как часто там внизу хлопают двери, как много ходит людей».

Тяжелые травматические повреждения (в том числе, в области головы) и болезни, безусловно, оказали негативное влияние на общую слагавшуюся конституцию М.Горького и вполне могли быть факторами, предрасположившими организм к душевным кризисам.

Не менее серьезны были и те многочисленные психические травмы, которые пережил мальчик в годы детства. «Дом деда был наполнен горячим туманом взаимной вражды всех со всеми; она отравляла взрослых, и даже дети принимали в ней живое участие». Вся людская пошлость, вся моральная грязь, которые

нагромождает злой гений вражды вокруг людей, кололи день за днем глаза Алеши, и незаметно для самого себя втянулся ребенок в эту грязь, развивая в себе острое чувство мести, иногда жестокосердной. Алеша питал враждебные чувства к деду за то, что он бьет бабушку, и решил отомстить.

Однажды такой случай представился: «Предо мною, в сумраке, пылало его красное лицо, развевались рыжие волосы; в сердце у меня жгуче кипела обида, и было досадно, что я не могу придумать достойной мести.

Но дня через два, войдя зачем-то на чердак к нему, я увидел, что он, сидя на полу перед открытой укладкой, разбирает в ней бумаги, а на стуле лежат его любимые святцы — двенадцать листов толстой серой бумаги, разделенных на квадраты по числу дней в месяце, и в каждом квадрате — фигурки святых дня. Дед очень дорожил этими святцами, позволяя мне смотреть их только в тех редких случаях, когда был почему-либо особенно доволен мною...

Но теперь я решил изрезать эти святцы и, когда дед отошел к окошку, читая синюю с орлами бумагу, я схватил несколько листов, сбежал вниз, стащил ножницы из стола бабушки и, забравшись на полати, принялся отстригать святым головы. Обезглавил один ряд и стало жалко святцы; тогда я начал резать по линиям, разделявшим квадраты, но не успел искрошить второй ряд — явился дедушка, встал на приступок и спросил:

— Тебе кто позволил святцы взять?

Увидав квадратики бумаги, рассеянные по доскам, он начал хватать их, подносил к лицу, бросал, снова хватал, челюсть у него скривилась, борода прыгала, и он так сильно дышал, что бумажки слетали на пол.

— Что ты сделал? — крикнул он наконец, и за ногу дернул меня к себе; я перевернулся в воздухе, бабушка подхватила меня на руки, а дед колотил ее, меня и визжал:

— Убью-у!

Явилась мать, я очутился в углу, около печи, а она, загораживая меня, говорила, лоя и отталкивая руки деда, летавшие перед ее лицом:

— Что за безобразие? Опомнитесь!

Дед повалился на скамью, под одеяло, завывая:

— Убили! Все, все против меня, а-а!».

Судя по тому, как убивался старик, месть внука удалась.

В другой раз Алеша уже не придумывал свою месть, а действовал импульсивно, причем обнаружилась в нем истинная природа Пешковых, которая, впрочем, получала для своего проявления много энергии из окружающей обстановки.

«Однажды во время вечернего чая. войдя со двора в кухню, я услышал надорванный крик матери:

— Евгений, я тебя прошу, прошу...

— Глу-по-сти! — сказал отчим.

— Но, ведь, я знаю, — ты к ней идешь!

— Н-ну!

Несколько секунд оба молчали, мать закашлялась, говоря:

— Какая ты злая дрянь...

Я слышал, как он ударил ее, бросился в комнату и, увидал, что мать, упав на колени, оперлась спиной и локтями о стул, выгнув грудь, закинув голову, хрипя и страшно блестя глазами, а он, чисто одетый, в новом мундире, бьет ее в грудь длинной своей ногою. Я схватил со стола нож с костяной ручкой в серебре, — им резали хлеб, это была единственная вещь, оставшаяся у матери после моего отца, — и со всюю силою ударил отчима в бок.

По счастью, мать успела оттолкнуть Максимова, нож проехал по боку, широко распоров мундир и только оцарапав кожу. Отчим, охнув, бросился вон из комнаты, держась за бок, а мать схватила меня, приподняла и с ревом бросила на пол. Меня отнял отчим, вернувшись со двора».

Эти вспышки детского гнева и жестокой мести, как и многие другие человеческоненавистнические поступки юного Алеши, к счастью, не получили дальнейшего развития.

У М.Горького в зрелом возрасте никогда не проявлялись такие психопатологические черты, как садизм, жестокость, склонность к насилию, несмотря на наследственную отягощенность такими элементами по обоим родительским линиям.

Наоборот, у признанного писателя современники отмечали его искреннее человеколюбие, жалостливость к людям, готовность жертвовать личными интересами на благо других.

А в чувстве удовольствия, которое М.Горький никогда не скрывал при виде счастья ближнего, некоторые исследователи начала века (Галант И.Б., Stransky) склонны были усматривать проявление мазохизма.

Впрочем, сам гений понимал, что человеческую душу нужно познавать гораздо глубже, нужно считаться с ее особой диалектикой: «И грусть, и радость жили в людях рядом, нераздельно почти, заменяя одна другую с неуловимой, непонятной быстротой».

Читая, например, рассказ М.Горького «Мой спутник», где автор описывает совместное пешеходное странствование из Одессы в Тифлис с неким «князем» Шакро, можно только удивляться его доверию к людям, снисходительности к их недостаткам.

Как ни оскорблял Шакро Горького, как он над ним ни издевался, ни обманывал, ни обкрадывал. Горький до конца пути оставался верен своему спутнику, работал за двоих, кормил и заботился о «князе», оставлял ему лучший кусок.

По прибытии в Тифлис Шакро обманул Горького и не только не вознаградил его за все труды, как обещал, а исчез навсегда, украв у приятеля башлык.

Тем не менее Горький от чистого сердца простил циничного бродягу.

Когда М.Горький «вышел в люди» и начал их познавать, он обнаружил удивительное понимание значимости человеческих достоинств. Стоит прочитать его апофеоз «Человек», чтобы убедиться, как высоко великий писатель ценит личность, какую непреодолимую мощь, какую всепокоряющую энергию ума и воли он видит почти в каждом индивидуе, заслуживающем высокое звание человека:

«Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его, необъятный, как мир, медленно шествует, — вперед! и — выше! трагически прекрасный человек!

Я вижу его гордое чело и смелые глубокие глаза, а в них — лучи бесстрашной, мощной Мысли, той Мысли, что постигла чудесную гармонию вселенной, той величавой силы, которая в моменты утомления — творит богов, в эпохи бодрости — их низвергает... ».

Однако пока совершилась полная метаморфоза Алексея Пешкова в Максима Горького, неблагоприятная наследственность и обусловленные ею патологические черты характера оказывали определенное неблагоприятное воздействие на личность, что проявилось цепью душевных надломов и психических срывов.

Из многих рассказов М.Горького автобиографического плана выделяется «Рассказ Филиппа Васильевича»; героем которого является Платон Багров. В этом произведении повествуется о самоубийстве Платона и о причинах этого поступка, мотив, очень часто повторяющийся в творчестве писателя.

Нетрудно догадаться, что М.Горький описывал самоубийство, находясь под невероятно сильным впечатлением совершенного им самим на девятнадцатом году жизни покушения на собственную жизнь, отчего он чуть было не погиб.

Понятно, что такое событие, которое может быть названо «воскресением к новой лучшей жизни», превратилось в аффективно сильно окрашенный комплекс, который настолько потряс гения, что он невольно возвращался к нему

бесконечно, копаясь в душевных переживаниях, связанных со столь пагубным шагом, и разбирая различные вопросы этики и житейской мудрости.

Вообще тема самоубийства звучит во многих произведениях М.Горького: «Макар Чудра», «Скуки ради», «Трое», «Коновалов», «Хан и его сын», «Исповедь», «Жизнь ненужного человека», «Жизнь Матвея Кожемякина» — можно больше и не продолжать перечень тех больших и малых рассказов, где действующие лица сводят счеты с жизнью по самым различным причинам. Интересно лишь отметить тот факт, что редкий писатель описывал так много самоубийств. Можно даже говорить о «литературной суицидомании» М.Горького.

Но вернемся к «Рассказу Филиппа Васильевича».

Герой драмы — Платон Багров, юноша девятнадцати лет, будучи дворником у профессора, полюбил дочь ученого — Лидию Алексеевну. Девушка не принимала этого всерьез, всячески над ним подшучивала, и Платон, не вытерпев горечи безнадежной любви, застрелился.

Следует отметить, что когда Алексей Пешков покушался на самоубийство, ему было тоже около девятнадцати лет. Есть и другие более существенные моменты, указывающие, что прототипом Платона был Пешков.

Как наружность, так и весь духовный склад Платона очень напоминают юношу Пешкова: «Высокий и костлявый, он был угловат в движениях.

Его темные короткие волосы немного вились, глаза смотрели вдумчиво, спокойно и в скуластом лице было что-то значительное».

Что касается личности Платона, то это был, как и Пешков, полуинтеллигент из народа, потерявший связь с естественной своей средой и ищущий напрасно «смычки» с интеллигенцией. Платон, как и Пешков, читает книги, пишет стихи, но плохие, по отзывам Филиппа Васильевича:

— Прощай! Душа — тоской полна...

Я вновь, как прежде, одинок,

И снова жизнь моя темна...

Прощай, мой ясный Огонек!

Оторванность от своей естественной среды, невозможность проникнуть в круги интеллигенции заставляют Платона томиться в очень опасном для его чувствительной души одиночестве. Он страдает под гнетом одиночества, ибо, хотя сам от природы боязлив и застенчив, жилка общественности в нем довольно сильно развита.

Дворовые люди высмеивают Платона: «Прислуга дома считает Платона глупым за то, что он не ухаживает за горничными, не сидит у ворот, истребляя семена подсолнухов, и читает книжки. Его поведение в глазах кухарки и горничных было не свойственно дворнику, говорил он много и непонятно — все это раздражало людей кухни».

Интеллигенция же, со своей стороны, отзывается о Платоне устами Лидии Алексеевны: «Чудак он... — Такой смешной и длинный ... и все философствует там, в кухне ... а над ним смеются за это...». Или устами Филиппа Васильевича: «Он слишком самонадеян ... считает себя исключительной личностью и способен забрать себе в голову Бог знает что!».

Между такими же Сциллой и Харибдой жил и Алексей Пешков перед покушением на самоубийство. Не растворившись в народе и не находя понимания у интеллигентов, он очень остро в своем молодом возрасте переживал это моральное одиночество: по временам терял самообладание, и его разум совершенно затемнялся.

Когда Платон влюбился и любовь его была отвергнута с шутивными насмешками, муки одиночества и чувства заброшенности и отверженности его всеми обострились так, что жизнь в подобных условиях продолжаться далее уже просто не могла. Платон застрелился, положив конец мукам, с которыми бороться было ему не под силу.

Так поступил и Алексей Пешков, но, к счастью, насмерть не застрелился, пуля прошла мимо и рана зажила. Однако сама попытка суицида свидетельствует о предельном отчаянии, которое могло возникнуть только при наличии психопатического компонента и привело к тяжелому и непредсказуемому душевному расстройству.

Как уже говорилось, этим случаем патографические сюрпризы не исчерпываются. В небольшом очерке «О вреде философии» М.Горький художественно и, по-видимому, вполне правдоподобно описал душевную болезнь, которой он страдал в 1889-1890 гг.

Описание это имеет для специалистов психиатрии не только теоретический интерес, но и немаловажное практическое значение. С точки зрения фактологии можно подчеркнуть и историческую ценность материала, ибо М.Горький обратился за советом к врачу-психиатру и сообщил, как психиатр его лечил, что представляет несомненный интерес для современных исследователей.

Судя по заглавию очерка, легко допустить, что М.Горький объясняет свое психическое заболевание увлечением философией, а болезнь — своего рода,

«morbus philosophicus». Однако вряд ли М.Горький сам верил в «философский фактор», хотя во время делирия, которым он страдал, не обошлось без космогонических идей.

Они, правда, не были почерпнуты из популярной философской литературы, которую писатель считал скучноватой.

Но М.Горький слушал лекции по философии у знакомого студента-химика Николая Захаровича Васильева, большого оригинала, наслаждавшегося ломтями ржаного хлеба, посыпанного хинином. Химик-оригинал вообще любил пробовать на вкус различные химические вещества, пока окончательно не отравился в 1901 г.

Прослушав две лекции Васильева о демократии и Эмпедокле, М.Горький спустя несколько дней заболел. А может быть, и раньше!

Уже на второй лекции будущий писатель «видел» нечто неопишимо страшное внутри огромной, бездонной чаши, опрокинутой на бок: какие-то уши, глаза, ладони рук с растопыренными пальцами, катящиеся головы без лиц, двигающиеся человеческие ноги, они шли, каждая отдельно от другой.

В этом необычном собрании все время прыгало нечто неуклюжее и волосатое, похожее на медведя, шевелились корни деревьев, точно огромные пауки, а ветви и листья жили отдельно от них.

Летали разноцветные крылья, немо смотрели безглазые морды огромных быков, а круглые их глаза испуганно прыгали над ними. Вот пробежала окрыленная нога верблюда, а вслед за нею стремительно пронеслась рогатая голова совы — и все это в вихревом темпе, в убыстряющемся движении отдельных кусков, которые временами соединялись в нечто безобразное.

Далее больной разглядел, что: «В этом хаосе мрачной разобщенности, в немом вихре изорванных тел величественно движутся, противоборствуя друг другу, Ненависть и Любовь, неразлично подобные одна другой, от них изливается призрачное, голубоватое сияние, напоминая о зимнем небе в солнечный день, и освещает все движущееся мертвенно однотонным светом».

Болезнь развивается дальше, и М.Горький продолжает писать об этом: «Я через несколько дней почувствовал, что мозг мой плавится и кипит, рождая странные мысли, фантастические видения и картины. Чувство тоски, высасывающей жизнь, охватило меня, и я стал бояться безумия. Но я был храбр, решил дойти до конца страха, и, вероятно, это спасло меня».

Этим последним предложением М.Горький, очевидно, хотел сказать, что он охотно отдавался ужасающим фантазиям, которые он отчасти сам вызывал,

причем эти фантазии при болезненном психическом его состоянии переживались им, как ужасная действительность, потрясающая страхом всю его нервную систему.

Почему, однако, писатель думал, что это его «спасло», а не наоборот — давало пищу его болезни, трудно сказать.

Далее следует целый ряд фантазий, которые М.Горький переживал отчасти галлюцинаторно:

«Из горы, на которой я сидел, могли выйти большие черные люди с медными головами. Вот они тесной толпой идут по воздуху и наполняют мир оглушающим звоном.

Из него падают, как срезанные невидимой пилой, деревья, колокольни, разрушаются дома, и вот — все на земле превратилось в столб зеленовато горящей пыли, осталась только круглая гладкая пустыня и, посреди, я, один на четыре вечности.

Именно — на четыре, я видел эти вечности, огромные и темные — серые круги тумана или дыма, они медленно вращаются в непроницаемой тьме, почти не отличаясь от нее своим призрачным цветом».

«За рекою, на темной плоскости вырастает, почти, до небес, человежье ухо, обыкновенное ухо с толстыми волосами в раковине, вырастает и слушает все, что думаю я».

«Длинным двуручным мечом средневекового палача, гибким, как бич, я убивал бесчисленное множество людей; они шли ко мне справа и слева, мужчины и женщины, все нагие; шли молча, склонив головы, покорно вытягивая шеи.

Сзади меня стояло неведомое существо, и это его волей я убивал, а оно дышало в мозг мне холодными иглами».

«Ко мне подходила голая женщина на птичьих лапах вместо ступней ног, из ее груди исходили золотые лучи; вот она вылила на голову мне пригоршни жгучего масла, и, вспыхнув, точно клоч ваты, я исчезал».

Такого рода ощущения у душевнобольного вряд ли могут быть выражением какого-нибудь физиологического состояния, если не состояния сильной лихорадки. По-видимому, она и была у М.Горького.

Кроме зрительных галлюцинаций отмечались также в это время и четко выраженные слуховые галлюцинации, которые толкали молодого человека на шумные выступления. «А дома меня ожидали две мыши, прирученные мною. Они жили за деревянной обшивкой стены; в ней на уровне стола они прогрызли щель

и вылезали прямо на стол... И вот я видел: забавные животные превращались в маленьких серых чертенят и, сидя на коробке с табаком, болтали мохнатыми ножками, важно разглядывая меня, в то время как скучный голос, неведомо чей, шептал, напоминая тихий шум дождя:

— Общая цель всех чертей — помогать людям в поисках несчастий.

— Это ложь, — кричал я, озлобясь. — Никто не ищет несчастий.

Тогда являлся некто. Я слышал, как он гремит щеколдой калитки, отворяет дверь крыльца, прихожей, и — вот он у меня в комнате. Он — круглый, как мыльный пузырь, без рук, вместо лица у него — циферблат часов, а стрелки из морковки, к ней у меня с детства идиосинкразия.

Я знаю, что это муки той женщины, которую я люблю, он только переоделся, чтобы я не узнал его. Вот он превращается в реального человека, толстенького, с русой бородой, мягким взглядом добрых глаз; улыбаясь, он говорит мне все то злое и нелестное, что я думаю о его жене и что никому, кроме меня, не может быть известно.

— Вон! — кричу я на него.

Тогда за моей стеной раздается стук в стену — это стучит квартирная хозяйка, милая и умная Филицата Тихомирова. Ее стук возвращает меня в мир действительности, я обливаю глаза холодной водой и через окно, чтобы не хлопнуть дверями, не беспокоить спящих, вылезая в сад, там сижу до утра.

Утром за чаем хозяйка говорит:

— А вы опять кричали ночью...

Мне невыразимо стыдно, я презираю себя».

Еще одним впечатляющим симптомом, дополняющим картину болезни, была резкая сновидная огушенность, приводившая М.Горького к такому состоянию, что он, работая, забывал вдруг себя, окружающую действительность и бессознательно вводил в работу совершенно чуждые реальности элементы, которые если и можно увидеть, то только во сне, в связи с самыми невозможными и противоречивыми явлениями. Вот как об этом продолжает рассказывать писатель:

«В ту пору я работал как письмоводитель у присяжного поверенного А.И.Лапина, прекрасного человека, которому я многим обязан. Однажды, когда я пришел к нему, он встретил меня, бешено размахивая какими-то бумагами и крича:

— Вы с ума сошли? Что это Вы, батенька, написали в апелляционной жалобе? Извольте немедленно переписать, сегодня истекает срок подачи. Удивительно. Если это шутка, то плохая, я Вам скажу.

Я взял из его рук жалобу и прочитал в тексте четко написанное четверостишие:

Ночь бесконечно длится...
Муки моей — нет меры.
Если б умел я молиться,
Если б я знал счастье веры!

Для меня эти стихи были такой же неожиданностью, как и для патрона, я смотрел на них и почти не верил, что это написано мною.

А состояние помешательства продолжает усиливаться: «От этих видений и ночных бесед с разными лицами, которые неизвестно как появлялись передо мною и неуловимо исчезали, едва только сознание действительно возвращалось ко мне, от этой слишком интересной жизни на границе безумия необходимо было избавиться.

Я достиг уже такого состояния, что даже и днем при свете солнца напряженно ожидал чудесных событий.

Наверно, я не очень удивился бы, если бы любой дом города вдруг перепрыгнул через меня. Ничто на мой взгляд не мешало лошади извозчика, встав на задние ноги, провозгласить глубоким басом:

— Анафема!»

К этим экстравагантным выходкам необузданной фантазии, к сновидной оглушенности галлюцинациями временами присовокупляются навязчивые идеи, действия и поступки:

«Вот на скамье бульвара, у стены кремля сидит женщина в соломенной шляпе и желтых перчатках. Если я подойду к ней и скажу:

— Бога нет.

Она удивленно и обиженно воскликнет:

— Как? А я? — и тотчас превратится в крылатое существо и улетит, вслед за тем вся земля немедленно порастет толстыми деревьями без листьев, с их ветвей и стволов будет капать жирная, синяя слизь, а меня как уголовного преступника приговорят быть 23 года жабой, и чтоб я все время, день и ночь, звонил в большой, гулкий колокол...

Так как мне очень, нестерпимо хочется сказать даме, что бога нет, но я хорошо вижу, каковы будут последствия моей искренности, — я, как можно скорей, стороной, почти бегом ухожу».

Реальность, мир действительных явлений перестает временами совершенно существовать для М.Горького:

«Все — возможно. И возможно, что ничего нет, поэтому мне нужно дотрагиваться рукою до заборов, стен, деревьев. Это несколько успокаивает. Особенно — если долго бить кулаком по твердому, убеждаешься, что оно существует».

«Земля очень коварна, идешь по ней так же уверенно, как все люди, но вдруг ее плотность исчезает под ногами, земля становится такой же проницаемой, как воздух, — оставаясь темной, — и душа стремглав падает в эту тьму бесконечно долгое время...»

«Небо тоже ненадежное; оно может в любой момент изменить форму купола на форму пирамиды вершиной вниз; острие вершины упрется в череп мой, и я должен буду неподвижно стоять на одной точке, до поры, пока железные звезды, которыми скреплено небо, не перержавеют, тогда оно рассыплется рыжей пылью и похоронит меня.

Все возможно. Только жить невозможно в мире таких возможностей.

Душа моя сильно болела. И если б два года тому назад я не убедился личным опытом, как унизительна глупость самоубийства, я наверное применил бы этот способ лечения больной души».

Не только в художественной литературе, но и в специальных работах по психиатрии вряд ли возможно отыскать такое удачное и красочное описание лихорадочного делирия.

Богатая и яркая клиническая картина этого расстройства помимо чисто внешних причин, типа простуды или отравления, была, конечно, обусловлена неустойчивостью психики переходного возраста и ее лабильностью вследствие эндогенных (отягченная наследственность) и экзогенных (умственное напряжение) причин.

Уникальность данного патографического случая еще и в том, что М. Горький рассказал, как оценил его состояние психиатр:

«...Маленький, черный, горбатый психиатр, человек одинокий, умница и скептик, часа два расспрашивал, как я живу, потом, хлопнув меня по колену страшно белою рукою, сказал:

— Вам, дружище, прежде всего надо забросить ко всем чертям книжки и вообще всю дребедень, которой Вы живете. По комплекции Вашей, Вы человек здоровый — и стыдно Вам так распускать себя. Вам необходим физический труд. Насчет женщин — как? Ну! Это тоже не годится. Предоставьте воздержание

другим, а себе заведите бабенку, которая пожаднее в любовной игре, — это будет полезно. Он дал мне еще несколько советов, одинаково неприятных и неприемлемых для меня, написал два рецепта, затем сказал несколько фраз, очень памятных мне:

— Я кое-что слышал о Вас и — прошу извинить, если это не понравится Вам. Вы кажетесь мне человеком, так сказать, первобытным. А у первобытных людей фантазия всегда преобладает над логическим мышлением. Все, что Вы читали, видели возбудило у Вас только фантазию, а она совершенно непримирима с действительностью, которая хотя тоже фантастична, но на свой лад. Затем: один древний умник сказал: «Кто охотно противоречит, тот не способен научиться ничему дельному». Сказано хорошо. Сначала — изучить, потом — противоречить, так надо.

Провожая меня, он повторил с улыбкой веселого черта:

— А бабеночка очень полезна для Вас».

Подобные психические расстройства, к счастью, у М.Горького больше не повторялись.

Но в периоды умственного перенапряжения, нервного возбуждения психопатологические черты его личности проявлялись довольно определенно.

Это, к примеру, видно в одном из его очерков, где писатель рассказал о необычной жизненной ситуации, в которой он случайно оказался. Осенью 1892 г. Алексей Пешков странствовал в качестве «проходящего» человека по Кавказу. На берегу моря, прямо в лесу он совершенно неожиданно увидел женщину, у которой начались роды. Алексей сумел оказать ей акушерскую помощь (пригодились знания, полученные в детстве от бабушки, — она, между прочим, была и повитухой) и благополучно принял новорожденного.

В патографическом аспекте интерес представляет содержание разговора между Алексеем и родильницей после родов: «— Первый у тебя?

— Первенькой... А ты кто?

— Вроде как бы человек...

— Конечно, человек... Женатый?

— Не удостоился.

— Врешь?

— Зачем?

Она опустила глаза, подумала:

— А как же ты бабьи дела знаешь? Теперь совру. И я сказал:

— Учился этому. Студент — слыхала?

— А как же! У нас попа сын старшой студент, тоже на попа учится.

— Вот и я из этаких. Ну, пойду за водой». Потом за чаем разговор принял такой оборот: «— Бросил учење-то?

— Бросил.

— Пропился, что ли?

— Окончательно пропился, мать!

— Экой ты какой! А ведь я те помню, в Сухуме заметила, когда ты с начальником из-за харчей ругался, так тогда и подумалось мне — видно, мол, пропойца, бесстрашный такой...».

Здесь внимание привлекает такой факт: Алексей сознательно, без всякой нужды искажал правду, или попросту говоря — врал, черта характера, до того чуждая М.Горькому, что она вызывает крайнее удивление.

Известно, что Алексей Пешков был исключительной честности юноша, не переносил лжи в какой бы то ни было форме и говорил всегда откровеннейшую правду, даже во вред своим интересам. Может быть, стремление к абсолютной правдивости было своего рода элементом самовоспитания.

В период детства мальчик сознательно избавлялся от некоторых пороков. Так, он вначале, пытаясь отомстить деду, придумывал месть и планомерно ее осуществлял. Потом он изжил в себе это «правило» и ярость выплескивалась только импульсивно, в момент перевозбуждения.

Постепенно, стараясь в критических ситуациях проявлять самообладание, он частенько заменял действие словом (так называемый «словесный садизм»). Становясь старше, М.Горький все более бережно относился к своим словам.

Как же это могло случиться, что в случае с родильницей Алексей Пешков без видимой нужды, так отчаянно и легкомысленно говорил неправду? Где психологическое или психопатологическое объяснение этого удивительного, даже невероятного явления?

По всей видимости, фантастическая псевдология у молодого человека возникла сама по себе внезапно, как следствие исключительного душевного состояния, когда он стал акушером поневоле.

О том, что Алексей, совершая повивальный подвиг, «...был в ударе» и действовал под влиянием какого-то вдохновения, видно из того места рассказа, где юноша говорит, что в «горячке возбуждения» он сразу вспомнил все, что знал по этому делу (акушерству), и чувствовал себя вполне способным оказать помощь роженице. Успех и радость вызвали душевный подъем, окрылили Пешкова и дали полную свободу фантазии, но в направлении, не свойственном

для него. И невозможное стало возможным: Алексей начал лгать, хотя в этом не было никакой необходимости.

Данный случай — еще одно подтверждение тому, что в критические моменты у М.Горького были возможны психопатические характерологические проявления.

Особый интерес представляют патографические материалы о пориомании (страсть к бродяжничеству) Н.Горького. Исследователи в основном сходятся на том, что это состояние писателя — переданная ему по наследственности психопатическая черта. Отец М.Горького в юности своей бродяжничал. Прабабушка и бабушка по материнской линии тоже долгое время нищенствовали, юродствовали и бродяжничали. Не удивительно поэтому проявление пориомании у самого гения. Пориомания, в какой бы форме она ни встречалась, есть психопатический синдром, свидетельствующий о более или менее тяжелом нарушении общего психического равновесия индивида. Обыкновенно прельщаются бродяжничеством люди неустойчивые, боящиеся серьезного труда (попросту говоря — лентяи), страдающие болезненным любопытством и жаждущие новых впечатлений (имбецильная неофилия). Возможны, конечно, и другие причины пориомании: эпилепсия, шизофрения.

То, что бродяжничество встречается почти исключительно у неуравновешенных, чтобы не сказать — тяжелых психопатов и прочих душевнобольных, об этом наилучшим образом свидетельствуют произведения самого М.Горького. Сколько бродяг писатель ни нарисовал — а представил он их в достаточном количестве — все они, даже те, которые способны вызывать нашу симпатию, — психопаты, олигофрены, лица с признаками психических заболеваний, всякого рода преступники и прочий темный люд. Достаточно перечитать рассказы «В степи», «Проходимец», «Товарищи», чтобы в этом убедиться.

«Студент» из рассказа «В степи» — уголовный преступник, Павел Игнатьевич Промтов (рассказ «Проходимец») — тяжелый психопат, Витя Тучков (рассказ «Товарищи») — также психопат, «честный бродяга» (рассказ «Дело с тяжками») — олигофрен и т.д.

Бродяга Промтов своеобразно развивал философию бродяжничества, которая, пожалуй, одно время не была совсем чуждой и Алексею Пешкову, так долго и неприкаянно бродившему по безбрежным просторам России.

М.Горький, во всяком случае, очень любил ту романтическую черту, которая более или менее присуща всякой бродяжьей жизни, то богатство случайностей и неожиданностей, ту пестроту впечатлений, которые можно познать в бродяж-

ничестве. Вот философия бродяжничества, вложенная великим писателем в уста Промтова: «Вы должны понять это — в бродяжьей жизни есть нечто всасывающее, поглощающее. Приятно чувствовать себя свободным от обязанностей, от разных маленьких веревочек, связывающих твое существование среди людей от всяких мелочишек, до того облепляющих твою жизнь, что она становится уже не удовольствием, а скучной ношей... тяжелым лукошком обязанностей... вроде обязанности одеваться — прилично, говорить — прилично... и все делать так, как принято, а не так, как тебе хочется. При встрече со знакомыми нужно, как это принято, сказать ему — здравствуй! а не издохни! — как это иногда хочется сказать.

Вообще — если говорить по правде — так все эти торжественно-дурацкие отношения, что установились между порядочными городскими людьми — скучная комедия! Да еще и подлая комедия, потому что никто в глаза не называет ни дураком, ни мерзавцем... а если иногда это и делается, так только в припадке той искренности, которую называют злобой... А на бродяжьем положении живешь вне всякой этой канители... то же обстоятельство, что ты без сожаления отказался от разных удобств жизни и можешь существовать без них, как-то приятно приподнимает тебя в своих глазах. К себе становишься снисходительным без оглядки... хотя я к себе никогда не относился строго, не одергивал себя и зубы моей совести никогда у меня не ныли... не царапал я моего сердца когтями моего ума: есть черное и есть белое, а смешай их — будет грязное.

Я всю жизнь мою встречал только плохих честных людей, таких, знаете, у которых честность-то из кусочков составлена, точно они ее под окнами насобирали, как нищие. Это — честность разноцветная, плохо склеенная, с трещинами. .. А то есть честность книжная, вычитанная и служащая человеку — как его лучшие брюки — для парадных случаев... Да и вообще, все хорошее у большинства хороших людей — праздничное и деланное; держат они его не в себе, а при себе, напоказ, для форса друг перед другом. Встречал я людей и по самой натуре своей хороших... но редко они встречаются и почти только среди простых людей, вне стен города... Этим сразу чувствуешь — хорош! И видишь, родился хорошим ... да! А, впрочем, черт с ними со всеми — и с хорошими и с плохими! Знать я не хочу Гекубы...

Я понимаю, что рассказываю вам факты жизни моей кратко и поверхностно, и что вам трудно понимать — отчего и как... но это уже дело мое. Да и суть не в фактах, а в настроениях. Факты — одна дрянь и мусор. Я могу надеть фактов, если захочу... возьму вот нож, да и суну его вам в горло — вот и будет

уголовный факт! А то ткну в себя этот нож — тоже факт будет... вообще, можно делать самые разнообразные факты, если настроение позволяет. Все дело в настроениях — они плодят факты и они творят мысли... и идеалы... А знаете вы, что такое идеал? Хе! Это просто костыль, придуманный в ту пору, когда человек стал плохим скотом и начал ходить на одних задних лапах. Подняв голову от серой земли, он увидел над ней голубое небо и был ослеплен великолепием его ясности. Тогда он, по глупости, сказал себе — я достигну его. И с той поры он шляется по земле с этим костылем, держась при помощи его до сего дня все еще на задних лапах.

Вы не подумайте, что и я тоже лезу на небо — никогда не ощущал такого желания... я это так сказал, для красного словца».

По одному этому монологу можно легко убедиться, какой благородный нигилизм, чудовищный цинизм, неоправданный злой эгоизм лежат в основе мировоззрения бродяги.

Отрицая всякую общественную жизнь, поскольку он видит в ней одни отрицательные стороны, не будучи в состоянии понять весь смысл человеческого бытия с его культурными ценностями, беспринципный бродяга легко решается на всякого рода антисоциальные поступки и кончает тем, что, втягиваясь все более и более в омут преступных злодеяний, теряет всякий человеческий облик и хладнокровнейшим образом совершает неслыханные гнусности. «Я уверен, — говорит Промтов, — что если меня когда-нибудь будут бить — меня не изувечат, а убьют. На это нельзя обижаться и было бы глупо этого бояться».

Морали, конечно, бродяги никакой не признают, видя в ней одну из многих глупых условностей социальной жизни. К тому же интеллигент-бродяга до того способен разукрасить безнравственность потоком красноречивых слов, что она в его устах превращается чуть ли не в добродетель. Вот как Промтов «оправдывает» ту ложь и обман, которыми он опутывает людей:

«Врать умеючи — высокое наслаждение, скажу я вам. Если врешь и видишь, что тебе верят, — чувствуешь себя приподнятым над людьми, а чувствовать себя выше людей — удовольствие редкостное! Овладеть их вниманием и мыслить про себя — дурачье! А одурачить человека всегда приятно. Да и ему, человеку, — тоже ведь приятно слышать ложь, хорошую ложь, которая гладит его по шерстке. И, может быть, всякая ложь — хороша, или же, наоборот, — все хорошее — ложь. Едва ли на свете есть что-нибудь более стоящее внимания, чем разные людские выдумки: мечты, грезы и прочее такое. К примеру, возьмем любовь — я всегда любил в женщинах как раз то, чего у них никогда не было и чем я обыкновенно сам же их награждал. Это и было лучшее в них.

Бывало, видишь свежую бабеночку и сейчас же соображаешь — обнимать она должна — этак. Разодетая она — такова, в слезах — такая-то, в радости — вот какая. Потом незаметно уверишь себя, что все это у неё есть, именно так есть, как ты этого хочешь... И, разумеется, по ознакомлении с нею, какова она есть на самом деле, торжественно садишься в лужу!... Но это неважно — ведь нельзя же быть врагом огня только за то, что он иногда жжется, нужно помнить, что он всегда греет, — так ли? Ну, вот... По сей причине и ложь нельзя называть вредной, поносить ее всячески, предпочитать ей истину... еще неизвестно ведь — что она такое, эта истина, никто не видал ее паспорта... и, может быть, она, по предъявлении документов, черт знает, чем окажется...»

Трудно, конечно, поверить, что М.Горький, увлекаясь бродяжьей жизнью, одобрял ее в принципе и видел в ней, подобно Промтову, идеал человеческой жизни. В таком случае М.Горький не выбрался бы никогда из ауры бродяжничества и пропал бы навсегда. Бродяжничал Алексей Пешков вынужденно, иногда же без нужды, из-за скуки и увлечения «свободой». Странствовал он где попало, иногда отыскивал временную работу, чтобы прокормиться, временами и преступал закон, но в общем же знал во всем меру и никогда не опускался на самое дно, не наносил ущерб своей нравственности.

Из преступлений, совершенных Алексеем Пешковым во время босячества, можно отметить кражу со взломом. М.Горький описал ее в рассказе «Однажды осенью». Решился Алеша Пешков на этот шаг, мучимый жалостью о несчастной, голодной и избитой проститутке. Впрочем, Алексей вполне мог и не испытывать при этом особых страданий, ибо в той среде, где он вырос и воспитывался, воровство не считалось преступлением. Он сам повествует со этом:

«Воровство в слободе не считалось грехом, являлось обычаем и почти единственным средством к жизни для полуголодных мешан. Полтора месяца ярмарки не могли накормить на весь год. и очень много почтенных домохозяев «прирабатывали по реке» — ловили дрова и бревна, унесённые половодьем, перевозили на досчанниках мелкий груз, но, главным образом, занимались воровством с барж и вообще — «мартышничали» на Волге и Оке, хватая все, что было плохо положено. По праздникам большие хвастались удачами своими, маленькие слушали и учились.

Весною, в горячее время перед ярмаркою, по вечерам улицы слободы были обильно засеяны упившимися мастеровыми, извозчиками и всяким рабочим людом — слободские ребяташки всегда ошаривали их карманы, это был промысел узаконенный, им занимались безбоязненно, на глазах старших.

Воровали инструмент у плотников, гаечные ключи у легковых извозчиков, а у ломовых — шкворни, железные подоски из тележных осей».

Таким образом, состояние пориомании у М. Горького было обусловлено не только генетической основой, но, возможно, и той обстановкой, в которой прошли его детство и юность. Ведь уже в школьные годы он вынужден был зарабатывать на жизнь, в том числе и ветошничеством.

«Я тоже начал зарабатывать деньги: по праздникам, рано утром брал мешок и отправлялся по дворам, по улицам собирать говяжьи кости, тряпки, бумагу, гвозди. Пуд тряпок и бумаги ветошники покупали по двугривенному, железо — тоже, пуд костей — по гривеннику, по восемь копеек. Занимался я этим делом в будни, после школы, продавая каждую субботу разных товаров копеек на тридцать, на полтинник, а при удаче и больше».

Может показаться сомнительным, что ветошничество стало причиной пориомании. Но сама обстановка подобного занятия: бродить целыми днями с мешком за плечами, рыться в отбросах и мусоре — не может не предрасположить к бродяжничеству, особенно лиц, и без того наследственно отягощенных пориоманией. Ветошничество, все равно что нищенствование, будит в человеке бродяжнический инстинкт. Наследственность и условия жизни вполне могут быть факторами, спровоцировавшими у М. Горького пориоманию, от которой он, как и от многих других зол, в конце концов избавился. Насколько содержание бродяжничества ущербно для личности и несовместимо с нормами морали, можно судить по тому обстоятельству, что даже честнейший из бродяг, Алексей Пешков не остался без греха, в общем же очевидно, что зла без добра не бывает, и, если бы судьба не довела Алексея Пешкова до бродяжничества, дав ему возможность наблюдать любопытный мир общественного «дна», мы не имели бы тех «специфических» шедевров гениального творчества М. Горького, которые с невероятной художественной силой отобразили изнанку человеческой цивилизации.

Как уже отмечалось, М. Горький «вышел в люди» очень непросто.

Чем был обусловлен перевес здоровых сил — нарастающей мощью интеллекта, строгим соблюдением правильностей образа жизни, увлечением модными моралистическими учениями, призывающими к самосовершенствованию?

Эти вопросы еще будут волновать психологов, психопатологов, социологов. Патографические сведения подкрепляют фактологией всю сложность становления гения, чья натура не раз испытывалась критическими моментами, когда в характере личности активизировались психопатические черты.

ГЕНИАЛЬНОСТЬ И НАУКА: КОНТАКТ МИРОВ

Гений открывает миру суть истины.

Каждое гениальное открытие — это еще одна редчайшая драгоценность, поражающая воображение великолепием новизны. В непредсказуемом сочетании привычного и фантастического является вдруг дивное совершенство — великое творение, в котором концентрируется высшая созидательная продуктивность Разума. Кажется, будто сама природа избирает в лице гения провозвестника сокровенного.

Обычно как первый эффект при встрече с прекрасным возникает мысль: а может ли повториться подобное?

К счастью для мироздания, феномен гениальности — это не случайное явление. Гениальные личности были, есть и будут существовать вечно как формы жизни разумного Бытия. Силой гениального прозрения и великой идеи будет еще не раз пробуждаться энергия эпохальных свершений, активироваться расцвет цивилизаций, укрощаться зло. И этот процесс бесконечен.

Гений запрограммирован Природой навсегда, ибо он воплощает в себе не только элементы земного совершенства, но и причастность к фантазиям и гармонии Космоса, к парадоксам бесконечного Времени.

Каждое новое поколение человечества наделяется определенным зарядом творческой активности.

Биологически это обусловлено бессмертием половых клеток, которые наряду с неиссякаемой жизненной энергией обеспечивают непрерывность генерации разнообразных мутаций, в том числе и несущих генетическую основу гениальности. О том, что вероятность материализации подобных агентов очень велика, свидетельствуют бесконечные ряды вариантов, характеризующих процесс человеческого геноза.

Так, сложившийся порядок разнообразия мутаций, который «освежил» генофонд человечества за исторический период в последние 2500 лет (102 поколения), дает наглядное представление о достоверных возможностях непрерывного изменения личности.

Если принять среднюю численность населения за указанный срок — 109, число индивидуальных структурных генов субъекта — $7 \cdot 10^6$, частоту мутирования индивидуального гена — 106 в гамету за поколение (и следовательно, двойную частоту в зиготу за поколение), то число разных мутационных актов за исторический период может составить: $102 \cdot 109 \cdot 2 \cdot 106 \cdot 7 \cdot 106 = 14 \cdot 10^9$.

Необходимо также учесть, что каждый из 7 млн. генов человека состоит из 150 аминокислот, в любой из которых часто возникают структурные изменения с возможным влиянием на особенности личности. Следовательно, предпосылки появления специфических мутаций всегда имеют место.

Поэтому такое внимание было сосредоточено в предыдущих главах на демонстрации «живой коллекции» наследственных причин, формирующих природную основу гениальности и одаренности.

Теоретически, как видим, возможностей для генетических вариаций с рождением гения предостаточно, что и практически подтверждается повседневной жизнью.

В «море житейском» помимо наследственных особенностей проявляется влияние других факторов. Но они не приводят к появлению какой-то специфичной и однородной группы личностей.

Внешне гении остаются обычными людьми со своими индивидуальными свойствами. Даже двух одинаковых по своей органической структуре гениев еще никто не встречал. Каждый наделен собственной схемой взаимосвязи способностей, мотиваций, механизмов адаптации в окружающей среде.

Одни из них сильны духом. Как говорил перед смертью римский император Юлиан Отступник, он «...хорошо усвоил главную философскую мысль о том, что Дух выше тела». Другие не чураются земных радостей и благ, полагаясь на интуицию и счастливый случай.

Гений, как и любой разумный человек, развивается динамично, систематически изменяется в процессе жизни и отнюдь не застревает на какой-то неизменности.

Кумулятивное влияние личностных качеств определяет и его интеллектуальный уровень. А интеллект, в свою очередь, оказывает влияние на личность. В надлежащее время срабатывают и особенности эмоциональной регуляции, насыщается фон межличностных отношений, возникают представления с самым себе. В этих представлениях особенно ярко проявляется взаимное влияние способностей и личностных качеств. Важное значение имеют и успехи в ситуациях, помогающих индивиду создавать представление о самом себе,

а такие представления во время полосы удач сами положительно влияют на последующую деятельность. В случае с гением подобные представления вполне отчетливо приобретают характер самоосуществляющегося предсказания, шокирующего окружающих, выходящего за пределы «нормального».

Здесь можно вспомнить то обстоятельство, что в нерезко выраженной форме те или другие психопатические освоенности присущи почти всем «нормальным» людям. Как правило, чем резче выражена индивидуальность, тем ярче становятся и свойственные ей психопатические черты. Немудрено, что среди людей высокоодаренных, с богато развитой эмоциональной жизнью и легко возбудимой фантазией количество несомненных психопатов оказывается довольно значительным.

Чтобы правильно оценивать такие факты, надо еще помнить, что в сознании гениального произведения принимают участие два фактора: среда (эпоха) и творческая личность. Что многие психопаты именно благодаря своим психопатическим особенностям должны быть гораздо более чуткими к запросам эпохи, чем так называемые «нормальные» люди. Историю интересует только творение и, главным образом, те его элементы, которые имеют не личный, индивидуальный, а общий, непреходящий характер.

Творческая личность, отступая перед историей на задний план, по своей биологической ценности вовсе не должна обязательно иметь то же положительное значение, какое объективно принадлежит в соответствующей области ее творению. Спор о том, представляет ли гениальная личность явление дегенерации или прогенерации, по существу бесплоден и является в значительной мере результатом незаконмерного смещения биологической и социологической точек зрения.

По мнению выдающегося отечественного психиатра П.Б.Ганнушкина, уже само слово «личность» подчеркивает индивидуальное в противоположность схеме («норме»). Это индивидуальное и помогает раскрыться гениальности.

А если бы на место гения претендовал человек с «идеально-нормальной» психикой (впрочем, если бы таковой еще нашелся), то вряд ли он бы дождался творческого озарения, ибо всегда действовал бы без предвзятости, и внутренние импульсы его деятельности постоянно регулировались бы внешними факторами.

Абстрактный нормально-идеальный психический склад есть самая настоящая утопия, фикция. Реальное же, действительное поведение одаренной личности свидетельствует о ее неповторимых особенностях и своеобразии.

Вместе с тем целостная оценка личностного профиля гениального человека показывает его способность удерживать психическую уравновешенность в пределах задаваемых обществом ментальных, социальных, культурных, властных и прочих «коридоров». Но если, к примеру, «нормальная» гармоническая личность может проявляться показателями линейного профиля, в котором все свойства уравновешены и ни одно из них не выражено более ярко, чем остальные, то в случае с гением уравновешенность часто достигается сбалансированностью разнонаправленных тенденций.

В ситуациях объективно сложных заострение личностных особенностей может достигать критического напряжения, когда выявляется состояние, пограничное между нормой и патологией.

Однако внешне у гения такие психические пики, как правило, могут быть незаметны или проявляться крайне редко, что связано с большими возможностями самокомпенсации. Напротив, творческие состояния с умственной перегрузкой у обычного человека приводят к дефициту компенсаторных ресурсов, личности, а при частом повторении ситуации — к хронически протекающей психической дезадаптации или стрессу.

Если «полноценный» гений вписан в мир творчества всей своей устоявшейся структурой отношений, то одаренная личность, чей успех достигается ценой психического срыва, может при повторных творческих опытах не только утратить перспективу нормализации своего состояния, но и нажить в конце концов стойкое психическое или соматическое расстройство.

Примером является судьба ряда высокоодаренных и талантливых людей, достигавших ценой невероятного внутреннего напряжения вершин творческого вдохновения. Они оставили после себя гениальные вещи, но за ценой достижений стояли издержки в личной жизни, здоровье, общественном положении.

Такие лица, которые самоотверженно «поверяли гармонию алгеброй» и время от времени вознаграждались встречей с чудом, составляют своеобразную группу талантов, которую можно условно назвать «бижутерией» гениальности (в отличие от таких «бриллиантов чистой воды», как Пушкин или Моцарт). Судьба их интересна и поучительна для опыта науки и жизни.

Причем внимание привлекают не только примеры творческой самоотверженности, переходившей в самопожертвование, но и умение приспособить к идее свой жизненный уклад, и роковые ошибки, и вся та трепещущая аура притягательных энергий вокруг, которая неодолимо увлекала их в пламя.

«БИЖУТЕРИЯ» ГЕНИАЛЬНОСТИ

К.Н. Батюшков

Константин Николаевич Батюшков (1787-1855) — один из непосредственных предшественников Пушкина в русской поэзии. Его лира звучала наравне с прекрасным слогом Державина и Жуковского, а особая мелодичность и музыкальность стиха вызывала неподдельное восхищение.

«Звуки италианские! Что за чудотворец этот Батюшков!», — восторгался Пушкин. А Белинский, отмечая яркую изобразительность стихотворения «Вакханка», писал: «Это еще не пушкинские стихи; но после них уже надо было ожидать не других каких-нибудь, а пушкинских...».

По выразительности ликующего тона и жизнелюбивого пафоса этому стихотворению трудно подобрать равное. В «Вакханке» поэт наиболее глубоко обнаружил свое стремление творчески проникнуть в атмосферу античности, достиг изумительной пластичности образов:

Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград. —
Все в неистовой прельщает!
В сердце льет огонь и яд!

Были и другие стихи с призывами упиваться земными восторгами (характерные для первой половины творчества, искрились умом и талантом блестящие переводы из античной поэзии, был доведенный до совершенства жанр дружеского послания, обязанный именно Батюшкову своей популярностью в русской лирике первой четверти XIX столетия, была многоплановая историческая элегия: «Умиравший Тасс» (собственно историческая элегия), «Переход через Рейн» (военно-историческая элегия), «На развалинах замка в Швеции» (легендарно-историческая элегия).

Но было и невероятное напряжение всей личности. Известен негодующий ответ поэта на приятельский укор Гнедича: «И впрямь, что значит лень моя? Лень человека, который целые ночи просиживает за книгами. пишет, читает и рассуждает!»

Батюшков вынужден был расплачиваться за свои успехи. Когда он создавал произведение, в котором были гениальные находки, его начинали вдруг волновать и беспокоить недоработки и шероховатости, устранить которые уже не доставало сил. Представляет интерес в этом плане стихотворение «Мои пенаты». Пушкин под явным влиянием «Моих пенатов» написал лицейское послание «Городок» и отметил, что стихотворение Батюшкова «...дышит каким-то упоением роскоши, юности и наслаждения — слог так и трепещет, так и льется — гармония очаровательна». Вместе с тем он осуждал Батюшкова за чрезмерное увлечение условно-поэтическими образами, заимствованными из античной мифологии: «Главный порок в сем прелестном послании — есть слишком явное смешение древних обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковной деревни».

Показательно, что основным чувством, определявшим душевный и творческий настрой поэта, была мечта. Самое раннее из дошедших до нас его стихотворений, озаглавленное «Мечта», относится к 1802 или 1803 году. Впоследствии он неоднократно его перерабатывал. В этом стихотворении мечта признается основным источником поэтического вдохновения:

Мечтанье есть душа
Поэтов и стихов.

Мысль о том, что в мечте — главное счастье человека, пронизывает все творчество Батюшкова первого периода (до 1812 года). Мечтания не оставили его и впоследствии, но они все более окрашивались в тона нарастающего душевного надлома. Считается, что начало скорбным настроениям дали личные огорчения и тяжелые душевные переживания, вызванные любовью без взаимности.

Однако для высшего света того времени любовные огорчения не считались вселенской трагедией. Да и прочих переживаний выпало на долю Батюшкова отнюдь не мало. Вспомним, что он участвовал в трех войнах (в 1807 г. — война с Наполеоном; 1808-1809 гг. — поход в Швецию; 1813-1814 гг. — заграничный поход русской армии и «битва народов» под Лейпцигом), получил тяжелое ранение под Гейльсбергом, был представлен к орденам Станислава и Владимира за храбрость. Видимо, психический потенциал не был рассчитан на весь спектр впечатлений. Батюшков был глубоко потрясен событиями 1812 года.

Отечественная война подвергла жесточайшему испытанию все его жизненное ощущение. «Ужасные происшествия нашего времени, — писал он Гнедичу. — происшествия, случившиеся как нарочно перед моими глазами, зло, разлившееся по лицу земли, на всех людей, так меня поразили, что я насилу, могу собраться с мыслями...».

Постепенно поэт утратил возможность осмысливать свой творческий материал и страдал от того, что не мог довести его до совершенства. Он пытался конструировать нечто объемное, сверкающее и звенящее из элементов сентиментально-романтического стиля, но наплывали конкретные образы реальной действительности и оставались, как болезненные занозы. Так, в стихотворении «Переход русских войск через Неман» условны щиты, брони, копья, колышатся в зыбком идеалистическом мираже «полки славян», но до жути реальны чернеющие на снегу трупы убитых.

Скорбные настроения вскоре стали нарастающей нездоровой тенденцией, органически вошедшей в плоть целой череды произведений. «Разлука», «Последняя весна», «К другу», «Пробуждение», «Воспоминание» — во всех этих стихах счастье и наслаждение, которые он воспевал раньше, разбавляются до ничтожных и призрачных присутствий, а самое существенное уже представляется поэту неверным и мгновенным.

Внутреннее неприятие русской социальной действительности преломляется в лирике Батюшкова в образах, казалось бы, далеких от реальной жизни.

Для того чтобы передать, насколько отечественная действительность расходилась с мечтой, которую он лелеял в разлуке с родиной, Батюшков как бы отождествляет себя с легендарным древнегреческим скитальцем Одиссеем, достигшим, наконец, заветной цели своих странствий, но... не узнавшим родную страну («Судьба Одиссея»). И это «неузнавание» отчизны было для Батюшкова тем более горьким, чем нетерпеливее было его желание свидеться с нею.

В разных вариациях в творчестве поэта послевоенного периода нарастает и тема скитаний «из края в край». Причины странствий у разочарованного скитальца различны (был бы, как говорится, повод): и стремление заглушить неразделенную любовь («Разлука», «Напрасно покидал страну моих отцов...»), и тщеславные поиски славы («Странствователь и домосед»). Но, по убеждению Батюшкова, «небо чуждое не лечит сердца ран», а для искателя счастья на чужбине может оказаться источником «новых бед». В стихотворной сказке о двух братьях-афинянах сочувствие автора явно на стороне «домоседа» Клита.

Однако идеал Клита «тихохонько с женою век прожить под сенью отчего пената» остался недостижимым для Батюшкова. Покинув военную службу, он

на первых порах принимает деятельное участие в петербургской литературной жизни, издает в 1817 году свои «Опыты» в стихах и прозе, но скоро убеждается, что писателю трудно определить свое место в обществе, где самое слово «писатель» звучит еще «дико для слуха».

И опять-таки не случайно возникает в творчестве Батюшкова новая тема — тема судьбы поэта.

«До самой старости преследуемый роком», нищий и слепой создатель героического эпоса Древней Греции Омир (Гомер) вынужден скитаться, нигде не находя пристанища. А младший по возрасту Гезиод (Гесиод), творец дидактического (нравственно-поучительного) эпоса, хотя и получает первенство на состязании певцов, обречен погибнуть от руки злодея («Гезиод и Омир — соперники»).

Элегия «Умиравший Тасс» посвящена трагической участи знаменитого итальянского поэта, чья жизнь была полна тяжелых испытаний и злоключений. И умер он тогда, когда несправедливая судьба намеревалась искупить свою вину перед ним: в Риме готовилось пышное торжество, на котором он должен был получить лавровый венок.

Эту элегию Батюшков считал своим лучшим произведением. В ней, как и в написанном несколько ранее стихотворении «К другу», сказались характерные для его умонастроения этого времени мысль о тщете всего земного («Так все здесь суетно в обители сует!») и надежда на «мир лучший» — за гробом.

Мистико-романтические мотивы перешли в конце концов в чувство безысходного пессимизма, доходившего до полного отрицания всякого смысла жизни («Ты знаешь, что изрек...»). Последнее стихотворение Батюшкова (1821 год?) несет на себе печать неизлечимой душевной болезни:

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь о жизньню, седой Мельхиседек?
Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет.
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез.
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

В библейских книгах упоминается загадочное лицо под именем Мелхиседек — царь Салима, священник, человек «без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала, дней, ни конца жизни». Однако приписанное ему Батюшковым изречение является собственным измышлением поэта.

Ощущение трагизма, психологическое расщепление трансформируются в «черных образах»: черные трупы на снегу, чёрные знамена, орел, уносящий Омира от Мелеса (черного чудовища). «Черный человек» является в мир Батюшкова как символ неотвратимой беды. Будучи секретарем русской миссии в Неаполе, он оказался в центре различных служебных неприятностей, которые пагубно отразились на его нравственном складе. «Черный человек» (традиционный вестник горя в итальянских и прочих западноевропейских хрониках, заказчик «Реквиема» у Моцарта) окончательно подавил сопротивление сознания и отнял у Батюшкова последние силы, лишил его воли, увел из разумной жизни навсегда. Умер Батюшков в Вологде в 1855 году.

В случае с поэтом, более 30 лет страдавшим психическим заболеванием, наглядно отразились некоторые моменты, способствовавшие трагедии.

Даже сегодня человек остается существом в огромной степени иррациональным. Разум контролирует очень узкий срез сознания. И этот срез Батюшков сознательно заполнял самой разнообразной информацией, относящейся к наивысшим достижениям человеческой цивилизации.

Античная поэзия, европейская культура, знание классических и современных языков (е том числе и итальянского) — все это не просеивалось будто сквозь решето (как у «нормального» человека), а принималось в качестве эталонов, с которыми сравнивалось собственное творчество. И в этом творчестве были достойные образцы, созданные через высшее духовное напряжение.

«Что говорить о стихах моих! — сказал однажды Батюшков. — Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нем было!»

Психический срыв последовал, когда впечатлительное сознание так и не смогло переключиться на вариант рационального функционирования в посылном и разумном режиме.

А.Д.Сахаров

Скромный, застенчивый, добрый, умный, интеллигентный человек совершал в науке невероятное, вник в самую глубину процесса мироздания, привел в движение стихию атомных сил. Мы никогда не узнаем всех заслуг ученого ввиду особого режима его работы по специальности, но мир был потрясен, когда он продемонстрировал силу своего гражданского мужества.

В истории человеческой цивилизации пример такого подвижничества займет достойное место. Тем более, что гениальные люди в большинстве своем редко переключали личностную цельность из одной сферы общественных интересов в другую. Конечно, они не были «свадебными генералами», их идеи обогащали сопредельные области науки, техники, искусства, политики, однако никто не растворялся там целиком.

Сахаров начал жить в политике. Он осознанно искал обострений, его не смущали препоны, условности, предостережения друзей и врагов, логика жизненного опыта, собственное умственное и физическое состояние.

Ученый, однако, не заметил единственного просчета — в современной политике один человек абсолютно ничего не значит. И Сахаров даже своим сверхпроницательным мышлением не смог представить, какие жизненные перепады выпадут на его долю. Искусственная негативная электризация общественного мнения, льстивые посулы сиюминутных политиков, Нобелевская премия мира, ссылка и унижительный надзор, одобрение и отрицание в устах одних и тех же сильных мира сего — все это подтачивало здоровье и безвозвратно уносило жизненные силы. Постепенно активность и наступательность, доходившие до философической интоксикации, что более свойственно юношескому азарту, стали сменяться апатией.

Сахаров все же внимательно выслушивал всех, никогда не перебивал собеседника, вникал и вникал в его аргументы и логику. Казалось, к усталому от политики ученому вернулась спасительная рассудочность. Но это был мираж.

Ранее Сахаров привык добиваться в своей научной деятельности достижений наивысшего порядка, он получал от впечатляющих результатов мощный заряд жизненной энергии. Радость исполненного долга, оптимизм и бодрость благотворно влияли на физическое и духовное состояние. Ну а теперь с ним спорили люди, которые просто хотели его переспорить, воспользоваться знаменитым именем. В результате каждый оставался при своем мнении.

И эта твердолобость людей, упрямо отстаивающих что-то бесполезное для нормальной человеческой жизни, угнетала больше всего. В борьбе с социальным злом разрядки практически не наступало, неудовлетворенное беспокойство вело к постоянной внутренней напряженности.

Уходили в политический песок благородные порывы искреннего доброжелателя: игнорировались доводы о форсировании разоружения, пересмотре региональной политики, налаживании экономики, военном реформировании (так, ученый предлагал при сокращении армии не затрагивать офицерский

корпус, но к этому не прислушались). Подобное забалтывание долгожданной перестройки наиболее негативно сказалось на жизнеспособности выдающейся личности.

Последним ударом стало вызывающее поведение генсека (он же президент, он же пуп всего советского пространства), который раздражительно отмахнулся, когда великий человек излагал свою точку зрения перед представителями народа в Верховном Совете СССР.

Смерть Сахарова не заставила себя ждать. Нашлись люди, расценившие трагедию, как подобие сюжета чеховского рассказа «Смерть чиновника», с той лишь поправкой на современность, что вот, мол, не выдержал внутреннего кризиса еще один интеллигентствующий интроверт.

Однако если и искать аналогии, то нужно вновь возвратиться к исходу великого Блока. Поэт сознательно отказался от божественного сана, он предпочел оставаться честным человеком и принял мученический венец.

Сахаров, выдержав принародно убийственный цинизм резонерствующего М.С.Горбачева, на какой-то миг ощутил пустоту высокой политики. Если судьбоносные дела вершат безответственные подонки, то хватит ли одной человеческой жизни, чтобы переломить ситуацию. Неизвестно, к сожалению, что было бы итогом переоценки подобных реалий, просто на такую переоценку не хватило еще одной замечательной жизни.

К счастью, перегрузки в процессе гениального творчества не всегда перерастали в непомерную ношу. Личность примирялась с реалиями жизни, принимались установки игры судьбы и случая, сознательно ограничивалась степень своей свободы.

Добровольный отказ от более предпочтительного общественного статуса, педантизм в соблюдении режимных правил и условностей, оригинальные системы поведения (с акцентом на охранительный для здоровья эффект) — такова цена за достигаемое относительное благополучие соматического и психологического функционирования у представителей «бижутерии» гениальности. Все это накладывало отпечаток на образ их жизни, но зато сохраняло в целостности приближавшихся к истине.

Плодами творческой продуктивности были нагромождения идей: космические гипотезы, масштабные обобщения, невероятные догадки.

К примеру, подобными сюрпризами оживлялись эпизоды своеобразного динамоментального жития двух великих калужан — К.Э.Циолковского и А.Л.Чижевского.

К.Э. Циолковский

Небесный свод, горящий
славой звездной,
Таинственно горит из глубины
И мы плывем; пылающею
Бездной
Со всех сторон окружены.
(Ф.Тютчев)

Впечатлительные люди отмечали, что, пожалуй, нигде не возможно внимать тютчевской правоте, чутя эту таинственную глубину и пылающую бездну так близко и с такой силой, как в Калужской губернии. «Здесь явно заметна какая-то космическая аномалия, прямая связь завихрений земных и небесных. Если на Солнце какое пятно возникает или звезда какая запульсировала, это все калужанин на себе ощущает непосредственно, запросто, как дождик идет. Поэтому грань между великим ученым и великим шарлатаном, между гениальным безумцем и городским сумасшедшим здесь тонкая и едва уловимая, и именно по этой грани ходили заснеженными калужскими улочками Циолковский и Чижевский...», — было подмечено в одном из популярных журналов.

Константин Эдуардович Циолковский впервые ступил на калужскую грань в 1892 году, будучи зрелым человеком (ему исполнилось 35 лет). К этому времени хроническое изменение личности уже приобрело явную установку на социальную отгороженность. Связанные с этим характерологические и поведенческие проявления не были случайными.

По генетической линии имелось достаточно аномальных признаков.

Отец Циолковского — польский дворянин — отличался тяжелым для окружающих характером. При всей своей холодности и сдержанности он был ярким спорщиком и критиканом. Несмотря на идеальную честность, его не могли терпеть в среде сослуживцев. Никто не желал выслушивать до конца этого мрачного оратора и атеиста. Мать — М.И.Юмашева, русская с долей татарской крови, была веселой и жизнерадостной, нежно любила сына, старалась делать все, чтобы он не чувствовал себя ущемленным.

В возрасте 9 лет Циолковский перенес скарлатину с осложнением в виде частичной потери слуха. Тугоухость лишила мальчика многих впечатлений, он уединялся от своих здоровых и жизнерадостных сверстников, в поисках новых и острых ощущений совершал рискованные поступки (перепрыгивал

на реке с одной льдины на другую и едва не утонул, отчаянно взбирался на маковку старой колокольни).

Когда ему шел тринадцатый год, умерла мать, горе придавило осиротевшего малыша. Гораздо острее он ощутил свою глухоту, почувствовал себя изолированным и обиженным изгоем. Учеба шла все хуже, во втором классе его оставили на второй год, а в третьем пришлось вовсе распрощаться с гимназией.

Одиночество стало еще сильнее, еще тягостнее. И тогда, собравшись с силами (наступал переходный возраст), Циолковский решил гнать прочь проклятую слабость. Ее сменяет яростное желание «искать великих дел, чтобы заслужить одобрение людей и не быть столь презренным...».

«Но постепенно, — вспоминал Циолковский, — мой ум находил другой источник идей — в книгах...»

Лет с 14-15 я стал интересоваться физикой, химией, механикой, астрономией, математикой. Книг было, правда, мало, и я больше погружался в собственные мои мысли, я не останавливаясь, думал, исходя из прочитанного. Многие я не понимал, объяснить было некому и невозможно при моем недостатке. Это тем более возбуждало самостоятельность ума...»

Помимо увлечения теорией были и практические результаты: юноша своими руками смастерил токарный станок, астролябию, быстро находил дефекты в неудачных изобретениях окружающих. Все, знавшие Циолковского в этот период, отмечали необычный склад ума, способности, советовали обратиться к знающим людям, и отец отправил его учиться в Москву, такая внезапная и в общем-то положительная перемена в личностных позициях и поведении была, вероятно, активирована общими сдвигами в соматическом и психическом развитии, свойственном юношескому периоду. На данный момент удачно обрели единый вектор тенденции функционирования нескольких сфер: произошло повышение восприятия и мышления, стал оптимальным процесс побуждений, наметилась толерантность стиля отношения к другим людям, тем более что среди знакомых сверстников Циолковского были Бехтерев, будущий знаменитый психиатр и невропатолог, и Сеницын, ставший впоследствии известным археологом, профессором Петербургского университета.

Однако московский период (более трех лет) не оправдал желанных надежд. Циолковского не приняли в Московское высшее техническое училище — не было законченного гимназического образования, не состоялась любовь к дочери миллионера, хотя в эти дни он писал о себе, что он «такой великий человек, которого еще не было, да и не будет», началась полуголодная жизнь. «Носил я

длинные волосы, просто оттого, что некогда было их стричь ... я голодал и истощал себя!», — вспоминал впоследствии великий романтик. Целыми днями пропадавал в библиотеках. Есть свидетельства, что в этот период ему, в числе некоторых других нуждающихся молодых людей, оказывал помощь библиотечарь Румянцевской библиотеки великий русский мыслитель-космист, автор «Философии общего дела» Н.Ф.Федоров. Может быть, именно он и заронил «космические зерна» в восприимчивую душу. А пока итогом жизни в Москве стал психический перелом с заметной эмоциональной отчужденностью и дисгармонией настроения, что вылилось в стойкое убеждение Циолковского: он «самоучка чистой крови».

Личностный дистресс и депрессивные проявления придали хронический характер аномальному стилю поведения, который, возобновившись после юношеского периода, протекал уже вне связи с другими соматическими и психическими расстройствами. Налицо было существенное ухудшение профессиональной и социальной продуктивности.

Чтобы не быть полностью зависимым в материальном положении от родственников, Циолковский экстерном сдал экзамены на звание учителя математики и физики, стал преподавать в уездном училище в Боровске, где и женился на дочери священника-домовладельца, у которого снимал квартиру. Боровчане смотрели на Циолковского, как на блаженного. Непривычным для обывателей было то, как он терпеливо возился с отстающими учениками. Вынужденный недоучка с огромным усердием передавал им свои знания, повторяя как заклинание: «Лучше всего о познании класса судить по ответам слабейших учеников». Зимой он катался на коньках, распустив вместо паруса большой черный зонт, летом собирал по вечерам светящиеся гнилушки и уносил домой, теряя при этом шляпу. Семья кормилась хлебом и овощами, поскольку вечно не хватало на пропитание, а глава семьи рьяно заботился о своем здоровье: не употреблял спиртного, не курил, ездил на велосипеде, занимался плаванием, всю жизнь следил, чтобы в помещении было больше воздуха.

Изобретательство принимало все больше прикладной характер: он собирал мотоцикл, конструировал школьные приборы, ремонтировал машинку для стрижки волос, мастерил игрушки. Часто замыкался в себе, уединялся, проверял правильность своих идей и расчетов и в конце концов удивлялся, когда узнавал, что его открытия и изобретения были давно уже сделаны другими. Но какое-то творчество, несмотря на все особенности такого латентного периода, продолжалось, и пытливая мысль медленно просачивалась сквозь ограничения

жизненного уклада. Наступил момент, когда Циолковский решился на свое первое публичное выступление. В Обществе любителей естествознания энтузиазм молодого провинциального учителя оценили сочувственно, и он уехал в Москву полный радужных надежд.

По возвращении домой его ждала большая беда: случился пожар, едва спасли детей, сгорела собранная с огромным трудом личная библиотека и вся утварь. Конечно, Циолковский пережил при этом депрессивный эпизод, но аффективные расстройства не получили глубокого развития. Наоборот, внимание и осознание именно в этот период сфокусировались на аспектах дальнейшего научного творчества. Только теперь закончились эмпирические новации: мыслительная энергетика, все субъективные и спонтанные импульсы концентрировались на направлении, уводящем от Земли в высшие сферы. Что послужило побудительным толчком к началу новой одиссеи одержимого космическими идеями сознания? Может быть, это был психический и эмоциональный всплеск после сцепления радостей и бед, или устремились в рост философские зерна космиста Федорова, а вдруг сыграл решающую роль феномен пылающей небесной бездны над Калугой (в Калугу как раз в это время и переехал Циолковский)!

Плодотворность такой целеустремленности и сохранившейся до последних дней увлеченности Космосом получила всемирное признание. Хотя привычное отшельническое существование продолжалось всю жизнь. Циолковский использовал в своей работе различные области знаний — аэродинамику, философию, лингвистику. И часто его можно было встретить на улочках Калуги в заношенном пальто, несущим под мышкой чертежи аэростатов и космических кораблей. К обывателям он относился с еще большим отстраненным презрением, погруженному в абстрактное пространство и время мыслителю все те, кого он считал безнадежными бездельниками, виделись лишь в виде силуэтов, вырезанных из облачного неба. Самого его влекли звезды и даже в пятидесятилетнем возрасте крепкий и мускулистый Константин Эдуардович легко взбирался на крышу и любовался россыпями космических цветов.

Психологические и поведенческие установки обеспечили до глубокой старости сбалансированность жизни и творчества, не довели умственный процесс до критической импульсивности.

Ученый мог вовремя прервать занятия, отдохнуть в саду, рассказать сказку детям. Изредка он, правда, сетовал, что его труды почти не издают, что ему хотелось бы получить побольше информации о развитии мировой науки. Вместе с тем ему не приходило в голову прилагать какие-то усилия для достижения этих

целей. Наоборот, в Циолковском всегда побеждал домосед: он так и не увиделся с Бехтеревым, несмотря на настойчивые приглашения своего знаменитого земляка приехать и проконсультировать о поведении человека в Космосе, больших трудов стоило уговорить его даже на поездку в Москву, на торжественное празднование собственного 75-летия.

Таким, образом, состояние и тип поведения знаменитого ученого-самоучки, сложившиеся в процессе индивидуального развития, как результат влияния генетического фактора (наследственные аномальные явления со стороны отцовской линии), соматических расстройств (тугоухость с детства), социального опыта проявили выраженные элементы пассивности и снижения собственных потребностей бытового функционирования, фактически до преморбидного уровня. Кратковременная активация общих сознательных побуждений в юношеском периоде сменилась затяжным состоянием лабильного настроения с кратковременными стрессовыми и депрессивными эпизодами.

Вместе с тем упорядоченная творческая деятельность (калужский период, генерация космических идей) сыграла роль положительно направленной тенденции и в режиме неукоснительного выполнения оздоровительных мер обеспечила психосоматическую сбалансированность. В данном случае целительная роль творчества для организма в целом выявилась достаточно показательно.

Жизнь Циолковского — очень интересный пример «творческого терпения», когда человек, познав самостоятельно вкус научного открытия, приспособливает к движению научно-технического прогресса все свое существование.

А.Л. Чижевский

Александр Леонидович Чижевский — выдающийся научный деятель, так же, как и Циолковский, познал радость вдохновения в Калуге. В отличие от своего великого земляка и друга, он сразу почувствовал себя аристократом от науки: блестяще закончил археологический институт, в 18 лет ощутил настоятельную потребность изучать влияние космических факторов на органическую жизнь планеты и тут же озарился волнительной идеей о благотворном воздействии искусственно ионизированного воздуха. В Калугу даже пришло приглашение добившемуся мировой известности молодому дарованию от знаменитого шведского ученого Сванте Аррениуса с предложением совместной работы в Нобелевском институте. Об этом сразу же узнали местные любители поэзии, поскольку Чижевский являлся председателем Калужского губернского отдела Всероссийского Союза поэтов (правда В.В.Маяковский как-то заметил ему: «Из вас вышел бы неплохой поэт, если бы вы меньше увлекались наукой») и слыл большим

оригиналом, поскольку у него еще находилось время писать огромные художественные полотна в импрессионистской манере (в юности обучался у известного французского живописца Нодье).

Вспоминая годы, проведенные в Калуге. Чижевский напишет: «Ах, какая это была хорошая пора жизни! Молодой мозг стремился к познанию тайн природы и готов был ухватиться за любое явление в надежде извлечь из него что-либо таинственное, неведомое, никому еще не известное». Вдохновленный своим первым эвристическим порывом, он пишет стихотворение «Человеку», в котором есть такие строки:

Я молнию у неба взял. Взял громовые тучи И ввел их в дом, Насытил ими воздух Людских жилищ ...

Вдыхай же мощь небес, Крепи жилище духа. Рази свои болезни, Продли существованье, Человек!

Гуманизм был не просто академический, гуманизм дышал экспрессией, увлеченностью, изливался прямо из души. «Леонардо да Винчи XX века», «Гражданин Мира» — такие эпитеты заслужил впоследствии человек, который не только размышлял о научных проблемах, но и вникал в практические вопросы — создавал лаборатории (даже во время заключения в лагерях для политических), делал доклады по авиационной и космической медицине, предлагал конструкции аэроионизаторов и ионных ламп.

Напрашивается вопрос: как удалось сохранить научное долголетие при подобном творческом горении? Вероятно, сыграло определенную роль то обстоятельство, что жизнь и деятельность Чижевского протекали по законам «эпического» времени.

В целом результаты его объемных и фундаментальных исследований составили отдельное научное направление, в котором основное достижение — глубокий уровень идей. Он научился искать те проблемы, на которые хотел бы получить ответ. И мастерство талантливого классификатора позволяло укрупнять идею. Теории, программы, прогнозы приносили новые элементы не только из сферы исследуемого феномена, но и из сферы смежных областей.

Характерно в этом плане, что целая эпоха жизни ученого была связана с лабораторией зоопсихологии. Реализовывались полезные «задумки» на практике довольно часто уже спустя много лет после смерти. Так, только в 1990 году московский инженер Б.С.Иванов изготовил и смонтировал «люстру Чижевского». Научное наследие, которое оставил Чижевский, заслуживает, по мнению современных ученых, дальнейшего глубокого изучения.

В деятельности мыслителя наблюдался период (калужский) повышенной озабоченности своей творческой активностью, когда энергетическое напряжение в психоэмоциональной сфере приобрело свойство почти магического притяжения, с включением в зону осмысления не просто ярких догадок, но и элементов фантазии. Космические идеи уводили далеко, они подпитывались бесконечными рассуждениями, вплоть до квази-философских, по самым различным, даже малосущественным, альтернативам. Если бы цепь гениальных догадок и открытий замкнулась, то трудно даже вообразить все последствия для организма такой психической сверхперегрузки.

Чижевский вовремя приступил к классификациям. Циклы солнечной активности внутреннее зрение разглядывало очень пристально до тех пор, пока не рассеялся мистический туман и не обозначилась связь с земным бытием. Явления природы, катастрофы и тишина, волнения социумов, революции в микромире — ничто не оставалось без внимания, везде нащупывались дотоле скрытые пространственно-временные связи. Классифицирование с его сложившимися классическими академическими приемами давало возможность если не полной остановки, то хотя бы какого-то периода «возврата к изначальному», когда время от времени следует обозреть все сооружение, либо его часть. Такие периоды были целительны и для организма.

Иногда, правда, энтузиазм увлекал за пределы дозволенного. Однажды, ознакомившись с лечебной практикой калужских врачей, Чижевский, который сам не был медиком, быстро и кратко изложил теорию вопроса.

Вот как он пишет об этом в своих мемуарах «Я молнию у неба взял. «Свободные электроны — вот истинные герои невидимого мира, его основных превращений, образований и преобразований. Живой организм — электронная и ионная машина. ... Фантазия не может представить себе всей необычной сложности электронных перемещений внутри организма. Это особый мир особой конструкции, труднодоступный нашему воображению и подчиняющийся только строжайшим физико-математическим законам, ныне — законам квантовой механики». Чижевский чуть было не взвалил на себя непредсказуемую по тяжести ношу — классификацию электронно-медицинского хаоса, но во второй четверти XX века в медицину дружной гурьбой вошли физики, биофизики, математики, инженеры и разбираются там до сих пор.

Все же циклических построений было вполне достаточно. Продолжительные обдумывания по улучшению наработанных конструкций приносили организму живительный покой. Несмотря на коммуникабельность и многочислен-

ные рабочие и дружеские контакты интравертированность была характерологической основой поведения Чижевского. Во время погружения в мир переживаний ослаблялись контакты с действительностью, утрачивались интересы к реальности, снижалась степень эмоциональных проявлений и наблюдалась отстраненность, ограничивающая общение с окружающими. Признаки аутистичности показательно обозначались в многослойной системе самозащиты, созданной Чижевским.

«Дисциплина поведения, дисциплина работы и дисциплина отдыха были привиты мне с самого детства. Это — важнейшие регуляторы жизни», постулировал выдающийся классификатор. Помимо обычных правил личной гигиены, умеренности и воздержания, которых ученый неукоснительно придерживался, система предусматривала необычный для современников режим труда и отдыха. Кроме целого ряда обязательных пунктов и условий основной охранительной мерой был двенадцатичасовой сон (никакой гений, естественно, этого бы не выдержал!). Чижевский спал по 12 часов каждые сутки, невзирая на световой режим, шумовые эффекты, возраст, загруженность по работе. И так продолжалась вся его творческую жизнь. Ученый активно отстаивал систему своего личного здравоохранения (известно, как он отчитал поэта В.Я. Брюсова за то, что тот сочинял по ночам), употребил ничуть не меньше творческих усилий на ее совершенствование, чем, например, на классификацию явлений очередного цикла событий в макро- и микромире. И такой подход к упорядочению образа жизни является сегодня полезным ориентиром.

В рассуждениях о личности, условно отнесенной нами к «бижутерии» гениальности, могут быть высказаны различные мнения. Достижения гениального порядка всегда выделяют человека, делают его неоднозначным, приближают признание. Даже если в оценках подобной эвристической активности и проскальзывают нотки сомнения или скепсис, все равно ореол высочайшей культуры, интеллигентности, почти святости всегда здесь присутствует. Зная, как тернист путь в высокие сферы, где царит идеал, мы всегда отдаем должное этим людям. Какие бы ни были в их жизни, поведении, сознании и творчестве личностные отклонения или недостатки, всех этих одержимых большой созидательной идеей творцов объединяет заложенный в основе индивидуального мировоззрения светлый гуманизм, желание послужить во благо Человеку и Природе.

Поэтому, переходя к оценке некоторых личностных особенностей представителей такой категории, как «пятна на Солнце Разума», хочется еще раз подумывать о ценности всего хорошего и доброго.

«ПЯТНА» НА СОЛНЦЕ РАЗУМА

На кромке социальной терпимости рождаются демоны.

В вихревом хаосе революций и мировых войн, в страшном разгуле эпидемий, мистических предрассудков и глобальных общественных потрясений самым роковым образом капризничает судьба — она наделяет маньяков необъятной властью над людьми.

И если обычный человек в привычной для себя культурной среде переживает фазу общественного катаклизма, как преходящий стресс, то гиперактивная личность, устремленная к своей главной цели — реализации собственных сверхценных идей, — приходит к мысли, что сложившаяся ситуация обладает необычным, судьбоносным значением, предназначенным исключительно для нее.

Начинаются социальные эксперименты, перестройки, бесконечная цепь общественных метаморфоз ... и вот, наконец, идея, материализуясь в очередное «красное», «белое» или иного цвета «колесо», давит по живому.

История знает немало великих имен, кто всерьез мнили себя гениями, однако и слышать не желали о том, что гений и злодейство несовместимы. Оседлав гребень волны очередного народного недовольства, они навязывали обществу свои выношенные масштабные политические концепции, черты которых (не принятые ранее при нормальном целенаправленном функционировании общественного сознания) становились преобладающими и заменяли представления и отношения, более адекватные для данной ситуации.

Подобное творчество требовало сверхнапряжения и часто заканчивалось незарастающими просеками в генофонде. Поэтому внимание к качеству человеческого материала демонической личности не может вытекать просто из любопытства, оно должно быть профессионально пристальным в политическом и, что не менее важно, медицинском аспектах.

Данное положение очень существенно, ибо о явных признаках психической аномальности можно судить по оценкам психиатров личностных особенностей у целого ряда выдающихся фигур.

Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь

Римский император Нерон остался в памяти людей олицетворением классического образа тирана, хотя правления всех римских императоров отличались жестокостью и обилием казней. Причиной такого неприятия, безусловно, стал ряд поступков, признанных человечеством, как аномальное поведение.

Если в боевых сражениях энергия жестокости находила традиционное оправдание — таковы были нравы и среда, то в мирное время вспышки слепой ярости вызывали недоумение даже у самого близкого окружения.

Активное или пассивное перекалывание на других большей части важных государственных решений, неудобства одиночества из-за неспособности к самостоятельной стратегической инициативе, страх быть покинутым в решающий момент доверенными и близкими лицами — все это вело к накоплению критической массы «поведенческого взрыва».

Вспышки жестокости и угрожающего поведения характеризовались широкой амплитудой эмоциональной неустойчивости и утратой контроля импульсивности. В один из таких «поведенческих взрывов» Нерон приказал убить свою собственную мать, в другой раз — отравить друга-наставника знаменитого философа Сенеку.

Эксплозивность и агрессивное расстройство личности уравнивались также не совсем обычно. Наступали периоды, когда император являлся перед народом на колеснице Аполлона, и толпа хранила трепетное молчание, выслушивая «пение» венценосного артиста.

Нерону в эти моменты не было равных в самодраматизации, театральности, преувеличенном выражении эмоций, что нередко также заканчивалось убиением по его приказу не очень усердно хлопавших слушателей.

Эмоциональное возбуждение и нервное напряжение всегда были обычным состоянием цезаря. Они могли только возрастать, как это случилось перед поджогом Нероном собственной столицы, или вырываться бурным всплеском, когда Рим догорал.

Что осенило августейшего на такой странный поступок, как вдохновенная и страстная песня на фоне гигантского пожара, неужели навязчивое желание запечатлеть себя в памяти потомков? Или это был внезапный эпизод расстройства сознания как результат спутанности, плохой памяти или комбинации этих факторов?

Что бы это ни было, расстройства психики проявились налицо.

Еще древние мыслители с огорчением подметили, что человек является единственным биологическим видом, которому свойственно истребление себе подобных. Но даже самые циничные организаторы массовых убийств пытались оправдать свои поступки идейными или насущными соображениями.

У Нерона силы и страсти, мотивирующие личность, придали его патологической жестокости компульсивный импульс. Истреблялись рабы, свободные граждане, враги, друзья, близкие родственники. Стихия безумного смертоносного насилия ужаснула общество, и Сенат отрешил императора от власти. Теперь уже предстояло умереть самому кесарю.

Возможно, героическая, мужественная смерть повернула бы мнение толпы в другую сторону, но император оказался неспособен подняться на трагическую высоту в последнем акте собственной жизненной драмы. Стресс и истерика сменились протрацией и невнятным бормотанием: «Живу я гнусно, позорно — не к лицу Нерону, не к лицу...», — после чего последовало самоубийство (или убийство с помощью подручных).

Жизнеописание Нерона — показательный пример судьбы властителя, растворившего без остатка свои здоровые начала в сфере неограниченной бесконтрольности.

Гиперразвитие психотического напряжения с патологическим побуждением инстинкта самосохранения активировало такие поведенческие особенности, как подозрительность, всепроникающая способность искаженно воспринимать происходящее, злопамятность, склонность к патологической ревности.

Истерическое расстройство личности поддерживало высокий уровень постоянного стремления к возбужденности, желанию быть признанным и находиться в центре внимания. Подобная истерическая возбудимость носила уже признаки параноидного расстройства и питала личность сверхценными идеями.

Гибель в сравнительно молодом возрасте (на 31-м году жизни) остановила Нерона на пороге входа в царство параноидной шизофрении.

Паранойяльное развитие удалось интересно проследить на примере других исторических личностей.

Заслуживают внимания в этом плане аналитические работы психиатра А.Е.Личко, в частности его очерк «Иван Грозный как пример паранойяльного развития на почве эпилептоидной акцентуации характера».

Содержание указанного исследования позволяет глубже вникнуть в суть психической основы очередного «пятна» на Солнце Разума.

Иван Грозный

Личности знаменитого русского царя Ивана Грозного была посвящена специальная монография известного отечественного психиатра П.И.Ковалевского. Вышедшая еще в XIX веке, его книга «Иван Грозный и его душевное состояние» полна интересных наблюдений и умозаключений. Но психопатологический анализ в этой книге выполнен на уровне психиатрической науки того времени.

П.И.Ковалевский все анализирует с позиций учения о дегенерации (наследственном вырождении). Он рассматривает выдающегося Рюрикovichа, как наследственного дегенерата, заболевшего сперва неврастенией, которая затем перешла в паранойю.

Ранее попытку осветить «душевную болезнь царя Иоанна Васильевича IV Грозного» предпринял Я.Чистович. В приложениях к его книге «История первых медицинских школ в России»(С.-Пб., 1883) есть небольшая статья, в которой, однако, содержатся почти все основные положения, развитые затем П.И.Ковалевским.

Паранойяльность обычно проявляется в возрасте 30-40 лет. Труды русских историков (Карамзин Н.М., Иловайский Д.И., Костомаров Н.Н., Фирсов Н.Н., Ключевский В.О.) свидетельствуют, что ужасы в царствование Ивана Грозного начались после того, как ему исполнилось 30 лет.

Предшествующий период, связанный с деятельностью умных сподвижников государя Сильвестра и Адашева и ознаменовавшийся успешными завоеваниями, упрочением единого независимого русского государства, называют даже «золотым веком» в царствовании Иоанна.

Развертыванию паранойяльной картины часто предшествует какой-либо толчок (психическая травма, телесное заболевание).

Подобное случилось и в жизни неординарного царя: на четвертом десятке он перенес какое-то смертельно опасное заболевание, а вскоре после этого потерял первую горячо любимую жену Анастасию, по которой тосковал до конца своих дней.

В 1564 г. Иван Грозный со своей семьей, узким кругом доверенных лиц, захватив с собой казну и дворцовое имущество, неожиданно покинул Москву и поселился в Александровской слободе. Причина бегства — непрерывные мысли о преследовании со стороны бояр, о мнимых заговорах, хотя, как свидетельствуют историки, к тому времени не только заговоров, но и какого-либо неповиновения со, стороны бояр уже не было.

Мысль о спасении бегством и позже неоднократно вспыхивала в сознании Иоанна. В своем завещании, написанном около 1572 г., он серьезно изображает себя изгнанником, скитальцем. В.О.Ключевский писал о его намерении бежать в Англию и искать пристанища у английской королевы.

Принимая посольство с мольбами вернуться в Кремль, царь сказал о боярах: «Извели нашу кроткую и благочестивую супругу Анастасию Романовну, и, если бы Бог нас не охранил, открывая их замыслы, то извели бы и нас, с нашими детьми.

Того ради, избегая зла, мы поневоле должны были удалиться из Москвы...»

Как свидетельствуют летописи, в период бегства во внешности царя внезапно произошли резкие перемены. Прежде статный и красивый, он как-то вдруг постарел, осунулся, лишился почти всех волос. Как свидетельствуют летописи, царь стал «нелеп», то есть некрасив.

Иоанн согласился вернуться на трон при условии предоставления ему по сути дела неограниченной диктатуры, права расправляться с кем захочет и как захочет, и чтоб никто ему в этом не перечил. Даже духовенство лишено было права просить царской милости к осужденным.

Кремль — древняя резиденция московских великих князей — уже не казался Иоанну безопасным. Он скрывался то в укрепленной Александровской слободе, окруженной заставами и дозорами, то в специально выстроенном для него дворце на Неглинной за глубокими рвами и высокими стенами.

Но главное — для обеспечения своей безопасности царь создал опричнину, особую касту людей, наделенных неограниченным правом убивать царских врагов и грабить их имущество.

Молодые, отчаянные, часто с темным прошлым, отрекшиеся от друзей и родных, царские дозорщики не просто исполняли охранные функции, а активно выискивали внутреннюю крамолу, могли подозревать любого во всевозможных заговорах.

Между тем авторитетные историки свидетельствуют, что в опричнине в то время особой необходимости вовсе не было. Политическая сила боярства была уже и так подорвана, а местничество лишало удельных властителей способности к дружным действиям. Знатнейшие бояре своим правлением в период малолетства Иоанна снискали ненависть народа.

Боярская крамола в этот период не шла далее помыслов о сохранении собственной жизни и бегства в Литву. Ни о каких заговорах, покушениях на самодержца со стороны бояр не было и речи.

Разгул опричнины был страшен: ежедневно в Москве «кромешники» (так в народе называли опричников) убивали десятки людей. Трупы валялись на улицах, и никто не смел их убирать. За пределами столицы царила такая же вседозволенность. Крестьянство было разорено полностью, по селам будто бы прошла неприятельская армия. Другая часть государства, именуемая земщиной, хотя формально считалась независимой от опричнины, но фактически была полностью бесправной и целиком ей подвластной. У земщины в пользу опричнины отнимались не только земля, но и дома, домашнее имущество. Тысячи людей посреди зимы выгоняли из дома и толпами отправляли пешком обживать далекие пустые земли.

В условиях постоянного поиска заговоров и измен чрезвычайно развился культ доносов. Царь жаждал доносов. И появилась масса доносчиков, желавших на несчастье других создать себе положение. Тем более что обвинения, содержащиеся в доносах, никем фактически не проверялись. Признавалась единственная форма доказательства вины — признание под пыткой. А мастерство пыток достигло изуверской утонченности. Сам Царь изобрел для этой цели специальный «жгучий состав». Естественно, что под страшными пытками люди не только признавались в своей мнимой вине, но и оговаривали других.

Для обнаружения заговоров использовался и метод провокаций: Иоанн, желая проверить преданность бояр, подсылал им подложные письма, якобы от польского короля. Если на следующий день эти письма получатель не приносил в царский дворец, он подозревался в измене.

Казненные, убитые и замученные во время пыток в царствование Ивана Грозного исчислялись десятками тысяч. Казнили не только осужденных, но их близких и дальних родственников, друзей, слуг, малолетних детей.

Наряду с казнями широко практиковались ссылки в дальние, полудикие места. Впрочем, ссылка, как это было с митрополитом Филиппом, не освобождала от последующей казни.

Ненависть к своим мнимым преследователям сперва была направлена на узкий круг лиц, но затем перекинулась на многие семьи, сословия, даже города. Ненавистным сословием для царя стало боярство, от бояр он много перенес в раннем детстве. Во время бегства из Москвы все боярство в целом он обвинил в тайном заговоре.

Ненависть к целым городам бывает обусловлена у параноиков каким-либо связанным с этим городом неприятным событием в их прошлой жизни, особенно если это событие больно ударило по их самолюбию.

Иван Грозный возненавидел Новгород и Псков. В начале его царствования, вскоре после торжественного обряда венчания на царство, жители этих городов осмелились омрачить торжество, прислав свои делегации к царю с челобитной на несправедливость его вельмож и некоторых из установленных порядков.

Смиранных челобитчиков обвинили в бунте, а ненависть ко Пскову и Новгороду всю жизнь тлела в сердце царя. В последние годы царствования он повеял дикому и вздорному доносу о якобы возникшем заговоре знатных новгородцев, в том числе служителей православной церкви, собравшихся передать Новгород католической Польше. И вот русский царь со своим войском отправился в поход против своих же городов, притом городов отнюдь не бунтующих, а являвших собой к тому времени пример верноподданничества.

Вся земля от Москвы до Новгорода была предана огню и мечу. Был сожжен Клин, разграблены Тверь, Торжок, Валдай, Вышний Волочек и другие города и поселения. Было приказано всех встречных на дорогах убивать, дабы они не могли предупредить другие города.

Новгород был заранее окружен войсками, чтобы из него никто не смог выйти. Город был разграблен, а жители перебиты. По свидетельствам летописцев, в Новгороде было убито от 15 до 60 тысяч жителей. Волхов был запружен плывущими мертвыми телами. И только случайность спасла жителей Пскова от такой же судьбы.

Объектом идеи преследования становятся со временем самые близкие люди — родные, закадычные друзья. Иоанн, подозревая в измене, умертвил своих родственников — двоюродного брата князя Владимира Андреевича, его жену, старуху мать (монахиню) и жену его брата (тоже монахиню).

Кстати, в расправе с князем Владимиром Иоанн избрал способ, к которому, по-видимому, охотно прибегают стоящие у власти паранойяльные личности, когда хотят избавиться от лица, пользующегося авторитетом, популярностью или занимающего высокое положение, — насильственное самоубийство. Он заставил князя Владимира выпить яд.

Под конец заговора и измены стали чудиться царю даже в среде излюбленной им опричнины: князь Вяземский, отец и сын Басмановы (царские любимцы) были подвергнуты жестоким пыткам и казнены. Сам главарь удальцов-палачей Малюта Скуратов избег подозрений и казни, по-видимому, лишь потому, что погиб в одном из боев.

Рука об руку с идеями преследования у большого параноиком идут идеи отношения, а зачастую — воздействия, и отравления. Вероятно, эти идеи также

были присущи Иоанну. По словам летописцев, в печальных взорах своих вельмож царь усматривал предательство, а в их молчании ему чудились угрозы и укоризны. «Отгадывать» по взглядам чужие мысли — одна из характерных черт бреда отношения.

Страх быть отравленным все время тяготел над Иоанном. Пищу и вино он брал только из рук Вяземского или Федора Басманова. Причину смерти своих жен (Анастасии, Марии и Марфы) он видел в «порче» со стороны придворных и родственников прежних жен. Тем не менее яд и отравы сделались одним из средств для расправы с мнимыми врагами. В обязанности лейб-медика голландца Бомевилля входило приготовление ядов, а царский любимец кравчий Федор Басманов на пирах подносил от царя чаши с отравленным вином боярам, подозреваемым в измене.

Не менее угнетал Иоанна страх стать предметом колдовства и злых чар. Именно эти обвинения были предъявлены его бывшим любимцам Вяземскому и Басманову. Заподозрить их в измене, по-видимому, казалось невероятным даже для Иоанна. Он настойчиво повторял, что его первую любимую жену «извели».

Была обвинена в намерении «чародейством извести царя» и некая Мария, подозреваемая в близости с Адашевым — приверженцем царя в его молодые годы, на которого с годами пал царский гнев. Ее и заодно пятерых ее сыновей казнили.

Если страх быть преследуемым и убитым толкал на жестокость и убийства, а страх быть отравленным — на отравление других, то страх быть околдованным обуславливал повышенный интерес к сверхъестественным предметам. Царь жадно прислушивался к астрологическим гороскопам голландца Бомевилля (а гороскопы хитрого лекаря, конечно, сулили заговоры, бунты и измены). В последние годы жизни Иоанн окружил себя разного рода колдунами и волхвами.

П.И.Ковалевский, анализируя психопатологическое состояние Ивана Грозного, целиком сводит его к бреду преследования.

С современной точки зрения, в поступках и помыслах Иоанна можно обнаружить также чрезвычайно характерные для параноика идеи величия.

На первый взгляд, это может показаться парадоксальным. Какие же идеи величия могут быть у лица, и без того занимающего в своем государстве самое высокое положение?

Среди паранойяльных идей величия обычно фигурируют две основные темы — родственная близость к лицам, стоящим во главе государства, обладающим всей полнотой власти и пользующимся высшими степенями почета, или великие

изобретения, открытия, жажда признания выдающихся научных заслуг. В каком виде эти темы могут проявляться у параноика, и без того стоящего у власти?

Иван Грозный первым среди московских государей торжественно, со всем церковным великолепием венчался на царство. Правда, титул царя впервые был принят его дедом Иваном III. Перед иноземными послами и в дипломатических бумагах, адресованных в другие государства, Иван III именовал себя царем и самодержцем, желая показать, что создал единое, сильное, независимое от татарского ига русское государство. Пышный обряд величия ему был ни к чему.

Иное дело — Иван Грозный. Царский титул был для него прежде всего символом божественного происхождения его самодержавной власти. Он желал быть не просто великим князем, первым среди московских князей, признанным вождем правящего класса. Он мечтал подняться над подчиненными ему князьями и боярами на недостижимую для них высоту. Его не удовлетворяло безоговорочное признание ими его власти над собой по праву отчины, то есть наследства. Таким правом пользовались все бояре в отношении своих поместий. При всяком удобном случае Иоанн старался показать всем и вся божественное происхождение его царской власти.

Польскому королю Стефану Баторию, избранному на трон польской шляхтой, он писал, укоряя выборным происхождением его власти: «Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси по Божьему изволению, а не по мятежному человеческому хотению...».

Первым среди московских государей Иван Грозный стал считать себя царем в настоящем библейском смысле этого слова — помазанником Божьим.

Была создана целая «ученая» теория происхождения его царственной власти. Образ могущественного римского императора Октавия Августа, властителя огромной империи, носившего титул цезаря, то есть царя, заманчиво маячил перед воображением Иоанна. Услужливо была пущена в ход нелепая легенда о том, что этот римский цезарь перед смертью разделил всю вселенную между своими наследниками, а брата своего Пруса посадил царствовать по берегам Вислы, отчего эта земля и зовется Прусской. Рюрик же, от которого вели свой род московские великие князья, якобы является потомком этого Пруса в четырнадцатом колене. Так была создана «теория» происхождения царя Ивана Грозного от римских цезарей.

Еще одна легенда была пущена в ход. Византийский император Константин Мономах прислал киевскому князю Владимиру свой царственный венец, бармы и цепь. Владимир якобы завещал хранить эти реликвии до тех пор, пока не

появится на Руси достойный самодержец. Вот Иоанн и повелел московскому митрополиту Макарию венчать себя на царство шапкой, бармами и цепью Мономаха. Доказывать свою родственную близость к византийскому двору Иоанну не было нужды, его бабка, Софья Палеолог, действительно была племянницей последнего византийского императора.

Здесь легенда должна была доказать, что Иоанн — самый достойный среди своих предков, что он — избранник Божий.

Но и этого оказалось мало.

В народе пустили слух, что явилось, наконец, предсказанное Апокалипсисом последнее «Шестое царство» — царство Московское. Широко распространялся девиз: «Москва — третий Рим, а четвертому не быть», задолго до царствования Иоанна высказанный монахом одного из псковских монастырей.

Следовательно, с падением римской и византийской империй Москва остается единственным царством, а московский царь — единственным наместником Бога на земле. Отсюда уже рукой подать до идеи мирового господства.

Как видно, если у обычного параноика идеи величия могут проявиться в мыслях о его «высоком происхождении», то для параноика, стоящего у власти, они превращаются в идею мирового господства и исторической фатальности его власти.

Во времена Ивана Грозного науки, в нашем смысле, еще не существовало. Изобретения и открытия, хотя и осуществлялись, но еще не давали их авторам мировой славы и всеобщего признания. Место науки в духовной жизни общества занимало богословие.

Иоанн страстно отдавался богословским занятиям и считал себя непререкаемым авторитетом в богословских вопросах. Каждый день после обеда в Александровской слободе он вел поучающие душеспасительные беседы со своими изуверами-опричниками. Он сам писал сочинения на богословские темы.

В этих сочинениях обнаруживается одна черта, чрезвычайно характерная для наукообразных трактатов параноиков — огромное количество пространных цитат. Как отмечал В.О.Ключевский, «Иоанн любил пестрить свои сочинения цитатами кстати и некстати».

Даже в его письмах к князю Курбскому, его бывшему сподвижнику, бежавшему за рубеж, он на каждом шагу вставляет отдельные строки из Писания, иногда выписывает подряд целые главы из ветхозаветных пророков.

Кроме идей преследования и величия, Иван Грозный имел определенные характерологические черты, присущие паранойяльному развитию личности.

Нетерпимость к замечаниям в свой адрес, невыносимость противоречий обычно служат частой причиной конфликтов и скандалов. Как писали русские историки, Иван Грозный считал добрый совет посягательством на свои права, несогласие со своими планами — крамолой, заговором и изменой. Противоречие нередко вызывало у него вспышки неукротимой злобы и яростного гнева и вело к дикой расправе.

Убийство Иваном Грозным своего сына, пожалуй, может служить самым разительным, но не единственным примером: на одном из пиров Иоанн вонзил нож в сердце Оболенского, намекнувшего на его противоестественную связь с Федором Басмановым. Нетерпимость к непослушанию доходила до абсурда: он велел изрубить присланного ему в подарок из Персии слона за то, что тот не стал перед ним на колени.

По словам В.О.Ключевского, царю ежеминутно нужно было чувствовать, как его любят и уважают, как ему преданы. Те, кому это удавалось, некоторое время пользовались его доверием (друг его детства Федор Воронцов, затем Сильвестр и Адашев, позже Федор Басманов и Малюта Скуратов). Но безграничное доверие всегда было временным. Все они, кроме Малюты, погибли по вине Иоанна.

Другая черта — умелое использование в личных целях общественной морали, извлечение выгоды из господствующих в обществе взглядов, стремлений, законов — претерпевает у параноика, стоящего у власти, своеобразную трансформацию. В подобной ситуации параноик сам в значительной мере способен влиять на мораль общества, во главе которого стоит, и извлечение выгоды из морали оборачивается оправданием творимых беззаконий, в первую очередь репрессий, перед лицом истории. Эта жажда оправдаться перед историей обуславливает, по-видимому, чрезвычайное развитие ханжества.

Ивану Грозному страстно хотелось примирить свою бесчеловечную жестокость с религиозной моралью своего времени. Всем своим лютостям он всегда пытался придать видимость закона. Свои репрессии царь объяснял обязанностью вершить истинное правосудие: кто злоумышляет против него — помазанника Божия, тот — враг всего православного царства, а следовательно, и самого Бога. Он умело внушал своему окружению, что его руками вершится Божья воля, что он ниспослан Богом для борьбы с врагами отечества. Он неоднократно ханжески жаловался на тяжесть выпавшей на него исторической миссии, проявлял лицемерную заботу о душах казненных и замученных людей, рассылая по церквям и монастырям поминальные списки и щедрые подношения на поминовение усопших.

Фанатичная религиозность Иоанна имеет свои паранойяльные корни: он считал себя заместителем Бога на земле. Но ханжество сквозило и в его религиозности. Отобрав из числа опричников самых отчаянных и жестоких и поселившись с ними в Александровской слободе, Иоанн создал дикую пародию на монастырь. Опричников он обрядил в черные монашеские одеяния, под которыми они продолжали носить раззолоченные и обшитые соболями кафтаны. Сам Иоанн провозгласил себя игуменом. Днем он казнил или присутствовал на пытках в застенках, а по ночам молился со всей своей братией, звонил к заутрене, читал и пел на клиросе, а земные поклоны клал столь усердно, что кровоподтеки не сходили у него со лба. Во время трапезы, когда все опричники обжигались и опивались вином, царь за аналоем читал назидательные поучения святых отцов церкви о посте и воздержании.

Ханжество Иоанна проявлялось также в приступах показной скромности. Последняя, пожалуй, заметнее всего обнаруживалась в истории с «царями Симеонами». Разделив государство на земщину и опричнину, Иоанн объявил, что он якобы опричнину оставляет за собой, а земщине дает своего «царя». Он посадил на московский трон пленного казанского царя, крещеного татарина Едигера-Симеона, затем быстро убрал его и посадил другого татарина, также окрещеного Симеоном, и дал ему титул «великого государя всея Руси».

Все указы писались от имени этого «царя», а сам Иоанн ездил к нему на поклон как простой боярин, писал челобитные, в которых униженно называл себя князем московским Иванцем, бьющим челом со своими детишками. Но всю власть в государстве Иоанн, конечно, оставил себе. Больше года он наслаждался собственной «скромностью», а затем отправил «царя» Симеона в ссылку.

Ханжество сквозило и в изуверской расправе с конюшим Федоровым. Иоанн вообразил, что конюший хочет свергнуть его с престола и сделаться царем.

Он велел обрядить Федорова в свои царские одежды, посадил на трон, кланялся ему в ноги, называл царем, а затем вонзил ему нож в сердце.

Показной аскетизм Иоанна, изнурительные посты, длительные моления бессонными ночами сочетались в нем с кровожадным зверством и половой распущенностью. Иоанн переменял семь законных жен (православная церковь допускала лишь три законных брака) и сменил, по свидетельству летописей, около пятидесяти наложниц. Он велел приводить к себе чужих жен, затем отдавал их на поругание опричникам и после этого отправлял женщин к мужьям. Если же опасался мести, умерщвлял их. Иоанн сожительствовал со своим кравчим молодым красавцем Федором Басмановым, а по намекам некоторых летописцев,

и с молодым боярином Вельским. Предполагают, что Иван Грозный понуждал к сожительству жену своего старшего сына Ивана. Незадолго до смерти дряхлый, прикованный к постели, заживо разлагающийся «кесарь» воцарился к пришедшей его навестить жене сына Федора (будущая царица Ирина).

Невестка в омерзении и страхе убежала от своего сладострастного свекра. Когда же пришел сын Федор, Иоанн стал убеждать наследника в неверности его жены, говорить о том, как она распутна, что с нею надо развестись и заточить ее в монастырь.

Особо жгучая ненависть у параноика возникает к тем, кто когда-либо оказывал ему помощь. У Ивана Грозного такой род ненависти обращается на сподвижников, кому параноик обязан своим возвеличиванием.

В первую половину царствования Иоанна велись успешные войны.

Впоследствии царь почти поголовно обвинил в измене всех, кто прославился ратными подвигами, и жестоко расправился с ними.

Упрочению своей государственной власти Иоанн в значительной мере был обязан умной политике помощников его первых лет — Сильвестра и Адашева. И их судьба оказалась трагичной.

Для идей преследования, которыми терзался царь, характерна еще одна отличительная черта, которую отмечает псковская летопись: страх преследования и связанная с ним жестокость обострялись внезапными приступами.

Начиналось все на фоне относительного душевного покоя. Во время долгих богослужений лицо Иоанна внезапно искажалось, и он отдавал самые жестокие и бесчеловечные приказания.

Посреди трапезы царь издавал иногда дикий крик, который был сигналом сбора для опричников, и они мчались вместе с повелителем пытать и казнить томящихся в застенках.

Такой же крик во время трапезы в Новгороде послужил сигналом для разгрома города. Но приступы обрывались так же внезапно, как и начинались.

П.И.Ковалевский полагает, что Псков избежал судьбы Новгорода только потому, что у Иоанна миновал подобный приступ.

Видимо, кошмарная жестокость Иоанна, его садизм, личное его участие в истязаниях и пытках, собственноручные убийства своих мнимых врагов так же, как и приступообразные состояния, проявляющиеся аффектами ярости и лютыми зверствами, — все это объяснимо наличием в его характере эпилептоидных черт. Сам Иоанн эпилепсией не страдал, но наличие в этом отношении какой-то скрытой неполноценности можно подозревать.

Эпилепсией болел его сын Дмитрий. А убитый им сын Иван обнаруживал некоторые эпилептоидные черты.

В последний год своей жизни (Иоанн умер в пятьдесят три года), по словам очевидцев, царь заболел какой-то странной болезнью: «...В течение многих дней и не говорил ни с кем, ни пищи не принимал, ни даже звука не издавал, так что казалось он онемел. А затем, по истечении многих дней, когда болезнь открывала ему уста, он только звал своего сына Ивана (ранее убитого им). Ему мерещилось, что он видит Ивана, что он слышит Ивана, что тот с ним говорит, что он перед ним стоит, а иногда жалобно призывал его к себе как бы живого».

Это немногословное описание, приведенное П.И.Ковалевским, который позаимствовал его у Одеборна,— довольно яркая психотическая картина, вовсе не характерная для паранойяльных расстройств. Речь могла идти о психозах другого рода. Можно предположить, что причиной тяжелого поражения мозга в последние годы жизни Иоанна был сифилис. Царь умирал, заживо разлагаясь, покрытый гниющими язвами, что характерно для запущенной формы этой болезни. Его распутство и чрезвычайное распространение (знаменитая «пандемия») сифилиса в европейских странах в XVI веке, докатившееся и до Московской Руси способствовали заражению.

Во всяком случае картина предсмертного психоза у Иоанна, когда преобладали яркие зрительные галлюцинации, не может свидетельствовать в пользу известной схемы развития параноидной шизофрении вслед за паранойяльным этапом.

Что было до этого у Ивана Грозного: только паранойяльная психопатия, сформировавшаяся на предшествующей эпилептоидной основе, или паранойяльное развитие, достигшее психотического уровня? Вероятнее всего, началось с первого и постепенно перешло на второе.

Поначалу идеи преследования сосредоточивались на боярстве, ненавистном Иоанну с детства, и где действительно могли быть его потенциальные противники. Такие идеи еще можно назвать сверхценными, а не бредовыми.

Но когда Иоанн начал зверски уничтожать самых преданных и близких ему людей по клеветническим доносам, которые никогда не проверял, а то и без всякого повода, по собственному наитию «разгадывая» их измену, то подобное поведение уже определенно можно назвать бредовым.

Большая власть, в силу стечения обстоятельств оказавшаяся в руках паранойяльной личности, действует на нее крайне пагубно, накладывая особый отпечаток, чрезвычайно обостряя паранойяльные черты.

Это имеет далеко идущие последствия для общества, во главе которого стоит параноик. Его идеи преследования оборачиваются диктатурой зла, созданием особой касты вершителей этого зла, порчей устоявшихся традиций добра и справедливости. Идеи величия претворяются в обожествление личности параноика-властелина.

Конечно, возникновение подобных социальных явлений имеет свои социальные причины, а не только лишь одну злую волю исторической личности. Ведущее значение социальных факторов в трагических событиях царствования Ивана Грозного было живо подмечено известным русским писателем и поэтом А.К.Толстым. Завершая свою повесть «Князь Серебряный», он призывал: «...изгладить из сердец наших последние следы того страшного времени, влияние которого, как наследственная болезнь, еще долго потом переходило в жизнь нашу от поколения к поколению! Простим же грешной тени царя Ивана, ибо не он один несет ответственность за свое царствование: не он один создал свой произвол и пытки, и казни, и наущничество, вошедшее в обязанность и в обычай. Эти возмутительные явления были подготовлены предыдущими временами, и земля, упавшая так низко, что могла смотреть на них без негодования, сама создала и усовершенствовала Иоанна, подобно тому, как раболепные римляне времен упадка создавали Тивериев, Неронов и Калигул.

... Простим же грешной тени Ивана Васильевича, но помянем добром тех, которые, завися от него, устояли в добре, ибо тяжело не упасть в такое время, когда все понятия извращаются, когда низость называется добродетелью, предательство входит в закон, а самая честь и человеческое достоинство почитаются преступным нарушением долга! Мир праху вашему, люди честные! Плата дань веку, вы видели в Грозном проявление Божьего гнева и сносили его терпеливо; но вы шли прямой дорогой, не бояся ни опалы, ни смерти, и жизнь ваша не прошла даром, ибо ничто на свете не пропадает, и каждое дерево, и каждое слово, и каждая мысль вырастает как древо: и многое доброе, и злое, что, как загадочное явление, существует поныне в русской жизни, таит свои корни в глубоких и темных недрах минувшего».

Корни на самом деле оказались глубокими, и до настоящего времени из темных недр минувшего демоны выходят на поверхность многострадальной действительности.

Совсем недавно методы Ивана Грозного снова апробировались в нашем государстве, когда власть в который раз оказалась в руках психопатической личности.

И.В.Сталин

Можно согласиться с трактовкой А.Е.Личко, что Иосиф Виссарионович Сталин и Иоанн Васильевич Рюрикович (Иван Грозный) — психопатические личности разного плана.

Сталин, по мнению известного психолога и психиатра, личность шизоидная (очерк А.Е.Личко «И.В.Сталин (Джугашвили) как пример паранойяльного развития на почве шизоидной акцентуации характера»), а Иван Грозный — эпилептоид. Это, несомненно, соответствует тем сведениям, которые имеют место как в специальной психиатрической, так и в политической литературе.

Однако людям, испытавшим на себе карающую десницу царствовавших психопатов, легче от этого не было.

Несмотря на то, что Сталина оценивают как замкнутого и достаточно сдержанного, очень многим не поздоровилось в периоды его гнева, резкости и грубости.

В эмоциональном плане он в основном оставался холодным с большинством людей, был фактически одиноким и даже аутичным. Но при всех изъянах в поведении проявлял невероятную работоспособность, умел гениально оценивать ситуацию, хотя мышление его в достаточной мере схематизировано. Для него характерна чрезмерная чувствительность к неудачам и отказам. Известно его отрицательное отношение к Ленинграду, где ему не удалось сыграть определенную роль в революции, его зависть к образованным товарищам, к Троцкому, который отличался ораторским искусством.

На исходе второй мировой войны он был всерьез охвачен идеей передела мира и всю жизнь страны подчинил именно этой глобальной идее.

В периоды декомпенсации нарастала подозрительность, не давали покоя мысли о «заговорах», угрожающих его власти, и тогда он, не считаясь ни с чем, расправлялся со своими предполагаемыми врагами. Но сам лично в арестах, пытках, жестоких актах участия не принимал.

Был злопамятен к «товарищам по партии»: так были фактически уничтожены почти все делегаты XVII съезда большевиков, хотя только менее четверти из них проголосовали против Сталина.

У Ивана Грозного другие особенности личности, у него отчетливые эпилептоидные черты характера и дисфории, во время которых он сам участвовал в жестоких пытках и убийствах.

К концу жизни у Сталина и Ивана Грозного психические расстройства достигли психотического уровня, у Сталина — в связи с сосудистыми расстройствами, у Ивана Грозного — за счет неизвестной болезни.

Таким образом, можно сказать, что у Сталина и Ивана Грозного речь идет о психопатии, так как на протяжении всей жизни, вплоть до последних лет, когда присоединились нарушения психики другого плана, сущность их оставалась неизменной, при декомпенсации (под влиянием различных ситуаций) заострялись черты, свойственные им ранее. Издержки для общества, связанные с заострением черт характера у руководителей, еще долго будут храниться в исторической памяти народа.

И вот здесь интересно отметить один нюанс, который почти всегда характерен для общественного сознания периода диктатуры демонической личности. Людям кажется, что когда этот кошмар закончится, то хуже уже не будет. Но проходит время, и религия психологических калек начинает точить краеугольные камни народной мудрости. Подспудно идет накопление беспринципных карликов, наконец их концентрация обеспечивает появление необходимого ареала обитания людей, способных на все.

В конце концов сложный расклад случайностей и закономерностей создает определенные внешние и внутренние условия жизни общества, в которых силы и страсти, мотивирующие демоническую личность, получают развитие. При этом движущие силы личности не являются по своей природе только предопределенными, то есть инстинктивного порядка.

Высокая работоспособность, умение гениально оценить обстановку, вовремя сделать выводы и приступить к реализации заделов собственных умственных наработок — все это дополнительно активизирует жизненно важные качества, поддерживает в напряжении и обогащает связи с ноосферой, делает внутренне оправданным принятый режим и программы деятельности.

Для демонов, обладающих одаренностью или особым талантом, при благоприятном стечении обстоятельств открывается выход (если не будет явного психоза или злокачественного невроза) — воплотить свои грандиозные фантазии, изменив реальность. Период общественных кризисов и есть та мутная вода для великого политика, в которой он изловит золотую рыбку. Когда же еще может такое представиться!

И демагог, стоящий на границе психоза, даже спасает себя от безумия, увлекая людей и заставляя их считать нормальными идеи, которые еще вчера рассматривались, как бред. А увлеченные люди, пережив еще более худшие

времена, чем случались в предшествующей истории, остаются у разбитого корыта.

XX век в этом плане не исключение, хотя прогресс науки, техники и человечества в целом к началу века был налицо. Пока гении открывали очередные истины, не обращая внимания на сложившиеся обстоятельства и успешно преодолевая их вместе с другими трудностями, на Солнце Разума появились новые «пятна».

На этот раз уровень злодейства заставил содрогнуться весь мир. Вопрос стоял открыто: быть или не быть человеческой цивилизации вообще. Невольно вспоминаются строки:

Доисторические люди,
Когда обменивались мнениями
Пронзали дротиками груди,
Дробили головы камнями...

Поэтому стоит ознакомиться с мнением психиатров о цивилизованных дикарях нашего времени, переустраивавших мир.

В.И.Ленин

«...Он был обеспокоен. Особенно беспокоило его то, что его беспокоил его покой, потому что всем существом он его приветствовал. Но что же его беспокоило? Так как он был обеспокоен, он был успокоен, и это беспокоило его», — такая вот характеристика Петера Хотьевича позволяет образно представить внутренний мир маньяка.

Если маньяк к тому же и параноик, да еще стоит во главе партии власти в государстве, которое не просто страна, а часть света, каковой всегда являлась Россия, то надежды на спасение можно адресовать только Всевышнему.

К счастью, судьба в очередной раз сменила гнев на милость, и тысячелетняя держава уцелела. Но политическая слепота, вызванная сверхъяркой вспышкой демонической звезды на нашем историческом небосклоне, до сих пор не может пройти у многих.

Этой демонической суперзвездой и был Владимир Ильич Ульянов-Ленин, величайшая личность, которой ценой невероятного напряжения удалось вернуть колесо грандиознейшей из революций. Нечеловеческая концентрация сил,

сдвинувших гораздо более, чем просто гору, стала итогом фонтанирующей с самого детства жизненной гиперактивности, выплескивавшейся без перерывов.

Внимание специалистов постоянно привлекает генетическая основа вождя мирового пролетариата.

Правда, ничего пролетарского в ней обнаружить так и не удалось, зато вызывает оторопь поистине «адская» бионаследственная закваска. Русская, шведская, чувашская, еврейская и т.д. кровь струилась в жилах беспокойного человека, который никогда и никому не давал покоя.

Казалось, он начал бегать, еще не научившись ходить. Вспоминается такое детское стихотворение:

Когда был Ленин маленький,
С кудрявой головой,
Он тоже бегал в валенках
По горке ледяной.

Интересно, пробовал ли кто-нибудь бегать по ледяной горке? Ведь каждому известно, что это верный способ свернуть голову. Но удивительно, что автора никто никогда не поправил, считали, наверное, что для возбудимого ребенка, каким был в детстве Ильич, такое поведение вполне естественно.

Впрочем, автор недалеко ушел от истины.

А истина в том, что все индивидуальное развитие Ленина, с учетом влияния конституциональных факторов и социального опыта, привело к появлению устойчивой поведенческой тенденции, характерной для параноидного компонента. И в нем помимо таких, свойственных этому компоненту черт, как чрезмерная чувствительность к неудачам и отказам, тенденция постоянно быть недовольным кем-то, отказ прощать оскорбления, подозрительность и общая склонность к искажению фактов, воинственно-щепетильное отношение к вопросам, связанным с его личностью, переживание своей повышенной значимости, охваченность «законспирированными» толкованиями событий, происходящих в близком окружении и, по большому счету, в мировом масштабе, наглядно проступает фанатизм, с которым шла реализация сверхценных трансцендентных идей.

Общая маниакальность, которой природа так щедро наделила выдающегося деятеля, создавала приподнятое настроение (иногда даже неадекватное обстоятельствам) и возбуждение, при котором зачастую терялся контроль.

Подъем настроения сопровождался повышенной энергией, приводившей к гиперактивности, речевому напору, утрате нормального социального торможения, повышенной самооценке с легким высказыванием сверхоптимистичных идей и идей величия, болезненной продуктивности.

Симультантность мышления обеспечивала одновременную обработку в уме сразу нескольких сообщений, содержавших почти всегда самую разнохарактерную и часто взаимоисключающую информацию.

Как только мир и жизнь широко открылись Ленину, душа его для них закрылась. Действовать назло, действовать вопреки всему — вот чем теперь подпитывались судороги творчества. «Ум — это скорость», — согласился Ленин с Конфуцием и до конца жизни прибавлял обороты. Так великий человек формировал свой собственный стиль.

Молниеносно проанализировав оплошность брата-заговорщика, кончившего виселицей, Ленин, со свойственной ему вирулентностью, решил идти в революцию другим путем и уже никогда с него не сворачивал.

Он торопился, потому что знал, если хочешь обогреться всю жизнь, то начинай ломать дрова в молодости. Бесстрашие революционера-пассионария не имело предела. Человек должен представлять, когда рисковать уже больше нельзя. Ленин ничего такого не представлял. Какие-то принципы, моральные установки, традиционные убежденности не являлись для него смиренной рубашкой.

«Пусть совесть мучает того, у кого она есть», — это известное выражение Талейрана весьма точно характеризовало поведение решительного политика.

При изучении творчества Ленина сразу бросается в глаза вторичность основной массы его идей. Не он выстрадал принципиальные каноны социалистической религии, не он придумал гимн мировой революции, но в учении Карла Маркса Владимир Ильич ощутил воочию тот заветный рычаг, которым можно перевернуть мир. Он слился с этим рычагом всем своим существом и не выпустил его из рук до конца.

Идеи, овладевшие им, овладевали массами путем применения самых невероятных приемов: жестокости, демагогии, отречения от ценностей отечественного мировоззрения, истории и культуры. Известно, например, как Ленин, скрываясь от полиции на квартире финляндского вельможи в Петербурге, пообещал в случае победы русской революции дать независимость Финляндии.

А знаменитый проезд в запломбированном вагоне через территорию неприятельской Германии с целью перехватить власть в ослабленной войной

собственной стране стал вообще верхом цинизма в человеческом поведении. Неужели такого масштаба мыслитель не смог просчитать, какими народными бедствиями это угрожает.

Но в том-то и дело, что все рассчитывалось по самой страшной и абсурдной логике, в основе которой лежит дьявольская жажда власти. Вторичные идеи в клокочущем мозгу фанатика фантастически переплавились и привели его к собственному глубокому убеждению в том, что начинать разрушение внешнего мира (то есть организовывать мировую революцию) нужно с разрушения Российской империи до основания, с готовностью пожертвовать чуть ли не всем русским народом. И никакие глобальные пожары уже не считались препятствием для воплощения в жизнь трансцендентной суперидеи — захвата необъятной власти.

К большому сожалению, оправдалась ставка Ленина на «сволочь» (по его же выражению) для победы в революции. Страна погрузилась в пучину хаоса гражданской войны и в такую тьму, по сравнению с которой мрак средневековья казался вполне сносными сумерками.

Великого победителя ничто уже более не могло смутить — ни хамы, уничтожающие отцов, ни воздух по карточкам, ни то, что гибель России могла в итоге его самого лишить всех перспектив.

За окном кремлевского кабинета Русь обряжалась в снежный саван, а вождь, не ведая покоя, безостановочно говорил и писал, писал и говорил.

В самой идиотской полемике (такой, например, как о Брестском мире) он мог переспорить целый съезд. Он мог доказать, что нищета — мать целомудрия, порассуждать о том, что такое любовь (буря в стакане воды или нет), хотя внутренне был убежден, что на этой либидобелиберде не стоит долго заострять внимание.

Добираясь в спорах до нужной ему истины, он не щадил ни врагов, ни друзей. 90% материалов его многотомных сочинений дышат страстной, непримиримой полемикой. Сегодня он, например, играет с Богдановым в шахматы, завтра разносит его в пух и прах. Он доходчиво разъясняет Раскольникову, что за допущенную оплошность (речь шла о взаимоотношениях с представителями временного правительства в Кронштадте) будет его в следующий раз расстреливать, хотя до Великой Октябрьской социалистической революции было еще далеко, и Ленин не обладал пока никакими правовыми возможностями.

А все эти «Коллонтайши», «Иудушки-Троцкие», «недоучившиеся Бухарины» и прочие прозвища, клички, презрительные нарекания, которыми награждались

самые близкие соратники и друзья — нет числа подобным примерам ленинской «культуры» общения, его бескомпромиссности.

Реформы новой власти напоминали упражнения начинающего поэта на чистом листе. Впечатление было такое, будто главный реформатор, вообразив из себя профессионального борца, попросил пришить ему ноги вместо рук.

В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводились военный коммунизм, мобилизации, всеобщая трудовая повинность, продразверстка, продналог, всеобщая военная демобилизация, новая экономическая политика, реорганизация Рабкрина, ГОЭЛРО, будоражившие всех во имя очередной идеи. Рвался в мировое сражение вдохновляемый Лениным Коминтерн.

А в это же время по указанию Владимира Ильича страна отказывалась от репараций из побежденной Германии, которые могли быть использованы для восстановления экономики. Вполне вероятно, что эти средства прибрали к рукам немецкие реваншисты-милитаристы.

Сегодня мы все пожинаем плоды ленинской национальной политики. Пожалуй, никто ни до, ни после Ленина так не извращал политическую аксиому древнеримских властителей: «Разделяй и властвуй!».

В голове великого комбинатора шла настоящая скачка идей. Он готов был расчленять территории по любому поводу: в угоду пробуждающемуся революционному сознанию народов Востока (создание государств-республик в Средней Азии и на Кавказе), во исполнение своих личных обязательств перед Германией (предоставление независимости странам Прибалтики, Финляндии), из страха перед Антантой (отказ от Западной Украины и Западной Белоруссии в пользу получившей независимость Польши, отказ от Бессарабии в пользу Румынии) и т.д. Люди и их судьбы не принимались во внимание.

И одновременно, несмотря на полученные чувствительные удары (подавление революции в Баварии, Венгрии), идеи мировой революции не утратили в разгоряченном воображении своей перманентности.

Принимая Конституцию РСФСР в 1918 году, III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов руководствовался основной задачей, сформулированной Лениным: «...уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победа социализма во всех странах...» (Конституция РСФСР, 1918, гл.2). В гл. 3 Основного закона настаивалось на полном разрыве «с варварской поли-

тикой буржуазной цивилизации». В текст Конституции СССР 1924 года также включили положения, обязывающие поддерживать любые проявления мировой революции.

Естественно, что такое умственное напряжение не могло иметь нормальный исход.

В марте 1922 года у Ленина (на 52-м году жизни) начались частые припадки, заключающиеся в кратковременной потере сознания с онемением правой стороны тела. С марта 1923 года развился тяжелый правосторонний общий паралич, нарушилась, а затем и вовсе пропала речь.

Воля вождя была бессильна перед атаками болезни. Прогрессирующий в течение многих лет ранний распространенный артериосклероз сосудов головного мозга (с возможной, по мнению отдельных исследователей, сифилитической инфекцией) продолжал выключать один участок мозга за другим.

Несмотря на это, Ленин еще что-то осознавал. Вероятно, в период болезни он не раз вспоминал свои слова из речи на похоронах Поля и Лауры Лафаргов в 1911 году в Париже: «Если не можешь больше для партии работать, надо уметь посмотреть правде в глаза и умереть так, как Лафарги», то есть добровольно уйти из жизни. Но почему-то эта ленинская мысль не трансформировалась в очередную сверхидею.

Хотя слухи о желании Ленина отравиться бытовали. Об этом, например, утверждал в одной из своих статей Троцкий.

В частности, он писал: «Во время второго заболевания Ленина, видимо в феврале 1923 года, Сталин на собрании членов Политбюро (Зиновьева, Каменева и автора этих строк) после удаления секретаря сообщил, что Ильич вызвал его неожиданно к себе и потребовал доставить ему яду.

Он снова терял способность речи, считал свое положение безнадежным, предвидел близость нового удара, не верил врачам, которых без труда уловил на противоречиях, сохранял полную ясность мысли и невыносимо мучился...

Помню, насколько необычным, загадочным, не соответствующим обстоятельствам показалось мне лицо Сталина. Просьба, которую он передавал, имела трагический характер; на лице его застыла полуулыбка, точно на маске.

— Не может быть, разумеется, и речи о выполнении этой просьбы! — воскликнул я...

— Я говорил ему все это, — не без досады возразил Сталин, — но он только отмахивается. Мучается старик. Хочет, говорит, иметь яд при себе ... прибегнет, если убедится в безнадежности своего положения».

Троцкий, правда, говорит, что Сталин мог все это и выдумать.

Однако этот эпизод подтверждается одной из секретарш Ленина, которая в 60-е годы рассказывала писателю А.Беку о том, что Ленин действительно пролил у Сталина яд.

Свидетельства других очевидцев придают слухам иную направленность: не Ленин хотел отравиться, а его самого отравили. Так, один из врачей — Гавриил Волков, арестованный вскоре после смерти Ленина, рассказал своей сокамернице Елизавет Лесото, что утром 21 января он оказался в комнате Ленина. Увидев Волкова, Ленин попытался приподняться, протянул к Волкову обе руки, но силы оставили его, он рухнул на подушки, и из его руки выскользнул клочок бумаги. Едва Волков успел его спрятать, как вошел доктор Елистратов и, чтобы успокоить больного, сделал ему укол. Ленин затих, глаза его закрылись — как оказалось, навсегда. Только к вечеру Волкову удалось прочесть нацарапанную рукой умирающего записку: «Гаврилушка, я отравлен ... вызови немедленно Надю ... скажи Троцкому ... скажи всем, кому можешь...».

По мнению В.Соловьева, Ленин был отравлен грибным супом, в который добавили смертельно ядовитый гриб. Поскольку официальных подтверждений не последовало (если бы была особая нужда насильственно уничтожить абсолютно беспомощного Ленина, то, вероятно, не обошлось бы впоследствии без уничтожения всех секретарей и прислуги Ильича), можно считать, что новый Лафарг не состоялся.

Ленин исчез из жизни так же внезапно, как и вознесся, достигнув апогея самого грандиозного революционного подъема во всемирной истории.

То, что он успел реализовать свои замыслы, свидетельствует о сверхъестественной силе убеждения его социальной демагогии. Она очень впечатляла устремлением в светлое будущее, к интернациональному братству пролетариев-люмпенов земного шара.

А в это же время в ином, но столь же активном ключе, объединяя толпы лавочников в националистско-шовинистском угаре, на авансцене истории вспучивалась тоталитарная идеология немецкого национал-социализма.

Странно мутирующее семейство Шикльгуберов из заштатного австрийского городка Браунау-на-Инне, затерявшегося неподалеку от границы с Германией, породило на свет выродка всех времен и народов Адольфа Гитлера, главного «энергоносителя» этой идеологии, чудовищного учения, вдохновившего коричневую чуму фашизма на неслыханные преступления против человечества и собственного народа.

А. Гитлер

Психопатологический феномен Адольфа Гитлера свидетельствует не просто об отклонениях личности от нормы: в сатанинском обличье предстали самые мрачные уродства, извращенчество и вырождение в крайне широком смысле, со зловещими знаками физической и умственной ущербности, мистического ужаса и склонности к преступлениям. Все это слилось в мутном потоке общего нравственного помешательства.

Со временем, когда улеглись страсти, появились работы о самочувствии фюрера с претензией на объективность. Английский историк Дэвид Ирвинг, капитально проштудировав огромное количество трофейных немецких документов, пришел к убедительному (для себя) выводу, что Гитлер не был ни параноиком, ни шизофреником, ни паркинсоником, не страдал какими-либо сексуальными отклонениями, в том числе и импотенцией, а был просто чудачком, принимавшим до 150 таблеток в неделю, не считая многочисленных инъекций, попивавшим микстуры (28 наименований), составленные из отнюдь не безобидных снадобий.

Весной 1945 года, заключает Ирвинг, Гитлер «не был, собственно, болен, хотя и был совершенно опустошен и превратился в развалину. Несомненно также, что Морель (профессор медицины, лейб-медик фюрера) искусственно взбадривал своего пациента, мобилизуя все его физические ресурсы с помощью таблеток стрихнина, вливания глюкозы, витаминов, гормональных препаратов, вдыхания чистого кислорода, что в конце концов привело к тотальному истощению его организма. Но не более».

Парадокс, однако, заключается в том, что «чудака» до последнего вдоха обуревало фанатичное стремление, подхлестывала дьявольская воля к утверждению над миром «огнем и мечом» господства своего нацистского режима.

А в случае неудачи — людоедское стремление утащить с собой в могилу даже собственный народ...

Такова сила нравственного вырождения. К несчастью, у ненормальных субъектов типа Гитлера аномальные изъяны личностного психического склада чреваты большой бедой. Последствия любых физических недостатков и уродств невозможно сравнить по негативным результатам с продукцией ущербной психики. Болезненно возбужденная мысль почти всегда ведет к непредсказуемости. Очень легко забываются, а в дальнейшем могут полностью отсутствовать чувства нравственности и справедливости.

В энергетике зла и насилия не существует никаких законов, приличий и стыда. С величайшим спокойствием и самодовольством совершаются преступления и зазорные поступки для того только, чтоб удовлетворить минутное влечение, склонности, каприз. Надуманное теоретизирование, вплоть до философии абсурда, произвольно смешивает добро и зло, добродетель и порок, превозносит злодеев и их преступления, открывает мнимые красоты в вульгарном и отталкивающем, внушает самое немислимое, одухотворяет темные влечения животного инстинкта.

Психологические источники нравственного помешательства во всех степенях его развития заключаются в сильно развитом эгоизме и непреодолимых влечениях, то есть неспособности противиться внутренним порывам, побуждающим к каверзным действиям. Истерические стигмы поддерживают возбуждаемость, переходящую в волнение, дрожь, экстаз по самому разному поводу, будь то беснование разъяренной толпы или наплыв параноических идей. Впечатлительную личность потрясают даже эпизоды менее содержательные: восторг может вызвать самая заурядная картина или статуя, музыкальное произведение, как бы ни были они бездарны. При этом восторженный маньяк гордится тем, что у него такая впечатлительная натура, хвастает, что все его существо потрясено до основания, что он ощущает красоту искусства до мозга костей, в то время как обыкновенным смертным такое понимание смысла творчества вовсе недоступно.

Макропроцессы, концентрирующие всю человеческую мерзость в одном субъекте вырождения, вполне обозримы на примере оценки фигуры Гитлера с позиций современной психиатрии. Жестокая, тираническая натура фюрера, со всеми основными критериями параноидной личности, наглядно выразилась в его психопатическом характере и склонности к истерическим формам реагирования. Интересно отметить, что условия существования психопатической личности почти всегда складывались так, что внутренние и внешние факторы только обостряли нарастающее расстройство, делали из обычной деградации личности сложное и многоплановое явление. Так продолжалось от рождения до смерти.

Адольф Гитлер был третьим сыном от третьего брака мелкого австрийского чиновника, незаконнорожденного, до 39 лет носившего материнскую фамилию Шикльгрубер. Предки будущего вождя германской нации на протяжении поколений обитали в Вальдфиртеле — захолустном районе Нижней Австрии, где родственные браки были привычным делом. Отец Гитлера — Алоис Шикльгрубер-

Гитлер доводился его матери Кларе Пельцль двоюродным братом и был на 23 года старше. То, что перезрелый педант и деспот уживался со своей забитой родственницей, являлось заслугой именно ее фамильной традиции.

Быт родственников по материнской линии отличался стабильностью: четыре поколения семьи Клары Пельцль жили в одном и том же доме. Предки же по отцовской линии нередко грешили непостоянством: они частенько переезжали из деревни в деревню, меняли работу, проявляли по отношению к женщинам некоторое легкомыслие и не особенно дорожили прочными узами.

Так, дед Адольфа — Иоганн Георг Гидлер, бродячий мельник, после смерти жены внезапно исчез, о нем ничего не было слышно в течение тридцати лет, после чего он в возрасте 84 лет снова объявился, чтобы зафиксировать свое запоздалое отцовство.

Даже этих скудных сведений о генетической основе (по указанию Гитлера подробности родословной не предавались излишней огласке, а многие материалы были вообще уничтожены) достаточно, чтобы представить питательную среду вырождения — кровосмешение, психопатические признаки у ближайших родственников. С точки зрения любого психиатра, сегодня уже нет особых сомнений, что в подростковом возрасте Гитлер перенес психическое или поведенческое расстройство, давшее толчок его дальнейшему ненормальному развитию. Началось еще в школе.

«Мне едва исполнилось одиннадцать, — рассказывал впоследствии бесноватый, — когда я впервые был вынужден сказать «нет» собственному отцу... Я не хотел быть чиновником».

Невеселая история непримиримой борьбы мальчика, по сути еще ребенка, с упрямым и, как он уверяет, деспотичным отцом — один из немногих эпизодов биографии, подробно и откровенно описанных в «Майн кампф». Этот конфликт стал, по существу, первым проявлением необузданной силы воли, которая впоследствии завела его так далеко.

«Я не хотел быть чиновником. Нет и еще раз нет! Все старания отца привить мне любовь и уважение к этой профессии, примеры из его собственной жизни имели совершенно противоположный эффект.

Меня ... тошнило от одной мысли, что придется сидеть в конторе, не располагая свободой и собственным временем, сведя цель жизни к заполнению бумажных формуляров...

В один прекрасный день я понял, что стану художником... Отец мой лишился дара речи.

— Художником? Ему показалось, что я не в своем уме, или, может, он считал, что ослышался и неправильно меня понял. Когда же отец выяснил, о чем идет речь и осознал всю серьезность моих намерений, он в свойственной ему категоричной манере стал возражать...

— Художником? Нет! Никогда, пока я жив!...

Отец долго повторял свое «никогда». А я тем не менее настаивал...».

До конфликта с отцом оценки ученика начальной школы были в целом хорошими. Но в средней школе нахлынувшие мысли и образы вольного художника оттеснили на задний план разную, по его выражению, «чепуху» предметов учебной программы.

Эдуард Хюмер, один из учителей Гитлера, впоследствии набросал портрет своего бывшего питомца: «Гитлер, безусловно, был способным учеником, хотя способности его проявлялись по отдельным предметам. Ему не хватало самоконтроля, поэтому, мягко говоря, его считали спорщиком, деспотичным, самонадеянным, невыдержанным, не подчиняющимся школьной дисциплине. Усердием он также не отличался, иначе добился бы лучших результатов, принимая во внимание его способности».

По отзывам друзей детства, Гитлер в этот период выглядел болезненным (в 16 лет он перенес легочную болезнь), бледным и худощавым юношей, обычно робким и скрытным, с ним всегда мог внезапно случиться истерический припадок, если ему особенно перечили. Упреков он, по-видимому, наслушался немало от старших и сверстников, учеба шла все хуже и хуже, пока, наконец, самонадеянный спорщик, не доучившись, бросил школу. Но доказывать свою правоту о несовершенстве системы образования готов был до истерики, ибо школьные неудачи не давали покоя остервенелому фанатику даже в зрелом возрасте, когда он всячески высмеивал ученых мужей, их степени, дипломы, тщеславие и высокомерие. Так, например, в последние три-четыре года своей жизни, находясь в ставке верховного главнокомандования и вдаваясь в тонкости военной стратегии и тактики, он иногда откладывал все дела и вместе со старыми друзьями по партии предавался воспоминаниям о недалекости учителей, насаливших ему в юности. Некоторые высказывания безумца дошли до наших дней.

«Вспоминая своих учителей, я понимаю, что у большинства из них было не все в порядке с психикой».

3 марта 1942 г.

«Самые неприятные воспоминания остались у меня об учителях, преподававших в школе. Внешний вид говорил об их нечистоплотности, воротнички

всегда казались несвежими. Они были порождением пролетариата, лишенного способности мыслить самостоятельно, их отличало крайнее невежество. ...»

12 апреля 1942 г.

«Вспоминая своих школьных учителей, я сознаю, что половина из них были людьми ненормальными ... мы были безжалостны по отношению к нашим преподавателям, они являлись для нас настоящими врагами. Большинство были умственно неполноценными, и многие к концу жизни превратились в настоящих безумцев...»

29 августа 1942 г.

«Наши учителя были настоящими тиранами. К молодежи они не испытывали никакой симпатии. Их единственная цель состояла в том, чтобы вбить нам в голову разную чепуху и превратить в таких же ученых обезьян, какими были они сами».

7 сентября 1942 г.

Школьные злоключения привнесли критическую дозу патопсихической энергии в структуру прогрессирующего психопатоподобного состояния.

Начальные личностные изменения с переоценкой собственного «Я» и истерические реакции сделали свое дело: инерция поведенческих отклонений приняла характер необратимой тенденции.

Накопленного за годы учебы и ранней юности психоаномального потенциала оказалось вполне достаточно для серьезного душевного расстройства, которое и произошло у Гитлера в молодые годы. Речь идет о самом мрачном, по его словам, периоде жизни — нищета и крушение надежд.

В возрасте 18 лет Гитлер провалился на вступительных экзаменах в Венской академии изящных искусств. Через год он предпринял еще одну попытку поступить в академию, но на этот раз его рисунки оказались настолько плохи, что его даже не допустили до экзаменов. На молодого человека с большими амбициями неудача обрушилась, как гром среди ясного неба. Он был твердо уверен, что добьется успеха. Описывая это, Гитлер упоминает, что потребовал объяснения от ректора академии.

«Этот господин заверил меня в том, что представленные работы со всей очевидностью свидетельствуют, что у меня нет склонности к рисованию и мне лучше попробовать себя в архитектуре». Совет ректора оказался бесполезным, у ретивого абитуриента отсутствовал аттестат об окончании школы, поэтому о поступлении в архитектурный институт не могло быть и речи. Тем временем девятнадцатилетнего юношу ожидал новый страшный удар: умерла мать, и ее

внезапная кончина положила конец всем далеко идущим планам. Гитлер, молодой человек без гроша за душой, перебрался в Вену, где фактически опустился на «дно» жизни. Амбиции были оставлены, попытки продолжить образование не предпринимались, хотя возможности для этого еще имелись, волнения и заботы о приобретении профессии и постоянной работы тоже как-то сами собой улеглись.

Гитлер предпочел перебиваться случайными заработками: убирал снег, выбивал ковры, подрабатывал носильщиком или нанимался на несколько дней строительным разнорабочим. В ноябре 1909 года, почти год спустя после приезда в Вену «в надежде на лучшую судьбу», он был вынужден съехать из меблированной комнаты и почти четыре года обитал в ночлежках или убогих мужских общежитиях. Голод он утолял похлебкой, которую раздавали на благотворительных кухнях.

Неудивительно, что почти два десятилетия спустя Гитлер писал:

«С Веной — городом, который для многих является воплощением беспечных радостей, излюбленным местом развлечений, у меня, к сожалению, связаны воспоминания о самом печальном периоде моей жизни. Даже сегодня этот город не вызывает у меня ничего, кроме мрачных мыслей. Вена ассоциируется в моем воображении с пятью годами невзгод и лишений. Пять лет я был вынужден зарабатывать себе на жизнь сначала в качестве поденного рабочего, затем — скромного художника; скудного заработка не хватало даже на то, чтобы каждый день утолять голод».

Рассказывая об этом периоде своей жизни, Гитлер подчеркивал, что постоянно недоедал:

«Голод в те годы был со мной неразлучен, словно преданный охранник, ни на минуту не оставляя меня и поглощая все, что у меня было... Жизнь представляла собой вечную борьбу с этим безжалостным другом».

Голод, однако, не заставил его искать постоянное место работы, в «Майн кампф» Гитлер поясняет, что им владел мучительный страх мелкого буржуа скатиться до уровня пролетариата, выполняющего физическую работу. А он хотел походить на человека богемы.

Те, кто знал с Гитлером в его скитальческой жизни в Вене, вспоминали впоследствии, что он носил длинное, до пят, потертое пальто черного цвета, похожее на кафтан, подаренное ему венгерским евреем, торговавшим подержанными вещами, вместе с которым Гитлер влачил тоскливые дни в мужском общежитии. Рассказывали, что Адольф круглый год не снимал с головы грязную

жокейскую кепку. Спутанные волосы, зачесанные на лоб, как в более поздние года, лохмами спадали сзади на несвежий воротничок. Гитлер редко стригся и брился, черная щетина постоянно проступала на щеках и подбородке.

«Мне кажется, — заметил Гитлер впоследствии в «Майн кампф», — что мои знакомые того времени считали меня эксцентричным». Как и его учителя, они запомнили у Гитлера вызывающе пристальный взгляд, выражающий нечто присущее неординарной личности и никак не вязавшийся с жалким обликом немывтого бродяги. Они вспоминали, что молодой человек, несмотря на всю свою леность, когда дело касалось физического труда, не считался с временем и настроением, если предметом его занятий были рисование или чтение.

Он рисовал маленькие аляповатые картинки с видами Вены, известные всем достопримечательности столицы: собор святого Стефана, оперу, Бургтеатр, дворец в Шенбрунне или римские развалины в парке Шенбрунна.

Знакомые уверяли, что Адольф копировал виды с картин старых мастеров, с натуры он, по-видимому, рисовать не умел. Рисунки его ходульны и безжизненны, словно черновые наброски начинающего архитектора, а человеческие фигуры, которые он иногда изображал на фоне зданий, настолько плохи, что напоминают персонажи комиксов. Не очень лестны и сохранившиеся отзывы на эти художества: «Мало лиц. Аляповато. Ужасное лицо. . . Они стояли как крошечные набитые мешки и не вписывались в торжественно-праздничное убранство дворцов...» Сотни жалких картинок предназначались в основном для украшения стен или мебели непритязательных мещан. Гитлер не пренебрегал и чисто коммерческими заказами, рисовал рекламные плакаты для лавочников: бесконечные деда-морозы, продающие ярко раскрашенные свечи, готические шпили собора над грудой кусков мыла — верх той «художественности», которая тем не менее до последних дней взбадривала эмоции фюрера, считавшего себя художником.

Эмоционально-интуитивные перепады, связанные с процессом рисования, перемежались с интуитивно-мыслительным процессом познавательного чтения. Прочих побуждений, свойственных молодому возрасту, а также пороков (выбор оптимальной профессиональной ориентации, социальное обустройство, сексуальная озабоченность, вредные привычки вроде алкоголя или курения) практически не было. За книгой проводилась большая часть времени. Об искусстве чтения Гитлер любил порассуждать: «...человек, владеющий искусством правильного чтения ... тотчас подсознательно отбирает все, что, по его мнению, заслуживает твердого запоминания, поскольку это либо соответствует его цели, либо

содержит полезные сведения... Искусство чтения, так же как и самого процесса обучения, состоит в следующем: запомнить главное и забыть все лишнее... ». Вероятно, начитанный бродяга забыл больше чем нужно из таких категорий, как мораль и нравственность, когда впоследствии осуществлял свои бредовые идеи. А пока в расстроенном сознании запоминалось все, что было окрашено пред-рассудками, что придавало не отличавшимся глубиной и всесторонностью идеям гротесковый и нелепый характер.

Таким образом, венский период жизни Гитлера не просто осложнил его личностное расстройство, налицо проявились явные признаки душевной патологии. Причем расстройство душевного здоровья достигло критической отметки. Чудаковатое поведение, аномалии мышления и эмоций развернулись в полномасштабную картину шизотимического расстройства. Сдержанные аффекты, эмоциональная отрешенность и холодность, эксцентричность и странности, некоммуникабельность с тенденцией к социальной отгороженности подвели личность будущего фюрера к последней черте, за которой следовали либо необратимый психоз, либо новая динамика с изменением реальности под себя.

Известно, что исход наступил по последнему варианту. Параноидные идеи, проповедуемые в ночлежках и общежитиях, оказали не просто суггестивное побуждение на субкультурное окружение, они, наоборот, упрочили обратную связь и не довели до окончательного распада нарциссическую личность.

Чтение, все больше подкреплявшее странные убеждения Гитлера, окончательно в этот период переориентировало его на соблазны магического мышления. Бредоподобная идеология, получив, наконец, направляющий импульс в сферу переустройства среды, стала набирать ход, наращивать свой вектор за счет вседозволенности, лжи, мистики, нелепостей, квази-эффетов.

Однако вся эта деятельность так бы и осталась балаганом, не будь благоприятного стечения исторических обстоятельств.

Мы уже ранее упоминали, что общественные кризисы — самый возможный выход для потенций политических лидеров, кто воплощает свои грандиозные фантазии, изменяя существующую реальность. Если они обладают способностью увлечь и организовать массы, они могут заставить реальность соответствовать своим мечтам. Нередко демагог, стоящий по эту сторону границы, за которой уже начинается психоз, спасает себя от безумия, заставляя считать «нормальными» идеи, которые еще вчера расценивались как «бред».

Тем самым он руководствуется в своей политической борьбе не только жадой власти, но также стремлением спастись от безумия.

Стоит ли удивляться, что начало первой мировой войны стало для Гитлера подарком судьбы. Он благодарил небеса, пославшие ему это бедствие, ибо оно разом избавило его от необходимости решать, что ему делать. Война разразилась в тот самый момент, когда он уже не мог скрывать от самого себя свою несостоятельность как художника. Война избавила его от унижения и подарила ему чувство законной гордости от сознания собственного героизма. Гитлер получал боевые награды, отстаивая как солдат в смертельной схватке ценности национализма.

Теперь он мог всецело отдаться терзавшим его страстям: быть разрушителем (вплоть до некрофилии) и победителем. В своей жизни Гитлер как бы поднимался по ступенькам, неудач: нерадивый учащийся, исключенный из средней школы, провалившийся на экзаменах абитуриент, изгой, отлученный от своего общественного класса, неудавшийся художник — каждое поражение все глубже ранило его нарциссизм, все больше его унижало. И с каждой неудачей он все дальше уходил в мир фантазии. В нем нарастала ненависть, крепло желание мстить, развивалась некрофилия, уходившая корнями, по-видимому, еще в детские злокачественные инцестуальные наклонности.

Война как будто положила конец полосе неудач, но она закончилась новыми унижительными событиями: поражением кайзеровской Германии и победой революции. Однако на сей раз Гитлер имел возможность превратить свое унижение в поражение и унижение нации. Это позволяло забыть о личных неудачах. Не он пал и был втопан в грязь, но — Германия. Месть за фатерланд была личной местью. Спасение отечества стало личным спасением. Смывая позор страны и народа, он смывал свой собственный позор. Теперь он знал свою цель: стать великим демагогом. Не художником, нет. Он нашел иную область, где у него был подлинный дар и где он мог по-настоящему рассчитывать на успех.

Гитлер своего добился: он поднялся на вершину власти, создал прочный тоталитарный режим, вызвал небывалый ажиотаж в массах немецких обывателей, приступил к переделу мира. Невероятно, но вся эта безумная деятельность стала следствием постпроцессуального патологического развития личности, изначально отмеченной родимыми пятнами вырождения. Сила нравственного извращения до конца сохраняла эффект невиданной пробойности, несмотря на углубляющиеся дефекты в психосоматической основе. Казалось, будто какое-то дьявольское ноу-хау в моменты запредельного напряжения удерживало личность на плаву, не давало ей рассыпаться. Этим сакральным секретом, по мнению современной психиатрии, является процесс шизотимического осмысления

Гитлером той реальности, которую он преображал в своих интересах. Мыслительная энергетика, струясь в замысловатой комбинаторике анализа и синтеза, зловеще сгушалась в пунктах акцентуации на идее имперского величия и нового мирового порядка. Здесь клокотали эмоции, подогревались страсти, извергались потоки слов, мысли срывались с опор логических фиксаций и уносились в безбрежье мистики.

В такие моменты остальное разумное пространство личности оставалось как бы без признаков жизнедеятельности. Забытыми, безжизненными и опустошенными оказывались сферы высокой морали и гуманистической изначальности. Энергетический провал достигал уровня психологических комплексов, которые только одни и соцернировали спорадические и бессвязные самовыявления аномальных фактур в дочеловеческом поле зрения.

Достигнутый предел психологической ущербности в свою очередь играл роль сжатой пружины, которая концентрировала и преобразовывала силу психологического сжатия в неимоверную жажду власти. И эта жажда повелевать судьбами миллионов людей толкала личность на самые безумные авантюры. Мистика и необъятная власть напрочь изгоняли понятия о границах и пределах возможного. Существо превращало себя в мессию и приступало к переустройству мира на основе собственных мессианских идей.

Таковы принципиальные возможности шизотимического мышления.

И в конкретном случае с Гитлером проекция подобных мыслительных процессов на живую действительность, реализация этой мыслительной продукции привели к неисчислимым бедам. Вместе с тем интерес представляет проблема обратной связи, то есть выявление роли социальной среды в активации шизотимического мышления, ведь Гитлер осмысливал не пустоту и не на песке построил свое мировоззрение.

Микроб коричневой чумы зашевелился, отведав соков такой своеобразной питательной среды, какую представлял собой пласт немецкого национального и культурного сознания на историческом этапе воссоединения Германии в конце XIX века по методу Бисмарка — «железом и кровью». Отбросив по привычке все ненужное, Гитлер быстро отыскал там источники собственного мирозерцания, замутил их своей демагогией и получил в конце концов оглупляющую тину мистицизма, которую и выплеснул в массы. Динамику активации шизотимического осмысления определяли эмоциональные и мыслительные составляющие.

В эмоциональной сфере активация шла от стихии цвета и музыки. Как художник и колорист сам Гитлер не знал себе равных. Поэтому здесь он напрочь

отбросил условности, регламентированные канонами школ живописи, утвердил свою манеру исполнения и никогда не принимал в расчет достижения каких-то авторитетов.

В дальнейшем, будучи облечен властью, он требовал от мастеров кисти умения воплотить достойно образы имперского стиля, наглядно преподнести грандиозность великих свершений.

Что, впрочем, относилось и к творчеству архитекторов: сохранились, например, утвержденные им планы по перестройке города Линца (там проживал в молодости фюрер) с возведением монументальных ансамблей площадей и зданий, олицетворяющих стиль новой эпохи.

Родник живительных эмоций, взбадривающих тягу к искусствам, не иссякал в душе Гитлера до конца дней. И с каждой эмоцией идеи величия получали новый толчок, ориентировали сознание преимущественно на категории мирового масштаба.

А вот музыкальное сопровождение своего демагогического потока вождь нации подобрал из классического немецкого репертуара. Поскольку сам Гитлер ничего не понимал в нотной грамоте, он выбрал в качестве музыкального идола третьего рейха композитора Рихарда Вагнера. Выбор был не случаен.

Об этом свидетельствует, например, оценка, которую дал великому маэстро известный психолог Макс Нордау в книге «Вырождение»:

«В одном Рихарде Вагнере соединено более психопатических элементов, чем во всех остальных, вместе взятых, выродившихся субъектах, которых мы до сих пор изучали. Признаки вырождения у него так ясно выражены, что становится страшно за человека.

Мания преследования, горделивое помешательство, мистицизм, туманная любовь к человечеству, анархизм, страсть к протесту и противоречию, графомания, бессвязность, непоследовательность, склонность к глупым островам, эротомания, религиозный бред — всем этим проникнуты его писание, стремления и душевное состояние.

Об его мании преследования свидетельствует новейший его биограф и друг Фердинанд Прегер.

Он рассказывает, что Вагнер в течение десятилетий был убежден, что евреи сговорились не допускать постановки его опер. Эта безумная мысль возникла в нем под влиянием его яркого антисемитизма. Его мания величия, как хорошо всем известно, так ярко выразилась в его литературных произведениях, речах и образе жизни, что простого указания на нее вполне достаточно.

Впрочем, усилению ее значительно содействовало сумасбродное поведение окружающих его людей».

Если даже отбросить крайние суждения автора — ученика Ломброзо — о личности Вагнера, он был безусловно прав, акцентируя внимание на роли благодарных слушателей в успехе вагнеровской музыки. Истеричность Вагнера слилась в унисон с общегерманской истеричностью в условиях особого исторического этапа в жизни Германии.

Воссоединение страны, успешные войны, одичание народных масс в связи с ростом числа лиц с неуравновешенной психикой как следствие нервных потрясений в боевых походах — все это создавало особую восприимчивость музыкальных творений, будивших сознание духом германского величия.

Лучшие произведения Вагнера на основе народного эпоса — все эти песни дочерей Рейна, скачки валькирий, чары огня, идиллии Зигфрида — пользовались ошеломляющим успехом.

Подобно живописцу, композитор с исполинской силой воплощал в звуках огненные краски арийских миров. Он вызывал необычайное душевное волнение от звуков и шумов первобытной природы то подражая им, то возбуждая представления о них. На слушателей в непривычной, перманентно возбуждающей тональности обрушивались рокот волн, шум листвы, хоры лесных птиц, бешеный топот фыркающих коней, всполохи пламени, телодвижения танцующих роскошных женщин. Правда, громадное большинство фанатиков в этой музыке ничего не смыслило. Душевное волнение, которое они испытывали, слушая творения своего кумира, вызывалось не певцами и оркестром, а отчасти роскошной постановкой, а также бредом, с которым они приходили в театр, признавая Вагнера своим передовым бойцом и глашатаем.

Вагнеровская музыка посвятила немецких истеричных и бесноватых субъектов в сладостные тайны шовинизма, героического лечения самой природой, она ускоряла восторженное биение сердец в предвкушении вседозволенности акций антисемитизма. Сама музыка, несомненно, вдохновляла, а сильные оркестровые эффекты могли даже повергнуть в гипноз. Бесконечная мелодия вполне соответствовала беспорядочной мечтательности толпы. Скользящий речитатив без начала и конца не требовал напряжения ума, ибо так называемыми лейтмотивами большинство слушателей очень мало интересовалось.

Речитатив их убаюкивал, уносил в туманную даль, а когда они просыпались, в уме не оставалось никаких воспоминаний, умственной работы не требовалось, и все дело ограничивалось принятием горячей звуковой ванны.

Нетрудно представить, что все психопатоподобное существо Гитлера притянулось к музыке Вагнера, как железные опилки к магниту. Вряд ли он здраво рассуждал о каких-то нюансах в творчестве композитора или осмысливал их. Расстроенное воображение на всплеске эмоций приносило ощущение демонической всепоглощающей силы. Это расценивалось, как эффект нарастающего влияния энергии иррационального начала идеи особой избранности германской нации, закодированной в музыкальных образах опер Вагнера (оперный цикл «Кольцо Нибелунгов»).

Поэтому такое искусство было признано национальным наряду с конъюнктурно отобранными произведениями фольклора и официальными партийными песнями.

В минуты, когда со звуками вагнеровского гимна древнегерманскому язычеству в душе фюрера вздымался бурный эмоциональный вал, сознание напрочь утрачивало какую-либо логику и замирало в преддверии очередного мистического озарения. Прочим оставалось после этого только ждать новой всемирно-исторической беды.

Мыслительный процесс у Гитлера, какими бы бессистемными ни были его знания, протекал таким образом, что сознание доморощенного мыслителя очень быстро пропиталось манией величия идей германских политиков, историков и философов XIX века.

Механизм шизотимического переосмысления концентрировал и сгущал самые невероятные и противоречивые положения различных идеологов, лишь бы они оправдывали имперское и национальное могущество.

Накопление и отбор исторического материала очень быстро, например, выявили апологетику Бисмарка. Второй рейх «железного канцлера», несмотря на имеющиеся ошибки и «страшное разлагающее влияние», был для Гитлера величественным творением, в котором немцы наконец осознали самих себя.

«Разве не Германия, — указывается в «Майн кампф», — первая среди других стран являет собой замечательный пример империи, которая создана исключительно на основе политики силы?»

Пруссия, положившая начало становлению империи, возникла в результате блистательного героизма, а не финансовых операций и коммерческих сделок...

Государство Бисмарка создали не дезертиры и бездельники, а полки, сражавшиеся на фронтах.

Это замечательное явление и заряд внутренней энергии создали вокруг рейха ореол исторической славы...»

Самообразование венского бродяги, едва преодолевшего шизофренический шуб, породило навязчивый рой мыслей, бушевавших его: прославление войны и завоеваний, абсолютная власть авторитарного государства, вера в германцев как в высшую расу, ненависть к евреям и славянам, презрение к демократии и гуманизму.

Эти взгляды не новы и не принадлежали Гитлеру, хотя впоследствии способности применения их были разработаны именно им. Подобные воззрения исходили от довольно странной плеяды образованных, но непоследовательных философов, историков и просветителей, которые владели умами немцев.

Это, как оказалось, имело губительные последствия не только для самих немцев, но и для большей части всего человечества.

С учениями ряда авторитетов Гитлер зачастую знакомился из вторых рук, слышал о них, например, от такого бестолкового псевдофилософа, как Альфред Розенберг, или от своего друга, пьяного поэта Дитриха Экарта, подхватывал эти воззрения с лихорадочным восторгом неопита.

Так было воспринято им откровение Фихте. Согласно ему романские народности (в особенности французы) и евреи являются упадническими расами. Только германской нации дарована способность возродиться. Немецкий язык Фихте считал самым чистым и наиболее самобытным. Под руководством немцев начнется расцвет новой исторической эпохи. Такова воля Всевышнего. Всем будет руководить Элита, свободная от каких-либо моральных ограничений, свойственных индивидуумам.

Некоторые из этих идей Гитлер изложил в «Майн кампф».

Преемник Фихте в Берлинском университете Гегель в своих философских трудах также возвеличивал роль государства. Согласно его утонченной диалектике государство как верховная власть есть все или почти все в жизни человека. Он утверждал также, что государство — высшее проявление «мирового духа», «мораль вселенной»; оно олицетворяет актуальность этической идеи, этической мысли как формы самосознания; государство безраздельно властвует над индивидуумом, высший долг которого состоит в том, чтобы быть членом государства, ибо право мирового духа выше всех особых привилегий.

Как же тогда следовало рассматривать счастье отдельного человека на земле? Гегель отвечает, что «мировая история — это не империя счастья». Периоды счастья, по заявлению философа, — это пустые страницы истории, поскольку они отражают периоды согласия, когда отсутствуют конфликты. Война является великим чистилищем. По мнению Гегеля; она содействует этическому здоровью

народов, развращенных долгой жизнью в мире, подобно тому, как порывы ветра освобождают море от нечистот, накопившихся за время затаившегося штиля.

Традиционные понятия морали и этики не должны препятствовать ни высшему государству, ни «героям», которые возглавляют его. Согласно учению Гегеля, мировая история возвышается над всем остальным. Неуместные моральные устои не следует противопоставлять деяниям и свершениям, имеющим историческое значение. Раболепие перед личной добродетелью — скромностью, смирением, филантропией, терпением — не должно мешать им. Такая мощная сила (государство) растопчет множество невинных цветков, сотрет в порошок многих, вставших на его пути.

Гегель предсказывал, что такое государство будет создано в Германии, когда она вновь обретет дарованную ей Всевышним силу. Он предвидел, что «час Германии» пробьет и ее великой миссией станет возрождение мира.

Читая Гегеля, можно понять, какое вдохновение черпал Гитлер в его трудах, хотя был знаком с этими учениями лишь понаслышке. Следует особо подчеркнуть, что Гегель своей теорией «героев» — этих великих личностей, которым таинственное провидение вверило исполнение «воли мирового духа», вселил в Гитлера всепоглощающую уверенность в собственной миссии.

Гегеля в подобных вопросах превзошел профессор истории Берлинского университета в последней четверти XIX века Генрих фон Трейчке. Влияние Трейчке на мировоззрение немцев не только в это время, но и вплоть до правления Гитлера, было очень велико.

Подобно Гегелю, он восхвалял государство и рассматривал его как высшую власть, однако формулировал свои взгляды более однозначно: народу, отдельным субъектам в стране отводилось места не больше, чем рабам.

«Неважно, что вы думаете, — заявлял философ, — до тех пор, пока вы подчиняетесь». Профессор провозгласил войну высочайшим проявлением человеческой личности.

В его представлении военная слава является основой всех политических достоинств, а проповедь мира, по его словам, позорна и аморальна:

«Война есть не только политическая необходимость, — убеждал Трейчке, — но и теоретическая неизбежность, логический вывод. Концепция государства предопределяет концепцию войны, ибо суть государства — в его власти... Надежда на то, что война навсегда будет запрещена в мире, является не только абсурдной, но и глубоко безнравственной. Это привело бы к искоренению многих важных и возвышенных порывов человеческой души... Народ, оказавшийся

во власти химеры — неосуществимой мечты о вечном мире, неизбежно будет деградировать и останется в полном одиночестве».

Витание подобных идей вокруг гипертимной личности Гитлера не проходило даром. Зерна зла падали на благодатную почву и прорастали зловещими всходами. Настроение все чаще бывало приподнятым неадекватно обстоятельствам и могло варьировать от беспечной веселости до почти неконтролируемого возбуждения. Подъем настроения сопровождался повышенной энергичностью, взвинченной гиперактивностью, безбрежным вербальным половодьем. Постепенно утрачивалось нормальное социальное торможение, внимание отвлекалось и не удерживалось на таких «пустяках», как совесть, честность, добропорядочность. Сознание все чаще концентрировалось в зоне повышенной самооценки, легко высказывались сверхценные идеи величия.

При такой манере личностного поведения отпадала надобность в опоре сознания на логически связанные и упорядоченные системы мышления. Из потока познавательной информации извлекались лишь мысли или наплывы образов, способные резче подхлестнуть воображение, внести качественно новую единицу сумбура в кипение страстей при рождении очередной нелепой идеи.

Ущербность рассудочности и перманентные странности в этой нескончаемой мистерии ненормального творчества наглядно подтверждают необратимость приобретенных Гитлером дефектных изменений психики, что, собственно, и явилось следствием постпроцессуального развития. Творцу хаоса никакая системность была ни к чему.

Барьеры социума с успехом могла преодолеть только сильная избранная личность, подобная той, которую вдохновенно воспел Ницше.

Философию и этику Ницше восторженный почти до буйного помешательства его читатель и почитатель Гитлер воспринимал как оглушительный поток слов, безумный хохот, грозные проклятья, категорические повеления.

Вместе с героями Ницше он корчился в головокружительной пляске, заражался обманом собственных чувств, галлюцинировал наяву. Ницше научил фанатика-ефрейтора не аргументировать. Если выявлялось нечто похожее на выражение, оно тут же осмеивалось или декретировалось как жуткая ложь.

Одно заявление могло моментально вызвать несколько противоположных высказываний, в корне противоречащих первоначальному, и подобная амбивалентность вовсе не смущала заявителя. В пиковые моменты из невероятной мешанины и бессмыслия там и сям вспыхивала ясная мысль, фокусирующая в себе все диктаторские вожделения.

Подобный эффект, характерный для беспокойных душевнобольных, нередко возникал на выражах читательской фантазии, петлявшей в плотных слоях ницшеанского творчества.

Чтобы понять рассуждения Ницше по поводу происхождения современной морали достаточно прочесть его труд «К генеалогии морали».

В начале человеческой цивилизации существовал «хищный зверь, красивое, жаждущее победы и добычи, рыскающее животное».

Эти «пущенные на волю животные не подчинялись никакому социальному принуждению; обладая только совестью дикого зверя, эти чудовища совершали свои подвиги — убийства, разрушения, изнасилования, пытки с такой жизнерадостностью и душевным равновесием, с каким студенты совершают свои проделки. Эти красивые животные составляли благородную породу; они напали на менее благородных, побеждали их и превращали в своих рабов».

«Стадо таких красивых хищных зверей, порода победителей и господ, воинственно организованная, способная к организаторской деятельности, наложив свои ужасные лапы на население, в численном отношении, быть может, гораздо более значительное, но еще бесформенное, еще кочующее, основало государство. Бред о том, что государство основано путем договора, давно кончился.

Тот, кто может повелевать, кто от природы господин, кто проявляет в телодвижениях и действиях склонность к насилию, тот о договорах не заботится».

Согласно этической системе Ницше жестокость является основным инстинктом человека. Свои инстинкты и действия духовно свободная личность ценит по значению, которое они имеют для нее самой, а не для других, не для стада.

Человек делает то, что ему доставляет удовольствие, даже тогда, в особенности тогда, когда это мучает других, вредит другим, даже их уничтожает. Он руководствуется тайным принципом древних: «Нет истины — все дозволено». Руководствуясь этой новой моралью, человечество наконец дойдет до сверхчеловечности: «...самым зрелым плодом его будет всевластный индивид, равный только самому себе, отрешившийся от ходульной нравственности, автономный и сверхнравственный, словом, человек собственной, независимой воли».

По мнению Ницше, самый совершенный человеческий тип — «великолепный хищный зверь», «смеющийся лев», удовлетворяющий все свои страсти, каковы бы они ни были в нравственном отношении. Правда, философ вполне соглашается, что «великолепный хищный зверь» причиняет вред, разрушает и опустошает. Но какое нам дело до толпы? Она ведь существует только для того, чтобы дать развиваться отдельным сверхчеловекам и удовлетворить их самые

дикие потребности. Ницше как будто отрицал за людьми право подразделять человеческие действия, руководствуясь нравственной точкой зрения. «Любите ближнего, как самих себя, но будьте сперва такими людьми, которые сами себя любят», — обозначил он устами Заратустры свое моралистическое кредо и пригласил «свободные умы» занять ту же позицию.

«Свободный ум» Гитлера выказал полнокровное родство с идеями лишившегося в конце концов рассудка немецкого мыслителя Ницше о мировом правлении, придал им в идеологии третьего рейха соответствующий официоз. Нацистские писаки без устали превозносили произведения философа, которые были полны, по выражению Сантаяны, «гениального слабоумия» и «детского богохульства». Гитлер часто посещал музей Ницше в Веймаре; свое благоговение перед философом он выражал тем, что позировал фоторепортерам у бюста любимого мыслителя.

Имелись некоторые основания считать Ницше одним из родоначальников нацистского мировоззрения. Не этот ли философ обрушивался на демократию и парламенты, проповедовал культ власти, превозносил войну и провозглашал появление высшей расы и сверхчеловека? И не стало ли большинство высказанных им мыслей афоризмами? Нацисты с гордостью цитировали Ницше по любому поводу.

По вопросам христианства:

«Великое богохульство, чудовищное и глубочайшее извращение... Я рассматриваю его, как вечное проклятие человечества... Христианство значит не больше типичного учения социалистов».

По вопросам государства, власти и внутреннего мира человека:

«Общество никогда не понимало под добродетелью ничего иного, кроме стремления к власти, силе и порядку... Государство являет собой безнравственно слитое воедино... стремление к завоеваниям и мести... Общество не должно существовать ради самого себя, а лишь в качестве фундамента и опоры, с помощью которых избранная раса в состоянии возвыситься до более высоких задач... Не существует таких понятий, как право на жизнь, право на труд, право на счастье: в этом отношении человек ничем не отличается от самых ничтожных рабов».

Обычного человека как личность мыслитель не мог и представить:

«Я хожу среди людей, как среди обломков и отдельных частей человека».

Ну, а женщин Ницше безоговорочно относил к низшей социальной группе, как, впрочем, и нацисты, заявлявшие, что место женщины на кухне, а основное

ее предназначение в жизни — рожать детей немецким воинам. Ницше так излагал эту идею: «Мужчина должен готовиться к войне, а женщина — рожать воинов. Все остальное — глупость».

Философ пошел в своих рассуждениях дальше и в сочинении «Так говорил Заратустра» писал: «Ты идешь к женщине? Не забудь взять плеть!»

В военных вопросах Ницше разделял взгляды большинства немецких философов своего времени. В упомянутом труде о Заратустре он громогласно провозглашал:

«Ты должен возлюбить мир как средство для новой войны, и краткий мир больше, нежели длительный. Я благословляю тебя не трудиться, а сражаться. Я благословляю тебя не на мир, а на войну... Ты говоришь, справедливо ли оправдывать войну? Я же говорю тебе: справедливая война освящает любую цель. Война и мужество совершили больше великих дел, нежели милосердие».

Поэтому Ницше так страстно воспевал сверхчеловека, «великолепную белокурую бестию, алчно жаждущую добычи и побед».

Наконец, в произведениях Ницше содержалось пророчество о появлении элиты, которая станет править миром и дарует нам сверхчеловека. В «Воле к власти» Ницше утверждал: «Набирает силу отважная раса будущих правителей... Задачей будет подготовка ... к появлению сверхчеловека, отмеченного особым интеллектом и силой воли. Этот человек и окружающая его элита станут «правителями Земли».

Подобные рассуждения одного из самых самобытных мыслителей Германии не могли не оставить следа в мировоззрении Гитлера, в основном сумбурном. Во всяком случае, он стал приписывать себе не только мысли Ницше, но и пристрастие философа к преувеличениям, а зачастую и просто его высказывания. Выражение «правители земли» часто встречается в «Майн кампф».

Не вызывает сомнений и то, что в конечном счете Гитлер считал себя тем самым сверхчеловеком, появление которого предсказывал Ницше.

В дьявольском умопомрачении фюрера переплавилось еще немало философских и естественнонаучных идиом, обеспечивших ему необратимый крен от линии нормального человеческого поведения.

Среди них противоестественные расовые доктрины французского дипломата графа Жозефа Артюра де Гобино и английского подданного писателя Хьюстона Стюарта Чемберлена были восприняты Гитлером, как откровение. Он окончательно утвердился в собственном мнении, что предназначенная ему миссия выше закона, что его не может связывать «буржуазная мораль», и приступил

к активным зверствам. Одновременно разум великого вождя последнего великого рейха погрузился в сон.

А наяву, согласно высказываниям Гойи о функции сонного разума, материализовалось чудовище национал-социализма — «...танец святого Витта XX века», — по выражению бывшего нациста Германа Раушнинга. Этот партийный функционер, испытавший на себе воздействие оглупляющей гитлеровской пропаганды, так попытался объяснить феномен Гитлера в духе собственного понимания немецкой «традиции»:

«...Каждый немец стоит одной ногой в Атлантиде, где он ищет лучшую родину и лучшее наследие. Эта двойная природа немцев, эта способность к раздвоению, позволяющая им одновременно жить в реальном мире и проецировать себя в воображаемый мир, в особенности выразилась в Гитлере и дает ключ к пониманию его магического социализма».

Можно, конечно, отбросить и не принимать всерьез подобные эмоциональные экстраполяции, касающиеся психологических особенностей всей немецкой нации, но то, что зараженных коричневой идеологией было более чем достаточно — непреложный факт.

Сам Гитлер, со склонностью к тяжелым аффективным реакциям, вплоть до галлюцинаций воображения, с истериками и филиппиками, активно клубил национал-шовинистический дурман, наполнял головы обывателей токсическим угаром предрассудков и невежественных ориентации.

Его речи поражали окружающих, завораживали внимавших своему вождю, хотя очевидцы утверждали, что только в начале выступления монологи фюрера содержали какой-то смысл, затем начинались выкрики лозунгов и потоки слов, зачастую вообще лишенных смысла.

Следует отметить, что личный пример даже такого сверхнеобычного оратора был ограничен временем, пространством и контингентом слушателей. Поэтому в проведении идей известную роль играло ближайшее окружение Гитлера. Не останавливаясь на роли в этом деле каждого из пестрого ряда нацистских бонз, можно подчеркнуть, что их активность помимо сосредоточенности на основной цели приносила еще и новые добавки в такой своеобразный общий вектор, как усиление отрицательного воздействия на психологию личности своего патрона.

Показательна в этом плане фигура Геббельса.

Доктор Йозеф Геббельс — прирожденный оратор, рейхсминистр пропаганды, гауляйтер Берлина, ближайший соратник и наперсник Гитлера. От прочих

высокопоставленных недоучек нацистской элиты он отличался тем, что был начитан не менее фюрера. Более того, он был знаком с классиками художественной литературы, знал даже творчество Достоевского и Толстого.

Интересно, что почти все, кто стремился постичь феномен фашизма у власти, обязательно концентрируют внимание на Геббельсе, видя в нем показательный тип политического деятеля, выдвинутого тоталитарной идеологией на авансцену истории.

Один из основных признаков такого типа — личные крайности. Геббельс не застрял в раздумьях о ценности морали и добродетелей, он всем своим существом устремился в борьбу, расчищая путь фашистской идее. Без колебаний он записал в своем дневнике «Хайль Гитлер!» и перешел к примечательным подробностям:

«23 июля 1926. Этому человеку можно служить. Так выглядит творец третьего рейха.

24 июля 1926. Шеф говорит о расовых проблемах. Ему невозможно возражать. Это бьет в самую точку. Он гений. Очевидно: он творящее орудие божественной судьбы. Я потрясен им. После ужина мы еще долго сидели в саду, и он проповедовал о новом государстве и как мы его завоюем. Это звучало как пророчество. Там в небе сиял свет, какой не даст ни одна звезда. Знак судьбы?...

25 июля 1926. Шеф продувная бестия... Он балует меня как ребенка. Добрый друг и наставник! ... Вечером: он говорит о будущей архитектурной картине страны совершенно как архитектор. Он рисует картину новой немецкой конституции — совершенно как художник, творец государства. . . Эти дни указали мне путь! Из глубокой тьмы воссияла звезда! Я связан с ним до конца. Исчезли последние сомнения. Германия будет жить! Хайль Гитлер!»

Главное детище Геббельса — его пропаганда.

Такого чудовищного пропагандистского воздействия на умы и чувства людей история еще не знала. Беспредельная ложь, цинизм, лицемерие, извращенное представление о духовном содержании человека, культ предрассудков и грубой силы, насаждение расистской психологии и чувства арийского превосходства — все это мутным потоком круглосуточно врвалось в подавшееся обывательское сознание в течение всего периода нацистского правления.

Термин «геббельсовская пропаганда» навсегда остался синонимом грязных приемов идеологического воздействия средств массовой информации. Свистопляска вокруг очередного фашистского призыва или лозунга не ограничивалась сиюминутной экзальтацией и экстазом.

Страсти толпы разжигали и направленным внушением.

Еще В.М.Бехтерев предупреждал, что постоянное и целенаправленное внушение действует эффективней убеждения. Геббельс подтвердил это своей пропагандистской практикой.

В минуты нервного истощения он находил новую энергию в подогретых им страстях толпы, впавшей в массовый психоз от восприятия его идей. Разжигая страсти, он возгорался сам. И не только сам. Его сатанинская энергия подпитывала бесноватого фюрера. Гитлер и Геббельс с первых мгновений совместного общения ощутили психологическое родство, они еще издали шли навстречу друг другу, обусловили во многом один другого и оба сотворили катастрофу, постигшую немцев и мир.

В тесном общении с недочеловеками признаки деградации высшей нервной деятельности у Гитлера в сфере осмысления происходящего выявились в конце концов довольно четко.

Венцом прогрессирующего постпроцессуального развития его личности можно считать отношение нацистского мессии к оккультным вопросам. И дело здесь даже не в мистических наклонностях или увлечениях арийской символикой и ритуальным «наследием древних германцев».

Дело в том, что Гитлер видел мир иначе, чем подавляющее большинство людей в XX веке. Если бы это не было следствием шизотимического переосмысления сложившегося в природе и обществе порядка вещей, то можно было подумать, что он принадлежал к другой цивилизации. Но Гитлер, начитавшись псевдонаучных рассуждений, в которых он узрел теоретические и концептуальные элементы, пригодные для зарождавшегося фашизма, серьезно и бесповоротно поверил в самое странное.

Земля полая. Мы живем внутри нее.

Звезды — ледяные глыбы. Множество уже упало на землю. Вся история человечества объясняется борьбой между льдом и огнем.

Человек еще не завершен. Он стоит на пороге грандиозной мутации, она даст человеку то могущество, которое древние приписывали богам. И в мире уже существует несколько экземпляров новых людей, явившихся, может быть, из запредельного времени и пространства.

Возможно, есть связи с Властелином мира, «Королем ужаса», царствующим в городе, скрытом где-то на Востоке.

Те, кто подпишут с ним договор, на тысячелетия изменят жизнь на Земле и придадут смысл судьбе человечества...

Вот такой бред, преломившись почти в органическую составляющую сознания Гитлера, определял социальные и политические факты недавней истории.

К сожалению, Германия с той общей атмосферой, которая царила в ней после окончания первой мировой войны, стала подходящим местом для развития и материализации гитлеровских бредней.

Авторитетный историк и один из первых биографов высшего иерарха третьего рейха, Конрад Гейден, писал: «...лучшие из немцев находили пристанище от тягот будничной жизни в извращенном фанатизме, называвшемся «мистицизмом политического движения».

Вряд ли существовала какая-либо другая страна, где происходило такое количество «чудес», встречалось такое множество привидений, столь многие болезни вылечивались магнетизмом, составлялось несметное число гороскопов. Принципы пангерманизма распространялись с быстротой пожара не только среди немцев, но и среди близких им по крови народов. Проповедовалась беспощадная и бескомпромиссная борьба против всего враждебного арийскому духу. Вывихнутое сознание Гитлера придало этим настроениям новый импульс.

Превратившись из романтического мистика в харизматическую фигуру, оказывающую гипнотический эффект на окружающих, Гитлер окончательно поверил в то, что он ступил на порог магического знания, источника его настоящих и будущих успехов. Помрачение сознания состоялось.

Темой, к которой Гитлер постоянно возвращался, стали убеждения о «решающем повороте мира», круговороте времен. Предстоит потрясение планеты, которое мы, непосвященные, не сможем понять во всем его размахе.

Гитлер галлюцинировал наяву, как ясновидящий. Он построил для себя биологическую мистику, или, если угодно, мистическую биологию, образовавшую основу его вдохновения. Он придумал себе личную терминологию. «Логичная дорога ума» означала пренебрежение человека своим божественным призванием. Приобретение магического видения представлялось ему целью человеческой эволюции.

Такие идеи завораживали Гитлера. Он любил погружаться в них. Он не мог объяснить себе чудо своей собственной судьбы иначе, как действием скрытых сил. Он приписывал себе сверхчеловеческое призвание.

Род человеческий, затвердил в своем сознании фюрер, испытывал с самого своего происхождения чудесный циклический опыт. Он проходил испытания, совершенствуясь из тысячелетия в тысячелетие. Солнечный период человека подходит к концу; уже можно различить первые образцы сверхчеловека.

Намечается новая порода, которая должна оттеснить прежнее человечество. Творение не завершено. Человек явно подходит к новой фазе превращения. Прежняя человеческая порода уже вошла в стадию гибели, лишь немногие выживут. Вся творческая сила будет сконцентрирована в новой породе. Две разновидности будут быстро эволюционировать, противостоя друг другу. Одна погибнет, другая разовьется. Она бесконечно далеко превзойдет современного человека.

Чем больше размывались стереотипы нормального сознания, тем сильнее укреплялась вера Гитлера в самого себя, вера в то, что Всевышний избрал его для особой миссии.

Раушнинг приводит довольно типичный разговор между Гитлером и Бернардом Форстером — мужем сестры Фридриха Ницше.

В ходе беседы нацистское божество изрек, что он «пока не может раскрыть смысл своей уникальной миссии. Когда наступит пора, он возвестит приход новой религии. .. Мы не будем больше бояться смерти. Он восстановит человечество в предназначенное ему божественное состояние; люди перестанут чего-либо бояться. Они станут доверять своим инстинктам и перестанут быть жителями двух миров. Они обретут единую, вечную жизнь».

Почти все, наблюдавшие выступления Гитлера, говорили о том, что он часто впадал в состояние, напоминающее транс.

Вот как передавал свои впечатления об этом Б.Форстер: «Бог или универсальный дух беседует с ним наедине. Он получает великую силу от соприкосновения с вечным, божественным... Он слышит голоса...»

Раушнинг так описывал фюрера:

«Глядя на него, приходится думать о медиумах. Большую часть времени это обычные, незначительные существа. Вдруг на них как с неба падает сила, поднимающая их над обычными мерками. Эта сила — внешняя по отношению к их действительной личности. Она — гость с других планет. Медиум — одержимый. Исчерпав этот порыв, он вновь впадает в ничтожность.

Так, несомненно, некие силы пронизывают Гитлера. Силы почти демонические, для которых персонаж по имени Гитлер — только мимолетная одежда. Это соединение банального и исключительного — невыносимая двойственность, ощущаемая немедленно при контакте с ним.

Это существо могло быть придумано Достоевским. Таково впечатление, производимое в странном лице соединением болезненной рассеянности и беспокойной силы».

Штрассер: «Тот, кто слушает Гитлера, вдруг видит появление вождя человеческой славы... Словно свет возникает в темном окне...»

Буше: «Я взглянул в его глаза, глаза стали медиумическими... Порой он выглядел так, будто что-то вселялось в него извне. Он излучал флюид... Потом он вновь становился маленьким, посредственным, даже вульгарным. Он казался усталым, как бы с истощенными до конца аккумуляторами».

Франсуа-Понсе: «Он впадал в род медиумического транса. Его лицо выражало экстатическое восхищение».

Трансидеи увлекали психопатоподобную личность во все более высшие сферы. Нарастал масштаб дум и стремлений. Все настойчивее побуждала к решительным действиям мечта изменить жизнь на всей планете. Порой оказывалось, что тайная мысль выпирала из него, неожиданно просачивалась сквозь любую щель. Он не успевал контролировать лавину своих мыслей и слов: «Наша революция — новый этап, или, вернее, конечный этап эволюции, приводящий к вытеснению истории...».

Или еще: «Вы ничего не знаете обо мне, мои товарищи по партии не имеют никакого представления о снах, терзающих меня, и о грандиозном здании — только его фундамент будет создан, когда я умру. Бывают решающие повороты в мире, и мы сейчас стоим перед таким поворотом времен... Произойдет потрясение планеты, которого вы, непосвященные, не можете понять... То, что происходит сейчас, это больше, чем рождение новой религии...»

Таким образом, Гитлер уже не принадлежал себе, а находился во власти губивших его сил тьмы и разрушения.

Это был одержимый — орудие нездоровой психической стихии. Проблески слащавой, утрированной сентиментальности (показные ласки детей), какие-то компромиссы перед очередной акцией военной фашистской агрессии были скорее передышкой, накоплением новых губительных сил.

Вместо того чтобы находиться под наблюдением в психиатрической больнице, Гитлер со всей своей адской энергией переделывал среду под себя, превращая мир в сумасшедший дом.

От анализа феномена личности, отнесенной в разряд «пятен на Солнце Разума», становится явно не по себе. В обуздании сил зла общество и наука должны быть более активны, использовать для этой цели любую возможность.

В связи с этим заслуживает внимания информация о новом открытии в психиатрии.

НАУКА ПРИБЛИЖАЕТСЯ К ГЕНИЮ: НОВОЕ ОТКРЫТИЕ В ПСИХИАТРИИ

Итак, к сожалению, приходится признать, что сегодня вокруг гения обозначилась пугающая пустота. Природа согласно своим вечным законам не прерывает созидательного процесса и являет миру все новые чудеса, в том числе и сверходаренных людей. Ну, а наука продолжает накапливать материалы о них, однако качественных сдвигов в оценках и раскрытии сути феномена гениальной личности пока нет. Наоборот, тенденции современных исследований убеждают, что сдвигов ждать еще долго.

Очевидно все же, что поиски какой-то особой эвропатологии гениальной и одаренной личности придется навсегда оставить. Механизмы поддержания постоянства жизненных важных параметров, функций, ритмов и особенно программ творческого развития, как уже отмечалось, определяются не болезнью, а вопреки ей. Хотя, конечно, генетическая основа и предметный мир социума обуславливают неровный уровень активации психодинамики.

Отсюда вполне возможны рельефные проявления дезадаптивных черт поведения, расстройства компенсаторных систем, повышенная психопатизация с предпосылками импульсивности, неустойчивое эмоциональное состояние со склонностью к аффективному реагированию. Но все это — издержки среднепопуляционной значимости, не особенно удивляющие в наше время, когда признаки невроза находят почти у каждого.

Внимания заслуживают более серьезные суждения о гениальности как особом состоянии человеческой духовности. По мнению В.В.Вересаева, на примере творчества Пушкина четко обозначается двуплановость гения. В обычной жизни великий поэт мог проявлять неуравновешенность, раздражительность, пессимистичность. И в то же время основные черты характера Пушкина, как они отражены в его лирике, совершенно не соответствуют «подлиннику». «Светлый, гармоничный, жизнерадостный,» — таковы ставшие почти паспортными приметы Пушкина-творца. И действительно, в минуты поэтического вдохновения это был совершенно другой человек.

Вспомним строфы из «Евгения Онегина»:

Прошла любовь, явилась Муза.
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь ищу союза
Волшебных звуков, чувств и дум;
Пишу, и сердце не тоскует...

Даже из сугубо автобиографических истоков творчества многие великие поэты привнесли в свои произведения чувства, которые из простых эмоциональных величин перевоплощались в духовно-личностные ценности.

Это очень хорошо подметил известный отечественный психиатр Д.Е.Мелехов. Развивая некоторые положения, касающиеся психиатрии и проблем духовной жизни, он указал на синтетический характер творческих переживаний, в которых мысли и функции человеческой личности выступают во всей их целостности, в единстве, где участвует сердце (не анатомический орган, не центр только эмоциональной жизни, но сердцевина, центр человеческой жизни, «место совершенного синтеза», «фокус всего бытия»).

Даже волевые и побудительные компоненты в характерологических и поведенческих проявлениях гениальной личности окрашены в теплые тона, присущие чувству любви и благоговения.

Текущий момент современной науки пока констатирует ее неготовность вот-вот открыть формулу гениальности, наглядно представить энергетические характеристики или материальные субстраты этого явления.

Энтузиасты надеются, правда, что в XXI веке соединенными усилиями психологии, квантовой механики, медицины и биологии удастся кое-что узнать о так называемых холодайнах — структурах нового мышления — холодинамики, познающей естественную и виртуальную реальность.

Ну, а сегодня задачи, например, психологии все более усложняются с углублением научной мысли в психогенез личности. Ведь развитие каждой личности идет через присвоение ценностных ориентации и знаковых систем общества и культуры. Сегодня любого человека уже нельзя оценивать по принципу «или-или»: или социальная единица — или индивидуальность.

Проблемы общественной идеологии все чаще выявляют, как в настоящее время человеком все более манипулируют в предметном отношении, не считаясь с его ценностными свойствами.

Помимо прочего беспокойство в обществе нарастает в связи с отношением к природе, где все явственнее обозначаются зловещие признаки планетарного истребления. И если здесь не будут изменены ориентиры, то вскоре нарушится вся тонкость отношений, что чревато глобальной катастрофой.

В такой ситуации некоторые выводы ученых начинают настораживать. Как-то само собой утвердилось мнение, что комфорт и покой замедляют развитие, что борьба повышает умственную активность (для личностей категории «пятна на Солнце Разума» это, конечно, верно), что всестороннего и гармоничного развития личности быть не может (нет критериев и вообще это просто лозунг).

Хочется поэтому еще раз напомнить о том, что Природа без нас побеспокоилась о генезе гениев вне связи с общественными проблемами. К сожалению, между гениальной личностью и обществом никогда не существовало доверительных отношений в полном объеме. И если раньше причины такого положения крылись в поголовном невежестве и бескультуре, то сегодня, как видим, обществу также не до гения и его забот.

Гений всегда шел впереди народа и общества на шаг или сто шагов, а вот окружающие не всегда торопились понимать и осваивать новые цели, достижения или новый смысл бытия.

Современное общество мыслит статистически — количеством, а не качеством. Вектор поступательного развития преодолевает целые массивы психологического негатива. Здесь и «ожвачивание» пропагандистской «манны» умственно пассивной частью населения, и бесстыдно наглое стадное поведение обездуховленных, и эгоизм личности, и дух наживы с ущербностью сознания, и идолы моды, и зыбкость неориентированного интеллекта.

На размывании сознания сказываются дробность и прерывистость информации, разрушение связующих идей, обход причинно-следственных связей с ориентацией на свободный выбор взглядов и убеждений. Введение заведомо ложных линий в процесс формирования поведенческой основы зачастую бывает провокационным (оправдание измены, нарушений морали, ориентация на самость, эгоизм, притязание на уже признанное и т.д.) и, освященное авторитетом харизматического, партийного, корпоративного или иного группового лидера, призывает ниспровергать существующую мораль и законность.

В такой обстановке гениальная личность может стать для определенных политиков не только лишней, но и нежелательной. Принцип «от проблем избавляются путем избавления от людей, порождающих эти проблемы» многие

гении испытали на себе. Достаточно вспомнить судьбу Пушкина, Лермонтова, Гумилева, судьбу талантливых и одаренных людей в гитлеровской Германии.

Науке, естественно, не свойственно культивировать подобные формы человеческих взаимоотношений. Однако и проявление пассивности по отношению к гению только из-за того, что в исследованиях проблемы гениальности нет пока осязаемого прогресса, не может иметь оправданий.

Пример гибели великого Гоголя, страдавшего душевным расстройством, это наглядно подтверждает.

В работах отечественного психиатра А.Н.Молохова приводятся подлинные фактологические материалы из истории болезни Гоголя. Они убедительно свидетельствуют о наличии эндогенного заболевания.

Вместе с тем хотелось бы глубже осознать эту проблему. По данному случаю интерес представляют компетентные суждения крупного ученого и общественного деятеля, психиатра Д.Е.Мелехова, изложенные им в книге «Психиатрия и проблемы духовной жизни:

«... Н.В.Гоголь умер в 1852 г. ... Его болезнь в то время, не была правильно распознана, врачи ее неправильно лечили, а духовный его руководитель неправильно оценивал состояние больного. Совершенно не было принято во внимание, что писатель за 18 лет перенес 9 аффективных приступов болезни, которые усложнялись от приступа к приступу, принимали атипичную форму, благодаря включению бредовых и кататонических (ступорозных) симптомов (заторможенности).

И больной умер от тяжелого истощения с нарушением обмена веществ, бредом греховности, самоуничужения, а на высоте приступа с упорным отказом от пищи, полной двигательной и мыслительной заторможенностью и мутизмом (10 дней не говорил ни слова). Сожжение второго тома «Мертвых душ» было также совершено во время приступа депрессии с болезненным сознанием своей виновности и греховности своего творчества.

По своему характеру Н.В.Гоголь не был, конечно, гармоничного склада человеком: биографы говорят о странной смеси упрямства, дерзкой самонадеянности и самого униженного смирения при склонности к ипохондрическим переживаниям и странным выходкам еще во время учебы в лицее.

Нозологическая трактовка болезни Гоголя до сих пор остается предметом дискуссии (маниакально-депрессивный психоз или приступообразная шизофрения, на первых стадиях протекающая в форме аффективных приступов).

Первый приступ болезни Гоголь перенес в 1840 г. в Риме.

Он сознавал, что находился в необычном болезненном состоянии и писал в письмах о тяжести в груди, давлении, об остановившемся пищеварении (что типично для депрессии), о болезненной тоске («как смертный ужас»), для которой нет основания.

«Солнце, небо — все мне неприятно. Моя бедная душа: ей здесь нет приюта. Я теперь гождусь больше для монастыря, чем для жизни светской».

Противоположные состояния: 5 марта 1841 г.

В письме к Аксакову: «Да, мой друг, я глубоко счастлив, я слышу и знаю дивные минуты, создание чудное творится и совершается в душе моей».

18 мая: «Груд мой велик, мой подвиг спасителен».

Данилевскому — 7 августа: «О, верь словам моим. Властью высшей облечено отныне мое слово».

Языкову — 23 сентября: «У меня на душе хорошо и свежо».

Аксаков потом писал об этих периодах: «Гоголь в эти периоды впадал в противный тон самоуверенного наставника». В состоянии патологической экзальтации появились мысли о его провиденциальном назначении.

В первых приступах еще сохранялась оценка своего состояния и поведения. Гоголь сам знал эти периоды возбуждения, наступавшие на выходе из депрессии на несколько недель, когда он не вполне владел своими чувствами и волей. В частности, в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» он писал отцу Матфею (своему духовнику), что он написал и выпустил эту книгу «слишком скоро после своего болезненного состояния, когда ни нервы, ни голова не пришли еще в нормальный порядок».

1842 г. Новый приступ депрессии, и он пишет: «Мной овладела моя обыкновенная (уже обыкновенная) периодическая болезнь, во время которой я остаюсь в почти неподвижном состоянии в комнате иногда в продолжение 2-3 недель». «Голова моя одеревенела. Разорваны последние узы, связывающие меня со светом. Нет выше звания монаха» (письмо Прокоповичу).

Снова 1846 г.: состояние настолько тяжелое, что повеситься или утопиться кажется ему единственным выходом, как бы похожим на лекарство. «Молись, друг мой, да не оставит меня Бог в минуты скорби и уныния» (письмо к Языкову).

1848 г. Перед поездкой в Палестину письма еще не отражают сопротивление и борьбу с наступившим приступом болезни.

Он рассылает близким и друзьям составленную им молитву с просьбой вспоминать его и молиться о нем по этой записочке сверх того, что находится в общих молитвах.

«Душу же его исполни благодатных мыслей во все время дороги его. Удали духа суеверия, пустых примет и малодушных предчувствий, ничтожно-го духа робости и боязни» (письмо Шереметьева, 22 января из Неаполя).

Приступы учащаются и становятся тяжелее: в 1849 г. — Жуковскому: «Что это со мной? Старость или временное оцепенение сил? Или в самом деле 42 года для меня старость? Отчего, зачем на меня нашло такое оцепенение — этого я не могу понять. Если бы Вы знали, какие со мной странные происходят перевероты, как сильно все растерзано внутри меня. Боже, сколько я пережил, сколько перестрадал».

Последний приступ болезни (декабрь 1851 — февраль 1852 г.), закончившийся смертью, протекал злокачественно, на фоне нарастающего аффекта с бредовыми идеями самообвинения и гибели, с кататоническим ступорным состоянием, прогрессирующим истощением и с полным отказом от пищи.

Известно, что двое суток он провел перед иконами на коленях без пищи и питья. Слуга обращается к друзьям, так как опасается за его жизнь.

11-12 января он сжигает все рукописи второго тома «Мертвых душ». С этой ночи он 10 дней лежит в напряженной позе в постели и ни с кем не говорит до самой смерти (вследствие бурно нарастающего истощения).

Итак, даже при отсутствии истории болезни и компетентного врачебного описания из этих потрясающих по наблюдательности и художественной точности самоописаний ясно следующее.

1. Гоголь страдал аффективно-бредовым психозом с кататоническими симптомами и приступообразным циркулярным течением.

2. Гоголь знал о своей «обыкновенной» периодической болезни и боролся с ней с помощью друзей и духовника о.Матфея.

3. Описание этой болезни в психиатрической литературе не было известно и появилось через 2 года после смерти Гоголя (1854). Поведение врачей и духовника в отношении патологических состояний Гоголя было ошибочным.

4. При таких состояниях — обязанность духовника вовремя распознать аффективные, витальные корни депрессии и маний, вовремя рекомендовать обратиться к врачу за помощью и помочь бороться во время депрессии с унынием, с греховными мыслями о самоубийстве, с безнадежностью, “мирской

печалью», с тоской, которая «производит смерть», а во время экзальтации — помочь бороться с горделивыми мыслями, переоценкой своих возможностей, которые непосредственно смыкаются с состоянием прелести.

5. В религиозных переживаниях Гоголя были, особенно в первых приступах и даже до 1848 г., элементы борьбы с болезнью, сопротивления, молитвенного призывания к помощи Божьей и просьб к близким о помощи в борьбе с мятежными мыслями, суевериями, пустыми приметами и малодушными предчувствиями. В дальнейших приступах, и особенно в последнем, было уже полное господство бреда греховности, самоуничужения, потери веры в возможность прощения, то есть все то, что западными психологами религии расценивается как «ложная мистика», продиктованная болезнью.

6. Отсутствие описания состояния больного между приступами и, наконец, недоступность для изучения творчества Гоголя в последние 10 лет его жизни не оставляет места для дискуссий о нозологическом диагнозе (циркулярный психоз атипичный или рецидивирующая циркулярная шизофрения). В пользу последнего диагноза говорят бредовые и кататонические проявления во время приступа, изменение личности и творчества, утрата творческой свободы и того легкого жизнерадостного искрящегося веселья и юмора чтения, которыми Гоголь владел до начала болезни.

Все это позволяет говорить о том, что у больного в ходе болезни нарастали шизофренические изменения, выходящие за рамки только ослабления и одряхления, которые иногда наблюдаются у больных циркулярным психозом в более пожилом возрасте. Психиатр скажет, что в ремиссии у больного, хотя и не было полного восстановления, наблюдались остаточные явления болезни, синдром изменения личности.

Примечание: при отказе от пищи и прогрессирующем истощении врачи применяли с лечебной целью пиявки, кровопускания, мушки, рвотные средства вместо укрепляющего лечения, искусственного питания и т.п.

Духовник не понимал, что имеет дело далеко не с обычным покаянием, «печалью о грехах» здорового человека, которая в общей диалектике здорового покаяния заканчивается радостью прощения...

У Гоголя была депрессия витальная, от природных биологических процессов, «по естеству», печаль не та, которая от Бога и «которая производит неизменное покаяние ко спасению», а «печаль мирская, которая производит смерть» (по ап. Павлу). Поэтому вместо ободрения и призыва к самопроверке,

вместо разъяснения больному, что он впал в болезнь, которая имеет естественное биологическое происхождение, что эту болезнь надо принять и с терпением нести, как человек переносит тиф и воспаление легких или туберкулез, духовник советовал бросить все и идти в монастырь, а во время последнего приступа привел Гоголя в ужас угрозами загробной кары, так что Гоголь прервал его словами: «Довольно! Оставьте! Не могу больше слушать! Слишком страшно!»...

Болезнь и смерть Гоголя — типичный случай, когда врачи еще не умели распознавать это заболевание, которое еще не было описано в медицинской литературе, а духовник тоже не знал биологических законов этого заболевания, толковал его односторонне, духовно-мистически, а не в аспекте «широкого горизонта» человеческой личности, единства в ней биологического, психологического и духовного, в их сложных взаимоотношениях».

Таковы результаты трагической несостоятельности в соприкосновении науки со сложным явлением гениальности, чему есть немало примеров и в наши дни. Зачастую гению самому приходилось решать свои проблемы, в том числе и собственного здоровья. Есть примеры весьма поучительные, когда энергия здравомыслия позволяла гениальной личности оставаться на высоте великого творчества в период серьезного заболевания.

Обратимся вновь к исследованиям Д.Е.Мелехова в его работе «Психиатрия и проблемы духовной жизни»:

«Очень поучительным ... примером врожденной наследственной эпилепсии является болезнь Ф.М.Достоевского: гениальный писатель страдал с 15 лет ... Это была относительно благоприятная по течению форма смешанной эпилепсии с редкими припадками и эквивалентами, благодаря чему он до конца жизни сохранил творческие способности, хотя и страдал значительными дефектами памяти.

Заболевание дало обострение в студенческие годы, а затем в период суда, смертного приговора, каторги и солдатской службы...

Будучи писателем автобиографическим, он в своем творчестве показал, в частности, и все многообразие и противоречивость проявлений и переживаний неуравновешенных типов человеческой личности ... в ряде своих героев отразил и свои попытки осмыслить свою болезнь и опыт борьбы с болезнью.

Наиболее полное отражение эта сторона переживаний писателя нашла в образе князя Мышкина (роман «Идиот»)...

Из записных книжек Достоевского мы знаем, что к созданию образа князя Мышкина он подходил с четко осознанной задачей «показать положительного героя в условиях нашей русской действительности». «Восстановить и воскресить человека».

Обсуждая при этом бывшие до него попытки дать образ положительного героя в литературе, автор упоминает Дон Кихота, Пиквика, Жана Вольжана и считает их неудачниками. А для выполнения поставленной задачи выбирает образ и судьбу человека, больного эпилепсией?!

Перед нами — человек больной с детства. Мы встречаемся с ним после его многолетнего лечения, проведенного в условиях специального лечебного учреждения. Болезнь замедлила его развитие, оставила в его психике черты детскости, незрелости, наивности. Психофизическая его организация надломлена болезнью, но тем не менее по своим духовно-моральным качествам он стоит неизмеримо выше всех окружающих.

Клинически его состояние описывается в начале романа как состояние терапевтической ремиссии, «ослабления болезни», в периоде без припадков и эквивалентов, что позволяет ему вернуться на родину.

Он полон любовью к людям, особенно к детям. В его планах — работа по воспитанию детей, организация клуба для них. Но при встрече его с обществом того времени начинают выявляться парадоксы: это — нездоровый человек, с эпилептическими чертами характера и поведения, с преобладанием защитных дефензивных черт и гиперсоциальности.

Его за необычные суждения и поступки не стесняясь в лицо называют «идиотом». Но в то же время он производит на окружающих неизгладимое впечатление: он покоряет самых разных людей своей человечностью, добротой и мудростью. Конечно, с точки зрения врачебной, он и в это время ремиссии не полностью здоров: его организация надломлена болезнью (как и сам автор был, конечно, надломлен болезнью, хотя и не сломлен), его ранимость, сверхчувствительность к чужому горю и несправедливости окружающей жизни обрекают его на страдания.

Его душевный мир нарушается благодаря крайней ранимости, сенситивности, что приводит в конце концов к рецидивам припадков, но в этой чуждой среде петербургского мещанства того времени он оказывается единственным человеком, кто «сохраняет духовную независимость, поэтическую гармонию естественно проявляемых чувств.»...

И, наконец, что самое удивительное, наиболее высокие состояния духовного подъема, озарения, самые глубокие, почти пророческие высказывания непосредственно связаны у этого больного человека с предприпадочными состояниями, входят как бы в общую структуру предвестников припадка...

Отношение самого больного... к этим состояниям представляет большой интерес... Поэтому здесь приводится описание случая на вечере у Епанчиных целиком, так как оно сделано автором, конечно, на основе своего опыта и даже с точностью и полнотой медицинского документа. ..

«Князь был «вне себя», много смеялся коротким, восторженным смехом, говоря короткими фразами, между которыми не всегда улавливалась связь. «Неужели в самом деле можно быть несчастным? Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? О, я только не умею высказать, а сколько вещей на каждом шагу прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребенка, посмотрите на Божью зарю, на траву, как она растет, посмотрите в глаза, которые вас любят... — он давно уже говорил стоя... Аглая быстро подбежала к нему, успела принять в свои руки и с ужасом услышала дикий крик «духа сотрясшего и повергшего» несчастного. Больной лежал на ковре».

И еще одна страница, ... где Федор Михайлович в словах князя Мышкина излагает, конечно, свои размышления над проблемой болезни и ее значения в общем духовном опыте человека.

«Он думал о том, что в эпилептическом состоянии его была одна степень, когда (если только припадок проходил наяву), вдруг среди грусти, душевного мрака, давления — мгновениями как бы воспламеняла мозг, и с необыкновенным порывом разом напрягались все силы жизни. Ум, сердце озарялись необыкновенным светом, все волнения, все сомнения, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полной ясной, гармонической радости и надежды, полной разума и окончательной причины (но это было только предчувствие той окончательной секунды, с которой начинается самый припадок). Эта секунда была, конечно, невыносима.»

«Раздумывая об этом мгновении уже в здоровом состоянии, — продолжает дальше Достоевский, — он часто говорил себе, что все эти мгновения и проблески высшего бытия не что иное как болезнь, как нарушения нормального состояния, а если так, то это вовсе не высшее бытие, а наоборот, должно быть причислено к самому низшему.

И, однако же, он дошел, наконец, до чрезвычайно парадоксального вывода: что же в том, что это болезнь? Какое до этого дело, что это напряжение ненормально, если самый результат, если минута ощущения, припоминая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени гармонией, красотой, дает неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженное молитвенное слияние с самым высшим синтезом жизни».

Князь Мышкин (он же и Достоевский) ... явно допускает, что переживания болезненного происхождения, непосредственно связанные с динамикой болезни, при определенных условиях могут стать источником положительно-го духовного опыта, имеющего большое значение для личности: «что же в том, что это болезнь?.. если самый результат оказывается в высшей степени гармонией ... дает неслыханное чувство полноты ... красоты и молитвы ... высшего синтеза жизни ... беспредельного счастья?»... Такой вывод предполагает моральную ответственность человека и за противоположные обусловленные болезнью состояния злобы, агрессии, жестокости...

Здесь, в порядке отступления, необходимо хотя бы коротко суммировать поучительное для врачей тела и души больных отношение Достоевского к болезни и борьбе с ней.

Больной гений! Всю сознательную жизнь борющийся с болезнью и преодолевающий ее! Это находит отражение в дневниках Достоевского и его жены, в изданных его воспоминаниях и письмах, и в творчестве.

Гениальность, конечно, не болезнь. Но болезнь гения — является фактом большой художественной и духовной значимости, в особенности у Достоевского. Все его герои в их противоречивости и двойственности отражают его личный опыт, его «удивительную, прекрасную и жестокую судьбу».

Отличительная черта патологических характеров — выраженная полярность, противоречивость проявлений — отражается и в его жизни и творчестве необычайно ярко.

Амплитуда колебаний — необычайная. Дисгармония — по видимости — сплошная. Периоды безудержного влечения к азартной игре в рулетку, вплоть до зрелых лет, приступы дикого гнева, когда он, по его словам, «способен убить человека» и периоды горького раскаяния и самоуничтожения.

Периоды творческого подъема, когда он за 26 дней пишет к сроку роман «Игрок», ... и периоды упадка, наступающие после припадков, которые его

«добивают окончательно, и после каждого он суток четверо становится беспмятным, не может сообразиться с рассудком»...

Такую же полярность мы видим и в героях романов, которые ведут начало от Достоевского как человека: Раскольников и Порфирий Петрович в романе «Преступление и наказание»; князь Мышкин и Рогожин в «Идиоте»; ясность, смирение и вера старца Зосимы и «бунт» Ивана Карамазова; ясность и чистота Алеши Карамазова и глубокое моральное уродство («инфернатильность») Федора Карамазова и Смердякова; безудержная власть влечений и аффектов у Дмитрия, сменяющаяся глубоким покаянием, жаждой избавления путем страдания...

И, наконец, в жизни самого Федора Михайловича соединение надлома, надрыва, самоказнь, сознание себя неисправимым грешником и пророческий характер выступлений, вершиной которых была речь о Пушкине.

Он сознавал себя пленником своей судьбы и болезни и вел с ней борьбу. Двойственность, двойничество — судьба не только его героев, многие из которых гибнут в борьбе со своими двойниками.

Двойничество он сознавал и в себе и к концу своей жизни подводил итоги своего опыта, борьбы с ним...

А незадолго до смерти он в письме так анализирует двойственность: «Эта черта свойственна человеческой природе вообще. Человек может, конечно, век двоиться и, конечно, будет при этом страдать. .. Надо найти в себе исход в какой-либо деятельности, способной дать пищу духу, утолить жажду его...

Я имею у себя всегда готовую писательскую деятельность, которой предаюсь с увлечением, в которую влагаю все мои страдания, все радости и надежды мои, и даю этой деятельности исход».

Итак, перед нами пример большой личности гения, который был человеком исключительной силы. Каторга «переломила его жизнь надвое, не сломила его». Он жил на 15 лет дольше Гоголя, но до конца своих дней сохранил творческие силы, критическое отношение к болезни, к своему характеру и живое сочувствие к людям.

Двойничество было трагедией больного гения и его героев. Но он сохранил, как писал о нем Страхов, «глубокий душевный центр, определявший все содержание ума и творчества», из которого исходила энергия. оживляющая и преобразующая всю деятельность. «Поражала всегда неистощимая подвижность его ума, неиссякаемая плодотворность его души.

Он не отказывался от сочувствия к самым разнородным людям и даже противоположным явлениям, как скоро сочувствие к ним успевало в нем возникнуть».

Психиатры скажут, что мы в Достоевском имеем пример серьезного и длительного заболевания, которое благодаря большой сопротивляемости гениального художника и мыслителя позволило ему до конца жизни сохранить «ядро личности», творческие способности, сознание болезни и критическое отношение к себе, несмотря на выраженные черты патологического характера, наложившего печать на всю жизнь и творчество».

Жизненные коллизии Гоголя и Достоевского — живой укор обществу. Та пустота, которая очень четко обозначилась сегодня между гением и одушевленным миром, говорит, правда, не о том, что вообще ничего не делается для нормализации взаимоотношений, а подчеркивает сложность современных социальных процессов.

Поиски новых ориентиров на пути к приемлемой материальности и духовности сопряжены с непредсказуемостью и риском. Интуиция не всегда оправдывает надежды в хаотической конгломерации социальных условий наших дней, где поведение личности формируется под влиянием сложившихся собственных мотивационных установок, классового сознания, психологии народа и прочих психологических воздействий.

Новая знаковая ориентация с акцентом внимания на пользе лояльности, ответственного отношения к себе и другим, на преимуществах плодотворного сотрудничества с трудом утверждается в тумане невротической болтовни и вольерах вульгаризаторской политики.

Поэтому любой проблеск здравомыслия в, казалось бы, безнадежном тупике должен обрести поддержку и понимание.

Можно сказать, что позитивная информация уже поступает, например из области психиатрии.

Однако путь к смыслу нелегкий, и это вполне объяснимо. Ведь при оценке психопатологии гениальной личности естественно возникает вопрос — является ли эта патология характерологической особенностью со своеобразным мировоззрением, и вся деятельность определяется этим мировоззрением, то есть, следуя представлениям Д.Е.Мелехова, является духовной структурой личности или речь идет о патологической продукции с бредовой симптоматикой и именно патология определяет всю деятельность.

Этот вопрос является наиболее сложным для специалиста психиатра, и в ряде случаев однозначно ответить на него не удастся.

Если, соглашаясь с Д. Е. Мелеховым, в определении состояния Гоголя сложностей не возникает, и речь бесспорно шла о психопатологии, об аффективно-бредовых расстройствах, сопровождающихся кататонией с мутизмом и отказом от еды, то у других известных личностей не всегда удастся провести эту грань.

Так, при оценке личности Гитлера сомнений не возникает, что в подростковом возрасте он перенес приступ эндогенного заболевания, а в последующем после прекращения приступа — это уже новая личность, которую можно оценить как постпроцессуальную психопатию.

В дальнейшем под влиянием философской и другой литературы у него сформировалось особое мировоззрение о роли германской нации и его собственной роли в истории, о господстве над миром.

Можно думать, что вначале речь идет именно о своеобразном мировоззрении постпроцессуальной личности.

В этот период он, фактически малообразованный человек, поражает всех способностью просчитывать на «несколько шагов» ситуацию, принимать единственно правильные решения, холодно и безжалостно идти к достижению власти, однако в дальнейшем его высказывания и поведение становятся все более однообразными, уже не учитывается ситуация, все больше включается мистических нелепых построений. Утрачивается широта и глобальность трактовок будущего, он оказывается как бы вне происходящих событий.

Можно думать, что последние годы — это не просто мировоззрение, а процесс формирования бредовой симптоматики, обусловленный эндогенным процессом.

На особенности постпроцессуального развития в виде психопатоподобного поведения у Гитлера указывал известный психиатр А.С.Кронфельд, который в 1932 г. привлекался в мюнхенском суде для экспертной оценки психического состояния будущего вождя германской нации.

Уже тогда опытного специалиста буквально потрясла полиморфность и широта отклонений от психической нормы у бесноватого.

Свои наблюдения по поводу психического здоровья фюрера и других нацистских бонз А.С.Кронфельд подытожил в научной работе «Дегенераты у власти». Эмигрировав в 30-е годы в Советский Союз, ученый продолжал

накапливать и обобщать материалы о психической ущербности Преступника №1, о чем имеются воспоминания сотрудничавших с ним видного отечественного психиатра В.А.Гиляровского и Э.Я.Штернберга (ученик А.С.Кронфельда). Осенью 1941 г., не успев эвакуироваться из Москвы, А.С.Кронфельд, опасаясь мести гитлеровцев, покончил с собой.

В клинической практике приходится иметь дело с подобной динамикой расстройств. Перед психиатром стоит вопрос: мировоззрение у данного человека таково, что он воспринимает события в ином плане или речь идет о типической патологии, требующей специального лечения?

Психиатры давно ищут методы обследования, которые помогли бы объективно оценить состояние. Используются психологические методики, помогающие выявить характерные для эндогенного процесса расстройства мышления, но эти методики лишены «безусловной» объективности, так как показатели оцениваются человеком-психологом.

Более объективными были методики, характеризующие состояние сердечно-сосудистой системы и прежде всего капилляров. Но не придуман такой прибор, который бы давал дифференцированную оценку, хотя этот метод мог бы быть перспективным.

Профессор Е.К.Краснушкин говорил, что, если бы удалось найти средство, которое заставило бы «играть вазомоторы», проблема шизофрении была бы решена. Поэтому любое объективное подтверждение диагноза психического заболевания всегда привлекает внимание исследователей.

Сегодня таким обнадеживающим событием стало новое научное открытие в психиатрии — установление ранее неизвестного явления — наследственного снижения в крови содержания альфа-фракции липопротеидов у больных с эндогенными психозами, обусловленное дефицитом ее липидного и белкового компонентов.*

Суть этого открытия заключается в том, что на протяжении длительного времени психиатры, биохимики и терапевты, изучая состояние липидного обмена у больных шизофренией, обнаружили, что наличие этого феномена

* Научное открытие «Явление нарушения спектра липопротеидов в крови у больных шизофренией» (авторы: А.В.КАРТЕЛИШЕВ, Г.П.КОЛУПАЕВ, В.М.КЛЮЖЕВ, Н.Д.ЛАКОСИНА, Н.С.ВЕРНЕКИНА, В.М.МОРКОВКИН, А.А.ГОЛУБИЦКИЙ, Л.С.СУСЛОВ, Л.Ф.МАРЧЕНКО) на основании подтверждения Ассоциации авторов научных открытий зарегистрировано в ноябре 1996 г.

не зависит ни от формы и течения болезни, ни от возраста, пола, остроты процесса, ремиссии, приема различных лекарственных препаратов.

Подтверждением связи выявленного фактора с эндогенным заболеванием в форме шизофрении явилось и то, что этот фактор, обнаруженный у больных с клинической картиной, не характерной для шизофрении, заставлял более внимательно относиться к этим больным, наблюдать за ними, и через различные сроки у них обнаруживалась типичная для шизофрении клиническая картина. Это дало основание рассматривать такой биохимический показатель как маркер шизофрении и использовать его на ранних этапах формирования болезни или расценивать как показатель повышенного риска заболевания.

Установленное явление, несомненно, имеет широкие перспективы как теоретическом аспекте — для решения проблемы патогенеза шизофрении; уточнения наследуемых механизмов; определения путей передачи патологических признаков в новые поколения; выяснения истинной распространенности заболевания и выявленного феномена в общей популяции и в структуре психопатологии, а также в генеалогическом древе больных шизофренией; активного поиска групп риска по заболеваемости или носительству признака; обоснования принципиально новых методов лечения и способов профилактики манифестации заболевания, так и в прикладном плане — для повышения надежности и своевременности диагностики, организации адекватной терапии, максимально раннего проведения мер вторичной профилактики (особенно важно для лиц, заболевших в детском возрасте), для психиатрической экспертизы (общей, судебной, военной) и, наконец, в учебных целях.

С развитием нового перспективного научного направления могут найти оптимальное решение проблемы вокруг гениальной и одаренной личности.

Генетические, соматические, психические аномальные признаки, отличающие практически любого гения, — достаточное, на наш взгляд, условие для контрольного диагностического тестирования. И если показатели неблагополучия в психической сфере обозначатся вовремя, то современная медицина всегда может предложить адекватную терапию, исключающую вариант гоголевской трагедии. При выявлении наследственной (или иной) предрасположенности к эндогенной психической патологии личность, учитывая рекомендации консультативной помощи соответствующих специалистов, может избрать необходимый режим поведения, предупреждающий болезненные срывы и их негативные последствия.

Интересы и сфера деятельности не должны становиться источником неприятностей для здоровья и жизни.

Наконец, нельзя недооценивать роль нового открытия в психиатрии для упорядочения действий субъектов в политических и общественных структурах, где эффекты психологического воздействия очень своеобразно активизируют и организуют поведение личности.

В истории достаточно примеров, когда властная натура в пространстве беспредела и бесконтроля нарушала общественный комфорт.

И неважно, были ли это издержки индивидуальных особенностей (Нерон), увлеченность государственным устройством (Иван Грозный, И.В.Сталин) или геополитический авантюризм (В.И.Ленин, А.Гитлер), — уроки печального опыта оставляли у народонаселения невеселые воспоминания.

Поэтому надеемся, что новое открытие в психиатрии будет в конце концов по достоинству оценено обществом и может стать отправной точкой в деле объективной оценки психического статуса тех, кто претендует на власть.

Сегодня многочисленные психологические тесты, специализированные медицинские исследования в порядке диспансеризации и лечебного обеспечения приняты и прижились в коридорах власти.

Однако нередко любое обследование, инициируемое психиатрией, вызывает настороженность и неприятие.

Вместе с тем реалии современного общественного развития, требующие от ответственных лиц, помимо профессионализма и деловых качеств, обычной человеческой порядочности и нормального психического здоровья, подчеркивают необходимость создания эффективной системы контроля, естественно включающего и психиатрическое обследование, за политическими функционерами.

И если хотя бы на начальных этапах большого пути человек (депутат, чиновник, общественный деятель), больной душевной болезнью или предрасположенный к ней, замедлит свой разбег, прислушавшись к компетентному мнению психиатра, то в мире сохранится известное количество добра.

Контакт Гения и Науки — контакт миров. Мир гения неповторим, неисчислимы и вечны. Гений всегда добр, ибо он делится самым бесценным — непреходящей истиной. На пути науки случаются осложнения. Ученые часто удивлялись, что их достижения не всегда оборачивались ощутимой пользой. Однако общий вектор научного развития — это тоже стремление к истине.

И когда контактируют Гений и Наука, все мы преисполняемся надеждой на благодать.

ПРИМЕР ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Эту главу — заключение — авторы считают полезной и важной.

Не секрет, что решать обозначенные выше проблемы полагается, конечно, «всем миром». А задавать основной тон может только государство, обеспечивая через целевые программы полновесность ожидаемого эффекта.

Причем роль и смысл участия высокого государственного деятеля в таком благородном деле обязательно приобретут исторический масштаб.

Философия истории учит, что бессубъективность политики («что» и «как» вместо «кто» в функциях политической элиты) почти всегда плодит избыточность условий, отношений и ощущений, более характерных для мира столпотворений, миражей и просто мистики.

Когда события управляются незримо и невещественным, трудно определить меру конечных ценностей. Например, мистический реализм, как один из плодов подобной политики, с его мистикой молчания и даже бессловесности хотя и открывает избранным особые откровения, но сутью таковых в итоге становится лишь страстная надежда на чудо, постепенно переходящая в привычную веру в него, если фокус не удался сразу.

После естественного или иного ухода от дел авторов безответственных решений людям приходится долго разбираться между реальным и мифотворческим, что зачастую не всегда заканчивается социальным позитивом.

Поэтому так привлекательны именно созидательные усилия тех исторических деятелей, кто последовательно и решительно персонифицировал своим собственным «Я» коренные общественные и государственные перемены.

В этом свете следует всегда помнить о заслугах выдающегося государственника — императора и самодержца всероссийского Петра I Великого — масштабного преобразователя и творца.

Не случайно в истории Государства Российского каждому последующему руководителю страны (будь то царь, генсек или президент) приходилось выдерживать своеобразный «экзамен» на зрелость и государственную мудрость, когда его должностные усилия сопоставлялись с петровскими деяниями.

Славные дела царя-созидателя с течением времени приобретают все большую значимость и ценность в сердцах и умах россиян.

Общеизвестно каким ценителем и знатоком отечественной истории был наш великий поэт А.С.Пушкин. «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим!», — горячо и искренне возмущался гений русской литературы.

И силой своего таланта раскрывал перед читателем волнующие воображение «дела давно минувших дней»: былинные подвиги пращуров («Руслан и Людмила», «Песнь о вещем Олеге»), жуткое смятение умов в период Смутного времени («Борис Годунов»), стихию и беспощадность народного бунта («История пугачевского бунта», «Капитанская дочка»).

Героические и трагические картины прошлого страны в интерпретации классика наполнялись эпическим звучанием, становились живыми и полнокровными, расцветивались яркими письменами-символами грядущей судьбы. Характерно, что признанному носителю национального духа была присуща и необычайная любознательная устремленность в историческое далеко не только русского, но и других народов, развивавшихся под знаками восточных и западных цивилизаций.

В таких произведениях, как «Бахчисарайский фонтан», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Скупой рыцарь», «Пир во время чумы», и других он образно утверждал решающую роль правдивости и жизненной мудрости в генезе ценностей общечеловеческой морали.

Поэтому вполне естественным представляется интерес Пушкина к временам петровских реформ. Следует особо отметить, что интерес этот не был преходящим. И если мотивация творчества по иной исторической тематике имела конкретные предпосылки — исторический фольклор («Руслан и Людмила»), истоки семейной родословной и нерушимых отеческих традиций («Борис Годунов»), общий творческий подъем периода болдинской осени («Маленькие трагедии») — и конечные обозначения, то аура эпохи Петра Великого окружала поэта всегда, как море без берегов.

Это была увлекающая стихия. Отсутствие тверди только стимулировало воображение. Устремляясь по радужным мостам, глаголы обретали энергию полета, переплетались во всепроникающие эфирные образы и там, в недостижимой выси, загорались созвездия «Медного всадника» и «Полтавы», где, переливаясь лучами ослепительного и немеркнущего света, сияла звезда Петра Великого. В страстном стремлении поэта к познанию феномена личности всеильного императора-самодержца, в неслучайном сродстве обеих гениальных

душ и двух самых ярких звезд на небосклоне отечественной истории Пушкину открылась сокровенная истина, что обожествленный им Петр Великий — это «Петр Великий, который один есть целая всемирная история!»

Справедливость сей истины настолько убедительна, что ее давным-давно никто всерьез и не оспаривает.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник...,

посвящает нас Пушкин в «святая святых» русской цивилизации, величие которой зиждется только на созидательном труде человека. Подлинное величие миссии Петра Великого в отечественной и всемирной истории и состоит в том, что во главу любого свершения он ставил разумное творческое дело. Много славных и достойных дел завершил этот человек. Это он превратил Россию в мировую державу. Далее можно и не перечислять.

Следует лишь постоянно учиться на петровском опыте и размышлять в каждом конкретном случае о том, как обеспечить процесс созидания, как перевести задачу в факт, как с наименьшими потерями преодолеть энергию сопротивления — самую мощную из всех энергий. При этом не нужно зацикливаться на метаморфозах, важно сохранение сути.

Петр Великий мог беспощадно искоренять неуютное, менять традиционные одежды, вводить иноземные моды, стричь боярские бороды, но он никогда не забывал о воскресении России и посрамлении врагов Отечества. Свобода и предопределенность не стали для него отвлеченными понятиями.

Инициатива на пользу государственную поощрялась и возводилась в статус героического благодеяния, а лениности, пороку, косности, ложной мудрости предопределялось отживать свой век.

Умелое сочетание манифестации и игры обеспечили путь в системе государственных установлений при Петре Великом и дальнейшее саморазвитие всей системы Государства Российского. Замечательный государь был и замечательным полноценным человеком. Он не признавал культа холодной рассудочности. Его натуре были свойственны и непосредственная вера — вера в идеалы православного христианства, вера в необъятные силы своей страны и народа, в собственное предназначение, — и искренние человеческие чувства. Личность Петра — это одновременно личность мудрого правителя,

тонкого психолога, великолепного артиста. Он знал как нужно работать и воевать, как радоваться достигнутому и увековечивать успех. Праздники петровских времен — это не просто фейерверки и иллюминации по поводу очередной виктории, это — новая столица Санкт-Петербург, неприступная крепость Кронштадт, могучие армия и флот, это — новая молодая Россия.

Такие вот манифестации.

Что же касается игрового момента, то можно только удивляться тому, какое значение Петр придавал игре в реализации своей стратегии. Он уважал, даже любил учителей и друзей-иноземцев, но не признавал шаблонов.

По отзывам современников, учить Петра в общепринятом смысле слова было нечему. По отношению к нему все соблюдали лишь позицию советчиков. И вот на глазах умудренных жизнью и боевым опытом иностранных ландскнехтов-инструкторов потешное войско через забавы и усложняющиеся игры трансформируется в слаженное устройство боевых сил, способных отстоять нововведения. Петр умел подбирать толковых людей на высшие и ответственные должности, вдохновлять на великие труды и подвиги, требовать исполнения и воздавать по заслугам. Он был яростным в бою и снисходительным к побежденным, ценил положительный опыт, не стеснялся перенимать его даже у врага:

Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает...
(А.С.Пушкин, «Полтава»)

«Птенцы гнезда Петрова» — высшие иерархи государства, среди которых были не только именитые сановники, но и «счастья баловни безродные» (например, светлейший князь А.Д. Меншиков) — беззаветно верили в своего кумира и достойно завершали его предначертания. На фоне эффективности петровской «кадровой» политики вызывает поначалу недоумение царский Указ

от 9 декабря 1708 года: «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство». Однако если представить живого Петра, его природный и здоровый юмор, неистощимые выдумки — все эти «князь-папы», придуманные для себя должности («бомбардир», «шкипер», «плотник») — думается, что и в данном случае государь не пренебрег шуткой для стимуляции воображения у исполнителей. Даже знаменитая «отеческая» дубинка царя, частенько гулявшая по спинам ослушников и мявшая бока нерадивым, в большинстве случаев воспринималась как действенный игровой компонент.

Так, с целенаправленной неутомимостью, умело прибирая к рукам ситуацию, решая задачи и в шутку, и всерьез, Петр решительно добивался поставленной цели. Ясность ума, открытость и широта души всегда позволяли ему ходить с гордо поднятой головой, знать правду о самом себе и не бояться ее.

Петр Великий был убежден, что творческое горение — это преобразование не только материального, но и духовного. Сила творчества способна преобразовать людей, просвещать их, укреплять их веру в себя. Недаром емкое, чисто русское слово «просвещение» толкуется у В.Даля, как «развитие умственных и нравственных сил человека; научное образование при ясном сознании долга своего и цели жизни».

Петр признавал за просвещением не только культурную, но и организующую роль в преобразении страны.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье.
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье...
(А.С.Пушкин, «Стансы»)

В отличие от прочих венценосцев, чьи касательства к наукам были относительны и, в лучшем случае, сводились к оценке подготовленных специалистами заключений, Петр проявлял к передовой мысли органичную личную заинтересованность и пристрастие. Он не понаслышке знал математику, навигацию, военное дело. В России находили вторую родину иностранные ученые и военачальники, мореходы и купцы, инженеры и мастера многих ремесел. За границу на казенный счет ехали учиться молодые люди — будущие российские «Платоны и быстрые разумом Невтоны». Задолго до Лейбница и Фихте

Петру было известно, что в сношениях между государствами нет иного права, кроме права сильного, а вечный мир возможен только на кладбище. Заповедь Спасителя «Продай одежду свою и купи меч» (Лк. 22, 36) не была для императора пустым звуком.

Поэтому свои усилия по укреплению отчизны он сопрягал с усилиями передовой европейской научной мысли и с дерзновенным пафосом молодого поколения своих просвещенных отечественных последователей.

Примечательно, что самое впечатляющее воздействие на людей этой динамичной эпохи производил личный пример царя. Его пылкий ум, безграничная любознательность, живая заинтересованность в постановке и реализации любого дела до сих пор поражают воображение.

В одной книге невозможно привести бесконечные рациональные научные отчеты и восторженные поэтические отзывы о победоносных сухопутных и морских баталиях, строительстве городов, крепостей, заводов, о нововведениях, изменивших весь бытовой уклад прежней жизни.

Можно лишь сослаться на известное высказывание Гете: «Великим хочешь быть — умей сжиматься». И нужно признать, что мы еще долго будем удивляться, как Петру при всем его величии удавалось не проходить мимо отдельных проблем, а посвящать драгоценное время концентрации усилий на приземленную конкретику, распутывать любые узлы, переливать анализ в синтез, находить правильные выводы и их обобщать, открывать новое верное направление и сотворять очередное чудо.

В настоящей работе изложенную схему отношения Петра к любой проблематике мы попытаемся оживить примерами, где виден интерес государя к медицине. Тем более, что ни до Петра Великого, ни после него ни один правитель так близко к медицинским вопросам не приближался (знаменитый диктатор-человеконенавистник Дювалье по прозвищу «Папа Док», имевший врачебное образование, конечно, не в счет).

Итак, раскроем один из достоверных исторических источников. В книге С.Н.Шубинского «Исторические очерки и рассказы, 1908» есть глава «Венчанный хирург». Приводим ее дословно:

«Известно, что любознательность Петра Великого была необычайна. Желая внушить своему народу любовь к труду, он сознательно являл собою пример энергического, неутомимого и упорного в достижении цели работника. В какой бы сфере деятельности мы ни стали наблюдать Петра, всюду

видим, что он стремился самолично и основательно изучить всякое дело, которое считает полезным. Все без исключения отрасли знания интересовали его; но при этом, разумеется, одни из них он изучал по необходимости, другие, чтобы извлечь ту или иную выгоду, и, наконец, третьи — исключительно по влечению своего пытливого ума. К числу последних принадлежали анатомия и хирургия. В первый раз страсть его обнаружилась в Амстердаме, в 1689 году, при посещении им анатомического кабинета знаменитого тогда ученого Фридриха Рюйша, достигшего удивительного совершенства в приготовлении анатомических препаратов. Петр пришел в такой восторг, что поцеловал труп четырехлетней девочки, сохраненный с таким поразительным искусством, что застывшая на губах улыбка делала этот препарат как бы живым. Один из спутников царя занес в свой дневник следующее описание музея Рюйша:

«Видел у доктора анатомии кости, жилы, мозг человеческий, тела младенческие — и как зачинается во чреве, и как рождается; видел сердце человеческое, легкое, почки, и как в почках рождается камень, и вся внутренняя разная: и жила та, на которой печень живет, горло и кишки, и жила та, на которой легкое живет, подобно, как тряпица старая; жилы те, которые в мозгу живут; видел пятьдесят телес младенских, в спиритусах от многих лет нетленны; видел же, как мужское и женское (тела) четырех лет возраста нетленны: и кровь знать и глаза целы, и тела мягки, а лежат без спиритусов; у женского пола внутренние: сердце, печень, кишки, желудок, — все нетленно. Видел кожу человеческую, выделана толще барабанной, которая в мозгу у человека живет, вся в жилах, косточки маленькие, будто молоточки, которые в ушах. Животные мелкие, от многих лет собранные и нетленны в спиритусах; мартышки и звери индийские маленькие и змеи предивные, лягушки и рыбы многие дивные, и птицы разные, зело дивны, и крокодилы, се змеи с ногами, голова долга, и змеи о двух головах; тут же жуки предивные и бабочки зело великие...», и т.д.

Петр несколько раз с величайшим интересом осматривал музей Рюйша, сблизился с этим знаменитым ученым, запросто приходил к нему обедать, чтобы свободнее беседовать с ним, и часто присутствовал на его лекциях по анатомии. Когда в больнице Св. Петра, которую заведывал Рюйш, оказывались трудные больные, государь непременно сопровождал его и внимательно следил за производимыми им операциями.»

В конце концов Петр не смог оставаться долго на умозрительной позиции. Медицина так увлекла его, что он активно вмешался в процесс познания.

Вот как описано это в труде С.Князькова «Из прошлого Русской земли. Время Петра Великого. Книга для чтения по русской истории в школе и дома, 1909», «... в анатомическом театре другой знаменитости — Бюргавы — Петр сам принимал участие в вскрытии трупов и, заметив, что его русские спутники относятся с безразличностью к этому занятию, заставлял их зубами разрывать мускулы трупа и тянуть сухожилия; отправляясь на яхте в Лейден, Петр пригласил с собой натуралиста Левенгука и дорогой рассматривал под его руководством в микроскоп различные препараты...».

В этом искреннем увлечении медициной удивляет и то обстоятельство, что способный любитель такой сложной и премудрой науки необычайно быстро и решительно перешел от теоретических раздумий к практике. Вернемся вновь к «Историческим очеркам и рассказам» С.Н.Шубинского:

«В это же пребывание свое в Амстердаме Петр, проходя однажды по базарной площади, заметил небольшую толпу “людей и, приблизившись, увидел среди нее какого-то странствующего фельдшера, с особенною ловкостью выдергивавшего желающим гнилые зубы, употребляя для этого самые простые инструменты. Государь долго любовался его искусством и, как только пациенты разошлись, увел зубодера в ближайшую таверну, угостил его и уговорил, чтобы тот выучил его за известную плату своему мастерству. После нескольких уроков Петр отлично усвоил себе все приемы учителя, стал постоянно носить в кармане небольшой футляр с хирургическими инструментами, и как только узнавал, что у кого-нибудь болит зуб — тотчас являлся с предложением своих услуг. Так, заехав раз к купцу Тамсену, и увидев, что у отворившей ему двери долговязой голландки подвязана щека, почти насильно усадил ее на стул и, осмотрев рот, немедленно выдернул испорченный зуб. В Кунсткамере до сих пор хранится небольшой мешочек с зубами, собственноручно выдернутыми у разных лиц государем. Иногда даже он принимал на себя роль дантиста с целью наказать виновных и укротить строптивых.

По этому поводу существует один вполне достоверный анекдот.

Камердинер государя Полубояров женился на девушке, которой вовсе не нравился. Она была вынуждена выйти за него замуж, потому что этого брака желал сам Петр, да и родные считали такую партию очень выгодною.

После свадьбы государь заметил, что Полубояров ходит постоянно пасмурный и озабоченный, и спросил его о причине. Полубояров признался, что жена упорно уклоняется от его ласк, отговариваясь зубною болью. «Добро, —

сказал Петр, — я ее поучу.» На другой день, когда Полубояров находился на службе во дворце, государь неожиданно зашел к нему на квартиру, позвал его жену, и спросил ее: «Я слышал, что у тебя болит зуб?» — «Нет, государь, — отвечала молодая женщина, трепетавшая от страха, — я здорова.» — «Я вижу, ты трусишь, — сказал Петр, — ничего, садись вот на этот стул, поближе к свету.» Полубоярова, опасаясь царского гнева, не посмела возражать и безмолвно повиновалась.

Петр выдернул ей здоровый зуб и ласково заметил: «Повинуйся впредь мужу и помни, что жена да боится своего мужа, иначе будет без зубов». Вернувшись во дворец, государь позвал Полубоярова и, усмехаясь, сказал ему: «Пойди к жене, я вылечил ее; теперь она ослушна тебе не будет».

Любовь Петра к хирургии была так сильна, что всякий раз, когда в госпиталях предстояла какая-нибудь важная операция, врачи были обязаны доносить ему об этом. Государь почти всегда приезжал в сопровождении престарелого, но опытного хирурга, доктора Термонта, и часто являлся не только зрителем, но и действующим лицом. Под руководством Термонта он приобрел большой навык методически рассекать трупы, пускать кровь, вскрывать нарывы, делать хирургические протезы и перевязывать раны. В дневнике голштинского камер-юнкера Берхгольца, жившего в Петербурге в последние годы царствования Петра Великого, есть указание на две трудные операции, сделанные самим государем.

Так, у богатого полотняного фабриканта Тамсена, о котором упомянуто выше и который пользовался особым расположением Петра, появилась большая опухоль в паху, очень его мучившая. Созванные врачи находили операцию опасною, но государь, присутствовавший на консилиуме, взял нож и смело рукою разрезал опухоль, оказавшуюся, как он верно определил, гноевидной. Тамсен, к величайшему удовольствию оператора, очень скоро выздоровел. В другой раз Петр уговорил жену купца Борсте, страдавшую водянку, позволить ему выпустить из нее воду. Он даже употребил при этом некоторое насилие и немало гордился тем, что ему посчастливилось выпустить из больной более двадцати фунтов воды, тогда как при попытке одного англичанина-оператора показалась только кровь. Больная получила облегчение, но, к сожалению, слишком поздно: операция, хотя и весьма искусно сделанная, не спасла ей жизни. Она умерла через десять дней. Государь присутствовал на ее похоронах и шел за гробом до кладбища, желая таким образом почтить память

страдалицы, болезнь которой старался облегчить. В 1717 году, в бытность свою в Париже, услышав рассказы об искусстве известного в то время окулиста доктора Воолгюйза, Петр выразил желание, чтобы он произвел при нем какую-нибудь операцию. Был отыскан шестидесятилетний инвалид, имевший на глазах бельма. В присутствии государя, в его помещении в Hotel Lesguidieres, Воолгюйз с успехом выдавил (per depressionem) бельма, причем Петр с напряженным вниманием следил за каждым движением ловкого окулиста.»

Увлечение медициной продолжалось у Петра всю жизнь. Он настойчиво пытался вникнуть в профессиональные секреты («ноу-хау») тех времен, собирал и систематизировал богатейшие медицинские коллекции, предназначал достижения передового опыта для развития отечественной науки. Цитируем фактологию по вышеупомянутой книге С.Н.Шубинского: «Петр неоднократно пытался через своего лейб-медика А.Резкина склонить Рюйша к открытию тайны — каким образом он prepares свои превосходные анатомические препараты и бальзамирует трупы.

Но переговоры эти не имели успеха, потому что Рюйш просил за свой секрет огромную сумму — 50 тысяч гульденов. Во вторую поездку свою за границу, в 1717 году, государю удалось приобрести у Рюйша его музей за 30 тысяч гульденов, причем старик под клятвой молчания открыл Петру свою тайну. Впоследствии, по смерти Рюйша, государь сообщил ее лейб-медику Блументросту.

Почти одновременно с покупкой Рюйшева кабинета Петр купил в Амстердаме за 10 тысяч гульденов у аптекаря Альберта Себа не менее редкое и многочисленное собрание всех известных водяных и земных животных, птиц, змей и насекомых из Ост- и Вест-Индии. Эти два богатейшие собрания послужили основанием естественному кабинету при Академии наук».

Медицинские занятия великого государственного мужа не были пустой забавой. Они очень скоро принесли весомые плоды.

25 мая 1706 года последовал Указ Петра I: «...построить за Яузою-рекою, против Немецкой слободы, в пристойном месте гофшпиталь для лечения болящих людей...», а 21 ноября (ст.ст.) 1707 года строительство было закончено, и этой датой отмечается начало существования Главного военного госпиталя в России.

Главный военный госпиталь стал не просто очередной новостройкой, каких было предостаточно в те времена.

Основание Госпиталя явилось началом государственного здравоохранения и славной военной медицины в нашем Отечестве.

Современники указывали на особенное пристрастие Петра к раскрытию всего таинственного, сокровенного, неподдающегося натуралистическому анализу, к которому был он склонен.

Поэтому можно считать, что 25 мая 1706 года гений Петра Великого руководствовался одним из высших и сверхъестественных озарений. В этот день он ясно представил путь, на котором предназначалось военной медицине в России «Быть!», и это направление стало вектором развития отечественной медицинской науки на все времена.

Далее государственная программа поддержки здравоохранения усиливалась по нарастающей. Петр уделял особое внимание расцвету врачебного искусства в России. Вместе с лечебными подразделениями Главного госпиталя при нем учреждалось хирургическое училище, анатомический театр, аптекарские огороды, ботанический сад, в котором сам государь сажал различные растения.

Любое дело, относящееся к восстановлению здоровья больных, считалось главным, мелочей не допускалось. И уже никакие стихии (пожары, наводнения, моровые поветрия) не способны были прервать поступательное движение. В любой беде чувствовалась твердая государственная поддержка.

Характерны некоторые примеры, отражающие петровский стиль работы при решении конкретных вопросов. Так, на прошение о восстановлении госпиталя после пожара 1721 года самодержец наложил лаконичную, но впечатляющую резолюцию: «Давать (деньги — Ред.) и строить». Безотлагательно финансировалось содержание лечебного персонала, лекарства, которые не могли приготовить из отечественного сырья, закупались за границей.

Раненым и больным обеспечивались достойный уход и питание. Пациентам, нуждавшимся в лечебном питании, предлагали соответствующую диету. Пищевой рацион выздоравливающих (1,5 фунта хлеба, 1 фунт мяса, 50 г коровьего масла, крупы, овощи, добрая кружка пива и укрепляющая чарка вина — в день) не отличался от норм довольствия тех, кто находился в строю.

Интересуясь повседневными медицинскими проблемами, Петр вникал в них до самой сути, что позволяло делать правильные выводы и формулировать программные указания, не утратившие и поныне своей актуальности. Примечателен, например, Указ Его Императорского Величества Самодержца

Всероссийского Государственной Военной Коллегии об исследовании больных падучей болезнью (эпилепсией):

«В прошлом 1722 году Декабря в 27-й день по указу Его Императорского Величества Государственная Военная Коллегия приговорили:

Понеже случается, что многие нехотя быти в службе притворяют себе падучие болезни, того ради освидетельстве таких болезней с сего времени впред чинить таким образом, когда на ком такая падучая болезнь явитца и ежели сие случится в роте или где на карауле, то тому обер офицеру, в чьей команде сие случитца, освидетельствовать потом того, на ком такая болезнь явитца, держать при себе по то время, как паки на него такая болезнь придет, когда по тому всем обер офицерам той роты и которые при том случатца, записать число и час и ежели по таковом свидетельстве явится подлинно, что такая болезнь истинна, а не притворная, тогда тем обер офицерам, кои свидетельствовали учинить о нем письменное свидетельство, что такая болезнь по их свидетельству истинна, а не притворная, и с тем свидетельством отослать его к майору или к подполковнику, кто из них при полку случитца, а будь оба будут; то прежде — к майору, которым оную болезнь самому и свидетельствовать с таким примечанием и запиской, как показано выше сего, и потом отослать его к подполковнику, а ему держать ево у себя по то время, как над ним такая болезнь случитца, и тогда ему подполковнику освидетельствовать по вышеописанному, отослать его к полковнику, а полковнику учинить над ним такое свидетельство и ежели подлинно явитца на нем по такому свидетельству болезнь беспритворная, тогда объявить ему полковнику с письменным свидетельством командующему генералу, а в гарнизонах — губернатору или кто высшую команду имеет, которому собрав всех поименных обер и штаб офицеров свидетельства и со оными прислать того больного ради решения в военную коллегию во время того свидетельства подлинные записки тем падучим болезням оным офицерам, которые будут свидетельствовать, держать у себя и, когда над тем такая болезнь случитца, о том обер офицерам и штабным не объявлять, чтоб в каждом месте прямо могло быть записано, как такая болезнь случитца, и больной бы не мог о том знать, в котором числе и часе такая болезнь ево примет, при таком примечании всем тем офицерам, которые свидетельствовать будут, смотреть накрепко, чтоб не было какова фальшу и не явились бы притворная болезнь, понеже ежели после такова свидетельство явитца или сыщется, что такая болезнь притворная, и у тех офицеров, кои в свидетельстве подпишутся,

за тое вину вычтено будет в гошпитали полугодовое их жалование, и кто себе такую болезнь притворяет и тем учинено будет жестокое наказание и вырезав ноздри сосланы будут на каторгу в военную работу, а буде такая болезнь явится над рекрутами, недорослями и прочими, которые приняты будут в службу или из бегов явятца и пойманы будут, а в полки еще отошлютца, и таких ради такого свидетельства отсылать к военной коллегии в гарнизон, где об них свидетельствовать вышеописанным образом и под таким же штрафом таким же образом свидетельствовать и обер офицерам и штатным офицерам, ежели над кем такая болезнь случитца».

Следует отметить, что принципы освидетельствования больных эпилепсией, прописанные в указе, стали основой современных методов экспертизы психических больных.

Не углубляясь в клиническую симптоматику, Петр в качестве основного приоритета определил мобилизацию общественного внимания при уточнении диагноза психического заболевания.

И вообще, в отечественной психиатрии он, как, впрочем, почти везде, совершил подлинный переворот.

Дело в том, что до основания Главного военного госпиталя душевнобольные отсылались в монастыри, где и находились на дальнейшем попечении.

Но вот в 1723 году появляется императорский указ, помеченный «Сентября 23-го дня» (4 октября по н.ст.):

«Его Императорское Величество, будучи в саду Ея Величества Всемилоостивейшей Великой Государыни Всероссийской Императрицы Екатерины Алексеевны Сентября 5-го дня, разсуждая о сумасбродных и под видом изумлении бываемых, каковыи на пред аки бы для исцеления и въумления посылавались в монастыри, таковых отныне в монастырь посылать отрек».

Отныне душевнобольным была дарована государственная медицинская помощь. Указ Петра Великого положил начало общей и военной психиатрии в нашей стране.

В дальнейшем изменялись организационные формы психиатрической помощи, но начало этому славному делу было привнесено гением Петра.

Интерес представляет и характер взаимоотношений царя с медицинским персоналом первого в России лечебного учреждения.

Государь общался не только с Николаем Бидлоо — главным медиком Генеральной гошпитали, но и лично знал почти всех врачей, хирургов, анатомов, аптекарей, простых служителей.

Он доверял врачам, сам обращался в Госпиталь за медицинской помощью, и, несмотря на то, что в дворцовом штате состоял лейб-медик, ни о каких специальных амбулаторных или стационарных лечебных заведениях для избранных особ речь никогда не заводилась. Наоборот, петровские реформы в медицине при всем их размахе четко ориентировались на общественную пользу.

В год учреждения Главной гошпитали были открыты казенные аптеки в Петербурге, Казани, Глухове, Риге и Ревеле.

В 1712 году устроены инвалидный госпиталь для престарелых воинов (сегодня подобного учреждения нет) и богадельни для бедных в Москве, Петербурге, Киеве, Екатеринбурге, Ревеле и Риге, на их содержание ежегодно ассигновывались значительные денежные суммы.

В 1714 году завели в Петербурге Ботанический сад. В 1715 году приняли раненых и больных новые госпитали в Петербурге: Сухопутный и Морской на Выборгской стороне.

При этих госпиталях, подобно тому, как в Москве, распахнули двери хирургические училища, в которых на казенный счет стали обучать медицине одаренных русских молодых людей.

Для облегчения в изучении медицины Петр приказал переводить и печатать лучшие медицинские сочинения, изданные за границей. Внедрялась более эффективная система управления здравоохранением.

В 1707 году Аптекарский приказ переименовали в Медицинскую канцелярию, которая в 1712 году была переведена в Петербург.

На содержание ее, покупку врачебных материалов и жалование врачам государство не жалело казенных денег.

В 1717 году император повелел озаботиться приисканием в России целебных минеральных источников. Открытые ранее Липецкие и Олонские железные воды получили должное устройство.

Характерно, что на Мариинских водах в Карелии, где и сегодня сохранились прекрасные условия для президентского отдыха, в петровские времена курортные факторы использовались для оздоровления получивших боевые ранения воинов.

На Руси никогда не прерывалась преемственность традиционной веры в светлое будущее. Петр Первый умел превращать это будущее в настоящее. В этом великий смысл жизни и загадка преобразователя России.

При первом взгляде на современную цивилизацию в глаза бросается ее крайняя экстравертность, ее желание познать и подчинить силы природы для удовлетворения беспрестанно растущих потребностей и запросов.

Сверхзанятость, необъятность информации, отсутствие времени стали господствующей тенденцией. И, как ни странно, роль человеческого фактора признается сегодня уже в качестве какой-то второстепенной.

Никак не обретет паритетной полноценности в сравнении с прочими приоритетными областями в сфере политики и экономики такое научное направление, как глубокое познание психологии личности в реалиях нашей действительности, раскрытие смысла индивидуальных и общественных поведенческих особенностей в связи с ощущениями гармонии и ритма жизни, красоты внутреннего существа человека, его духовного пробуждения и преобразования.

А ведь если провести исторические аналогии, то, бесспорно, придется признать, что для Петра Великого человеческий фактор всегда являлся главным. Он сам был эталоном высшей государственной нравственности и понимал свое предназначение как пламенное горение на службе народу и России.

Петр не просто знал истинную цену талантам и способностям, но и успешно направлял энергию одаренности своих сподвижников на конструктивные цели. Волю царя выполняли люди, всецело посвятившие себя своей стране, которая была для них центром жизни и средоточием стремлений.

Государь ставил перед ними цель с самого начала и разъяснял любое поручение так, что они были способны составить четкое представление о том, кем они хотят и могут стать.

Несмотря на грандиозность замыслов, эти представления были реалистичными и достоверными, то есть согласованными с естественным ходом событий и возможностями личности и потому осуществимыми.

Петр умел находить в обществе личность, представляющую подлинную «идеальную модель» потребного развития, заключавшую в себе динамическую созидательную силу.

Таким образом облегчалось достижение цели путем устранения неясностей и неопределенностей, подключения к делу великой силы патриотизма и героических образов. Усилия человека сосредоточивались, а результативное напряжение достигало уровня эффекта.

В истории неприемлем метод «если бы да кабы», но мы уверены, что при знакомстве с проблемами, изложенными в настоящей книге, Петр Великий нашел бы достойное решение.

Сегодня проблема состоит в том, что люди стремятся к техногенным уровням более высокого порядка, оставляя в стороне вопросы наведения порядка в собственном доме, то есть в собственном сознании и мышлении.

Чтобы воспринимать непривычное, с которым уже приходится чуть ли не ежедневно сталкиваться, чтобы осваивать новые, построенные с помощью иной «логики» схемы, нужно быть в достаточной мере открытыми. И нужно быть достаточно гибкими для того, чтобы вступать на новые пути жизни и деятельности.

Когда мы учимся не привязанности и самостоятельности, когда критически осмысливаем патографии великих личностей, извлекая рациональное зерно, когда конструируем принципы сознания будущего, учитывая реальности материального, виртуального и духовного, мы словно создаем тем самым мощный водоворот, привлекающий к нам свыше вдохновение и уверенность в успехе творческого созидания.

Содержание

СОЛНЦЕ РАЗУМА	3
О ПРИРОДЕ ГЕНИАЛЬНОЙ И ОДАРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ	9

Н.В.Гоголь, И.С.Тургенев, Н.Г.Чернышевский, Р.А.Шуберт, С.Джонсон, М.Штирнер, Г.Ибсен, А.С.Грибоедов, Александр Македонский, Т.Тассо, Ш.Монтескье, Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой, Г.И.Успенский, М.Ю.Лермонтов, М.Н.Загоскин, Наполеон Бонапарт, Стендаль, Н.А.Некрасов, М.Горький, Ж.Ж.Руссо, А.Н.Серов, А.С.Пушкин, В.Г.Белинский, М.Лютер, А.Стриндберг, И.Кеплер, И.В.Гете, И.А.Гончаров, А.А.Блок, Ги де Мопассан, Д.Байрон, А.Шопенгауэр, К.Н.Батюшков, Г.Флобер, Ж.Б.Мольер, В.М.Гаршин, О.Бальзак, П.И.Чайковский, Л.Н.Андреев, С.Я.Надсон, В.Г.Короленько, А.П.Чехов, К.Д.Бальмонт, Ф.Ницше, Л.Бетховен, Т.Р.Мальтус, Л.Фейербах, Н.Паганини, К.М.Станюкович, Фридрих Великий, Карл V, В.Гюго, Г.Ю.Цезарь, С.Т.Аксаков, И.С.Бах, Тацит, А.Ришелье, Ч.Дарвин, М.Буонаротти, Ч.Диккенс, Марк Твен, Ф.Гегель

ГЕНИЙ: БИОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОЗАИКА	56
Регрессивные сдвиги психоэвротической пропорции	66
Прогрессивные сдвиги психоэвротической пропорции	71
Иные варианты психоэвротических сдвигов, их причины и трансформирующее значение	75
Диссоциативные симптомы эвроактивности (творческой активности) в интеллектуальной сфере	81
Эвроактивность во сне	81
Эвроактивность в состоянии гипноза	84
Эвроактивность в состоянии транса медиумов	85
Эвроактивность при истерических припадках	87
Эвроактивность в состоянии эпилептической гипермнезии (эпилептической ауры)	91
Эвроактивность в состоянии гипермнезии, обусловленной физической или психической травмой	92
Эвроактивность в состоянии токсической гипермнезии	94
Эвроактивность в состоянии алкогольного опьянения	95
Эвроактивность в наркотическом сознании	96
Эвроактивность при лихорадочных состояниях, обусловленных инфекционными болезнями	97
Эвроактивность при органических заболеваниях нервной системы	101
Эвроактивность при паранестических переживаниях	102
Эвроактивность в состоянии переживаний иллюзии «уже виденного»	103
Эвроактивность в галлюцинаторных переживаниях	104

ДИССОЦИАТИВНЫЕ СИМПТОМЫ ТВОРЧЕСКИХ ПРИСТУПОВ СО СТОРОНЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ	110
Эвроактивность в состоянии маниакального возбуждения	110
Эвроактивность в состоянии возбуждения эпилептоподобного характера и при других нервно-психических расстройствах	112
Эвроактивность при сексуальном возбуждении	113
Эвроактивность в состоянии депрессии	114
Эвроактивность в состоянии притупления (или отсутствия) аффекта	116
Эвроактивность в сопровождении творческих синестезий	118
ДИССОЦИАТИВНЫЕ СИМПТОМЫ ТВОРЧЕСКИХ ПРИСТУПОВ СО СТОРОНЫ ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ	122
Эвроактивность в состоянии принуждения	122
Эвроактивность в состоянии волевого автоматизма	124
Эвроактивность в виде бессознательного автоматизма	126
Эвроактивность в состоянии внезапного импульса, похожего на эпилептический припадок	126
Эвроактивность в состоянии принуждения с отрицательной агрессивной реакцией	126
Эвроактивность при творческих синкинезиях (сопутствующие движения)	127
ПРОТУБЕРАНЦЫ КЛИНИКИ	132
ПАТОГРАФИИ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ	181
А.С.Пушкин	183
М.Ю.Лермонтов	221
Л.Н.Толстой	241
М.Горький	265
ГЕНИАЛЬНОСТЬ И НАУКА: КОНТАКТ МИРОВ	291
«БИЖУТЕРИЯ» ГЕНИАЛЬНОСТИ	295
К.Н. Батюшков	295
А.Д.Сахаров	299
К.Э.Циолковский	302
А.Л.Чижевский	306
«ПЯТНА» НА СОЛНЦЕ РАЗУМА	310
Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь	311
Иван Грозный	313
И.В.Сталин	325
В.И.Ленин	327
А.Гитлер	334
НАУКА ПРИБЛИЖАЕТСЯ К ГЕНИЮ: НОВОЕ ОТКРЫТИЕ В ПСИХИАТРИИ.....	359
ПРИМЕР ПЕТРА ВЕЛИКОГО	376

Аксаков	С.Т.	52
Алфиерн		123
Андреев	Л.Н.	47, 130
Аристотель		127
Асман		85
Байрон	Д.Н.Г.	36, 113, 165
Бальзак	О. де	45, 126
Бальмонт	К.Д.	50, 94
Банеккер		105
Батюшков	К. Н.	39, 295
Бах	И.С.	52
Белинский	В.Г.	30
Беллини	В.	92, 113
Беме	Я.	125
Берлиоз	Г.	89, 114
Бернс	Р.	113, 130
Бетховен	Л. Ван	51
Боссюэ	Ж.Б.	129
Бретонн		113
Бронте	Ш.	120
Буонаротти	М.	53
Вагнер	Р.	99, 118, 122
Вебер	К.М.	113, 118
Виган	Г.	104
Владыч	И.	86
Вольтер	Ш.	84, 87
Вольф	Г.	101, 110
Гайдн	Ф.И.	118
Гаррингтон	Д.	127
Гаршин	В.М.	41, 111
Геббель	К.Ф.	98
Гегель	Г.В.Ф.	53
Гейзе	Пауль	82
Гельмонт	Ван	105
Генес		86
Генрих-Бругш-Пама		82
Гете	И.В.	32, 110, 114, 119, 122
Гитлер	А.	334
Глинка	М.И.	112
Глюк	К.В.	121, 128
Гоголь	Н.В.	10, 112
Голтей	К.	99
Гольдсмит	О.	120
Гончаров	И.А.	34

Горький	М.	26, 265
Гофман	Э.Т.А.	15, 95, 105
Гретри	А.	93
Грибоедов	А.С.	15, 83
Грильпарцер	Ф.	98
Грозный	Иван	313
Гуно	Ш.	106
Гюго	В.	52, 118
Д'Орбиньи	А. Д.	120
Данте Алигьери		178
Дарвин	Ч.	53
Даргомыжский	А.С.	112, 125
Державин	Г. Р.	106
Джонсон	С.	14, 117
Дидро	Д.	53
Дизраэли	Б.	92, 179
Диккенс	Ч.	53, 105, 178
Доницетти	Г.	120, 123
Достоевский	Ф.М.	17, 169
Дэви	Г.	94
Дюма-сын	А.	129
Загоскин	М.Н.	24, 109
Золя	Э.	101, 121
Ибсен	Г.	14
Кант	И.	128
Кардано	Д.	105
Карл V		52
Карлейль	Т.	119
Квинси	Де	96
Кекуле	А.	90
Кеплер	И.	31
Колридж	С.Т.	83
Короленко	В.Г.	48
Крамской	И.Н.	106
Куайн	У. ван О.	129
Ламетри	Ж.О. де	100
Ленин	В.И.	327
Лермонтов	М.Ю.	23, 221
Лэм	Чарльз	96
Лютер	М.	30, 127
Магомед		172
Майков	А.Н.	127
Макарий		94
Македонский	А/	16

Мальборо	Д.Ч.	178
Мальтус	Т.Р.	51
Махнер	Август	86
Мерзляков	А.Ф.	119
Мобильон		93
Моклер	К.	125
Мольер	Ж.- Б.П.	41
Монтескье	Ш.Л.	16, 120
Мопассан	Ги де	35, 96, 106
Моцарт	В. А.	120, 123
Мункачи	М.	106
Мусоргский	М.П.	120, 121
Мюссе	А.	115, 120, 130, 176
Надсон	С.Я.	47, 116
Наполеон Бонапарт		24, 156
Некрасов	Н.А.	26
Нерваль	Ж.	111
Нерон Цезарь		311
Ницше	Ф.	50, 101
Ньютон	И.	109
Огарев	Н.П.	178
Паганини	Н.	52
Палестрина	Д.П. да	104
Панзиоло		128
Петр Великий		176, 376
Платэн		175
По	Э.	95, 163
Попов	Л.В.	104
Поэ		95, 128
Пуанкаре	Ж.А.	97, 127
Пушкин	А.С.	28, 84, 111, 183
Раймон	Д.	123
Рени	Г.	121
Ришелье	А.	53, 176
Росси	К.И.	109, 125
Руссо	Ж.Ж.	27
Савонарола	Д.	105, 127
Салиас	Е. А.	104
Сахаров	А.Д.	299
Серов	А.Н.	27, 125
Сиракузский	Марк	111
Скотт	В.	100, 120
Скрябин	А.Н.	88, 119

Снесцен		86
Спинелли		105
Сталин	И.В.	325
Станюкович	К.М.	52
Стендаль		25, 104
Стриндберг	А.	31, 123
Тартини	Д.	83
Тассо	Т.	16, 115, 130
Тацит		52
Твен	Марк	53
Толстой	Л.Н.	19, 241
Толстой	А.	88
Троллоп	А.	116
Тургенев	И.С.	12, 125, 130
Тютчев	Ф.И.	121
Урванцев	А.Н.	124
Успенский	Г. И.	23
Фейербах	Л.	52
Филон		92
Флобер	Г.	41, 105, 167
Фокс	Р.	129
Фридрих Великий		52
Цезарь	Г.Ю.	52, 177
Циолковский	К.Э.	302
Чайковский	П.И.	46, 119, 159
Чернышевский	Н.Г.	13
Чехов	А.П.	48, 117, 120
Чижевский	А.Л.	306
Шиллер	И. Ф.	118, 119
Шопенгауэр	А.	37, 116
Штиглиц	Г.	111
Штирнер	М.	14
Шуберт	Р.	115
Шуман	Р.А.	13, 84
Щербина	Н.Ф.	117
Эйзель- Кильбургер	К.	124
Элиот	Т.С.	119
Якоби	Б.С.	91
Якоби	Ф.Г.	126

**Г.П.Колупаев, В.М.Клюжев,
Н.Д.Лакосина, Г.П.Журавлев**

Экспедиция В Гениальность

Подписано в печать 22.02.13. Формат 21х29,7/2. Усл. Печ.л. 19,8
Верстка и корректура, дизайн обложки ООО "Цифровичок".
Гарнитуры: Times New Roman, Officina, AGOrus
Бумага офсетная 80 г/м², печать цифровая, лазерная.
Заказ №95-а/02/13. Тираж 300 экз.

Издательство ООО «Цифровичок»

117149, Москва, Азовская ул., д. 13.
+7(495) 649-83-30, +7(495) 797-75-76
www.cfr.ru ; e-mail: info@cfr.ru

УДК 008
ББК 88.45
Л 19

ISBN 978-5-91587-074-0

© Н. Д. Лакосина, 2013